

НЕВИГАДАНЕ

усні історії
остарбайтерів

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ
НАЦІОНАЛЬНОЇ АКАДЕМІЇ НАУК УКРАЇНИ
Східний інститут українознавства ім. Ковальських
Харківське обласне відділення УНФ
«Взаєморозуміння і примирення»
Харківське міське товариство жертв нацизму

НЕВИГАДАНЕ

**усні історії
остарбайтерів**

Автор-упорядник Г. Г. Грінченко

Харків
Видавничий Дім «Райдер»
2004

УДК 93.093
ББК 63.211.01
Н40

Рецензенти:

О. Є. Лисенко

доктор історичних наук, завідувач відділу історії України періоду II Світової війни
Інституту історії України НАН України

О. С. Сенявська

доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту російської історії
РАН, дійсний член Академії воєнних наук, член Союзу письменників Росії

Художник С. Е. Кулинич

Друкується за рішенням
Вченої ради Інституту історії України НАН України
(протокол № 6 від 27 травня 2004 р.)

Н40 **Невигадає.** Усні історії остарбайтерів / Авт.-упоряд., ред., вступ. ст. Г. Г. Грінченко. —
Харків: Видавничий Дім «Райдер», 2004. — 236 с.
ISBN 966-8246-05-5.

Зібрані у даному виданні усні історії присвячено трагічному досвіду перебування ко-
лишніх остарбайтерів м. Харкова на примусових роботах у нацистській Німеччині в роки
Другої світової війни.

Для науковців, викладачів, студентів, усіх, хто цікавиться минулим.

УДК 93.093
ББК 63.211.01

*Видання здійснене за фінансової підтримки
Канадського Інституту Українських Студій Альбертського університету
з Програми дослідження Східної України ім. Ковальських*

© Г. Г. Грінченко,
упорядкування, 2004
© Харківське міське
товариство жертв нацизму,
2004

ISBN 966-8246-05-5

*Усна історія повертає історію людям,
і це історія, викладена їх власними словами.*

Пол Томпсон

ЧАС ПОЧУТИ ПРАВДУ

Відповідно до чотиристоронньої Угоди між Урядами Республіки Беларусь, Російської Федерації, України і Федеративної Республіки Німеччина щодо врегулювання питань про виплату компенсаційних платежів громадянам колишнього СРСР, які в роки Другої світової війни стали жертвами нацистських переслідувань, постановою Кабінету Міністрів України № 453 від 16 червня 1993 р. було засновано Український національний Фонд «Взаєморозуміння і примирення». Харківське відділення Фонду розпочало свою роботу 1 жовтня 1994 р., і його перші зусилля було спрямовано на пошук тих, хто під час Другої світової війни був вивезений на територію Третього рейху на примусові роботи. По даним Державного архіву Харківської області, під час війни на примусові роботи було вивезено понад 200 тис. мешканців міста й області, у 1994 р. кількість колишніх примусових робітників Харкова й області складала біля 40 тис. Колосальна робота щодо інформування населення, розробки й оформлення необхідних документів здійснювалася спочатку дуже невеликим штатом працівників відділення (з 1994 по 1997 р. тут працювало лише 3 особи) за щирої підтримки Державного архіву, районних органів соціального захисту населення, громадських організацій і об'єднань. Крім того, що підготовчу роботу за до-

помогою означених організацій було проведено безпосередньо за місцем проживання претендентів і це позбавило їх від додаткових зусиль і витрат (Фонд у першу чергу намагався зменшити проблеми тим, хто очікував на виплату, бо переважна більшість цих людей — пенсіонери похилого віку, тяжкохворі й інваліди), у відомство відділення поступово перейшла й робота по розшуку архівних документів, які підтверджують факт перебування на примусових роботах і є необхідними для одержання виплати. Цей пошук не був обмежений лише Харківською областю й Україною, але здійснювався за допомогою архівних закладів Росії та інших країн колишнього СРСР, земельних архівів Німеччини і Австрії, Міжнародної служби розшуку в м. Арользен й Об'єднання архівів у м. Кьольн (ФРН) тощо.

Закінченням к 1998 р. виплат одноразової допомоги від уряду ФРН ознаменувався перший етап роботи як УНФ «Взаєморозуміння і примирення» у цілому, так і його Харківського відділення зокрема. Другий етап, не менш напружений і відповідальний, розпочався прийняттям бундестагом ФРН 12 серпня 2000 р. Закону «Про заснування Федерального фонду «Пам'ять, відповідальність і майбутнє», згідно з яким було визначено коло претендентів на отримання компенсації та її сума,

порядок оформлення документів і механізм відповідних виплат. Партнерською організацією для здійснення виплат в Україні став Український національний Фонд «Взаєморозуміння і примирення».

За десятиліття існування Харківського відділення УНФ «Взаєморозуміння і примирення» підготовлено більше 40 тис. відповідних документів, виплату одержали близько 45 тис. жертв нацистських переслідувань. Крім основної роботи, Харківське відділення фонду здійснює ряд гуманітарних акцій. Це, зокрема, поїздки колишніх примусових робітників на місця, де пройшли роки їх поневолення, матеріальна допомога поза межами діяльності німецького фонду, придбання за рахунок коштів німецьких міст або громадських формувань медичного обладнання. Систематично Харківським відділенням проводяться зустрічі з представниками громадських організацій — в'язнів концтаборів, колишніх остарбайтерів, в'язнів дитячого будинку «Сокольники». У даний час у зв'язку із зверненням Австрійського Фонду «Примирення, миру й співробітництва» нами проводиться велика робота з розшуку колишніх примусових робітників і в'язнів концтабору «Маутхаузен».

Велику й неоціненну допомогу працівникам відділення надають його позаштатні співробітники — Зінаїда Іванівна Коваленко, Олександра Миколаївна Галкіна, Василь Степанович Чернобаєв. Словами щирої вдячності за самовіддану працю, чуйне ставлення до кожного, хто звертався за допомогою, ми згадуємо Августину Миколаївну Воложаніну, яка вже пішла з життя, але назавжди залишилася в нашій па-

м'яті. Історія цієї жінки, яка протягом майже всього життя разом із своїм чоловіком, радянським офіцером, змушена була приховувати своє «неблагонадійне» минуле, є одним з найяскравіших прикладів складної долі колишніх примусових робітників, людей, що двічі потрапили під прес заідеологізованого й байдужого до людського горя тоталітаризму. Доля була нещадна до них: за інформацією УНФ, сьогодні 97 % з жертв нацизму — непрацюючі пенсіонери, 92 % — віком за 70 років і старше, 30 % — інваліди, 80 % — страждають невилікованими важкими хворобами... Смертність серед них у 2–3 рази вища, ніж в аналогічних вікових групах населення, з кожних 5 відправлених у неволю сьогодні живим залишився лише один, половина із кожних 10 жертв нацизму назавжди залишилися самотніми, кожна третя жінка ніколи не пізнала щастя материнства...

Але гіркий досвід цих людей більше не може замовчуватися! Для запобігання в майбутньому можливості відродження старої й формування нової загрози миру і демократії ми повинні знати й поважати долю кожної людини, яка пережила найжахливішу подію минулого століття — Другу світову війну й зазнала жорсткого нацистського переслідування як на окупованих територіях, так і у фашистській неволі. Разом із кафедрою українознавства філософського факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна за підтримки відділу історії України періоду Другої світової війни Інституту історії України НАН України й керівництва Українського національ-

ного Фонду «Взаєморозуміння і примирення» на чолі з Головою Правління Фонду Ігорем Миколайовичем Лушниковим у 2003 р. нами розпочато роботу по організації й запису свідчень колишніх примусових працівників м. Харкова. Ця плідна спів-

праця отримала своє логічне завершення у вигляді даної збірки «Невигадане. Усні історії оstarбайтерів» — унікальної й першої в Україні публікації, що відкрила найнедослідженішу й довгі роки замовчувану сторінку з історії України воєнної доби.

Начальник
Харківського обласного відділення
Українського національного Фонду
«Взаєморозуміння і примирення»

І. З. Дімітрова

2004 р., травень

ДОВГИЙ ШЛЯХ ДОДОМУ...

Майже 60 років тому закінчилася Велика Вітчизняна війна... Вона відходить усе далі від нас, залишаючись на сторінках підручників та в книжках спогадів, у воєнній хроніці та кінофільмах, у полум'яних віршах і героїчних піснях. Невдовзі ми будемо відзначати річницю Перемоги, і буде море квітів, і щирі вітання, і слова подяки сивим ветеранам; і буде хвилина мовчання і вшанування пам'яті загиблих; і буде урочистий парад і святкові салюти на честь цього великого дня. Час плине і безжально забирає тих, хто бачив усе на власні очі, хто був учасником тих страшних і великих подій, кому пощастило вижити. Але є серед цих людей ті, хто десятиріччями не мав змоги розповісти про побачене і пережите. У них немає орденів і медалей, їх рідко коли щиро вітали із Святом Перемоги, на них дивилися скоса, намагаючись не розпитувати про минуле, а їм і досі сняться жахи: тісні вагони, чужа країна, свавільні господарі. Так, це люди, яких під час Великої Вітчизняної війни силоміць вивозили на примусову працю до Німеччини.

Долі цих людей дуже різні, але й жахливо однакові. Фашисти вивозили дітей, підлітків, молодь, і щасливі для кожної людини молоді роки перетворювалися на пекло. У пам'яті остарбайтерів навіки закарбувалися спогади про голод, холод, важкі поневір'яння та відчуття непевності. Що буде далі? Чи

зможуть вони повернутися додому? Люди зазнавали тяжкої наруги в чужій країні, їх принижували, з них знущалися, їх знищували тяжкою працею та диким, нелюдським ставленням. Вони стали рабами, опинилися в таких умовах, коли для оточуючих їхнє життя втратило вартість.

Але вони жили, жили і знаходили в собі сили вірити у звільнення, у повернення. Звільнення прийшло, але разом з ним і несправедливе, болісне тавро — «фашистський наймит». Батьківщина не раділа поверненню своїх визволених дітей, вона зустрічала їх з острахом та підозрою. Доля не посміхалася колишнім рабам і вдома, вона вела їх через допити КДБ, через радянські тюрми й табори. Витримавши роки фашистської неволі, радіючи перемозі, дочекавшись визволення, вони дуже часто безслідно зникали на безкраїх просторах своєї вітчизни. Те, що допомогло їм вижити в чужій країні, рятувало їх тепер на рідній землі. Мовчання і терпіння. Так, єдиним способом не накликати на себе біду було мовчання. І вони мовчали... Морально травмовані, розчаровані, самотні, переповнені гіркими спогадами люди навіть близьким намагалися не розповідати про те, що довелося побачити й пережити. Але спогади шматували серце, і гірка образа за несправедливі звинувачення

і підозру та вічний страх перед будь-якими спогадами назавжди оселилися в душі.

28 грудня 1998 року в Харкові було створене Товариство жертв нацизму, мета якого — об'єднати цих людей, допомогти їм у вирішенні соціальних і правових проблем, зняти психологічну ізоляцію. У 2000 році Україна прийняла «Закон про жертви нацистських переслідувань», відповідно до якого жертв нацистських переслідувань прирівняли до учасників Великої Вітчизняної війни. Рідна країна й міжнародна спільнота визнали цих людей, але залишилися відкриті рани в душі, залишилися білі плями в історії. І розповісти світові правду, заповнити пропущену сторінку історії можуть тільки колишні оstarбайтери.

На сьогодні це люди похилого віку, хворі, інколи немічні, які потребують матеріальної і моральної підтримки. Вони дочекалися часів, коли можуть відкрито розповісти про свій біль, про своє горе. І знову ллються сльози... І не тільки сльози старих знедолених людей, але й сльози слухачів, бо не можна стримано й спокійно слухати про біль, який ятрив душу десятиріччями,

про страждання і про те, що довелося витерпіти і пережити цим людям.

Їхнє життя — це справжній подвиг. Більшість із них не тільки вижили, вистояли в нелюдських умовах, але й зуміли зберегти незаплямованою совість, чистою свою душу, яка краялася на шматки від горя, зуміли залишитися людьми.

Колишні оstarбайтери, жертви нацистських переслідувань — це жива історія, яку необхідно донести до людей. Невблаганний час летить швидко, і з кожним роком цих свідків жакливої сторінки історії стає все менше, тому дослідникам треба поспішати. Треба заповнити білу пляму в історії Великої Вітчизняної війни, треба розповісти правду, яка стане пересторогою людству, щоб подібне страхіття ніколи не повторилось.

Ця книга є першим подібним виданням у Харкові. Колишні оstarбайтери подають історію такою, якою вона була, нічого не прикрашаючи і зайвий раз не жахаючи читачів. Вустами жертв нацизму розкривається правда, бо, лише ознайомившись з реальними фактами, можна зробити правильні висновки.

Голова Харківського
міського товариства жертв нацизму
Л. І. Борисенко

2004 р., травень

УСНА ІСТОРІЯ — ТЕОРІЯ, МЕТОД, ДЖЕРЕЛО

Актуалізація використання терміна «пам'ять», ускладнення семантичного поля цього поняття й формування дискурсу пам'яті, коли із категорії індивідуальної пам'ять перемістилась в категорію структури — соціальної, колективної, суспільної і т. ін., перетворилася в пам'ять «з великої літери», набір соціальних практик й артефактів, є характерною рисою сучасного соціально-гуманітарного знання. Виникненню й загостренню дискусії навколо дискурсу пам'яті в рамках історичної науки, розгляданню пам'яті як категорії історичного пізнання й усної історії як методу її дослідження передувало усвідомлення необхідності знайдення адекватної відповіді на інтелектуальні виклики епохи постмодернізму, насамперед лінгвістичного, коли попередні «класичні» моделі історичного пояснення й відповідний методологічний інструментарій виявилися недостатніми, що у свою чергу й зумовило формування нового методологічного синтезу (майже нової наукової парадигми) як найважливішої умови досягнення такого знання, що відповідає сучасній епістемологічній ситуації.

Такі поняття як звичай, запам'ятовування, комеморація, створення образів, репрезентація й традиція, що до цього розглядалися окремо в різних

дисциплінах, в останнє десятиріччя стали предметом міждисциплінарного дискурсу¹, а використання таких концептів, як колективна, культурна, історична пам'ять, комунікативна традиція, суб'єктивна реальність на ін. поряд із визначенням «непрозорості» соціальної реальності, яка не має прямого й безпосереднього відображення в джерелах, по-новому структурували і об'єкт, і дискурсивний ряд історичного дослідження.

Перша систематична концепція колективної пам'яті була викладена в працях французького соціолога Моріса Хальбвакса² задовго до того, як ця тема зацікавила істориків. Науковець-еклектик, учень Е. Дюркгайма, професор Страсбурзького університету, який трагічно загинув у Бухенвальді в березні 1945 р., він звертається до проблеми пам'яті в період між двома світовими війнами, висунувши, за словами Патріка Хаттона, «надзвичайно оригінальний аргумент» про соціальний контекст колективної пам'яті і повну залежність індивідуальної пам'яті від пам'яті колективної. Його ідея полягає в тому, що індивідуальні образи минулого, особисті спогади та суб'єктивні ремінісценції обумовлені їхнім розміщенням у концептуальних структурах, визначених певною спілкою, і мають свій соціальний вимір, оскільки

вплетені в розуміння минулого, набу- те цією спількою. Взагалі вся «теорія пам'яті» була відведена Хальббаксом колективній пам'яті, для нього пам'ять завжди і всюди соціально обумовле- на й маркована, він відхиляє індиві- дуальність навіть на рівні сприйняття й формування образів пам'яті — про- цес запам'ятовування, починаючи з обрання об'єкта й технології сприй- няття, суто соціальний, і навіть, якщо й належить індивіду, то тільки декла- ративно, номінально, опосередковано, через його (індивіду) приналежність до соціуму.

Складний процес взаємодії спогаду й повторення як основа функціонуван- ня пам'яті, на думку Хальббакса, при- водить до виникнення узагальнених ідеальних образів і на їхній основі кон- цептуальних схем або «соціальних меж» — тих *cadres sociaux*, що автор виніс у назву своєї книги, — у яких ви- мушені розміщуватись індивідуальні спогади. Кожна соціальна група ство- рює пам'ять про своє минуле, що у свою чергу формує й відображає іден- тичність даної групи відносно інших груп. Колективна пам'ять простягаєть- ся далеко за межі автобіографічної (індивідуальної) пам'яті й забезпечує трансляцію знань про минуле від од- ного покоління до іншого, а її здатність зберігатися в часі залежить від впли- ву групи в суспільстві. У випадку за- лишення старою елітою (або іншою домінуючою спількою) історичної сце- ни, образи минулого можуть бути за- мінені новими образами, що належать новій соціальній групі, яка досягла влади, і саме ця «непередбачливість» минулого дала згодом історикам-пост- модерністам можливість розглядати історичну пам'ять як функцію влади,

що визначає, як треба подавати ми- нуле, а проблему історії як проблему «політики комеморації», тобто... іден- тифікації й описання тих подій, ідей та особистостей колишнього часу, які обираються посередниками влади для зберігання в пам'яті»³.

Наступна ідея Хальббакса, яка ста- ла імпульсом для подальших дослі- джень також переважно в межах постмодерністської історіографії, поля- гає в обґрунтуванні «граничної опо- зиції» між пам'яттю та історією. Історія починається там, де закінчується па- м'ять, вона має справу з минулим, очи- щеним від «живої» пам'яті, являючи собою об'єктивне, не піддане соціаль- ним впливам наукове знання, що бу- дується на документальних свідоцтвах. «Пам'ять має справу зі звичайними подіями, які відбуваються завжди. Історія пов'язує себе з визначними под- іями, які трапляються раз і назавжди. Образи, відновлені пам'яттю, мінливі й невловимі, тим часом як історичні дані надійні й достовірні»⁴.

Повертаючись до проблеми комемо- рації в теоретичних побудовах Хальб- бакса, зупинемося ще на одному положенні, яке стало відправною точ- кою наступних історичних досліджень колективної пам'яті, а саме — зусилля суспільства знайти форму своєму дос- віду, уявленню та ідеям набувають форми різноманітних репрезентацій, зафіксованих в іконографії та дискурсі,

* Під поняттям комеморації прийнято розу- міти сукупність культурних форм, що сприя- ють підтримуванию пам'яті про події/особи/ідеї; під стратегією комеморації — процес підтриму- вання пам'яті в часі, а під комеморативними реш- тками — матеріальні об'єкти, в яких зафіксована пам'ять.

	Комунікативна пам'ять	Культурна пам'ять
Зміст	Історичний досвід у межах індивідуальних біографій	Міфічна первісна історія, події абсолютного минулого
Форми	Неформальна, слабо оформлена, природна, виникає в інтеракції, пов'язана з повсякденністю	Заснована, високий рівень оформлювання, церемоніальна комунікація, свято
Засоби інформації	Живі спогади в органічній пам'яті, досвіді та поголосці	Міцні об'єктивації, традиційне символічне кодування/інсценування в слові, образі, танці та ін.
Структура часу	80–100 років, пов'язана з горизонтом сучасності 3–4 поколінь	Абсолютне минуле міфічного початкового часу
Носії	Неспецифічні, свідки з-поміж членів спілки, згуртованої спільними спогадами	Специфічні носії традиції

тобто в комеморативних формах, характерних для даного суспільства. Відкидаючи при цьому можливість опису почуттів, думок і намірів людей, Хальббакс, однак, вважав можливим дослідження історії змін окремих образів минулого, у яких колись жила колективна пам'ять.

Ідеї М. Хальббакса знайшли своє втілення як у практичних дослідженнях, так і в сучасних теоретичних шуканнях, присвячених концепту пам'яті. Серед останніх треба згадати відомого німецького єгиптолога професора Я. Ассмана⁵, чия теорія «культурної пам'яті»⁶ базується на її соціальній обумовленості, що

⁵ Теорія «культурної пам'яті» Я. Ассмана викладена і застосована на практиці в дослідженні І. В. Нарського «Життя в катастрофі: Будні населення Уралу в 1917–1922 рр.» (див. виноску 6), а також детально проаналізована в доповіді Б. І. Ровного «Інструменти дослідження колективної пам'яті: можливості й спокуси» на конференції «XX століття й культурна пам'ять», Челябінськ, 31 січня–1 лютого 2004 р., збірник матеріалів конференції «Вік пам'яті, пам'ять віку. Досвід поведінки з минулим у XX столітті» готується до друку.

було запропоновано М. Хальббаксом. «Поняття «культурна пам'ять» торкається зовнішнього виміру людської пам'яті. Пам'ять сприймається, перш за все, як суто внутрішній феномен, локалізований в мозку індивіда, як тема психології мозку, нейрології та психології, а не історичних наук про культуру. Але те, що сприймає пам'ять змістовно, як вона організує цей зміст, як довго вона в змозі утримати його, є більшою мірою питанням не внутрішньої потужності й регулювання, а зовнішніх, тобто суспільних і культурних умов»⁶.

У Ассмана культурна пам'ять є частиною пам'яті колективної, другою складовою якої є пам'ять комунікативна. Під комунікативною пам'яттю автор розуміє спогади сучасників подій, орієнтовані на нещодавнє минуле, що транслюються в межах 3–4 поколінь і підсилюються практикою щоденного спілкування; культурна пам'ять орієнтована, на думку Ассмана, на визначне для спілки минуле у вигляді образів і традицій, які ретельно добираються, кодуються і підтримуються церемонією, святом, ритуалом (див. таблицю).⁷

Критика моделі колективної пам'яті Я. Ассмана зосереджена навколо протиставлення ним ознак і стратегій комунікативної й культурної пам'яті, але само виділення та опис комунікативної пам'яті приводить до розуміння механізмів формування дискурсивних стратегій окремих колективів і груп*, зокрема, груп із схожим досвідом колективного страждання або переслідування, у нашому випадку — колишніх оstarбайтерів Третього рейха, чий досвід і пам'ять, на відміну, наприклад, від пам'яті про блокаду Ленінграду, ніколи не були складовою частиною офіційної пам'яті радянського суспільства про Велику Вітчизняну війну, а страх, що сформувався в післявоєнні роки у відтвореннях минулого досвіду, і усвідомлення невизнання цього досвіду офіційною ідеологією і пропагандою призвели до його «придушення» в пам'яті, до «свідомого забування» багатьох епізодів при збереженні розпливчастого й «загального тла» прожитих років.

Повертаючись до концепції колективної пам'яті, запропонованої М. Хальбваксом, необхідно зазначити, що блискучою практичною реалізацією його теорії став широковідомий проект П'єра Нора «Простори пам'яті»⁸ — історія колективної пам'яті Франції, розкрито через її образні репрезентації. Розглядаючи образи французької республіки XIX ст., образи французької нації XVIII та XVII ст. й образи народної культури середньовічної Франції, Нора розрізняє республіку, націю і Францію

як категорії пам'яті, показуючи, як у межах кожної з них сприймалася національна ідентичність. Ці три репрезентації і складають, на думку автора, історичну ідентичність Франції в сучасну епоху, коли історики «більше не прославляють націю — вони вивчають її славу».

Згідно з його теорією, колективна пам'ять концентрується й репрезентується в так званих «місцях пам'яті», які не є суто географічними пунктами, а визначаються як своєрідні точки зіткнення, у яких формується й комероризується пам'ять суспільства. Головна функція цих «місць» (чи просторів) — збереження групової пам'яті, ними можуть бути люди, події, споруди, традиції, пісні або ландшафтні одиниці, що оточені символічною аурою. Ці місця мають, перш за все, суто символічне значення, і це значення може змінюватися завдяки незчисленним індивідуальним чи груповим стратегіям. Варто підкреслити наступну ідею автора — створення й усвідомлення індивідами «місця пам'яті» є одним із головних чинників формування групової ідентичності; а вивчаючи зміну «місць пам'яті», можна отримати уявлення про зміну історичної самосвідомості й колективної ідентичності певної соціальної групи. Ці зміни можуть відбуватися, наприклад, шляхом забуття й витискування певного «місця» із пам'яті, чи навпаки — шляхом реанімації забутого символу, ідеї, події. Для нашого дослідження принциповим стає третій вид можливих змін *lieux de memoire* — коли їхнє значення змінюється протягом часу, коли ці місця, залишаючись збереженими в людській свідомості, набувають зовсім іншого змістового навантаження.

* Коли окремий, одвічно індивідуальний спогад згодом конструюється через інституціоналізований процес організації таким чином, що стає згодом колективним.

У цілому після першого система-тичного обґрунтування концепції колективної пам'яті М. Хальбваксом, усі наступні дослідження цього феномена так чи інакше продовжують, розвивають чи критикують основні положення його теорії, перш за все — взаємозв'язок індивіда й суспільства в «просторі пам'яті», розгляд пам'яті як знаряддя влади, відношення між пам'яттю й історією. Так, наприклад, відповідно до теорії народної пам'яті, розробленої Центром досліджень сучасної культури університету міста Бірмінгем⁹, надання змісту минулому (його «виробництво» у буквальному перекладі) відбувається через суспільні (народні) репрезентації й індивідуальну пам'ять, при цьому на рівні спілки репрезентації опосередковують офіційно-інституціоналізовану «домінантну» пам'ять, а пам'ять «повсякденного рівня» — так звані «особисті культурні форми»: листи, щоденники, альбоми фотографій та колекції якихось речей, з якими асоціюється минуле. Дослідження народної пам'яті, на думку співробітників Центру, має включати в себе вивчення двох видів взаємозв'язків — між пам'яттю-домінантою (враховуючи академічну науку) й неофіційною пам'яттю-опозицією соціуму (усуненої правлячої еліти, наприклад), з одного боку, і сучасним суспільним дискурсом та «індивідуальним почуттям минулого», що генерується повсякденною культурою, з іншого. Одне з центральних місць у цій теорії займають «незручні», «замовчувані», «неофіційні спогади індивідуального рівня». На думку авторів теорії народної пам'яті, людина складає, створює свої спогади для того, щоб надати сенсу своєму минулому й теперішньому життю. Цей процес пролон-

гований, заснований на постійній взаємодії й взаємовпливі досвіду і його осмислення, особистої й колективної пам'яті. Ми створюємо наші спогади таким чином, щоб вони давали нам можливість почувати себе комфортно і зберігали внутрішній спокій і самовладання. Створення таких «безпечних» спогадів, з одного боку, процес індивідуальний, з іншого — суспільний і публічний, бо спогади створюються таким чином, щоб вони відповідали прийнятним для суспільства образам і поняттям. У протилежному разі людина знаходить притулок у вузькому колі людей із схожим життєвим досвідом — у соціально чи політично маргінальній аудиторії. Це положення прекрасно ілюструє дослідження відомого фахівця з усної історії, співредактора британського спеціалізованого журналу «Усна історія» Алістера Томсона, присвячене пам'яті про австралійців, які брали участь у Першій світовій війні у складі Австралійського й Новозеландського армійського корпусу (АНЗАК), і тій боротьбі за пам'ять, яка розгорнулася в суспільстві навколо так званої «легенди про АНЗАК»¹⁰ — офіційної версії історії і героїки корпусу, з якої були виключені ті, чий особисті спогади суперечили глянсовим малюнкам штампованих образів пам'ятних торжеств і ритуалів, а необхідність відповідати образу солдата-ветерана АНЗАКу, створеному в суспільній свідомості, породила перероблення особистих спогадів та їх пристосування до визначеного стандарту.

Забігаючи наперед і випереджаючи наші висновки стосовно специфіки усних історій колишніх остарбайтерів, що склали цю книгу, відзначимо, що для нас положення про створення безпеч-

них спогадів є важливим тому, що усні історії остарбайтерів являють собою комплекс спогадів «проміжного роду». Вони ще не позбавилися замкненості й маргінальності минулих років, тієї «заборони на пам'ять», яку наклала на них офіційна ідеологія радянської доби, але в той же час вони поступово стають прийнятними для суспільства, знаходячи свою нішу в межах пострадянського історичного дискурсу. І якщо ми характеризуємо особливості усних історій остарбайтерів, то саме це положення є основною детермінантою їхньої специфіки.

Спектр сучасних досліджень феномена пам'яті надзвичайно широкий — від вивчення мовних практик, конституюючих і регулюючих соціальну дійсність, і дискурсивного методу аналізу історичних джерел, який на цьому базується, до дослідження практик поведінкових і тілесних, так званої «мнемоніки тіла»¹¹; від обґрунтування заперечення існування в культурі нового часу «живої» і «справжньої» пам'яті, на зміну якій прийшов «тероризм пам'яті історизованої» (П. Нора)¹², до розгляду історії і пам'яті як форм відображення історичної культури, історії як мистецтва пам'яті (П. Хаттон)¹³, та визнання академічної історії «колективною пам'яттю у вік науки» (Л. Нітхаммер)¹⁴.

Але всі ці зміни й реінтерпретації, процеси конструювання нових символів і значень, механізми переоцінки цінностей і вплив соціальних і політичних стереотипів на індивідуальні зразки сприйняття, стратегії комунікування пам'яті в повсякденному житті дає нам можливість проаналізувати **усна історія**, головним предметом якої є суб'єктивний досвід окремої людини.

Інституціоналізація усної історії як окремого методу історичних досліджень відбулася в країнах Америки й Західної Європи в 60–70-ті рр. минулого століття¹⁵, і її успіх у науковому світі не підлягає сумніву. Десятиліття існують Міжнародна асоціація усної історії, Асоціація усної історії США, Товариство усної історії Великої Британії й багато інших*, кожна з цих інституцій має власне видання¹⁶.

Особливостям усної історії та її епістемологічним проблемам присвячені сотні статей і десятки спеціальних монографій, огляд яких уже не раз ставав темою окремого дослідження¹⁷. У них порушуються питання вірогідності й суб'єктивності, креативного характеру інтерв'ю як історичного джерела, співвідношення офіційної історії й колективного vs індивідуального переживання цієї історії, обумовленості особистих спогадів приналежністю до тієї чи іншої соціальної групи і пов'язаних з цим особливостей саморепрезентацій, міждисциплінарного характеру усної історії та її місця в «історіописанні» у цілому.

Стисло й лаконічно сформулював завдання усної історії Пол Томпсон: «повернути людям, які робили й переживали історію, центральне місце в ній, даючи їм можливість заговорити на повен голос»¹⁸. Усна історія, яка в середовищі позитивістських історичних категорій спочатку стояла окремо, вперше запропонувала комплексне вивчення того, що, говорячи мовою З. Фрейда, придушувалося й витискувалося традиційною історіографією, —

* В Інтернеті назви й адреси національних асоціацій усної історії див. на сайті Міжнародної асоціації усної історії.

проблеми суб'єктивного спогаду, особистого осмислення пережитого й відповідальності індивіда за його «місце в історії», примушуючи історика «з височини історичних теорій... опуститися на землю — до незграбно індивідуальних людських життів, що лежать в їхній основі»¹⁹.

Усні історії, за влучним зауваженням Алессандро Портеллі, нерідко приписують ті претензії, яких не було й немає: «щоб потім нікому не важко було б спростувати ці претензії»²⁰. Відбувається це найчастіше через некоректне ототожнення усної історії як методу з предметом історичного дослідження в цілому, а сам термін «усна історія» тільки ускладнює цю ситуацію, бо «...передбачає хибну аналогію з відокремленими вже галузями історичної науки — історією економіки, сільського господарства, медицини, права та ін. Але усна історія не може бути повноправним «розділом» у межах історичної науки — це методика, яку можна використовувати в будь-якій її галузі. У самому терміні закладений і навіть передбачається елемент відбруньковування, тоді як насправді кожному, хто хоч скільки-небудь займався польовими усно-історичними дослідженнями, очевидно, що пошуки усних джерел — це діяльність, що вказує на взаємозв'язок усіх галузей історичної науки, а не на відмінності між ними»²¹.

За нашим глибоким переконанням, головна особливість усної історії полягає в тому, що вона не стільки переставляє акценти, скільки інвертує перспективу — те, що знаходилося на периферії традиційного історичного дослідження, стає його головним питанням, і «риторична драма» усного

свідчення, покликана раніше лише для того, щоб виправдати або проілюструвати непорушність істини, що довірена паперу (*чит.* — «офіційному» документу), перетворюється на самостійне історичне джерело, надаючи внаслідок цього можливість повернути право тим, хто прожив життя в історії, брати участь у її дослідженні й оцінюванні.

Усна історія постає тим крихким містком, який поєднує фізичну реальність того, що відбулося, з нашими сьогоднішніми емоціями, тут концентрується той значущий для людини досвід минулого, який заново переживається у теперішньому, передаючи й інтерв'юваному, й інтерв'юєру почуття, з одного боку, єдності минулого й теперішнього, з іншого — їхніх відмінностей, і саме активний спогад усного інтерв'ю є засобом усвідомлення цієї єдності й відмінності.

Усна історія також дозволяє подолати традиційний скепсис професійного історика до «обивательських балачок» і породити чуйність і критичний інтерес до спогадів «непрофесіоналів», а відповідно — і певну стриманість у наступних інтерпретаціях тієї чи іншої події, явища або процесу. За образним зауваженням Пола Томпсона, «якщо вивчення пам'яті навчає нас, що всі історичні джерела з самого початку пройняті суб'єктивністю, жива присутність цих живих голосів із минулого також стримує нас у наших власних тлумаченнях, дозволяє, навіть зобов'язує нас перевіряти їх думками тих, хто завжди, у найголовнішому, знає більше нас... Ми не можемо зробити висновок, що батьки не відчували сильних страждань, коли помирали їхні діти, з тієї причини, що дитяча смертність була звичним явищем, не спитавши про це самих

батьків»²². Вплив усних джерел на окремі галузі історичних досліджень, їхнє комплексне застосування поряд із традиційними документальними матеріалами і, як наслідок, їхній вплив на сам спосіб написання й вивчення історії П. Томпсон аналізує в окремому розділі «Голосу минулого» — «Досягнення усної історії»²³. На сьогоднішній день ця робота відомого британського вченого, визнаного фахівця в галузі усної історії, редактора-засновника журналу «Усна історія» й директора Національної колекції життєвих історій у національному архіві звукозаписів Великої Британії, тричі перевидана, у 2003 р. перекладена російською мовою й надрукована в московському видавництві «Весь мир», є кращим систематичним дослідженням теоретичних аспектів і методичних підходів, історіографічного аналізу й практичних рекомендацій з проведення усно-історичних досліджень.

Деякі рази перевидавався й збірник найвідоміших усно-історичних розвідок «Oral History Reader» — «Хрестоматія з усної історії» за редакцією керівника усно-історичного відділу Британського національного архіву звукозаписів Роберта Перкса й вищезгаданого Алістера Томсона²⁴. Статті згруповані тематично й являють собою критичні дослідження методу усної історії, практичні рекомендації й аналіз проведених інтерв'ю, роздуми про інтерпретативний потенціал і можливості, способи використання усних свідочств при написанні історичних досліджень. Деякі з робіт, що були подані в «Oral History Reader», увійшли до першої на пострадянському просторі хрестоматії з усної історії, виданої Європейським університетом в Санкт-Петербурзі²⁵, до якої зібрані дослі-

дження провідних фахівців у галузі усної історії — Алессандро Портеллі, Пола Томпсона, Алістера Томсона, Тамари Харевен, Луїзи Пассеріні та ін. Не ставлячи перед собою завдання історіографічного аналізу, зазначимо, що справжньою подією у вітчизняній усній історії став вихід першого в Україні збірника «Усна жіноча історія. Повернення»²⁶, де представлено усні історії жінок з різних регіонів України, вікової категорії 70–90 років, які пережили кризові суспільно-політичні ситуації в радянський і перехідний періоди. Матеріал, зібраний співробітниками жіночого центру «Спадщина», дає уявлення про унікальний особистий досвід, про різноманітні позиції й моделі поведінки жінок, про формування ідентичності в контексті тоталітарного минулого, про роль жінок в історичному процесі, про їхній значний внесок у становлення державності України, підтверджуючи, на думку укладачів, те, що жінка завжди була суб'єктом історії.

При всій різноманітності тематики усно-історичних розвідок одне з центральних місць належить використанню даного методу в дослідженнях, присвячених історії війн і збройних конфліктів, де поряд зі зміною тематики внаслідок розширення кола явищ, що вивчаються, стало можливим співставлення офіційної історії з історіями особистих трагедій, переживань і відчуттів не тільки солдатів і офіцерів — безпосередніх учасників бойових дій, але й їхніх дружин, дітей, матерів і подруг. Хрестоматійними вже стали відомі дослідження Л. Пассеріні²⁷ та А. Портеллі²⁸, А. Томсона²⁹ та Р. Фрейзера³⁰, Л. Нітхаммера та А. фон Плато³¹.

Величезний внесок у вивчення історії і психології війн і збройних конфліктів,

з використанням серед інших методу усно-історичного інтерв'ювання, зробили дослідження провідного наукового співробітника Інституту російської історії РАН, дійсного члена Академії воєнних наук, доктора історичних наук Олени Сенявської³². Окрім того, що усні свідчення повсюдно цитуються в роботах авторки, у додатках до монографії «Людина на війні» вміщено опис авторської методики й розроблених «Питань для інтерв'ю з учасниками збройних конфліктів ХХ століття»³³, а в додатку до книги «Психологія війни», крім авторського питальника, — також зразки анкет і питальників для глибокого інтерв'ю, які застосовувалися в ХХ ст. військовими психологами, соціологами й медиками, починаючи з російсько-японської війни і закінчуючи Афганським конфліктом³⁴.

У відповідності до запропонованого Оленою Сенявською методу передбачається, щоб глибокому інтерв'ю передувало анкетне опитування: подібне «багаторівневе» дослідження дозволяє отримати значний масив відповідей на формалізовані запитання протягом анкетування, а потім — розгорнуте пророблення найважливіших проблем у процесі глибокого інтерв'ю. Окрім того, респонденти заздалегідь готуються до «занурення в минуле», а дослідник отримує можливість співставлення й уточнення інформації, зібраної на різних етапах дослідження. Усно-історичне інтерв'ю відбувається у вільній формі за складеним питальником, але з повним правом для респондентів відповідати лише на ті запитання, на які вони визнають можливим. Особливістю проробленого питальника є наявність кількох блоків взаємопов'язаних запитань, які орієнтують респондента на вільні й роз-

горнуті спогади в тому порядку, який він вважає необхідним. Внаслідок дослідник отримує можливість аналізувати індивідуально пережиті й осмислені відомості по колу питань, що належать не тільки до об'єктивних анкетних даних про самого респондента, але й до обставин його участі в бойових діях, особливостей фронтового життя й побуту, до широкого спектра ціннісних характеристик респондента. При цьому цікаві не тільки відновлені в пам'яті події воєнного часу, думки й почуття, що виникали в той період, але й проблеми, пов'язані з виходом респондентів із війни, її вплив на їхню долю й особистість, враховуючи світогляд, ретроспективне ставлення до того, що відбувалося з ними в роки війни.

Закінчується реалізація проекту «Блокада Ленінграда в індивідуальній і колективній пам'яті мешканців міста», що здійснювався Центром усної історії Європейського університету в Санкт-Петербурзі, у роботі якого брали участь викладачі, аспіранти, випускники й співробітники університету. У межах даного проекту протягом декількох років проходив збір усних спогадів осіб, які пережили блокаду Ленінграда: тих, хто пережив ці роки, будучи достатньо дорослим, і тих, хто пам'ятає блокаду не стільки за особистим досвідом, скільки за оповіданнями старших, тих, хто пробув у Ленінграді всю блокаду або з різних причин і в різний час був евакуйований з міста. Особливістю методу цієї дослідницької групи стало використання біографічних напівструктурованих інтерв'ю, що не обмежували оповідання блокадника хронологією війни, а надавали йому можливість самостійно «вписати» блокадний досвід в історію свого життя;

а також відхід від звичайного для інтерв'ювання використання статистичної вибірки інформантів при визнанні кожного окремого випадку репрезентативним, а кожного інтерв'ю таким, що має самостійну цінність для вивчення трагічного досвіду в житті ленінградців у 1941–1944 рр.³⁵

Але, крім того, що усна історія дозволяє почути «голос минулого», голос тих людей, які робили й переживали історію, спростувати або підтвердити ті чи інші інтерпретації минулого, вона ще дає можливість розробки й застосування нових підходів і методів аналізу усного свідчення як історичного джерела. На сьогоднішній день існує два основних способи аналізу інтерв'ю — реконструктивний і наративний. Основне завдання реконструктивного методу (тут переважно використовуються біографічні інтерв'ю*) полягає у відтворенні ситуації, середовища, соціального контексту або їхніх окремих елементів, динаміки формування й змін тих чи інших структур, інститутів і організацій на підставі оповідей про індивідуальний щоденний рутинний досвід і практику, міжособистісні взаємозв'язки, індивідуальні життєві прагнення та їхню реалізацію. Наративний метод, що більшою мірою є підходом і набором можливостей, ніж єдиним теоретично обґрунтованим нормативним пізнавальним засобом, базується на аналізі

самої оповіді, на текстуальних особливостях інтерв'ю з метою виявлення того, як оповідач сприйняв, оцінив, запам'ятав і згадав/переказав ту чи іншу подію, епізод або свій життєвий шлях у цілому.

Можливості наративного аналізу досить великі: від значного мазка пензля рецензента (або по-школярськи примітивного переказу усної історії інформанта «своїми словами» дослідника) до суворо структурованого і формалізованого підходу інтерпретативного дискурс-аналізу³⁶. Між цими полюсами пізнавальних підходів знаходиться багатий арсенал дослідницьких можливостей, які надає історичну роботу з текстом інтерв'ю: його тлумачення з «інтенсивно гуманітарних» позицій традиційної літературної критики, оцінка інтерв'ю з «жанрової» точки зору з визначенням стилю викладення й того, як форма оповіді впливає на її зміст, виявлення особливостей «жіночих» і «чоловічих» оповідань, взаємообумовленості офіційного й повсякденного дискурсів. При цьому робота з текстом інтерв'ю з метою вивчення «структур пам'яті», притаманних їй штампів, стереотипів і стійких конструкцій як архетипів колективного несвідомого, символічного контексту, часової децентрації, статусу міжподійних зв'язків та ін. передбачає його розподіл на ряд текстових фрагментів — «наративних сегментів», що несуть певне змістове навантаження. Методика виділення цих «фрагментів повідомлення» також достатньо різноманітна й залежить від того, які питання ставить дослідник до інтерв'ю як джерела.

Так, наприклад, одним із найвідоміших і найефективніших варіантів

* Для проведення усно-історичних досліджень у залежності від питання, що вивчається науковцем, використовується п'ять основних видів інтерв'ю: біографічне, що в західній літературі має назву life-story; генеалогічне (family-tree); проблемне чи проблемно-наративне (single-issue); щоденникове (diary) і групове (передусім focus group discussion).

аналізу біографічного інтерв'ю є метод, розроблений німецькими дослідниками Фрицем Шютце і Габрієлою Розенталь³⁷. Він оснований на герменевтичній реконструкції кожного окремого випадку шляхом аналізу життєвого досвіду людини, тобто аналізу генетичного, й аналізу самої оповіді про історію життя, тобто наративного аналізу інтерв'ю як тексту. Подібний підхід передбачає, що в межах генетичного аналізу відбувається реконструкція подій у їхній хронологічній послідовності, а також відтворення того змісту, який ці події мали для людини в той період, коли відбувалися. У свою чергу аналіз оповіді, або інакше текстуальний аналіз, передбачає відтворення змісту, який людина вкладає у свій конкретний життєвий досвід сьогодні, а також вивчення тієї послідовності (або конструкта), у якій події розташовуються в оповіданні зараз, у наш час.

У той час, коли генетичний аналіз усних історій націлений, перш за все, на відновлення хронологічної послідовності подій, у текстуальному аналізі головне місце посідає вивчення тематичного поля — сукупності подій або ситуацій, які в оповіданні утворюють той задній план, на тлі якого розкривається певна тема, що знаходиться в центрі всієї оповіді. Аналіз тематичного поля передбачає реконструкцію форми і структури оповідання про життя, тобто того, яким чином розташовуються тематична і часова послідовність епізодів інтерв'ю. Для цього текст розбивається на певні блоки, в основу яких, відповідно до методу, що розглядається, покладено ряд критеріїв — зміна стилю тексту, перехід від однієї теми до іншої, зміна осіб, від імені яких ведеться оповідь. Потім відбувається

фіксація послідовності окремих епізодів (=блоків, =нарративних сегментів) і їхня інтерпретація, заснована на абстрагуванні від знання подальших частин тексту і формулюванні різних значень текстуального уривка, виходячи тільки з попереднього та наявного знання. Ці значення (гіпотези) потім порівнюються з послідовностями, які йдуть далі за текстом, внаслідок чого деякі з них підтверджуються, а деякі виявляються помилковими. Мета подібного аналізу полягає у відтворенні «структури випадку», тобто визначенні закономірностей вибору (або відмови від) будь-якої лінії поведінки із низки потенціальних можливостей, відкритих для людини в конкретній ситуації, іншими словами — реконструкції можливостей у середині суспільства, середовища або інституту «відповідати» на те, що соціально відбувається.

Інтерв'ю здійснюється трьома заходами: на першому етапі дослідник дотримується тактики «невтручання» в оповідання інформатора, щоб дати йому можливість самому обирати теми оповіді й по-своєму інтерпретувати події, відібрані ним для своєї «історії» також самостійно. Другий етап інтерв'ю передбачає з боку дослідника постанову уточнюючих запитань для деталізації тих подій або характеристик тих діючих осіб, про яких йшла мова в ході першого «вільного» етапу. І тільки на третьому, заключному етапі дослідник ставить інформанту запитання, що стосуються «нарративних лакун», пропущених обставин чи фактів, що з тих чи інших причин не були внесені наратором у своє оповідання.

Ще один підхід до аналізу інтерв'ю ми знаходимо у Кетрін Ріссман у її «Аналізі наративу»³⁸, відповідно до

якого дослідника також ділить текст на смислові відрізки, розподіляючи їх потім за змістом і визначаючи таким чином ключові моменти оповідання. Критерієм вичленування змістових сегментів у К. Ріссман є «поетика мови» — інтонації, паузи, сполучники і вигуки.

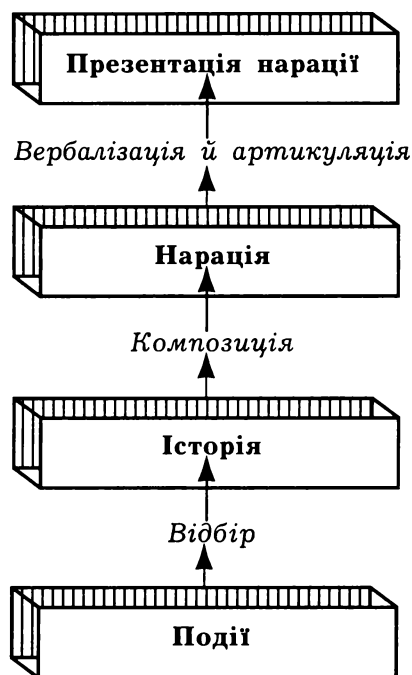
На вичленуванні окремих відрізків тексту з метою дослідження принципів їхньої зв'язності оснований так званий синтагматичний аналіз інтерв'ю, вихідною посилкою якого є твердження про обумовленість і не випадковість появи в інтерв'ю будь-якого змістового блоку «саме тут» і «саме зараз». Синтагматичний аналіз дозволяє дослідити як нарративну компетенцію й прийоми саморепрезентації оповідача, так і тематичні доміанти й ієрархічність змістових фрагментів тексту. Для того, щоб виявити характер уявлень про будь-яку подію, яка знайшла своє відображення в інтерв'ю, і визначити структуру цих уявлень, дослідники застосовують також парадигматичний тип аналізу усного інтерв'ю: виділення певної моделі, відповідно до якої окремі частини оповіді можна об'єднати в декілька груп згідно з тим, як формулюється проблема, що була заявлена в інтерв'ю³⁹. У свою чергу, у пошуках меж закінчених змістів окремих тематичних фрагментів інтерв'ю ми пропонували розподіл усього транскрибованого тексту інтерв'ю на ряд текстуальних фрагментів, що несуть певне змістове навантаження, а в основу їх виділення нам здалося доцільним покласти критерій логічної завершеності й відокремленості висловлювання як одиниці мовного спілкування, розробленого в межах теорії мовних жанрів М. М. Бахтіна⁴⁰. При цьому поділі ми в першу чергу орієнтувалися на зміну мовних

суб'єктів (інтерв'юєра й інтерв'юйованого) й адресність як конститутивні ознаки висловлювання, за яких кожний нарративний сегмент являє собою відповідь на «приховане» запитання, тобто запитання, яке, за думкою оповідача, повинен був би поставити дослідник.

Ширші інтерпретативні можливості пропонує контекстуальний аналіз усного свідчення, відповідно з якими визначається й аналізується екзистенціально-історичний контекст як світ об'єктів, станів і подій у минулому, про які говорить респондент; ситуаційно-соціокультурний контекст реального часу, у якому відбувається інтерв'ю, детермінований статусно-рольовими, статевовіковими, інституціональними стосунками, місцем і «культурним середовищем» спілкування й т. ін.; інтерпретативний контекст запровадження в науковий обіг інтерв'ю як історичного документа в ході написання конкретно-історичного дослідження.

Позначені нами підходи до аналізу інтерв'ю пояснювальний потенціал своїх можливостей реалізують на рівні «кінцевого продукту» — транскрибованого нарративного тексту. При цьому відкритим залишається питання нарративних трансформацій, тобто відокремлення нарративних операцій, які перетворюють «сирий матеріал» потенційно можливих історій інформанта в оповідний текст, вивчення логічної послідовності цих прийомів, і на цій основі виявлення загального й особливого у відборі оповідачем ситуацій, діючих осіб і їхніх характеристик, у розташуванні цих елементів у якомусь штучному порядку, що, у свою чергу, реалізується в презентації нарації —

усно-історичному інтерв'ю. Можливості такого аналізу, на наш погляд, пропонує породжувальна модель нарративного конституювання Вольфа Шміта⁴¹, яка схематично виглядає так⁴²:

Тут **події** являють собою сукупність усіх реальних ситуацій, персонажів (діючих осіб) і дій в історичному минулому інформанта, які сформували його індивідуальний досвід і ідентичність, і для цієї сукупності характерна потенційно нескінчена деталізація і конкретизація, часове простеження в даліше минуле і внутрішнє дроблення. На підставі цих подій — одночасно реальних і опосередкованих суб'єктивним досвідом індивіда — відбувається *відбір* ситуацій, персонажів, дій та їхніх властивостей у певну **історію**, яка, на відміну від необмеженої кількості подій, має початок і кінець, що фіксують визначену кількість еле-

ментів подій і їхніх характеристик, про які інтерв'юваний вирішив розповісти інтерв'юєру. При цьому слід враховувати, що ситуації, відібрані наратором в історію, яку він викладе в подальшому оповіданні, є не механічним добором елементів подій, а ментальним конструктором у відомості оповідача, який, осмислюючи свій минулий досвід, зводить його до тих небагатьох елементів, які створюють його історію.

Тут, однак, необхідно зробити одне суттєве уточнення. Запропонований аналіз нарративного конституювання може бути застосований більшою мірою для проблемно-нарративного або неструктурованого автобіографічного інтерв'ю, тобто в разі невтручання дослідника у власний виклад інформантом суб'єктивно значущих епізодів або елементів подій. У випадку конкретизації дослідником деталей, які минули, відновлення уривків оповідань і уточнення змісту, який оповідач укладав у свою розповідь, як це, наприклад, передбачається в моделі Шютце-Розенталь, на другому етапі інтерв'ювання породжуюча модель нарративного конституювання поступиться місцем аналізу співвідношення реконструкції автобіографічної ідентичності оповідача і його індивідуальної версії власного життя (*див. вище*).

Аналіз нарративних трансформацій не дає відповіді на питання, чому оповідач відібрав ті чи інші ситуації або тих чи інших діючих осіб для своєї історії, але дозволяє виявити як типові для даної групи інформантів образи, елементи подій і їхні характеристики, так і критичні, використовуючи термінологію Е. Гренді, значення «нормаль-

них виключень» або «незвичайно звичайного», що дозволяють розглядати екстремальні випадки як репрезентативні.

Трансформація подій в історію є також полем реалізації внутрішніх когнітивно дисонуючих або консонуючих регулятивів індивіда*⁴³, що при відборі того чи іншого елемента передбачає *невідбір* багатьох інших. Те, що не відібрали, не подали в історії як другому рівні наративної трансформації, є не тільки неактуальним, але часто придушеним, витиснутим, таким, що не вписується в нормативні, прийняті суспільством стандарти спогадів, формуючи так звані «нарративні блокади» в інтерв'ю. Алістер Томсон, який вивчав саме цей феномен витиснених спогадів, дійшов до образного висновку, що «пам'ять — це поле бою. Ми б'ємося з собою, формуючи в пам'яті певний образ нашого минулого досвіду і придушуючи інші, альтернативні спогади. Ми беремо участь у боротьбі різних точок зору на минуле, різноманітних спогадах про минуле — боротьбі, що розгортається в публічному просторі»⁴⁴. У свою чергу, старанна під час роботи з текстом фіксація подібних лакун дає можливість сформулювати запитання для «уточнюючого» етапу або проведення серії повторних інтерв'ю.

У моделі Шміда наступний рівень нарративних трансформацій поданий саме

---

* Згідно з теорією когнітивного дисонансу думки, переконання і припущення, що суперечать новій інформації, призводять до ментального конфлікту, і заради його уникнення людина вимушена переосмислювати свої «життєві настанови», пристосовуючи їх до загальноприйнятих стандартів.

оповіданням (**нарацією**) як результатом *композиції* — лінеаризації й перестановки епізодів історії всупереч їхньому природному хронологічному порядку⁴⁵, що активізує змістовий потенціал, закладений в історії. На цьому етапі закінчується процес формування змістовно-тематичної й інтенціональної спрямованості інтерв'ю на предметну сферу й можливості репрезентації особистісного досвіду, індивідуально сконструйовану й осмислену в свідомості оповідача дійсність.

Очевидно, що ця модель конституювання нарративу відображає ідеальний, позачасовий генезис оповідання, що не піддається спостереженню на рівні трансформацій, але приводить до виникнення того єдиного доступного для аналізу кінцевого продукту — інтерв'ю-як-тексту, у якому і закладений найбагатший інтерпретативний потенціал усного свідчення. Що стосується виявлення зазначених рівнів, то воно є лише допоміжним засобом для наступних операцій, пов'язаних з аналізом тексту. Так, наприклад, відібрані для історії елементи дають підстави для аналізу подальших у наративі описів, оцінок, міркувань і декларацій оповідача (підкреслимо, що нарація не виключає дескрипції, а навпаки, припускає її для експозиції ситуацій, діючих осіб і самих дій⁴⁶) і класифікації нарративних сегментів тексту за стилем оповідання (Шютце-Розенталь), або служать критерієм виділення змістових одиниць для кількісного контентаналізу⁴⁷, тематичних домінант для синтагматичного й асоціативних груп для парадигматичного аналізу інтерв'ю.

Презентація нарації у вигляді історії, що артикулює, «звучить», де задіяно паузи, інтонацію, міміку, жести

оповідача, семантично значно багатша, ніж написаний текст, і це є найважливішою особливістю усно-історичного свідцтва і пов'язаних з нею труднощів інтерпретації. Процес переведення Звуку в Знак при транскрибуванні аудіо-запису інтерв'ю наштовхується на проблеми, які складно вирішити: як передати в транскрипті інтонаційну варіативність оповідання, зміну швидкості й ритму мови, голосову модуляцію й особливу музичність усної мови, змістові акценти й маркери значень. Будь-який транскрипт неминуче містить частку дослідницького суб'єктивізму, що аж ніяк не применшує достоїнства усної історії як методу історичного дослідження, а є його специфічною рисою, відкриваючи нові можливості інтерпретацій усного свідцтва.

Зокрема, пошук шляхів оптимального об'єднання в єдиний інтерпретативний простір обох рівнів трансляції усної історії — як акустичного і як текстового протоколів. Інтерпретативний потенціал цих двох рівнів рівновелико багатий і в той же час непорівняно різний, і спокуса відмови від використання Звуку під час роботи з транскрибованим текстом обкрадає й збіднює усне повідомлення.

Повнота аналізу усної історії, на наш погляд, можлива лише за умов комплексного використання цих двох протоколів, тим більше, що в низці випадків нарративного аналізу інтерв'ю певний просодичний компонент або паралінгвістичний елемент комунікації — інтонаційний контур, ритм і голосність мови, перериваючий або накладений на голос сміх, зітхання, плач — лежать в основі поділу тексту на деякі нарративні сегменти (*див. вище*).

Звичайно, графічні й літерні символи, що використовуються при

транскрипті (іноді вибрані дослідником довільно, частіше з урахуванням існуючих нотаційних систем⁴⁸), дуже «обважнюють» текст, роблячи його складним для цілісного читання, тому при друкуванні усних інтерв'ю різноманітність цих символів мінімізується до звичних оку трьох крапок, ком і тире. Під час підготовки до друку в цьому збірнику усних історій колишніх остарбайтерів м. Харкова ми також гранично спростили символіку подання немовної інформації, дозволивши собі єдину редакційну правку — пропуск незначних фрагментів інтерв'ю, що в тексті позначено знаком <..>.

Ще в 1968 р. Костянтин Симонов видзначив, що «...для того, щоб виробити якийсь погляд на війну, треба її знати. Для того, щоб сказати про неї правду, треба знати погляди різних людей, які брали участь у її подіях. Ми ще маємо цю можливість. Якщо ми загубимо її, якщо ці люди підуть, то ми матимемо справу лише з документами, і наші пошуки наберуть іншого характеру. ...Ми станемо тим ближче до правди, якщо будемо розмовляти з людьми, які брали участь у війні, докопуючись їхньої індивідуальної правди, точки зору на війну, тобто до власної розповіді людини про те, що вона бачила, відчувала, переживала, як вона дивилась на речі, як вона вважала тоді, — це особливо важливо постаратися відновити — як вона вважала тоді!.. Мені здається, що необхідно якнайбільше знати про війну і шукати правду на схрещенні різних точок зору»⁴⁹. Усні історії, що ввійшли до даного збірника, записано в 2003 р., їхні автори — колишні остарбайтери, а зараз члени Харківського міського товариства жертв нацизму. Ці історії порівняно невеликі, тому що з са-

мого початку передбачали розповідь про один, трагічний для цих людей, досвід — примусове перебування в Німеччині в роки Другої світової війни. Враховуючи всю складність і неоднозначність цього досвіду, ми свідомо відмовилися від розгорнутих біографічних оповідей, передусім на прохання самих колишніх остарбайтерів, адже будь-яке співробітництво у виробництві публічного спогаду можливо рівно настільки, наскільки велике бажання *одного* розповісти свою історію *всім*. Дослідницька позиція стриманої прихильності й сприйнятливого невторчання дозволила побачити кожну історію такою, якою вона створювалась оповідачем самостійно: без структурованого питальника, з власними асоціативними рядами і зв'язками, з повільним, часом надзвичайно важким пошуком слів для опису того, від чого довгі роки відверталось суспільство, не бажаючи прийняти і зрозуміти особистий біль одного й історичність образи гідності багатьох. Ми також категорично відмовилися від структурованого питальника і порівняння отриманих відповідей на стандартизовані запитання, тому що, на нашу думку, інтерв'ю-спогад знаходиться поза імперативом вимірної порівнянності — їхній асоціативний характер робить порівняним зміст, але не форму його запитання.

Звичайно, досліджуючи феномен примушування до праці, тільки усними свідченнями обмежитися не можна, й існуючий величезний масив документів з історії українських остарбайтерів ще чекає на своїх дослідників. Але, визначаючи предмет історичного дослідження суб'єктивний досвід людини, систему значущих для неї значень і змістів, — у зв'язку з цим не

можна не навести відоме висловлювання А. Портеллі про те, що «те, у що вірять інформанти, тією ж мірою становить історичний факт (факт того, що люди в це вірять), що й подія, яка трапилася реально»⁵⁰, — ми можемо проаналізувати ці повідомлення з метою визначення їхніх характерних особливостей.

Ми вже звернули увагу на те, що в цілому, з небагатьма винятками, ці історії невеликі, що в першу чергу пояснюється, на наш погляд, особистою невпевненістю оповідача в інтегрованості власного спогаду в публічний простір. У результаті ми натрапили на відхилення від переказування або спотворення розповіді про події та особистісну участь у них при неможливості їх співвідношення із загальноприйнятими й ухваленими стандартами, тим більше, що такі стандарти, внаслідок більш ніж півстолітньої відсутності подібної тематики в метанаративній структурі тоталітарного дискурсу радянської доби, не завжди існують. Збережене побоювання перед публічним відтворенням власного досвіду породило й так звану «наративну редукцію» — свідоме зменшення, знижування значущості тих чи інших подій або дистанціювання від них, часткове чи повне, а пошук «попереднього висловлювання»^{*} — деяку заплутаність і нелогічність розповіді.

^{*} За М. Бахтіним, «попередні висловлювання» — це висловлювання свої чи чужі, «до яких його (оповідача — вставка наша. Г. Г.) подане висловлювання вступає в ті чи інші відношення (спирається на них, полемізує з ними, просто припускає, що вони вже відомі слухачу)». — Бахтин М. М. Проблема речевих жанров//Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 247.

У статті «Текстуальний аналіз усно-історичного свідчення»⁵¹ ми вже відзначали, що, ґрунтуючись на теорії висловлювання як одиниці мовного спілкування, можна пояснити і нерівномірну тривалість опису події, явища або процесу в оповіданнях колишніх «остарбайтерів». М. Бахтін, визначивши однією з конститутивних ознак висловлювання його зверненість до кого-небудь (або «адресність»), писав, що людина, коли говорить, завжди враховує апперцептивний фон сприйняття (або відповідного розуміння) його мови адресатом — наскільки він обізнаний у ситуації, чи володіє він спеціальними знаннями у якій-небудь галузі, які в цілому його погляди, переконання й упередження, симпатії та антипатії⁵². Цим можна пояснити, чому зустрічаються в наших усних свідченнях і відтворюються з усіма подробицями деталі технічних процесів з виробництва якої-небудь заводської чи фабричної продукції (наділення дослідника необхідними знаннями), або довгий ряд особистих характеристик як рідних і близьких, так і нових, знайдених уже в Німеччині, знайомих (введення дослідника в незнайому йому ситуацію).

Я работал... назовем слесарно-сборочный отдел... У нас кузня была. Рядом был цех, в котором делали детали какие-то из дюрала для самолетов, наверно, для гидросамолетов... Там станочки стояли — пневмопресса, клепали вот из этих уголков всяких, какие-то изделия именно для самолетов. Был механический цех, где были токарные станки, револьверные станки, сварочные работы... Автоген, и газосварка, и электро-сварка. И был чисто инструмен-

тальный цех, где слесаря делали штампы, матрицы и пуансоны. Там несколько человек — это хорошей квалификации слесаря-лекальщики работали. Они делали вот эти матрицы, закаляли их в газовой такой печи и в масле... Вот такая операция была. (Г. А. Марченко).

Однак тривалість опису події в оповіданні у співвідношенні з тим, скільки часу він тривав у минулому, яку інакше ще називають «швидкістю оповідання», можна пояснити, використовуючи розроблену в межах психологічної науки теорію «психологічного часу особистості»⁵³. Для нас важливою є наступна ідея авторів теорії — у структурі психологічного часу масштаб події визначається тим впливом, яке він, в уявленні людини, справляє на її життя в цілому і на його основні сфери зокрема. Так, наприклад, розповідь про звільнення може зайняти декілька хвилин, у той час як осмислення окремої події, епізоду і випадку з введенням до оповідання додаткових персонажів, аксіологічною інтерпретацією їхніх вчинків з подальшою узагальнюючою експлікацією часто більш пролонговані. Звідси й основне зосередження уваги респондентів, колишніх остарбайтерів, на відтворенні неоцінного досвіду людських стосунків: дружби, любові, взаємовиручки і взаєморозуміння, чому, за визначенням, не було місця в нацистській системі придушення особистості.

У межах теорії психологічного часу особистості можна досліджувати і часові децентрації оповідання, які виявляються в зміщенні часового центру події, що описується на шкалі реального хронологічного часу в бік його віддалення (спроба забути, стерти

з пам'яті, деактуалізувати) або наближення, коли респондент розповідає про що-небудь так, ніби воно реально відбувається в наш час. І знову йдеться про психологічну ціну, значущість і рівень впливу події як на оцінку минулого досвіду, так і на оцінку самого себе в цьому досвіді — власній ідентичності остарбайтера в її найважливіших складових: громадянській, етнокультурній, родинній, професійній та віковій.

Примусення до праці як такої сприймається колишніми примусовими робітниками як складова, але не визначальна частина здійсненого насильства над волею. Рабська, підневільна праця стоїть в одному ряді з насильницьким розлученням з батьками, рідними, друзями й подругами, з примусовою депортацією, поміщенням в незвичні побутові, соціальні й економічні умови й вимушеною спробою адаптації до них. Дуже образно сказала про це Зінаїда Іванівна Башлай:

Мы любили свою Родину. Мы были с ней разлучены, и мы от этого очень страдали. И только тот, кто это пережил, понимает, что это, наверное, хуже, чем голод. Когда меня особенно донимала тоска, я уходила в лес, плакала и кричала: «Мама, мама!»

<...> Мы были разлучены с родными, мы не имели никакой связи с ними, никакой переписки. Эта система, привлекая к себе для принудительного труда иностранных рабочих, не беспокоилась о том, что нужно <...> людям обеспечить хоть какую-то связь с родными.

В усних свідченнях колишніх «східних робітників» звертає на себе увагу постійне оперування категорією «ми»,

злиття власного досвіду з множинним досвідом інших людей: «нас гнали», «ми їхали», «нас розподіляли», «ми жили», «ми працювали» та ін. Тобто в даному випадку, для того, щоб стати предметом оповідання, досвід піддається узагальненню, а не індивідуалізації, як, наприклад, в усних розповідях ветеранів Великої Вітчизняної війни — учасників бойових дій.

Усні свідчення колишніх остарбайтерів відрізняють і особливості змістових відтінків мови, які не передаються при написанні, втрачаються в транскрипції й аналізуються виключно при роботі з магнітофонним записом. Перш за все, це наявність нерегулярних граматичних пауз в основній частині оповідання: різної довжини і спонтанно розташовані у фразі, вони підкреслюють емоційність розповіді, у той час як вступна і заключна частини більш «епічні», тобто характеризуються паузами, витриманими в одному ритмі.

При всій повторюваності образів, епізодів і обставин ці оповідання демонструють різноманітність реальних ситуацій, які часом важко навіть уявити і свідками яких вимушено ставали колишні остарбайтери: від ненормативних сексуальних стосунків у жіночих бараках концентраційного табору до пошуку їжі серед сміття та відходів. Саме темі голоду і пошуку засобів до існування належить основне місце в розповідях про повсякденне життя колишніх східних робітників. Друге місце займає опис житлових умов, деталей побуту, розпорядку дня. Якщо виділити ті символи і центральні образи, навколо яких групуються окремі висловлювання, то, крім сумно відомого супу з брукви, нар у бараках і одноманітної, виснажливої роботи,

слід назвати також товарні вагони, дерев'яні черевики і шматок синьої тканини з жовтими літерами «ОСТ».

Маніпулюючи фактичними деталями і хронологічною послідовністю подій, формуючи певний символічний контекст шляхом ставлення в центр оповідання певних центральних образів, які мають особливе психологічне значення, пам'ять виконує не тільки символічну, але й формальну функцію. У даному випадку мова йде про «горизонтальну» й «вертикальну» організацію пам'яті, де «горизонтальна» організація характеризує хронологічну послідовність дискретних подій, згрупованих навколо певних ключових фактів, а «вертикальна» розташовує ці події, починаючи з нижчого «особистісного» рівня до рівні чистої політики, міжнародних або дипломатичних відносин. У нашому випадку цікаві саме «вертикальні» зсуви в режимах пам'яті, коли окремі, значущі для респондента епізоди розкриваються в контексті важливих воєнних або політичних подій.

Как получилось?.. Понимаете, у них спальни — отдельно девочки, отдельно мальчики их спали. И у них почему-то было заведено... Так оно ж везде, знаете раньше наши жили люди обеспеченные и богатые. Горшки ночные стояли, я выносила, я мыла их. Вынесла два горшка и поставила в коридоре. А меня кто-то позвал, я поставила. Шел мальчишка, как дал, и оно разлетелось все по этому...

Вдруг приходит моя хозяйка, вся красная, и давай меня бить по щекам. Я не ожидала, так все хорошо было. И вдруг отакое вот...Ох...

И тут же она сейчас же: иди подавай, иди то, иди то, иди то...

Видимо, плохие вести были со Сталинграда. Там уже начали бомбить, Польшу... Да! Да уже Германию стали американцы бомбить. Видно у них уже было такое настроение. Ну, я и получила. Потом я плакала целый день. (П. І. Єскина).

Специфічна в цих розповідях і оцінка місцевого німецького населення, особливо тих, з ким пліч-о-пліч протягом декількох років довелося працювати на фабриці, заводі, у сільському господарстві. Співчутливе ставлення «простих німців», допомога, яка іноді межувала з самопожертвою, підтримка і солідарність у неприйнятті фашизму конструюють образ «чужого» як «свого іншого», при всьому контрасті не відірваного і сприйнятого з симпатією:

Что еще? О доброте людей? Не знаю, что сказать. Есть среди них отдельные такие, такие фашисты, что даже плюнуть не хочет тебе в морду. А есть такие, которые готовы все отдать. В общем, больше чем половина людей относились к нам хорошо. Например, ко мне. Или я в рубашке родился... Я не слышал, чтоб меня кто-нибудь громко заставлял: «Шнель, шнель арбайтен». Работал я обыкновенно, в силу своих мер и сил. Не перегружался. Это не у нас — чем больше работаешь, больше погоняют. Я там проработал столько, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь сказал: «Экономьте электроэнергию». Лампочки горят днем и ночью, никто не орет, никто не ругается. Я удивлялся, честно говорю. То кусочек хлеба кинут, то бутербродик кинут, то окурок кинут, то сигаретку кинут. Хорошие люди, хорошие. (В. С. Чернобаев).

* * *

Усні історії колишніх оstarбайтерів, наведені в цьому збірнику, багато в чому не співпадають, а інколи й різко відрізняються від образів і формулювань, ухвалених офіційною історіографією. Але в них немає, на наш погляд, прагнення спростування загальноприйнятих версій минулого, розвінчування одних і прославлення інших, повалення старих і ствердження нових ідеалів, героїв і подвигів. Просто сприйняття звичайної людини, її ціннісні орієнтації, думки й переживання є *іншим, відмінним* від офіційного способом розповіді про війну, з іншою системою координат і іншим ракурсом, під яким сприймаються і згадуються події війни.

Звичайно, спогади одного не дають підстав для обґрунтованого узагальнення стосовно багатьох, і будь-яка розказана тут історія унікальна так само, як унікальне й неповторне життя кожної людини. Але, враховуючи нерозривний зв'язок між індивідуальним досвідом і соціально-історичним контекстом, головна заслуга усної історії полягає у вивченні взаємообумовленої дистанції і зв'язку між ними, між офіційним і щоденним дискурсом, між значущою для оповідача його правдою й узурпованим традиційною історіографією викладенням того, «як це було насправді».

Над усною історією невблаганно володарює час: покоління людей, що йдуть з життя, забирають з собою і свої історії, і це безцінне джерело стає безповоротно втраченим. Згаяна радянськими істориками внаслідок ідеологічно нормованого права на пам'ять можливість широкомасштабного збирання усних свідчень сьогодні ще може бути компенсована об'єднанням інтелектуального потенціалу сучасних на-

уковців у цій галузі історичних досліджень. І тут, за нашим переконанням, на першому місці повинна бути робота з організації, запису й аналізу усних інтерв'ю з представниками того покоління, яке пережило, безперечно, найтрагічнішу, найскладнішу й найсуперечливішу подію в історії всього ХХ століття — Другу світову війну. З тими, хто бився на її фронтах, і з тими, для кого вона стала «іншою війною»: звичайним населенням окупованих територій і тилу, колишніми військовополоненими, в'язнями гетто й концентраційних таборів, колишніми примусовими «східними робітниками» — оstarбайтерами. Долаючи анабіоз заколисуючого позитивізму, зриваючи рятувальний для тоталітарного минулого полог загальної безпам'ятті, ці історії дають можливість зрозуміти й прийняти місце й роль **Звичайної Людини в Історії**.

* * *

Усні історії даної збірки наведено мовою оповідачів (переважно російською) із збереженням стилю й особливостей мовлення. Ми не перекладали й не редагували авторські підписи під фотокартками, які було люб'язно надано нашими співрозмовниками. Утримались ми також і від коментування усних історій, а мінімальні біографічні дані — за згодою з інтерв'ююваними — навели наприкінці книги. За бажанням окремих оповідачів ми не називаємо їх прізвищ.

Усні історії даного видання розташовано за часом їх створення, тобто за хронологічною послідовністю проведених інтерв'ю. Чотири спогади, що завершують збірку, публікуються за авторськими текстами, наданими в рукописі.

Примітки

¹ Хаттон П. История как искусство памяти. — СПб., 2003. — С. 33.

² Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. — Paris, 1925; Halbwachs M. The Collective Memory. — New York, 1950.

³ Хаттон П. История... — С. 30.

⁴ Цит. по: Хаттон П. История... — С. 197.

⁵ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. — München, 1999.

⁶ Цит. по: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. — М., 2001. — С. 429.

⁷ Assmann J. Op. cit. — S. 56.

⁸ Nora P. Les Lieux de mémoire. — Paris, 1984–1992. — Vol. 1–3.

⁹ Popular memory: theory, politics, method /Popular Memory Group//The Oral History Reader/Ed. R. Perks, A. Thomson. — London; New York, 2002. — P. 75–87; Thomson A. Anzac memories: putting popular memory theory into practice in Australia//The Oral History Reader ... — P. 300–311.

¹⁰ Томсон А. Легенда об АНЗАКе: исследуя национальную мифологию и память в Австралии//Хрестоматия по устной истории/Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой — СПб., 2003. — С. 189–202.

¹¹ Див., наприклад: Connerton P. How Societies Remember. — Cambridge, 1989.

¹² Nora P. Les Lieux de mémoire...

¹³ Хаттон П. История...

¹⁴ Niethammer L. Die postmoderne Herausforderung: Geschichte als Gedächtnis im Zeitalter der Wissenschaft/Geschichtsdiskurs /Hg. W. Küttler, J. Rüsen, E. Schulin. — Frankfurt/M., 1993. — Bd. 1. — S. 45.

¹⁵ Докладніше див.: Бэрг М. П. Устная история в Соединенных Штатах//Новая и новейшая история. — 1976. — № 6. —

С. 213–216; Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории//Источниковедение отечественной истории. — М., 1989. — С. 3–32; Никитина Д. Проблемы устной истории на VII международной конференции //История СССР. — 1990. — № 6. — С. 210–216; Хубова Д. Н. Устная история “Verba Volant”: Метод. пособие. — М., 1997; Лоскутова М. В. Устная история: Метод. рек. по проведению исследования. — СПб., 2002; Лоскутова М. В. Введение//Хрестоматия по устной истории/Пер., сост., общ. ред. М. В. Лоскутовой — СПб., 2003. — С. 5–31; Томпсон П. Голос прошлого: Устная история: Пер. с англ. — М., 2003 і т. п.

¹⁶ Тематичний огляд журналу Асоціації усної історії США “Oral History Review” див.: Гринченко Г. Г. Устно-исторические исследования на страницах журнала “Oral History Review” (2001–2002 гг.)//Вісн. Харк. нац. ун-ту. — 2003. — № 594: Сер. Історія. — Вип. 35. — С. 342–349.

¹⁷ Див., наприклад: *The Myths We Live By* /Ed. R. Samuel, P. Thompson. — London, 1990; *Tonking E. Narrating our Pasts: The Social Construction of Oral History.* — Cambridge, 1992; *Lummis T. Listening to History: The Authenticity of Oral Evidence.* — London, 1987; *Thompson P. The Voice of the Past. Oral History.* — Oxford University Press, 2000; Томпсон П. Голос прошлого...

¹⁸ Томпсон П. Голос прошлого... — С. 15.

¹⁹ Томпсон П. Голос прошлого... — С. 23.

²⁰ Портелли А. Особенности устной истории//Хрестоматия по устной истории... — С. 33.

²¹ *Evans G. E. The Days That We Have Seen.* — London, 1975. — P. 24.

²² Томпсон П. Голос прошлого ... — С. 175.

²³ Томпсон П. Голос прошлого ... — С. 88–123.

- ²⁴ *The Oral History Reader*/Ed. R. Perks, A. Thomson. — London; New York, 2002.
- ²⁵ *Хрестоматія по устной истории...*
- ²⁶ *Усна жіноча історія. Повернення: Історіографія сільських жінок в контексті суспільно-історичних факторів радянського і перехідного періодів* — К., 2003.
- ²⁷ *Passerini L. Fascism in Popular Memory.* — Cambridge, 1987.
- ²⁸ *Portelli A. The Battle of Valle Giulia: Oral History and the Art of Dialogue* — Madison, Wis., 1997.
- ²⁹ *Thomson A. Anzac memories...//The Oral History Reader ...* — P. 300-311.
- ³⁰ *Fraser R. Blood of Spain: The Experience of Civil War, 1936-39.* — London, 1979.
- ³¹ *Niethammer L. «Wir kriegen jetzt andere Zeiten»: Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern* /Niethammer L., von Plato A. — Berlin/Bonn, 1985. — *Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet*; Bd 3.
- ³² *Сенявская Е. С. 1941-1945: Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование.* — М., 1995; *Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки.* — М., 1997; *Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России.* — М., 1999.
- ³³ *Сенявская Е. С. Человек на войне...* — С. 197-227.
- ³⁴ *Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке...* — С. 357-369.
- ³⁵ *Блокада глазами очевидцев: Интервью с жителями Ленинграда 40-х гг./Сост., вступ. ст. и коммент. Т. Ю. Ворониной, И. Е. Гусинцевой, В. В. Календаровой//Нестор.* — СПб., 2003. — № 6. — С. 37-268.
- ³⁶ Див., наприклад: *Макаров М. Основы теории дискурса.* — М., 2003.
- ³⁷ Див., наприклад: *Schütze F. Pressure and Guilt: The Experience of a Young German Soldier in World War II and its Biographical Implication//International Sociology.* — 1992. — №7/2-3. — P. 187-208, 347-467; *Rosenthal G. German War Memories: Narrability and the Biographical Functions of Remembering//Oral History.* — 1991. — №19/2. — P. 34-41; *Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью //Хрестоматія по устной истории...* — С. 322-355.
- ³⁸ *Riessman C. Narrative Analysis.* — Newbury Park, California, 1993.
- ³⁹ Див., наприклад: *Грил Р. Слушайте их голоса: два примера интерпретации устно-исторических интервью//Хрестоматія по устной истории...* — С. 296-322.
- ⁴⁰ *Грінченко Г. Текстуальний аналіз усно-історичного свідчення (на прикладі усних інтерв'ю з колишніми оstarбайтерами Харківської області)//Схід-Захід: Іст.-культуролог. зб.* — Х.; К., 2004. — Вип. 6. — С. 151-171.
- ⁴¹ *Schmid W. Die narrativen Ebenen «Geschehen», «Geschichte», «Erzählung» und «Präsentation der Erzählung»//Wiener Slawistischer Almanach.* — 1982. — Bd. 9. — S. 83-110; *Шмид В. Нарратология.* — М., 2003.
- ⁴² *Шмид В. Нарратология...* — С. 181.
- ⁴³ Див., наприклад: *Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса: Пер. с англ.* — СПб., 2000.
- ⁴⁴ *Томсон А. Легенда об АНЗАКе...//Хрестоматія по устной истории...* — С.189.
- ⁴⁵ *Шмид В. Нарратология...* — С. 175-177.
- ⁴⁶ *Шмид В. Нарратология...* — С. 168-169.
- ⁴⁷ Див., наприклад: *Поршнева О. К вопросу об атрибуции текстов записей солдатских разговоров С. З. Федорченко/О. Поршнева, С. Поршнева//Инфор. бюл. Ассоциации «Ис-*

тория и компьютер». — М., 2002. — № 29 (июнь). — С. 189–212.

⁴⁸ Макаров М. Основы теории дискурса... — С. 106–117.

⁴⁹ Симонов К. Солдатские мемуары: Док. сценарии. — М., 1985. — С. 301.

⁵⁰ Портелли А. Особенности устной истории //Хрестоматия по устной истории... — С. 40.

⁵¹ Грінченко Г. Текстуальний аналіз усно-історичного свідчення... — С. 157–158.

⁵² Бахтин М. М. Проблема речевых жанров//Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 276.

⁵³ Головаха Е. И. Психологическое время личности/Е. И. Головаха, А. А. Кроник. — К., 1984.

Автор-упорядник,
канд. іст. наук **Г. Г. Грінченко**

2004 р., квітень

**УЧИ
ІСТОПІЇ**

Василь Степанович ЧЕРНОБАЄВ

Я, Чернобаев Василий Степанович, родился 20 декабря 1918 года в Донецке, Юзовке бывшей*.

Мне хотелось вспомнить мое детство и юношество в первую очередь. Мне очень тяжело досталась моя жизнь. В некоторых случаях я был, такое впечатление, что я родился в рубашке, и часто это случалось и в Германии, и дома, и до возвращения и при возвращении с Германии, но 1932–33 годы, когда моя мама была... моя мама умерла от коммунистической голодовки — это страшно, страшно, страшнее фашизма. Это по моей жизни идет со мной рука об руку всегда, всегда, всегда. Проклинаю коммунистов!

Я помню... фотографии Ленина в «Правде», помню, как его похоронили, я помню нэп, при нэпе люди начали убирать урожая, зерно. У нас была большая семья. Но дело в том, что мы жили бедно, у нас было мужиков Иван и я: брат 1903 года и я 18-го, а то девочки. Земли у нас было мало, так что мы были и не богатые, и не бедные — рабочая сила. Девчата, наши сестры, ра-

...Но 1932–33 годы, когда моя мама... умерла от коммунистической голодовки — это страшно, страшно, страшнее фашизма!

* 14.09.2004 р. Василь Степанович Чернобаєв пішов з життя. Світлу пам'ять про Василя Степановича — надзвичайно мужню, самовіддану, доброзичливу, чесну й порядну людину — ми назавжди залишаємо в наших серцях. (Колективи Харківського відділення УНФ «Взаєморозуміння і примирення» і Харківського міського товариства жертв нацизму, автор-упорядник збірника)

ботали даже по найму — у соседей там, у родственников, и так далее. Но, однако, выбились в тех трудолюбивых людей, которых в конце концов раскулачили. Нас в том числе.

В колхоз мы вступили сразу. Отец в колхозе был старшим конюхом. Работал на территории соседнего двора у Романенковых.

<...>

В общем, у нас корову сразу отняли в колхоз, лошадку нашу отвели — у нас была лошадка и маленький лошоночек, и больше ничего. Жили-жили, считали-считали, люди ездили, о чем-то говорили там — про дналог, продразведка, начали ездить по амбарам забирать зерно, забрали зерно, которое было на посев, <...> люди прятали картофель и зерно, у нас ничего не было спрятано, мы жили открытой душой, потому что мы были, ну, жили в недоедании. Ходили всегда, помню, и брат, и отец, и мы все, ходили в домотканых, полотняных одеждах. Значит, сажали коноплю, потом процесс вымачивания, там ее дробили, в ступах колотили, потом пряли, потом ткали, потом сушили, потом шили и носили вот эти вот одежды, холстяные, полотняные, льняные — как их назвать?

Начали носить ситец. Тук ситца отец привез — это уже было при нэпе, я помню. Пошили кофточки сестрам, юбочки сестрам

пошили, мне пошили, потом кожу привозил отец... Ну, пошили брату сапоги, отцу сапоги, девочкам сапоги, и мне сапоги пошили – вот такие сапоги. Мне брат сделал деревянные коньки с подрезами, железные полосочки прибил – я катался на коньках. Чтоб коньки не спадали, привязывал я их, цурками затягивал, а потом шел в прорубь, макал в воду и стоял, ждал, пока они примерзнут на ботинок, и я тогда катался...

Ну, вот этот колхоз начался. Колхоз, слезы, крики, шумы, люди собирались кучками, кучками, кучками, и вдруг – все разбежались. Отец убежал, брат убежал. Отец попал сюда, в Харьков, работал – телеграф был у Харьковского моста, прораб Пономарев ехал в Верхоянск на пуск телеграфа и взял его. Он неграмотный, но он умный, отец, был, он был в плену, в Японии, в Германии воевал, в еще ту войну, в 1905 и в 1914. Все село говорило: «Робить так, як зробив Степан», а Степан – это мой отец. Ну, Пономарев взял его туда в Верхоянск, он был в Верхоянске, приехал с Верхоянска, сестры две в Харькове у евреев работали домработницами, в то время, когда люди дохли, простите за нескромность такую. Дохли на тех полях, где родился и рос хлеб большой, сильный хлеб. Они здесь работали домработницами, потом появился отец, ночью привез хлеба из Харькова, дал мне кошелек, и там было двадцать рублей мелочью. Я этот кошелек спрятал в лопухах.

Отец работал на хуторе Колесники, километров 8–10, не больше, я не знал, что он там работает, но, когда мама умерла, я побежал до тети Гали, тетя Галя говорит: «Иди в Колесники, на поле там найдешь отца», и я нашел отца, отец пришел, похоронил маму... С нами оставались еще племянница Лида, которая сейчас живет в Ленинграде, 24 года, и племянник Коля, который живет сейчас в Сталинграде, 29 года. Вот с этими племянниками и мамой мы жили зиму. Мама ходи-

ла побиралась, мы были не знатные, но и не последние, кое-кто кое-что иногда давал...

Наш погреб, большой погреб был, в погребе была – картофель, бураки, бочка капусты, все было заготовлено на зиму. Пришли коммунисты, забили погреб, и нас туда не пустили, у нас все отобрали. Мы голодные были. У погребе лежит все – а мы голодные! Подчеркивать надо вот это. Вот это надо помнить – звери жили с людьми. Тельнов нашу хату занял, а нас потом вывезли через балочку на следующий дворик – домик, и вот в том домике мама и умерла. И ели единственную траву – лобеду.

<...>

Выжил я потому, что маслозаводу нас был, я лазил на маслозавод и на прессах, на фалевках, на вальцовках сдирал вот это горькое, сейчас бы его, может, и в рот не взял бы, а тогда вот это, которое прокисло, протухло и все прочее – вот это сдирал, срезал, и железками, и палками, приносил домой, и вот это мы ели. Доходило до того, что в лунные ночи на Печанский бугор выходили... посева кукурузы, и вот я находил, где прошлась сеялка в кукурузе, и вот этим питался. Сколько там – десяток, сотню съедал – не знаю, но, во всяком случае, я пухлый был, но нетак, как те двое детей и мама. Я все-таки чем-то питался.

Когда похоронили маму, не знаю, какими путями, но я вспомнил про этот кошелек – я двое суток искал, еле нашел кошелек в лопухах под греблей – там было двадцать рублей мелочью, пятнадцати- и двадцатикопеечные, серебро, не серебро, ну, металлическая монета. В общем, мы приехали в Валуйки, привезли нас, привез одиноличник какой-то с большой слободы – Утянка называется... В этот период я впервые увидел паровоз. Услышал ночью паровоз. Не знаю, как отец билеты достал, кто достал, но мы стояли на перроне и он, проходя мимо нас, дал гудок, я как удрал,

так отец еле меня поймал — перепугался. А когда паровозы проходили и компрессором так «чшш-чшш-чшш», то мне казалось, что это такие вот железки трутся, чтоб люди не попадали под паровоз.

Приехали сюда, в Харьков, дядя Вася работал, около пятой обувной фабрики на улице Спартак, дом № 5, жил, и на улице Спартак был дворником — подметал. Дал мне денег, дал мне папиросы «Пилот», дал мне спички и сказал — иди на Молочный мост (я и сейчас даже не знаю, где этот мост) и, говорит, торгуй и кричи: «Пилот» по десять, на руб — десять, налетай! Спички из «Торгсина», горят без керосина, пять минут вонь, а потом — огонь, покупай!» Ото я торговал спичками и папиросами. Потом не получилось, у меня отняли харьковчане — урки их называли или как — я тоже был урка. Отняли деньги два раза, и я перестал, и тоже стал уркой — стал просить где попало, на Конный базар ходил, схватишь яблоко, пока бежишь — ешь, как поймают — и тебя побьют, и яблоко отнимут.

На базаре я видел холодец с человеческими ногами...

Потом попали мы с отцом в Безлюдовку... но мы же о Германии разговор ведем?

В совхозе мы разместились в каретной, <...> на соломе мы разместились с отцом, и отец пошел получать пищу и принес миску баланды, или миску супа? И пошел за хлебом, а я голодный, и в ту миску добавил воды. Он приходит: «А чего це так багато стало?», а я говорю: «Та шоб бильше було»...

У соседей забор такой — плетень, чтоб можно было пролезть рукой и сорвать качан, я сорвал качан, сосед пролез и меня чуть не убил. Бил хорошо, добре бил. Отца не было дома, пришел отец, а я лежу почти готовый...

Отец стал сторожем в Рогани, у речки Рогань, сюда, к тракторному, а я — коров пасти. Вот пасу коров по речке по Рогани, иду-иду — нахожу вышку отцову, отец слазит, корову подоим, вошей побьем, рубашки поснимаем, вшей побьем друг у друга, и я погнал дальше коров. Возвращаюсь назад — а он уже

В. С. Чернобаев — второй слева

молоко с кабачками или еще с чем сварил — о, пошла жизнь у нас! Грязные, оборванные, вшивые — страшно! Страшно вспомнить советскую власть.

Потом зима, мы живем в коридоре, под лестницей спим, холодно, мерзнем, матрац под нами гниет, я, конечно, или органы мои не срабатывали, или перележал — я мочился под себя. Потом к весне попали в Таганрог к старшей сестре к Настеньке. А там все-таки вода, ниточка, крючок, рыбка, пошло дальше. И магазины — кожевенный магазин, ортоповский магазин, и около кинотеатра «Рот-фронт» магазин хлебный. Ну, пойду я там пособираю кусочки, дадут мне. У меня уже был подходящий вид, но я долго не рос, был маленьким. Спал под столом, между ножками стола — места не было, батяка кинет что, и вот я там сплю. Напрошу хлеба, копеечек — приносил все домой, все домой, от отца ничего не воровал. Отец работал на фабрике-кухне сторожем. Ему эти, которым нужно было <...> посуду помыть, они составляли, он сдирал макароны, приносил домой, а посуду мыл. Так этими макаронами кормили и меня, и сестру, и зятя, и ихнего сына. Вот так вот.

Я не знаю, год или два, проболтался так вот, уже стал лазить по садам, груши, яблоки, уже компания, уже покуривать начинал, потом бросил, прихожу и говорю: «Я пойду в школу». Не знаю, какую-то рубашечку купили, какие-то брючки купили, какие-то сандалии тогда были — купили, с дырочками такие вот сандалии. Пошел в школу — «В какой класс?» <...>

Посадили меня в третий, потом перегнали в четвертый, потом в пятый, потом я шестой-седьмой кончил. Учился... Дома негде было делать уроков, я дома уроки никогда не делал, жил тем, что там слушал. Конечно, не баловался. <...>

Летом — ходил на каменную лестницу, ловить рыбку. Поправился, стал здоровый,

красивый — мамочке и папочке спасибо! Я первый раз вам это скажу: вот это то, что я был, говорили, красивый, что я внешне хорошо выглядел, это мне очень и очень много помогло в Германии. И здесь дома то же самое. Подчеркиваю.

И вот смотрим — подходит мужик: «Как тебя звать?» Я говорю: «Вася». — «Есть хочешь?» Я говорю: «Хочу». — «Идем со мной!» Пошли. Яхт-клуб, вы знаете что такое? Приходим в яхт-клуб, яхта стоит еще на берегу. По лестничке поднимаемся вверх, открывает камбуз — я теперь уже знаю, что такое камбуз, накормил меня. «Юнгой будешь?» Я говорю, а что это вообще такое? В общем давайте перескочим дальше — поработал я юнгой, матросом, потом боцманом, потом... в 40-м году окончил срочные курсы морской ростовской мореходки, стал капитаном, и в 40-м же году я стал чемпионом Азово-Черноморского края по парусному спорту, говорили, что 11-й чемпион в Союзе по счету. Жетон сохранился до сих пор...

Одновременно я работал. В 36-м году я уже начал работать токарем-переквалификантом на 347 заводе в Таганроге. Завод — оборонная и морская промышленность, торпеды, мины. Доработался я до высшего разряда токаря. Снимали с работы меня, ставили мастером, когда тот уходил в отпуск, работать, после отпуска мастера начальник участка уходил в отпуск — меня ставили начальником участка. Что тоже мне очень впоследствии помогло, по возвращении домой.

<...>

Значит, воспитал себя, крепкий стал, сильный стал, красивый, мастер! Они даже не сообразили, чтоб меня взять и отправить на фронт, вот так остался. А немцы готовенького, чистенького, подготовленного к работе — взяли и увезли в Германию. И я там работал токарем. Вот за что обидно! И так обидно, что... сколько раз хотелось кончить само... покончить с самим собой. После

войны, наверно, четыре-пять лет в КГБ все таскали, все допытывали, все думали, что шпионы, выдумывали: «Вспоминай, кого знаешь! Пиши письма, пиши письма!». Считали изменником, предателем.

<...>

До Перемышля везли — ни пить, ни кормить, ни выходить, ничего. В Перемышле дали по куску колбасы и по куску хлеба. С Перемышля до Вуппертале. В Вуппертале распределительный лагерь, по беруф, беруф — это профессия, да? По профессиям разбирали нас. Подходит и выбирает. Немец. Выскивали специалистов.

Приехал туда и на первый день такое крещение — слава Богу, попал в маленький лагерь, 40 человек там было — значит, рельсы вот тут лежат, надо перенести отсюда сюда, надо значит надо, думаю. Ну, работаю, таскаю. А он подходит и говорит «Отсюда вот сюда» — просто издевались. И вот так сколько раз было.

А насчет кормежки — это было что-то страшное. Это было что-то страшное — вот эта грязь, эта трава всякая, косой косили на лугах, в кастрюлю бросали, варили и давали нам есть. В том месте, где мы жили, пахло коровьими... от коров навозом, дух такой коровий был. Давали кусочек хлеба утром, вот такой батончик на троих (250 грамм), двадцать грамм маргарину, ложку сахара и кружку кофе. В обед и вечером миска двухлитровая вот этой вот баланды, и все — и в ночную, и во вторую смену кормят. Одинаково кормят и тех, и тех. Только мы ночью работаем без сна и без еды, а днем нас будят пообедать и вечером — иди на работу.

Под конвоем, конечно, водили. Но это конвой так — старики, по которым видно, что он участник еще вот той еще войны, он ничего не видит, ничего не соображает, «драй цу драй», кричит, «по три, по три». А мы идем здесь, где люди бросали кто что — кто окурки, кто кусок хлеба, кто откушенное яб-

локо, кто еще что-нибудь. Вот так и хватало — голодные.

И от мамочкиного и папочкиного, то, что я был красивый, был сильный, здоровый, яхтсменом работал, занимался спортом, выглядел неплохо — выручает меня здесь первый раз. Заходит Эваль Лагенберг, старичок, у него усики такие, как зубная щетка, белые... Я кланяюсь ему, всю жизнь буду кланяться!.. (Плачет.) Показывает на меня, и я выхожу. Пришли к нему — он первым делом накормил. Он всегда меня брал для того, чтобы накормить. Двухэтажный домик, маленький предприниматель. У него чуть больше цех, чем вот эта вот (комната). Вверху трансмиссионный вал, с трансмиссионного вала спускалось шесть или семь ремней на штива, те крепились к приспособлению, в которое вставлялись войлочные круги, и вот мешками стояла паста «Гойя», зеленая, и вот он занимался полированием — ложек, вилок, ножики — нержавеющей стали. При мне он уже не работал, старичок этот. А чего он меня взял — потом он рассказал: он меня взял потому, что его сын-летчик был сбит в Англии, он был жив, переписывался, и он меня с самого начала начал уговаривать, мол, оставайся здесь. Придет, мол, брат, и этот мой дом двухэтажный, шестикомнатный — найдете как тут делиться. А еще один дом разбитый был, мы ходили там разбирались...

На втором этаже жил Пауль, дедушка сам говорил: он наци, нацист. Так, говорит, поешь, на сигареты, спички, там беседочка — сиди и не рыпайся. Как только Пауль уйдет — а до этого собирай листья, траву, что-нибудь работай. Как Пауля нет — иди, говорит, сиди. В девять часов кормит, в двенадцать кормит, в три кормит, в шесть кормит, и домой дает — в субботу, воскресенье.

Потом стали ходить гулять. А он говорит — он сначала Вилли, потом Вазель называл меня — а ты, говорит, гулять? А чего

я буду, говорю, гулять... «А ты вот зайди покушай — и иди гулять». А потом говорит: «А паненька у тебя есть?» Я говорю — есть. Он и паненьке передавал поесть...

Как ни голодно, как ни холодно, а дружба, любовью это можно назвать даже, все-таки находили общий язык, сблизались люди, и там дружили, крепко дружили, и мы с Соней Солдатовой подружили до того, что у нас в декабре месяце 45 года родился сын Олег, который сейчас живет-здравствует в Самаре. А ее уже нет два года...

На прогулку ходили, гулять ходили. Там, значит, Северная рейнская область, Вестфалия называется, город Золинген. Вупперталь недалеко, 28 километров Дюссельдорф, 31 километр Кельн, я и там, и там, и там, во многих городах был, Эссен 40 километров. Так вот как бомбят — а бомбили его каждый день, — видно зарево бомбежки...

Сначала проводились прогулки под конвоем, ну ведь это опять-таки старики. Сто-

яли будочки, маленькие такие шестигранные будочки, в этих будочках — лимонад, пиво. И это айс, мороженое. Как налетели — а нам платили деньги немцы, между прочим, подчеркиваю, деньги нам немцы платили, те, кто говорят, что им не платили, по-моему, брешут. 5–7 марок я получал. Еженедельно. Вот такая полосочка миллиметров 350, на той полосочке — общий заработок такой, как и у немцев, 45–50 марок. Но там у нас много вычетов — за то, что я русский, учитывали, за то, что я отрабатываю, за то, что я живу, за то, что я питаюсь, за то, что я опоздал, за то, что... высчитали, и — хоп! — 4, было и 3 марки. А когда работал в фирме Herster и Wipperführt Schreder — не помню, чтоб получал деньги.

Ну и научился я на губной гармошке играть — на гармошке играю, девчата танцуют. А было, наверное, километра 3 до девчат, в Золинген. Мы приходили к ним, танцевали, и они нас провожали. И вот

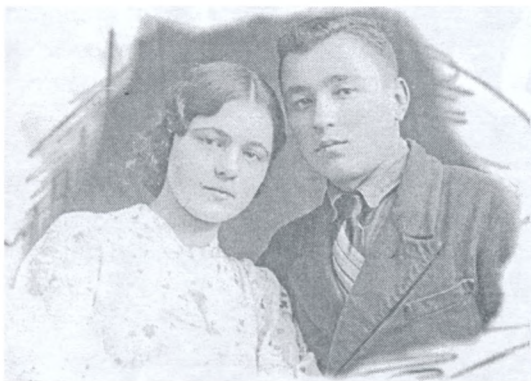
Девушки из лагеря г. Золинген

в первые дни провожают они нас, и одна такая заводная, более смелая, более такая... И ручеек, и через ручеек только так — прыг. Я говорю: «Ух, ты! Да ты, — говорю, — спортсменка!» Она говорит: да, я, говорит, и рекорды имею, и по бегу, и легкой атлетикой занималась. Я говорю: «А я тоже не фунт изюма!» — «А ты кто?» — «А я чемпион по парусному» — «Ух ты!» Я говорю: «Вот тебе и ух ты...» Вот так и сошлись.

<...>

Там были усадьбы, и была какая-то фирма, потом ее переделали на наш шлафенраум. Одно помещение — там стояли тумбочки, где мы раздевались, печка, другое помещение — спальный корпус, двухэтажные кровати и туалет. Под нами — кухня. Мы, кстати, в нашем погребе воровали картошку и ели. Старики — он спит себе, сторож...

Ну и что? Страшно... Жизнь требует свое... Будем откровенны, хорошо? Вот и мы с Соней. Ну что ж: а вдруг забеременеешь? Ну так и, короче говоря, кантовались, до тех пор докантовались, что уже говорят — панцерн роллен, американш панцерн роллен, американские танки едут. Отпустили уздечку — и родился сын в декабре месяце. В 45-м. А мы с ней познакомились в 43-м.

В. Чернобаев и сестра Настя, 1938 г.

...Соне давал рубашки постирать. Она стирала, заворачивала бумажкой и брызгала каким-то парфюмчиком. А я дедушке рассказывал — неплохо, между прочим, говорил — а что я, мол, могу? А у него четыре или пять яблонь было, и одна яблонька — вот такие яблочки (маленькие). Ты, говорит, будешь сегодня нести рубашки? Я говорю — завтра. Смотрю — несет эти ветки, с яблочками, и в пакет заворачивает. «А что тут такое?» — спрашивает Соня. «Да вот, говорю, тут дедушка что-то передал». Она развернула, голодная, сразу поела те яблочки. Бутербродики и все такое он тоже давал. Вот такой вот был дедушка...

Потом дошло дело до того, что — а увольнительная до 8 часов — начали опаздывать. Поймали нас. Вот такой проход — здесь дверь со щелями, и здесь дверь со щелями — а я ж около двери и понимаю, о чем они разговаривают. Вот пришел фюрер — лагерфюрер — и говорит о том, что надо одного отправить в концлагерь. И больше никто не будет опаздывать. И начали считать, и нашли шестнадцатого. У нас же имен не было, номера, и мой как раз шестнадцатый был. «Шестнадцатого отправить в концлагерь». Я тут и сел...

В карцере я первый раз был. Там что-то было такое, что все стены в саже... Стали думать: как вырваться? Решили, что бабахнем, дверь выьем, а тут припррем, чтоб убежать. А как же я один убегу, надо нам всем бежать, а то через меня вас всех заберут?.. А потом вдруг смотрю, посреди помещения дырка. Просунул голову — пролазит. И она метра два с половиной эта дырка, меня вытолкали, и я вылез на улицу.

Но я не сказал, что вот это — наша фабрика, то есть наш шлафенраум, вот это усадьба одного человека, а вот это усадьба дедушки моего, еще одна усадьба и все — фабрика.

Выбрался я на свободу, сетка выше потолка, метра три, наверное, или четыре, пе-

ребираюсь спокойно через сетку — а ночь всех ночей темней — ну ни зги, ну ничего, ничего не видно, или страх, или в самом деле такая ночь была. Я перелез оградку, тут идет железная дорога с Золингена на Олигс, я через насыпь, через сажу, колючую зеленую изгородь...

Стучусь до дедушки своего, открывает: «Вилли, вас ист лос?» Я говорю — так, и так, и так. Он — Эльза, давай скорее помыться. Дали мне помыться, давать еду — я говорю, какое там, я есть не хочу (уже я так жил, что мне есть не хотелось!). Они мне завернули бутерброд, потом. «Что ж делать будем?» Он говорит: «Я пойду к лагерфюреру и попробую с ним договориться». Я говорю: «По нашим, советским, законам дедушка, вам будет очень плохо. Ваш сын в плену, а вы пленника спасаете, вы попадете, и вам будет хуже, чем мне, так что я у вас не могу остаться ни на минуту».

Я вышел из двери и пошел по Ольштрассе, не к фабрике, а в другую сторону. И, наверное, интуитивно, я пошел по дорожке к Соне. Уже в дырках заборы были, мы знали, через дырку стучу. Девчата знали меня, говорю, это Вася, позовите Соню. «Что случилось?» Вот, говорю, так, и так, и так. Слышу, что-то между собой поговорили — открывается окно, а тут девочка спала, мы ее убрали в другое место, туда, где другая заболела, ее в кранкенхауз отвезли, а тут меня положили: «Спи, лежи, я утром пойду к коменданту, лагерфюреру, вот такой мужик». Меня он уже лично знал.

Все ушли на работу, а я лежу, не раздевавшись, ничего, там у дедушки я ж немного обмылся. Заходит: вас ист лос, Вилли? Поднимаюсь. Он: руэ, руэ, спокойно! Я все ему рассказал. «А ты не боишься, что пришел сюда?» — «Я пришел к товарищу, говорю, мы уже дружим давно». Он говорит — я знаю. Молодцы. Если все будут так дружить, как вы дружите с Соней, я буду только рад. Он не

заставал нас, мы сексом не занимались, честными были...

Я пошел в душ, а мыло там, между прочим, и на одной фабрике, и на другой и на третьей — какое хочешь. Помылся я, приносит он мне костюм, синий костюм, «ОСТ» пришитый, идем на кухню — накормили... Доходим до самой проходной, он говорит: «Ты должен поменять фамилию. Тебя будут искать. Я слышал, что ты хороший токарь». Я говорю — да. «Тебя будут искать. В концлагерь тебя не посадят, но искать будут». И я меняю фамилию Чернобаев, беру фамилию Минаев...

<...> Гебитсфюрер, фамилия Кецберг, килограмм сто пятьдесят, не меньше, а мотоцикл маленький такой... И вот опять мамочка моя и папочка. Просит меня почистить мотоцикл. Открывает ящик — там такие тряпочки. И пошел. Я мотоцикл почистил, он выходит — мотоцикл уже готов. Чистил так, чтоб был чистый... Тогда еще плохо понимал, но он, наверное, сказал: каннст ду фарен? Я говорю: «Да». «Разворачивай, садись». Я сел. «Поедь». Поехал. Отъехал, ну на сколько? Проехал мимо усадьбы, мимо фабрики, опустил вниз, доехал до Ляйхлингена, километра два. Первое — что? Уеду! Убегу! Еду и думаю: куда уеду, угнал мотоцикл, повесят! Разворачиваюсь, приезжаю. Заезжаю — он уже стоит. Ну, думаю, лубасить будет. Ничего не сказал...

Но самое сильное, что он один раз говорит: «Поехали ко мне». Приехал к нему, первое, что он сделал — посадил за стол, накормил. А сам курит и на часы поглядывает. Потом включил приемник, и я слышу — от Советского Информбюро... И начинается сводка. У него на стене карта и флажки, где поставить? «Говори где — я буду ставить флажки», — приказывает. А у меня в голове: он ведь не поверит, он меня использует и хлопнет... Вот это момент, когда я красиво сыграл. Уже наши к Росту подошли, Росток

брали, так передали. А я говорю — это Ростов, а вот и мой родной город, Таганрог, освобождают его наши. Он говорит: бист ду идиот? Отвез меня и больше не брал.

Второй эпизод. Лео, Отто Лео, «лысый» я его дразнил. Лысый, почти без волос, полный, чуть-чуть больше меня, фрезеровщиком работал. Подлез ко мне и договорились... А жрать хотелось сначала... А у меня были хорошие желтые туфли на заказ, со скрипом. Он мне: «Давай я тебе дам две буханки хлеба за туфли». Он забрал туфли, а хлеба нет. Думаю: что же мне делать? А мастер, вот такой как Коль. Между прочим, шефа фамилия была Коль, и вот я так думаю, что Гельмут Коль — это сын моего того шефа, они похожие, такие здоровые... И года подходили, он приезжал пацаном, лет четырнадцати-пятнадцати, с отцом приезжал из Золингена... Я пошел мастеру рассказал. Он говорит: как? Я говорю: так, забрал у меня, и ходить не в чем, и хлеба нет... Как они ругались! Тот все-таки не дал ничего, а мастер принес свои ботинки. Это второй случай.

Теперь. Пауль Кребс. Что подчеркивается — токарь-универсал, мастер-класс. Лицо обожженное, может, на фронте, и нос так обожженный... Двое детей — две девочки, жена. Еврейка. Немцы еврейку жену забрали, а он с двумя девочками остался. А ее казнили. Вот это очень важно, чтоб оно проскочило!..

Что еще? О доброте людей? Не знаю, что сказать. Есть среди них отдельные такие, такие фашисты, что даже плюнуть не хочет тебе в морду. А есть такие, которые готовы все отдать. В общем, больше чем половина людей относились к нам хорошо. Например, ко мне. Или я в рубашке родился... Я не слышал, чтоб меня кто-нибудь громко заставлял: «Шнель, шнель арбайтен». Работал я обыкновенно, в силу своих мер и сил. Не перегружался. Это не у нас — чем больше работаешь, больше погоняют. Я там прорабо-

тал столько, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь сказал: «Экономьте электроэнергию». Лампочки горят днем и ночью, никто не орет, никто не ругается. Я удивлялся, честно говорю. То кусочек хлеба кинут, то бутербродик кинут, то окурок кинут, то сигаретку кинут. Хорошие люди, хорошие.

В третьем лагере когда я был, третий комendant, он сам шахтер, договорился тоже с одним шахтером о том, чтобы самогон гнали. Один раз ничего не получилось, я думал, что побьет меня, нет, не побил.

Что еще? О культуре ихней, об ихней аккуратности, о том, как они себя любили и как за собой ухаживали — об этом уже миллионы раз было слышно, и писано, и видели. Как у них аккуратно подстрижены все палисаднички, все дорожки, все подметено, убрано, подстрижено, полито, пополоно, причесано, приглажено. Далеко нам. И вот сумки стоят, двери открыты, уже потом нас стали бояться, закрывались.

Да, еще надо отметить, когда немцы шли на Сталинград, брали Сталинград — в ночную смену нам немцы давали пожрать. Приносили флейты, гармошки, пианино. Они играли, а нас просили, чтобы мы пели «Стеньку Разина». Как их шарахнули под Сталинградом — все флейты унесли домой! На домах черные флаги одиннадцать дней висели. Я не ходил туда, но находились такие, которые снимали эти флаги и шили себе трусы. Их ловили, с нашего лагеря одного в Дюссельдорф брали, возили и повесили за трусы. Вот это тоже надо, чтоб проскочило — жестокость такая.

...К Соне приезжает брат. Соня с Валея здесь, а брат тоже в Германию попал, переписывались, она от него получала письма, он от нее. Оказалось, он где-то недалеко живет, около Дюссельдорфа в Ратингене. И я поехал к нему. Приехал в Дюссельдорф, мы с ним побеседовали, еду домой. Приезжаю домой — а одет в costume, шляпа хо-

рошая, шляпы немцы давали от этих, от евреев, казненных — захожу на вокзал посмотреть расписание, слышу: «Хаст ду аусвайс?» Я — нет, кайн. «Следуй за мной, не думай бежать», — по-русски. Болгарин оказался. Так я попал в штрафлагерь.

Значит, что такое штрафлагерь? Штрафлагерь — это что-то страшное. Проволочная сетка, калитка, тут зашли, быстро разделись, смотали в кулек, положили под лестницу — и быстро в спальный корпус, ложись и все. Поспал, поднялся, оделся — и на работу. Но после того как забежал, разделся и положил — по кругу бегом. А по углам стоят вот эти с резиновыми (дубинками) и лупят. И вот такую профилактику утром и вечером — низа что, ни про что, просто так. Не выбирая, по спине, по голове, если замечают, что ухищряешься увернуться — тогда обязательно даст. Я до сих пор не понял, для чего это делалось.

Еще один достопримечательный момент. <...> Я уже думал, что здесь мамочкино не сработало — оказывается, сработало. Мне кричат: «Немец зовет тебя». Я глянул — возле калитка стоит такой, метра два с половиной, наверное, худой, шея такая длинная... Миша, наш, русский, советский, говорит: «Иди». Я выхожу, и только закрывается калитка, тот меня — бах, по шее. И кричит — форан. Прошли мы метров триста от обрыва — стоит сарай, где солома, полова. Открывает дверь, говорит — ниммт платц. Я сел. Через пару минут заходят две девочки, одетые в украинский орнамент, молоденькие такие девчата. «Оце вам принесли поїсти», и три сигареты, спички дает. «Оце поїсти, миски сюди кладіть, тут куріть, але ж тут сіно, не підпалить нас. Там в углу туалет, хазяїн сказав, якщо хочете, можете поспати». Думаю, чи я сплю, не понимаю. Я поел картошку в сметане (!), понимаете, хлеб и чашка кофе. Наелся. А в лагере, между прочим, неплохо кормили. Поел, закурил, лег, уснул. Проснулся, подымаюсь — опять девчата есть

принесли. Подремаю, посижу, еще раз принесли есть. И еще раз принесли есть. Потом заходит он и говорит — ни кусочка хлеба, ни окурка в карманах чтоб не было! Форан! Идем, спускаемся, доходим до калитки, Миша открывает калитку, а он мне по шее — бах! Вот отгадайте, что это было? Я не знаю что. Я ни у кого у немцев об этом не спрашивал. У дедушки я спрашивал, я к нему ездил. Он говорит — вот этот человек понял и не понял, он хочет быть и туда хорошим, и туда. Когда лагерфюрер был на территории, лагерфюрер видел, как он меня бил...

Освободили Випперфюрт 14 апреля 45 года, американцы. Садимся на джип и едем в город в центр в обувный магазин, один американец берет автомат, один рожок — тр-р-р, другой рожок — тр-р-р, открыли магазин, набрали обуви, оделись-приоделись. Свозят нас в Дальбрюк, под Кельн, 60 тысяч человек, советских... Я хочу сказать, что я не отважный, но и не смиренный. Я не лазил, потому что в детстве и юности нахватался этих пинков, тычков, синяков, не хотелось, наверное. А наверное и боялся. Если я сытый — чего я буду?

<...> Дежурил на кухне, а у нас 60 тыс. человек, на кухне можно взять что хочешь. Я беру вот такой шпик — сало, вот такой кусок — 25 на 25 сантиметров, беру килограмма два с половиной кофе в зернах — боннкафе, и Соне говорю — я поеду к дедушке, отвезу ему. Свою благодарность. «Ой, как это хорошо ты сделаешь!» Я выхожу, отнимаю у немца велосипед, и поехал. Приезжаю туда, захожу. И он плачет, и я плачу, и бабушка Эльза плачет. «Васенька, сыночек, оставайся здесь, мы так рады тебя видеть... Ты приехал пук-пук лагерфюрер?» Я говорю: нет, я никого не убиваю, лишь бы меня никто не трогал. Беру свой портфель, открываю, достаю сало, говорю: «Дайте мне кусочек хлеба!» — «О, бист ду хунгер?» — «Нет, — говорю — хочу съесть кусочек сала,

чтобы вы видели, что его можно есть, что оно не отравленное». — «Мы тебе верим!» Я говорю — нет-нет, давайте. И мы съели по кусочку сала, по кусочку хлеба... Он опять — оставайся, Пауль уйдет, будете с Соней жить здесь... Мы там заплакались, конечно, я потом, и сейчас тоже, очень радовался, что я сумел деду подарок сделать. Сало, конечно, тоже хорошая штука, но для них кофе этот — это опиум!..

Когда к нашим попали — это концлагерь. Возвращение домой — это концлагерь. Впервые, в Бресте — ограбили нас, обобрали. Приехали мы в Брест, разгрузились, моросил дождь, выгнали нас ночью на какое-то кладбище, налетели солдаты, позабирали — у меня чемодан взяли с вещами, у меня остался один рюкзак, костюм там был, пара белья была. Черт с ним!

Борис Иванович ЗІОМЕНКО

Учился сначала в школе, потом в военном артиллерийском училище, не училище — школе, два года. Окончил там 9 классов. Вынужден был идти работать на завод, так как отец не обеспечивал семью. Работал на военном заводе слесарем по сентябрь 1941 года. В сентябре завод эвакуировался на Урал. Отец работал на этом тоже заводе. Предлагали эвакуироваться... однако с заводом я доехал до Воронежа, где его разбомбили. Я вернулся в Харьков. Придя в город Харьков, через неделю пришли немцы. Началась... Грабильовка началась.

Немцы пришли с Холодной Горы. На этой горе наши солдаты сидели в окопах, ожидая атаки немцев, но когда мы сказали, что немцы уже в Харькове, то солдаты бросили оружие, стали переодеваться в гражданскую одежду и уходить кто куда.

Мы занялись грабильовкой заводов и фабрик. Там, кто печенье, кто... носили галеты, печенье, одеяла всякие, напитки, муку и так далее...

Потом лошадь нашли, значит, зарезали, котлеты нажарили. И мы эти самые котлеты ели, одеколоном запивали, конфетами заедали.

Но поскольку надо было заниматься работой, а ее не было. И я... подался с сестрой на менку, в Сумскую область. Село Боромля, где жила бабушка моей мачехи. В селе было спокойно. Буряки остались в поле, и селеanye ходили с топором в поле, рубали сахар-

ные ж буряки и гнали самогон. Побыв в селе до нового года, я вернулся в Харьков, в январе месяце, где хозяйничали немцы. Зарегистрировался у бургомистра и получил пропуск для проживания в городе Харькове.

Сидеть не пришлось, нужно было где-то зарабатывать на пропитание. Начал с ребятами, друзьями, ходить на Благовещенский базар. Ходя на базар, стал попадать в облавы, которые совершали войска СС. Нас всех молодых собирали и везли чистить дорогу на Белгород. Снег. Были большие снеговые заносы. А вечером привозили, выпускали домой...

*Я Берлин изурли, как
свои паны пальцев.
Вот, не хуже Харькова
знал.*

Так я попадал, в январе и феврале-месяце, два раза попадал в облаву.

На третий раз я попал в облаву, но нас не везли чистить дорогу на

Белгород, а... завезли в барак на Сортировке. Те... Записали фамилию, имя, отчество и домашний адрес. Потом послали посыльных по адресу, они взяли у родителей необходимые вещи и в начале марта посадили нас в теплушки и... под конвоем повезли в Германию. Первая остановка была в Польше, город Краков, потом Берлин. Вот это я попал в Берлин так.

Ну, в Берлине, значит, что? Привезли нас в пересыльной лагерь... приходили эти самые, значит, так сказать, ну, покупатели, забирали людей... Представители заводов, фабрик, там, значит, и частные люди приходили, брали людей. Сколько нужно им,

они брали для работы на своих заводах, фабриках. Так я попал на завод Грюневальд в городе Берлине, и остановка там метро, электрички ихней, она окружная ходит, Грюневальд.

Лагерь Галензее. Находились в лагере Галензее, значит, мы месяцев, наверное, пять... Ну, как там? В бараках содержали нас по... 10 человек в комнате было. Двойные нары были, так... Сносно было все, так. Были матрасы... вот сейчас не помню, с чем, но, по-моему, не тюфячные матрасы были, не соломой набиты, нет. Нормальные, не тюфячные матрасы были. Одежда была, простыни были, подушки были, тоже нормальные подушки, все нормальное было. Бытовые условия неплохие... По тем временам — неплохие.

Ну, как? Давали там утром завтрак. Позавтракали. Потом построили всех по пятерочкам. Полицай по краям, если темно было, с фонарями шли утром. Водили на завод «Грюневальд». Я попал на склад. Инструментальный склад. Я, значит, раскладывал там всякие инструменты и детали там всякие. Ну, это продолжалось, так, наверное, до 43 года. А потом начали ребята, значит, убежать.

<...>

Да. Кормили как? Нормально. Как? Ну, можно было жить, как... Баланда она баланда, в обед давали. Утром давали маргарина, там такую спичечную коробку, потом давали... сигареты давали... хлеб давали, чай и что-то такое на первое давали. В обед, значит, в заводе, привозили в термосах обеды такие. Ну... Немцы нас подкармливали, там были такие... Ну... Понравился вот я какому-то немцу, такой это здоровый помню. Он позовет, так, за вагон, вот. Бутербродик даст, и чтоб никто не видел, потому что его ж могли сразу посадить, если немцы... Там строго было, вообще.

Ну, мы начали... Идем на работу... Некоторые такие шустрые были. Там Коровин был

первый, Ваня, Коровин фамилия его была, он первый рванул в город. Вечером с работы все идут, он в строй стал, уже и колбаска, и сырок у него там, и-и-и... Карточки, там же карточная... за карточки можно было все купить. Нам платили деньги там, ну, марки, ну, мало платили. Так, на сигареты в основном. А когда уже по карточкам, можно было что-то купить уже.

Ну, а потом уже и я приспособился с друзьями. Так, рванешь утром — вечером в строй. Придешь, уже подспорье хорошее стало. Стали немножко лучше жить.

Где же брали, ну, вот то, что приносили?

Ну, воровали по магазинам. Ходили по магазинам. Заходишь в магазин. А у них же тогда воров не было. У них все пооткрыто. Заходишь в магазин, а она себе сидит там на кухне. Частный магазин. Дверь открыта, она там, на кухне сидит, что-то делает. И у них звоночек такой: «Дзинь, дзинь». Ну, а мы же уже приспособились, значит. Заходишь в магазин только, она же не знает, что пришел русский какой-то или украинец. Вот. Приходишь в магазин... Пока она... Ну уже же не первый раз, соображаешь... А карточки лежали на прилавке, так уверху. Такой, значить, прилавок стеклянный, как холодильник, а там карточки лежали. Ото, подходишь, в карман раз, а потом стал, стоишь. «Вас воллен зи. Что вы хотели?» Я говорю, там: «Брот или бутер». — «Картен». — «Найн. Найн. Не. Не. Без карты...»

А уже карточки в тебя в кармане. Колбасу всю за пояс или что-нибудь такое. Ну, проходило, проходило...

Потом же — сколько вор не воруй, тюрьмы не минует. В один прекрасный раз я попался. И меня отправили на Александерплац, это пересылочная тюрьма была.

А как попались?

Ну... Колбасу... С колбасой, значит, а она заметила... Я оттуда, а за мной... полицаи

схватили меня... Схватили. Ну что, признался с какого лагеря, все.

Ну, а потом, значит, на пересылку, это на Александерплац. А там все иностранцы сидели, поляки, все сидели, я с ними там сидел. Три раза был там. И такие громадные комнаты были, высокие. Шестиярусные нары, такие, как ячейки, и ото залазишь и ночуешь там. Пересыпаешь. Просто на голых... Без матрасов, без ничего... Доски и все. На досках. Посидишь там неделю или две. Вызывают в суд. Судили. Судили, значит. Три месяца тюрьмы Тэгель в Берлине там, где ото Хонеккер сидел. Сидел в одиночке. Ну, там тоже кормили три раза в день. На день койка пристегивалась, лежать нельзя было, целый день надо было сидеть или ходить. А кровати были... Кровати железные, она откидалась. Когда вечером уже спать ложиться, приходил надзиратель, открывал ту кровать и ложился спать, матрас был, все такое. Нормально было в тюрьме. Ну, а потом, значит, утром подъем. Он заходит, опять койку под... это самое, закрывают.

В воскресенье водили нас вот в церковь. Я в церкви там познакомился — Васыль Цибаняк, был такой, западноукраинец. Он мне кое-что помог, в свое время, потом. Вот. Мы с ним подружились так. И когда уже мы вышли, я с ним так связь поддерживал. А он, как западный украинец, он, значит, имел привилегию, как фольксдойч был, он имел привилегию и работал на текстильной фабрике в Бернау. Там есть Бернау, это на севере Берлина, там, ну как у нас Мерефа, там так. Может, ближе, чем Мерефа. Туда тоже электричка ходила. Я побывал... потом уже в него. Скрывался...

Ну и короче говоря, сидел я. Отсидел я, значит, три месяца. Ну ото ж связь... дружбу мы завели с этим, с Васылем. Опять стал работать, но уже работать не хочется! Уже работать не хочется...

Вернулся опять в лагерь.

Тот же?

Да. Ну а там, значит, что? Чтоб не работать... Как? Начинали всякие мастырки делать, как называется... Возьмешь, натрешь, ножом кожу сдерешь... Ну, больно, конечно, до крови, а потом соль с чесноком; хлеб, соль и чеснок прикладываешь, ну, завязываешь бинтом. На второй... Ложишься спать. Печет, все. Утром просыпаешься, а тебе разнесло руку, и... она начинает гнить, начинает загнивать. Ну, она загнаивается, а придешь в санчасть, тебя освобождают от работы. Ото, в лагере кантуешься, там сидишь. Один... А потом... Сам же кантуешься, а сам в строй становишься, чтоб... Там же тоже на заводе пересчитывали. А мы... в строй становишься... Ну, там, на заводе особо не считали. А ты на больничном же находишься... Потом, значит, берешь становишься в строй с рабочими на завод, а сам убегаешь в город. В город убегаешь, а там... Ну, знали, где магазины вже... в какие магазины уже нельзя ходить, где тебя уже там знали... А Берлин же большой. Поедешь в другой район...

Я Берлин изучил, как свои пять пальцев. Вот, не хуже Харькова знал.

Утром пробежался по магазинам. Пошли в ресторан пообедали. Зашли... Ну, где... в чистом одетый, меня особо... ну, заметно конечно, но не так... Ну, там поляки ходили свободно, там это самые, и французы ходили свободно, и короче, все свободно ходили, без всяких этих, наклеек. Ну и я, ходил как иностранец. Они ж видят, что иностранцы, но какой и кто... я ж... Ну, в ресторанах звели там знакомство. Они ж за копейку повесятся. А у нас денешки появились. Ну, кинешь там. Там был старичок: «О майн либе фройнд пришел!»

Пообедал — и куда? Ага. Сидишься в электричку, а там же окружная, по Берлину. Пока круг объедешь — час, а то и больше часа. Она ходит одна сюда, одна туда. Круга два-три сделаешь, дремлешь... А в электричке никто

тебя не проверял. Ну может... Ходили проверяли с эмблемами, эсесовцы ходили. Ну, как-то везло, не попадался ни разу, и ото крутишься, крутишься. А потом, значит, смотришь, время уже, с работы будут идти. К тоннелю подходишь. Уже загруженный. В строй становишься, ребята знают, что я буду идти.

...Начали за мной уже немножко следить, там, в лагере. Ну, так особо не придирались. Я второй раз попадаюсь. Уже после... Второй раз попадаюсь. Опять на Александерплац. Опять все процедуры там. Опять суд. Меня судят, меня опять на три месяца судят и отправляют в штабную... это, роту СС, под чехословацкой границей. Нас шесть человек отправили туда. Ну, там издевались, конечно, хорошо. Заставляли бревна таскать нас. Там горы, и замок был на горе. А в этом замке часть СС-совская стояла. Убирали, подметали... Вот, это ж три месяца я там пробыл. Там меня хорошо избивали раз, не меня – всех избивали. Мы воровали картошку и пекли. И нас... Они за воровство там... И, короче говоря, нас поймали с этой картошкой, избивали нас хорошо. И, короче говоря, мы перестали воровать картошку. (*Весело.*) Получили. Вот. И, короче, был там, и я опять пришел в лагерь.

Опять в тот же?

Опять в Грюневальд. Ну, вот тут началась травля на меня. За мной... Я уже не могу ни оторваться никуда. За мной...

А кто следит?

Полицаи. Полицаи. Надзор же был. Там были ж и предатели. Были сексоты, тоже наши были. Были, которые, как сказать... Ну, как сказать, их там подкармливали, привилегия была. Ну, тоже следили, докладывали, что, мол, тот-то и тот-то сорвался... Тот-то и тот-то...

Ну, за мной стали следить, следили, следили, значит. Потом что-то у нас там... я оторвался, и меня хотели опять в третий раз уже посадить. Ну, посадили меня в карцер.

Там в лагере карцер был. Коридор и там же камеры. Ну, и там же параша была так

называемая. Туда, где оправляются, там все... Ну, а я чувствовал, что меня опять посадят, и уже я знал, может, и отправят в концлагерь. В третий раз будут судить и отправят в концлагерь.

Но я просидел сутки, на вторые сутки с товарищем говорю: «Надо бежать отсюда», говорю. Он говорит: «Как?» А полицаи там были все старики, а мы ж молодые были, шустрые такие. Стеннело. Я вечером стучусь: «Вот, надо вынести. Воняет. Вже полная говорю, вже некуда ходить». Он: «Нет. Нет. Ну, ладно, выходи». Он только дверь открывает, мы эту парашу на него. Как бахнули этой парашей. Он упал и пистолет свой не вытянул...

И мы как рванули. Там железная дорога, а тут автострада, большая такая... как сказать, международная. И мы там... Проволока у нас была пробита, и дырки в проволоке были. Огорожено проволокой было. Мы туда в дырку, знали ходы.

Нырнули. Натюрлих. И, ото, ушли... Это было в 43 году. Я как ушел, и больше в лагерях я не был... Потом, значит, присоединился к этому... Наш, там ребята знакомые были... с группы сопротивления. Они жили, в этом самом, в разбитых домах. Там же когда англичане, американцы бомбили... Квартал разобьют, а внутри квартала целые квартиры, с мебелью, со всем, полностью. Понаходили эти квартиры. И то там жили в этих квартирах.

Так, и девочки же были там, с нами тоже. Вот Николай Курносый, он командовал там всем этим, этим заведением. Ну и мы... Это группа сопротивления. Я мало там был. Может, недели две или три. Мне дали задание отнести обойму для патронов. Взять патроны там...

Это в Берлине?

Да, в самом Берлине. Я с этой обоймой пошел, значит, по заданию, через развалины.

Меня схватили, завезли меня в фабрику. Там недалеко фабрика была. Вызывали, как говорят, «черный ворон», как сказать, чтобы отвезти меня в тюрьму. Ну а я... Меня оставили, а я хотел бежать. Я уже выскочил, а там проходная... Я за дверью стал и стою. Они кричат: «Убежал». Я, значит, нарочно слюну со рта пустил, упал. Потерял сознание. Но я в сознании был, но притворился, что я потерял сознание.

Меня подняли, водой облили, опять отравили на Александерплац. Это в третий раз. А этот раз я попал уже в штрафной лагерь Вульгайде.

Был такой лагерь под Берлином. Я попал туда, в этот лагерь. Попал в этот лагерь, значит... В этом лагере хуже было, чем в концлагере. Во-первых, ни одеял, ничего, одни матрасы соломенные были. Лежали... Ну, это летом было, конечно, может, зимой бы там и выдавали. Ну, извелись, били всех.

А тут меня выручил Вася этот Цибаняк, с которым я сидел в тюрьме. А он был... Ну, удобно все говорить?

Да, конечно.

Ну, он был красивый молодой парень, стройный, ну, лет 20 там, и его использовал этот — начальник лагеря, как я знаю...

Понятно.

В задний проход, так. И он у него пользовался авторитетом. И когда мы встретились, он сказал: «Вот этих товарищей поставь в подсобное хозяйство, чтобы не гоняли на каменоломни». Там на каменоломнях, где камень добывали. Чтобы не гоняли на каменоломни. Я даже не помню, как там кормили, потому что я там два месяца пробыл, два или, может, чуть около трех. Два месяца, наверное, пробыл.

И, короче, меня поставили кормить кролей там. У них там подсобное хозяйство. С того лагеря не убежишь. Там колючая проволока, под током все.

А этот рядом пристроенный лагерь. Дворовое хозяйство у них было. Ну, там все. Машины там были.

Отгорожена часть была для курей, утей. И ото мы там вдвоем утей кормили. Следили, когда ход идет.

А вот это ж была моя подруга, с этого самого, город Шахты. Как-то я с ней не встретился... Ну оно, знаете, легкомыслие было в молодости. Вот, она сказала... Я отвлекаюсь немного.

Ничего. Ничего.

Значит, она сказала, пишет мне — ты ненадежный. Мне попался человек порядочный. Она от меня забеременела, родила сына. А-а-а... Вроде, так она писала. Ну и попался, говорит, порядочный мужчина, я выхожу замуж. Подарок у меня есть ее. Она присылала мне, а я родителям своим прислал. Остальные все фотографии. Наши же арестовали и все забрали.

Ну и, короче, говорю: «Надо же бежать отсюда». Два ряда проволоки, а между ними нет ничего. А здесь он сидит, целый день, смотрим, он спит сидит, дремлет.

Мы решили, когда обход, через какое время с собаками ходили, обходили это самое. Когда идет обход. Когда меняется караул. Изучили за эти два месяца хорошо.

И, короче говоря, в один прекрасный день приходит моя эта Валентина... и приносит передачу. Так не передавали, но через Василия можно было, это ж, было передать. К проволоке подошла метров за 20.

Говорю: «Привет». Шутя, шутя, не страха, абсолютно ничего. Сейчас страх появляется, что не дай Бог бы поймали. Собаками травят и убивали, за побег. И, короче говоря...

А мы уже подготовили проволоку. Была наковальня и молоток. Перебили одну, соединили. Они ж не присматривались, а так, в общем, идут, смотрят. И, короче говоря, она там стоит, ну, я ныряю туда, первый. Нырнул, пролез. В траву лег.

И, короче говоря, вылезли, лысые, в этих полосатых костюмах, как в концлагере. Там тоже в штрафном полосатые были костюмы. А это было часа четыре дня, а там парк, люди гуляют. Тут такие бугры, трава. Я смотрю, матрасы лежат старые. Я говорю (другу) — бери матрас и закройся. Сам взял матрас, накинул на спину и на голову, и то же сделал мой напарник Николай. Через аллею перешли, а дальше лес идет. Она за нами бежит. Ну, молодая тоже. По 20 лет, а ей 19 было, по-моему. 24-го года, она тоже такая ж, как и я.

Добежали до железной дороги. Короче говоря, начало темнеть. Послали ее в город. Она мотнула, привезла нам одежду. Ну, привезла нам костюмы. Она приезжает с ребятами, привозит одежду. Мы переодеваемся, и в Берлин. Шапки поодевали.

Там дачи были немецкие, и там большой густой лес, и мы в густом лесе остановились. Ну там, на дачах у них.

И, короче говоря, обосновались в этом, значит, лесу. Ну, неделю там прожили, ну, начали вылазки делать к друзьям. Потом, значит, поехали в воскресенье в Берлин вдвоем, а третьего оставили здесь. И мы утром рано приезжаем, а там заросли были такие, тропинка, может быть, была. Все было заросшее таким молодым лесником, лес молодой.

И слышим разговоры немецкие, там, где наше логово было. Я говорю: «Стой, что-то не то. Неужели нас, это самое, открыли наше место?» Он говорит, да, наверное, да. И как рванули. Оказывается, что наш Коля, который там был, ночью пошел туда к немцам, по дачам полез. Его поймали там, лупили. И они там засаду сделали. А его там схватили... Даже не знаю, что с ним было дальше... концовки не знаю.

А мы с этим другим, мы ушли с ним, тоже Николай его звали, ушли в город. Потом я пристроился в один лагерь. Там жили по-

ляки, и русские, украинцы, короче интернациональный. Начал на заводе этом работать. Работал на этом заводе. Ну, и в одно время же ночью ходили грабить магазины. Дома стоят, и магазины в домах. Витрины побиты. Фанерой позабиты. И ото мы ночью одеваем на обувь шерстяные носки теплые, чтоб идти по асфальту, чтоб не слышно было цокота. Человека три-четыре ходило.

Ну, подходим к магазину, Во-первых, днем магазины эти просматривали, следили, где хозяева живут. Подготавливались, а ночью, часов в 12 ночи шли обворовывали. Колбасу, масло, водку забирали там. В основном карточки. В лагерь придешь, там где наши были. Она в два раза дороже, чем... Хлеб стоит одна марка, а мы за полмарки продавали карточку. Так что и нам было выгодно.

И, короче говоря, у нас там барак был. В бараке отгородились вот этими ящиками. Вырыли ямку, погреб себе. Ну, принесли по ящику масла сливочного. Ну сколько можно унести? Колбасу, сыр.

Но кто-то нас продал... Нас, когда грабили эту нашу кладовку. Нам сообщили, мы туда больше не пошли. Смылись, значит. Ну, думаем, куда деваться?

Сначала к Цибаняку пришел. Он мне достал документ как фольксдойчу. Что я с Западной Украины. Он мне подтвердил. Вот и, короче говоря, он мне сделал эти документы. Со справкой этой, пришел, значит, сделал аусвайс, как немоцкоподданный.

И я устроился на текстильную фабрику. Научился на текстильном станке работать. Это уже было конец 44, начало 45 года. У нас там была комнатка на втором этаже. Принесем вот это колбаски там, то да се. А работали на этой самой, фабрике. Научился плюш делать. Как плюш делается знаю. А потом, значит... Подозрение у хозяина фабрики. Он позвал полицаев, но мы вовремя смылись опять. И я пришел к этому

Чередниченко. Ну, хозяин у него был немец такой неплохой. Мы там ночевали. Уже был 45 год, апрель месяц, так что мы там дожили до освобождения. Вот такая вот вся история.

<...>

Сборочный пункт. Проходим, значит, фильтрацию. Допрашивал этот, СМЕРШ. Излагал так, как вам сейчас, так и им излагал. Но они там ко мне придрались, что я там упустил, я там что-то упустил где-то. Где-то я, вроде, кого-то я там предал или продал кого-то.

В архивах у них там все есть в Москве, они меня судили. Ну, они мне не дали ничего оттуда. Они дали, что был осужден. У меня справка ж есть. Был осужденный и-и-и... на 5 лет и, значит, отправлен на Урал.

Посадили в камеру, там, допросы начались. Ночью вызывают, 3 часа ночи, подымает, начинает перекрестные допросы. Потом опять. Ну а потом судили. Нас три человека судили. Мне пять, одному два штрафного. Это еще хуже, чем тюрьма. И отправили на Урал.

И отправили на Урал. Сначала, это, Свердловская область, город Верхневьянск — там строили водородный завод. В 46 году, значит, я попал туда. Попал туда, значит... Привезли туда, мороз. Выстроили вот так всех, ну вроде как изменников родины всех. Выстроили всех, и начали строителей... отбирать строителей. Как я стал строителем. Каменщики есть — выйти со строя. Плотники есть — выйти со строя. Думаю, та что ж я... А я когда-то отцу красил, окна помогал красить. Маляра есть? И я вышел с малярами. А я ж — ничего... Ну что я — после школы...

Ну, короче говоря, вышел со строя. Нас всех отправили в отдельное, значит, помещение. А тех отдельно. Лопата, кирка, и долбай мерзлую землю. Вот так я попал в маляра. Начал малярить. Бригадир был татарин, здоровый такой. «Пойди, говорит, загаси известь». Что такое известь? Метет.

Ларь открою один — белое. Взял, набрал, воды налил. А набрал алебастр вместо извести. «Эй ты, иди сюда». Как попер меня матом. Ведро новое, оно схватилось, как камень, — алебастр. Это сейчас я могу различить, на ощупь. Но потом, значит, попал один старичок. Колерная мастерская была, там, где разводили краски. Он меня взял. Начал показывать, как колера делаются. Тут я начал учиться.

Ну, в лагере получилось так... Попал в компанию одну. Склад обворовал. И, короче говоря, попались.

Посадили меня и забыли про меня совсем. Забыли про меня совсем. Уже неделю, две, месяц сижу. А там про меня уже забыли. Ну, молчат, и я молчу. Ну, конечно, кормят хуже. Вот это 46–47 год. Крапивой... Борщ с крапивой и отруби с соей. Умирали... А потом меня в спину один ударил. Я был на больничном. Я смотрел, как там, сколько умирали. Человек по 10, по 15. По три человека в гроб — и отвозят в тайгу. Повысыпали, а гробы опять привезли. А в санчасти вот так лежат, ну дистрофики.

...А там было два Ивана — они были хозяева. «Вот этого надо в холодную выкидать, с него толку не будет!» — «Дядя Ваня я еще жить хочу, я еще поправлюсь!» «Молчи дурак!»

Я то там, короче говоря, тоже пристроился. Умел пристраиваться. Начал носить пищу в зону. Завтракаем у лагере. Потом берем крупу, рыбий жир. Там был повар, взял меня носильщиком. И, короче говоря, в зону приходим, там были кухня, он там варит, я помогал ему.

А потом вечером уже в зону. Утром, когда я взял крупу, получил на складе поллитровую баночку, раз передал, а потом кашку сами варили. Уже это поддержка была. Ну, приспособлялись. Я говорю, мне так везло.

И значит... Вот так я выжил. Потом в камере воры в законе.

Потом передачу принесли. Там коржики такие, сдобные. Пахнут! Ну, они ж тут по сто граммов выпили, съели. А шпана, сидит — никто. Ну, никто ж не тронет, и эти коржики повесили. А я ночью проснулся. Давай коржичков штуки три взял оттуда в них, пошел на парашу там вроде. Ну там поел, уже подкрепился. Но они утром кинулись, кто осмелился, кто осмелился залезть, давай дергать этих шустрых таких, лупят их, они клянутся.

«Та что-то мне подозрительно». — «Тебя кто-нибудь за язык тянет?» Свой был. Вот такие вот моменты были. Отец приезжал.

Ну, а потом я досрочно освобожден. В 49 году освобожден. Уже был специалистом-маляром. Ну а потом что, там же не отпустили. Окончил там техникум, в Свердловске, строительный, а потом приехал в Харьков к родным. Можно было и не ехать... Я приехал в 52 году...

Олександра Миколаївна ГАЛКІНА

Галкина Александра Николаевна. 1925 год рождения.

В 42 году была угнана... принудительно. Вывезли меня... в Германию. Ну, конечно ж, под автоматами, с собаками.

Из Харькова?

Из Харькова. Везли в товарняках. Перед польской границей нас выпустили по нужде. Было какое-то поле. Мы с подругой решили удрать. Бежали, бежали — вроде удрали. Вдруг откуда-то появился мужчина, по-моему, поляк, схватил нас за воротник, меня и подругу, привел к солдату, который охранял нас, и говорит: «Хотели удрать...» Получили подзатыльник — и опять в вагон. Побег не удался...

Привезли нас во Франкфурт-на-Одере. Распределительный пункт. Тут же появились покупатели, немки и немцы — хозяйки выбирали себе рабов поздоровей, покрепче.

Те, кто остались — отправили в Берлин на заводы. Я попала на завод АЕГ, кабель-верк. Поселили в лагере, он находился в Берлин-Кёпеник, на улице Шёневальдештрассе 306, 5/6. Лагерь был обнесен колючей проволокой, жили в деревянных бараках.

На завод возили по реке Шпрее. Дорога была одна — лагерь-завод, завод-пароход, лагерь. Мы не имели права выходить за пределы лагеря. Кругом охрана.

В комнате нас было человек 14, не всех я уже помню. Кого помню: Клава Санькова, Полина Князева, Мария Заноякина, сестры Ольга и Надежда Гусевы, Вера Редька, Мария Масалитина, Виктория Машкевич. Все из Харькова. На заводе мы отработали 2 года 6 месяцев. Я была обмотчицей на станочке, мотала проволоку на шпульки. И все эти девочки тоже работали обмотчицами.

Лагерфюрер была женщина — фрау Труман. Очень строгая была. Однажды я опоздала на пароход, прибежала последней — она всегда сопровождала нас до парохода. Она хотела меня ударить. А я проскочила под ее рукой. (Весело.)

Она разозлилась, что не попала, пришла на пароход искать меня, ходила-ходила, хотела, наверно, меня ударить или наказать — не знаю...

А девчонки положили меня на скамейку, закрыли своими спинами. Она походила-походила, с тем и ушла. К счастью, она не запомнила меня... 1500 лиц, попробуй найти. Вот это было интересно...

Вам, когда вы там находились, можно было письма писать?

Писала я одно письмо и получила его обратно. Не знаю почему. Больше не писала.

То есть ни посылок, ничего не передавали, да?

Нет, посылок не было. Во-первых, не с чего было передавать. Родители сами жили впроголодь. То, что было из продуктов

Слышим, голос командира — если хоть кто-то обидит хоть одну девушку, расстреляю сам, своей собственной рукой.

в доме: сахар, мука, поросенок, куры — немцы забрали. Сестра ездила на менку, тем и жили. Ее все время повестками вызывали на биржу. Все время она пряталась на чердаке. Травила себя. Натирала ноги чесноком, отчего получались раны. А последний раз была мобилизация — так она закипятила кастрюлю воды и обварила себя от груди до пят (после войны о ней писали в газете «Вечерний Харьков»). А я прихватила с собой подругу Полину, и понесли мы повестку на биржу, сказать, что случилось с сестрой. Нам сказала женщина, которая работала на бирже: «Пройдите в ту комнату!». Мы прошли, а там было много женщин и девочек. Короче, нас оттуда уже не выпустили. Отправили на вокзал.

<...> Лагерь, барак, двухъярусные нары. Кормили ужасно, брюква с червями, кусочек хлеба, грамм 10 маргарина, суп — червей выбросишь, брюкву ешь, и все. У меня был вес 44 килограмма.

...Берлин бомбили часто и сильно. Мы прятались в бункерах. Как-то, уже не помню, мы были в лагере, началась бомбежка — мы все в бункер. Когда окончилась бомбежка, мы вышли, а лагерь и наши бараки горят. В чем стояли, в том и остались. Конечно, все разбежались кто куда. Нас человек шесть бежали в лес. Тридня. Тридня находились в лесу. Под дождем, в одних платицах, в чем были... В какую-то деревушку прибежали, а там спрятались за кусты и слышим русский голос...

Ах... Не могу больше говорить... *(Плачет.)*

Оказалось там наши русские девочки, у бауэра работали, 7 человек. Мы к ним подошли, рассказали, кто мы и откуда, они нас спрятали на чердак. И мы там просидели, наверное, недели две. Они нас кормили. Они очень боялись, чтобы не узнал хозяин, иначе и нам, и им — концлагерь. К ним приходил русский парень из соседнего мужского лагеря, переводчик, звали его Лёня. Они ему рассказали все.

Он пообещал поговорить со своим начальником лагеря. Он говорит: «Он хороший человек, думаю, что поможет. Но к нам в лагерь он взять не сможет, наш — мужской».

На следующий день приходит Лёня, забирает нас к начальнику. Мы, конечно, струсили. Он дает нам полиция с винтовкой и отправляет нас на биржу труда с каким-то письмом. А так бы мы за побег очутились бы в концлагере...

Биржа разбросала нас в разные места. Я попала на фирму, которая занималась разборкой разбитых от бомбежки домов.

Сначала выбирали целый кирпич, норма была 200 штук. Тяжело было разгребать развалины. А потом убирали улицы Берлина. Это все было без документов и оформлений. Нас было там человек 30.

Кормили нас лучше, чем в лагере.

Был у нас мастер Эмиль... Бывший пленный, той войны еще, пожилой мужчина. И он нам очень помогал, он нам бутерброды приносил, кому обувь приносил. Все же босые были. А жена его все время передавала нам кушать что-нибудь. И так было до освобождения.

Уже слышны были выстрелы, били «кастюши», шел бой за Берлин. Обстановка потеплела, мы могли выходить в город, но со знаком «ОСТ». Ходили там, другой раз в магазин зайдешь, там что-то такое... Любили фотографироваться на память друг с другом, в одиночку, группами.

К сожалению, все мои фотографии пропали...

Ну, что еще рассказать?

Вот у меня... Значит, я на первой смене работала, а на второй смене работала французенка на моем станочке. Так она меня подкармливала. Отходы проволоки... в ящике, она мне всегда подкладывала туда бутерброды... Там, от, яблочко, когда грушку. Они же получали. Иностранцы получали там посылки, им всегда легче было. Так она мне

всегда... Строем нас ведут. Выводят, а они заходят, она мне моргает, там есть что-то. Я уже прихожу, смотрю, там... бутербродик, яблочко...

Она такая же молодая?

Нет, она была старше. Вот как сейчас ее помню, рыженькая, рыженькая и конопатенькая, и волосы рыжие, такая французенка. И вот она меня тоже подкармливала. Дай Бог здоровья, если она жива. Нет ее — царство небесное. Тоже вот такая дружба...

Справа налево: 1 ряд — Гусева Надежда, Гусева Ольга, Заночкина Мария; 2 ряд — Масалитина Мария, Князева Полина, Галкина Александра, Чукович Клавдия; 3 ряд — Валентина (фамилию не помню).
Конец 1944 г. Работали на заводе АЕГ, в г. Берлине. Лагерь находился в Кёпенике.
Фотографировал немец.
Одежду занимали друг у друга

А так... Больше никого... У нас в лагере одни русские были... и одни девочки... У нас мальчишек не было... Так, что у нас полный порядок... Никто не привез... (Смех.) Какие приехали, такие и...

А когда мы работали на разборке завалин, там ездил на маленькой «кукушке», ну на вот этой... паровозик маленький, ездил машинист один. Симпатичный такой, черненький мальчишка. Ну, молодой мужчина. Парень... А мы стояли, все время эту «кукушку» провожали. Отработаем, станем, провожаем. А он подзывает, дает пакет, продукты. Это первый раз. Я взяла, разделила, всем девочкам, все.

На второй день мы стоим, а он опять подзывает меня... И вот так он, наверное, с месяц, пока мы там работали, убирали вот эти кирпичи, все, он все время возил нам пакеты эти.

Почему выбрал меня? Ха-ха-ха... Самая, наверное, маленькая была.

Маленькая, худенькая. И вот это нам легче было. Он так всегда улыбался!

...Мы сидели в подвале, в аэропорту Темпельхоф. Нас человек 400, женщин. Саперы зашли первыми в этот лагерь, в этот бункер, в этот подвал. Слышим, голос командира: если хоть кто-то обидит хоть одну девушку, расстреляю сам, своей собственной рукой. Все солдаты покотом положились отдыхать, а он сел в центре подвала, мы его окружили... И он писал такие райские... эти самые... что у нас так все хорошо, уже Харьков отстроен и что там все уже в порядке... Успокаивал нас как мог. Что езжайте, девочки... Все там хорошо. Все... Что и жизнь хорошая. «Езжайте домой... Там уже венчаются... Ну, все там. Райская жизнь в Харькове».

Потом спрашивает: «Кто здесь из Харькова?» Ну, девочки там из Богодухова, там с области, говорят: «Я. Я. Я». Я молчу, боюсь, я такая была трусиха. А Люба там, из Богодухова, говорит: «Вот у нас прямо харьковчан-

ка. Из Харькова». — «Где ты жила?» Там и там, поговорили... все. Он дает мне адрес полевой почты. «Напишешь. И я напишу... Дай мне свой адрес, я напишу твоим родителям». Подарил мне еще на память шелковый платок — на память, как землячке.

Мы сразу пошли пешком на границу. Кто-то нас подвез немножко, наши солдаты...

Фильтрационную проверку проходили?

А как же!? Проходила в Раве-Русской. В Раве-Русской там был следователь. Он нас допрашивал. Это все записывается?..

Послали к гинекологу. А я взяла эту бумажку и порвала. Я говорю: «Мне там делать нечего. Я какая приехала, такая и уезжаю».

Праздновали мы День Победы! О Боже! Музыка, танцы. Не отходил от меня этот следователь. (*Смеются.*) Ну, все ничего, уехали, уехали благополучно... Все нормально было.

Я сразу сказала: «Мне там делать нечего...» Ну они ж проверяли всех девочек. Чтоб не было там все, чего...Чего они там искали...

А если чего-то вдруг было?

Лечили, наверное, если у кого-то что-то там было. Он говорит: «Не может быть!» А я говорю: «Да! Все, мне там делать нечего!», повернулась и ушла.

...Подходим мы к платформе... Харьковчанка проводница. Ну, девочки, значит, которые бегали там... заходили в пустые дома, что-то брали, что-то там себе... одежду там, не знаю что... Мне дали они только кусок меда и буханку хлеба. Говорят: «Ты умрешь с голода в дороге». А я никуда не пошла. Я не могла, не могла, вообще не могла, я такой человек... что я никуда не ходила. Они говорят: «Ну, на, а то ты умрешь с голоду».

Я пришла на вокзал. А эта проводница говорит: «Девочки, давайте мне вещи за то,

что я вас провезу». А мне нечего... У меня ничего не было. Один чемодан и ото кусочек... и фотографий полчемодана, и больше ничего. А я говорю: «Ну, а если у меня ничего нет?» А она говорит: «Ну, я не возьму тебя. Я не возьму тебя». Девочки начали просить: «Ну, что вы... Ну, она никуда не ходила, у нее ничего нет. Вы видите, у нее одно платье, ну, что она, снимет платье вам?» — «Ну не знаю. Я не знаю, но я не возьму. Мне только давайте...» Тогда девочки все со своих чемоданов повытаскивали, кто блузку, кто там рубашку, кто платье, кто что, кто что мог... Набросали ей тряпки: «На, говорят, только возьми ее...» Она тогда взяла меня. Приехала я в Харьков. Да. Я еще спрашивала: «Где вы живете, мой папа вас отблагодарит. Мой папа все сделает... Ну возьмите...» Нет, ни в какую.

И вот как сейчас я ее помню. Она живет тут, в Харькове. Не знаю, жива ли. Нет. Не знаю. Ну и поехала я домой, в Харьков. Все.

...Товарняки открыты были. Мы ехали в мае. Заскакивает в нашей форме солдат. Мы думали, что солдат, а это просто бандиты переодетые в наших солдат. И он выбросил у нас чемоданов 5 из нашего вагона. И мой туда попал чемодан, потому что я его не сохраняла. А девочки такие вот они, более старше были, они практичные, они одевали все на себя. Мне одевать нечего было. Я в одном платье приехала, мне даже переодеться не во что было.

Приехала я домой... Мама показала мне письмо от солдата, который обещал написать родителям. Я говорю, он хороший человек. Тогда мама сказала, напиши ему благодарность от нас, что известил от тебя, что ты жива и здорова, и скоро будешь дома. Написала письмо благодарности, получила ответ, переписка продолжалась. После войны его направили в Москву в ака-

демию, наша переписка продовжалась 8 місяців. І вдруг нежданно-негаданно — явилась. Начались зустрічі. Через 3 місяця поженились. Венчались... Он бросил академію, жаль, конечно. «Не хочу учиться, а хочу жениться!»

Никто никогда никуда меня не вызывал. Я нигде не скрывала, что была в Германии.

Я сразу поступила на курсы машинописи и стенографии. Окончила. Поступила на работу секретарем.

В жизни никто не упрекнул меня... Последнее время даже предлагали вступить в партию. А я говорила: «Я не созрела!»

Так и не вступили?

Нет, я же говорю: «Я не созрела!»

Зінаїда Іванівна КОВАЛЕНКО

Коваленко Зінаїда Іванівна. 23 года рождения. 4 марта отпраздновала 80-летие свое...

Значит, где-то 17 октября 42 года нас забрала с Близнецовского района, с Близнецов, собственно говоря. Забрали всех, девчонок, там, парней.

Погрузили в эшелоны и повезли... Мы сами не знали куда... Ехали мы через Харьков, через Пол... через Киев, через, наверно, Польшу... Ну, нас конечно, не выпускали с вагонов никуда, под охраной...

15 мая 1945 г., город Ольденбург

Остановливался поезд где-то в поле, немцы становились... с собаками становились по краям, и мы заходили все вместе, ребята и девки. Все... Все вместе, уже некуда было стесняться... делали свою нужду и ехали дальше.

Но я не знаю, конечно, в каком городе уже в Германии нас...

Был пересылочный какой-то пункт. Где-то мы... Выгрузили нас с вагонов, километра три шли мы под охраной, с немцами, с собакой. Привезли нас в лагерь, лагерь был военнопленных. Под колючей проволокой, но где-то было два барака отдельно совершенно, от этих, от ребят, где военнопленные были.

Мы там переночевали. Обслуживали нас ребята военнопленные, молодые. И они нам рассказывали, что очень много, очень много погибло наших, и от голода и от... жизни такой, и от побоев... И все. Там такие были большие бункера, где они хоронили этих наших ребят молодых.

Ну, один обратил внимание, что я еду в туфельках. «Куда ж ты едешь? Ты ж не знаешь, куда ты едешь. Как ты будешь работать?» А осень же, зима шла. Они мне принесли сапожки 37 размера, ну это ж уже кого-то... Я обулась и поехала в этих сапогах уже дальше.

Где-то в ноябре, это 6-го вечером, привезли нас в город Ольденбург. Там большая была

Ну, кормили меня, я не голодная была. Но старалась помочь своим девочкам. Собирала кусочки хлеба и пряники. А в воскресенье я забирала бумажек мам, и под мышку — и несли...

какая-то комната. Что это за здание было, мы, конечно, не знали, уже под вечер пришли. Дали нам кофе какой-то. Попили мы там кофе. И нас там раскупляли. Покупали... Приходили покупатели и покупали нас.

Нас распределили немножко раньше. Но в основном тут забирали нас хозяева. Мои подружки, с которыми я ехала, одна соседка была, ну, с нашего поселка с Блинецов. Значит, мы... Мы сказали, что мы двоюродные сестры. Значит, мы, когда нас забирали, слезы были... Но они обещали, хозяева, нас соединить, сказать, кто где живет. Платили за нас деньги. Мы не знаем, от чего это зависело, но платили за кого 15 марок, а за нас по 25 марок. От чего это зависело? Или, может быть, от дальности, откуда привезли, за дорогу платили, или за что — мы не знаем.

Попала я к хозяйке. В ней четверо дочек было, сын, хозяин и хозяйка. Фрау Дитрихс. Улица Амалиенштрассе, 29.

В самом Ольденбурге?

В самом городе. Значит, два дня, кроме этой хозяйки, я ходила еще к одним. Старик и старушка жили, значит, и я к ним ходила.

Ну, что у меня за работа была? Убирала в квартирах, стирала. Всю домашнюю работу делала. Конечно, у них там были и холодильники, и пылесосы... Первое время старались они, когда они собирались на сиделки или как это сказать... Были подброшены и деньги, и кольцо золотое один раз подброшено было. Но я поднимала и ложилась на буфет, я боялась. Мы чувствовали, да нам и рассказывали. Ой, не могу вспомнить... Я не хочу сказать, чтобы они ко мне обращались плохо. Они обращались более-менее нормально. Но работала я, конечно... Всю работу я делала безоговорочно.

В воскресенье нам давали два часа гулять. Уже через некоторое время... мы уже знали где, кто живет, мы собирались. Но,

Дом в котором я работала в 1942 г. и начале 1943 г.
Младшая дочь моей хозяйки Нели Дитрихс.
1942 г., г. Ольденбург, ул. Амалиенштрассе

кроме нас, с наших Близнацов были еще девочки, которые работали на фабрике.

Мы встречались там у лагерях.

Ну что, старалась. Я ж там ела вечером... Ну, кормили меня, я не голодная была. Но старалась помочь своим девочкам. Собира-ла кусочки хлеба и прятала. А в воскресенье я забирала в бумажку там, и под мышку — и несла... Но один раз она заметила, хозяйка, что у меня вот тут...

Я почувствовала, что она идет за мной. Она начала кричать, звать: «Зина. Зина. Вернись! Вернись!» Но я знала, что, если я вернусь, мне будет что-то нехорошее: или концлагерь, или что....

Потому что, если она увидит, что я несу хлеб, она подумает... что я в нее краду.

А я старалась нести... Зачем я это говорю, потому что это выяснилось через 50 лет. Как раз вот этот момент, что я подмышкой носила хлеб, вышло наружу, как говорят...

Потом через время, нас забрали от хозяев и перевели работать на заводы, на фабрики.

Подруга остарбайтер Вера. 1944 г.

Меня перевели на железную дорогу, в депо. Там мы чистили паровозы... ну, работу работали.

С нами вместе работали ребята военнопленные. Мы там тоже... девочки. Все-таки в нас... привозили нам питание... Суп там или я знаю что... Я не помню о хлебе... Но, наверное, и хлеба кусочки привозили. Там ребята военнопленные, их кормили хуже. Но мы старались свой паек делить пополам и отдавали... в ведро складывали и отдавали...

Остарбайтеры, с которыми вместе работали, и бывшие военнопленные.

Начало мая 1945 г., г. Ольденбург

И тоже там было два немца, один был более-менее человечный, а другой был как фашист. Но тот нам говорил: «Вы смотрите, при нем ничего не делайте, не разговаривайте с ребятами, ничего... Потому что он наказывает». Но когда его нет? То мы ото отдавали немножко питания, тоже ребятам помогали.

При бомбежке. У нас рядом, недалеко от депо, был большой бункер. Как только бомбежка начиналась, нас всех туда сводили. Вот там мы могли разговаривать... Как только бомбежка начиналась, нас туда сводили. Молодежь есть молодежь, жизнь своим чередом шла, как говорят.

Ну, освободили нас американцы. И опять нас согнали всех, всех. За городом за этим был лагерь, там, наверное, несколько тысяч было. И там мы, наверное, целый месяц были, пока нас отвезли. Ну что, вот такая жизнь была.

Мои товарищи:
Валентина остарбайтер
и бывший военнопленный Сергей.
Г. Ольденбург, 15 мая 1945 г.

Когда я приехала домой, нас в КГБ вызывали очень часто. Забрали в нас все паспорта. Дали нам внутренний, без выезда с данного места. Выехать мы не могли. Ну, пришлось мне обмануть там немножко, сказать, что я еду учиться в Харьков. А как обмануть?... Я довойны училась в институте в Харькове. И как раз перед войной, когда было объявлено платное учение, я взяла академический отпуск, и каким-то чудом вот эта справка у меня из института сохранилась. И я уехала в Харьков.

Какой институт?

Педагогический.

На завод устроилась, в ХТЗ. Когда пошла на пенсию — в банке работала, с банка ушла сюда в фонд, пришла работать... *

<...> Когда мы начали работать здесь в фонде, при проверке документов, я обнаружила Блинецовский район, мне эта фамилия еще до войны знакомой казалась. И этой женщине не хватало одного документа, я написала ей письмо...

И я думаю, чего ж я буду посылать письмо? Я пишу ей: «Александра Ивановна, я еду до сестры, в понедельник вынесите мне такой-то документ».

Сестра мне говорит: «Зина, к тебе кто-то приехал». Я выхожу на коридор, заходит женщина моего роста, моей комплекции и как кидается: «Зинка, это ж ты!»

«А ты помнишь, как ты в Германии носила мне под мышкой кусочки хлеба! Ты помнишь это?!» Ну, можно ли после 50 лет, когда мы были девчонками?..

«Теперь я живу неплохо. Теперь я буду стараться тебе помогать!»

И вот мы после того очень хорошие друзья остались. «И вот этот кусочек, — она всегда говорит, — может, он и спас меня, может, я и осталась жива!»

---

* Харьковское отделение УНФ «Взаимопонимание и примирение».

Зінаїда Іванівна КАРПЕНКО

Зинаида Ивановна Карпенко. Родилась в 27 году в Запорожье. И в сентябре 1941 года Запорожье было оккупировано немецкими армиями. Они целый месяц стояли на правом берегу Днепра. Обстреливали город. Очень много погибло тогда людей, но через месяц они все-таки... форсировали Днепр и вошли в Запорожье. Мне было тогда 14 лет...

Когда мне исполнилось 16... я в числе других запорожских юношей и девушек была отправлена в Германию. Погрузили нас в товарняк, и в дороге мы были неделю. Ехали через Перемышль, Польшу, и в начале сентября — забрали нас 23 августа из Запорожья, — а в начале сентября привезли уже в Германию. Что это был за полустанок, я не знаю, но там были люди, немцы — и женщины, и мужчины, — которые забирали себе наших девушек и юношей на работы. Они, конечно, брали таких, кто им нужен был, кто-то покрепче, в услужение по дому. Но нашу группу, запорожцев именно... забрал такой полицейский, такой...

бюргерского вида, он так хорошо... с нами обращался и сказал, что он представитель Берлина и на завод ему нужны рабочие. Такую большую группу, человек 20 нас забрал.

Я не сказала, что вот эту неделю, когда мы были в дороге, конечно, нас никто не кормили, не поил, но с собой что-то у нас было, что-то было, и мы этим жили.

Значит, он нас забрал, погрузил, недалеко там была станция где-то, опушка леса была... И туда приходили... такие как дачные, маленькие поезда, составчики, и он нас повез этим поездом... Не очень долго мы были в пути, часа три. И вдруг мы приехали под большой такой крытый вокзал. Я помню его название, хотя было готически написано, я немецкий в школе учила, хотя я закончила всего 7 классов, но все-таки немножко прочесть можно было... «Ангальт» назывался, это потом я уже узнала, после войны, это очень большой, как бы центральный даже вокзал Берлина.

Так. Потом нас как-то по другому направлению повезли... И уже остановились мы на том месте, где и был расположен лагерь...

Когда остановилась здесь электричка, я прочла на перроне название этой станции небольшой — Шёнгольц.

Здесь уже ждали нас полицейские. Две собаки овчарки были. И они нас, значит, окружили и повели вниз с перрона на прилегающую улицу. Шли мы не очень долго, минут десять, наверное, от этой станции. На что мы обратили внимание, что и справа, и слева от шоссе, по которому нас вели, были два огромных старых кладбища. Место такое, можно сказать глухое. Там я пробыла все время, до самого освобождения... Это был

И я помню, ко мне подбежал однажды француз Анри, и говорит: «Зина! Твой город уже освобожден, немцев прогнали... Запорожье!» и начал напевать мелодию...

район, как я понимаю, северо-восток Берлина. Потому что нас самых первых, можно сказать, освободили, после еще шли сражения за Берлин, там уже Александерплац, это, где Гитлер был... А нас самых первых освободили, так что это был северо-восток.

Значит, привели нас... Ну, первым делом, мы что увидели: это колючей проволокой огражденная территория, так, край мы увидели от дороги, и вышка, на которой стоял полицейский, в черной форме, со свастикой на рукаве и так далее...

Ну, нас привели в лагерь, сразу к нам подошли люди наши, которых... Я была ж самая молодая из тех, которых забирали. Наша группа... Я же 27 года. После нас они уже никого не вывозили. Мы были самые последние. 28 год они не успели вывезти. Потому что... уже 14 октября, на Покров, Запорожье было освобождено, а нас 23 августа они успели вывезти. Эх...

К нам подошли люди, наши, русские, украинцы, начали спрашивать, что на родине, что на Украине. Они были... Большинство из них были такие изможденные, одутловатые лица, я это очень хорошо помню. Такие слабые... Нам как-то страшно сразу стало. Мы поняли, что нам там будет очень тяжело. Ну, и распределили нас по так называемым штабам — комнатам таким... Деревянные такие бараки, из хорошего дерева соснового сделанные. Вот. Более-менее чистенькие такие. В них стояли, значит, нары, на нарах по два человека было, верхняя полочка и нижняя. Ну, так, в одной комнате было человек, наверное, я сейчас точно не помню, ну, наверное, 12 или 14...

Выдали нам аусвайс, пропуск, по которому мы получали свою еду, раз в сутки. И по которому потом, немножко позже, нас стали выпускать из лагеря. При этом нужно было с левой стороны на лацкане какой-то одежды прикрепить знак «ОСТ», восточный рабочий. И мы, конечно, ухитрялись... Нам,

конечно, очень радостно было выйти... Хотя нас везде могла поджидать беда... Но мы все-таки старались скрыть этот значок... Сначала мы его прикрепляли, чтобы его было видно, а потом мы его так припрятавали.

Ну, что сказать, направили... Да. Значит, буквально через два-три дня нас уже стали сопровождать на работу. В 4 утра нас будили. Врывался в комнату, с яростными криками наш, наш (!) полицейский, который прислуживал там немцам (его потом самосудом, после освобождения, убили наши ребята за зверства над лагерниками). Там была администрация, был начальник лагеря, в его подчинении были и наши... служащие, и там переводчица была, в общем... кухня была и кругом лес, лес, лес, лес. И нам сказали, что в лесу, так, показали, находится бункер, на тот случай, если будет бомбардировка. Хотя при нас в то время еще ни разу не было бомбежки... Мы как раз очутились, когда впервые начались налеты на Берлин.

Вот, ворвавшись в комнату с ищейкой почему-то, с овчаркой... заплетающимся языком, ну он был вообще такой, видно, пил сильно, ругался, кричал: «Ауфштейн!» — «Вставайте!» Вот. И мы, конечно, сонные, ослабленные... Хотя мы дома тоже питались очень неважно. Но это был дом, что-то можно было там достать... Огороды сажали и так далее... А здесь уже что дадут. Какую-то баланду... Правда, хлеба давали, грамм 250, причем такого, нормального, не опилки, ничего это я не могу сказать... И какой-то чай там, на сахарине. Это было так... Значит, эту баланду они давали. Ну, это было иногда, там, что-то, концентрат какой-то непонятный, но так, более или менее съедобно, это можно было еще проглотить... Вот. И этот хлебушек... И все... И это раз в сутки. Конечно, мы сразу ослабли, стали сразу никчемными. У меня, например, был такой обморок, и не раз...

...Нас в 4 часа подняли и сказали подходить к проходной. И в 5 часов уже нас вывели за ворота... Впереди шел полицейский и сзади, с собакой. И эту группу наших людей, но уже там были не только запорожцы, а были и другие, там было много харьковчан до нас привезено, и с Донбасса, и с Кривого Рога. И нас вели опять на эту же станцию Шёнгольц.

Погружали в один вагон всех, под присмотром этих полицейских. Сесть там негде было, потому что народу все-таки много — целый вагон. Все стояли, прижавшись друг к другу, и привозили нас на ту станцию, где находился завод, на котором мы работали. Я сейчас, к сожалению, не помню название улицы, какое-то сложное название. Вначале я и помнила, потом забыла. И на этой станции был этот завод. Назывался он «Борсиквальде Васенфабрик». Это, говорят, был военный завод, и наши молодые люди, наши мальчики, они как-то, откуда-то узнали, что этому заводу нет конца и края. Что он выполняет страшно много всяких... этих... ну, продукции.

Но нас проводили, значит... Но тут за нами не очень следили в заводе, потому что он огражден, полицейские на проходных, и так далее. Ну, и нас, значит, распределяли там по цехам. Ну и я как самая маленькая вывозила мусор, там всякие, эти самые, отходы от станков металлические и так далее...

Значит, здесь мы работали где-то... вот, в 4 нас разбудили, а в 5 часов заканчивалась работа, значит так, полсуток. Тут у нас была, так сказать, пауза, значит, 10-минутный перерыв, но он нам давал только то, что мы могли прикорнуть и немножко подремать, потому что ни еды, ничего... Правда, иногда привозили еще брюкву. Но это — вода и брюква, и все. Съесть ее невозможно. Даже несмотря на то, что мы так голодали, но это было настолько несъедобная еда! Мы просили, чтобы нам лучше бы дали в сы-

ром виде, погрызть, как хряпку у капусты — кочерыжку.

...Иногда давали, но мы это не могли есть. Это тошнило, невозможно... Вот.

Я, конечно, очень похудела. Я всегда от природы была румяная такая, крепенькая девочка. А тут я очень побледнела, похудела, конечно, ослабла. И вот у меня тут уже несколько раз случались обмороки, в этот перерыв. Я помню что я, только выйдя из цеха, чтобы на воздухе побыть немножко, и я помню, что меня вот так вот закачало, закачало, и я только успела ухватиться... деревце рядом маленькое росло у входа. И я за него удержалась и как-то устояла. Ко мне подошел француз... Там у нас французы работали, югославы... поляки... потом, итальянцы, очень много народа разного. Но французы жили, конечно, лучше. Во-первых, они имели свободный выход. Они сами приезжали на работу, сами уезжали, они были наладчики станков, вот, какие-то там детали вытачивали, и, значит, сами... ну, и Красный Крест о них беспокоился. О нас нет. Им присылали посылки... У нас в основном были французы из Парижа.

И вот он подошел ко мне. (*Взволнованно.*) Морис, я помню, как его звали... И говорит: «О! Мадмуазель, мол, все хорошо?» Я говорю: «Да». Я уже в себя немножко пришла. Ну, так он меня похлопал по плечу, ну, он такой, видно, старший был. Очень милый человек. Вот. А потом еще так несколько раз. А потом, видимо, организм немножко привык, знаете, как-то... к данным условиям.

Но еще хочу сказать, что все-таки немцы... Конечно, это был 43, 44, потом 45 год. Они уже понимали, куда катится Германия. И они знали, что им несдобровать. Может, они вначале не такие были. Но в этот период, когда я была, они уже стали такими, знаете, более мягкими, обращались к нам, можно сказать, сочувственно... Но чтобы никто не видел, конечно. И вот у них работали

их, их молодежь, их девушки, тоже. Хотя они были из разных районов Германии, вот даже недалеко от Чехословакии, где-то отсюда. Потому что они знали эти языки, польский, чешский, так, где-то в пограничье... Они нас немножко понимали, к нам очень сочувственно относились и иногда подсовывали бутерброды. Они ходили в свою столовую, у них там все свое было. И вот мне много раз перепадало. Это, конечно, облегчало немножко состояние...

Ну, конечно, было очень тяжело. Была мечта — только домой, никаких не было других мыслей. И надежда. Была надежда. Как бы то ни было... Казалось, мы в таком логове... А надежда была.

Потом что еще было интересно. Французы... Они как-то... У них, видно, был приемник, они могли слушать его. У нас, конечно, этого не было... Мы ничего не знали. А они, видно, улавливали эти голоса... Может быть, это Би-Би-Си там, или еще какую-то станцию английскую... И они, значит, нам рассказывали. И я помню, ко мне подбежал, однажды француз Анри и говорит: «Зина! Твой город уже освобожден, немцев прогнали... Запорожье!» и начал напевать мелодию... А я так знала, не помню откуда, но с детства я как-то знала немножко мелодию «Марсельезы»...

И меня... чтоб подбодрить... Вот. Это был Анри, я помню его имя, тоже парижанин. Ну, старше был, лет на 5, наверное. Ну, они все знали. Они все знали. Вот от них мы все узнавали. Когда под Сталинградом... Сразу траур был в Берлине, много появилось калек, немцев, бывших солдат. Ну, чувствовалось, что ситуация резко меняется на фронтах и что наша надежда все-таки не впустую... Это была очень большая поддержка.

Как вы свободное время проводили, когда уже можно было выйти в город?

В свободное время, когда можно было выйти в город, нам, конечно, очень хотелось

в кино... И возле нас таки, там, по другой улице, там, сначала мы не знали, а потом узнали, есть кинотеатр. И, конечно, нам оо-очень хотелось... Мы же девочки были, 16 лет. И там был директор этого... театр небольшой, конечно... Но, он такой... конечно, ему, видно, хотелось заработать, хотя он не имел право нас пропускать, но мы прятали свой «ОСТ», покупали билетик. Нам давали в месяц три марки. Три марки давали. На них ничего особенно не купишь, потому что нам нигде ничего так не продавали. Можно было купить пиво. Вот пиво в продаже было для всех, особенно черное. Очень вкусное пиво. Я его никогда не любила! А вот это, действительно... Ну, они ж мастера, это понятно. Ребята пили белое пиво, а мы, девочки, черное.

Вот мы заходили... два раза мне... или три раза, три раза мне пришлось попасть в кинотеатр.

Значит, там первое, что я увидела, конечно, была потрясена, это «Девушка моей мечты». Марика Рок. Это был, конечно, шедевральный фильм. После такой пытки, сколько мы пережили всего, и дома, еще до того, как нас увезли...

Потом с ее же участием я посмотрела фильм «Танец с королем». И еще фильм о Шумане и Кларе Вик, его жене... и знаменитой пианистке, она прославилась на все время, даже на марках, каких-то купюрах, точно не помню, ее портрет есть. Да. Очень хороший фильм. Вот эти три.

Ну, потом, мы могли, просто могли походить хотя бы. Знаете, так, как бы чувствовать себя свободными, нам от этого было легче.

Можно было еще купить... Я помню, там на какой-то станции, мы ее развели, была такая столовая, и этой столовой заведовал, видно, бывший инвалид. Поэтому ему, видно, какие-то скидки были и он имел право продавать суп без талончиков. Там все,

в столовых, в магазинах, все было по карточкам. А у него, видно, было такое разрешение, ну какая-то льгота для него, видно, была. И вот иногда у нас была возможность поесть... Это недорого. Это 50 пфеннингов или 30 пфеннингов. Можно было. Так стремились туда попасть и получали тарелку роскошного супа.

Вот это... Вот эти вот маленькие такие случаи, они нас чуть-чуть поддерживали.

Ну, потом у меня там была еще одна история. Не знаю, можно это рассказывать? Еще время у нас есть, да?

Конечно. Конечно.

Значит, когда... Вот, я хочу сказать о налетах. Когда мы... Мы, значит, в начале сентября туда приехали. А первый налет, сейчас точно не помню, но то ли октябрь, то ли ноябрь, был налет на Берлин. ... Это уже англичане и американцы... Но его отбили, на подступах к Берлину, они отбили этот налет. Потому что налеты были тогда еще не такие грандиозные, как потом. Это были тучи. И, значит, отбили. Далее «аларм», «тревога» и где-то через час — отбой. Ну, мы... так, ничего... с этим никогда не сталкивались еще там. Поэтому мы посидели немножко, погоревали-погоревали и легли спать до утра. Через два-три дня случился опять налет, такого же типа.

И вот, наверное, в третий или в четвертый раз. Налет этот был, нам он даром не прошел... Но мы, привыкшие так, что сюда ничего не долетает. Собрались, ну, мы так, свои мешочки там маленькие такие, сумочки, в которых несколько предметов было из белья. И мы садились, значит, в кружок, в темноте, конечно, и о чем-то беседовали. Ну, конечно, вспоминали свою родину и своих родных. И вдруг, вы знаете, где-то через приблизительно час или полчаса после тревоги мы услышали сильный шум и... у нас было два окна, так к центру лагеря — и вдруг там все запылало. Все! И мы услышали

дикие крики. Когда мы подбежали к двери, мы увидели, что несутся наши люди, бегом, кричат, можно сказать так, «благим матом», и бегут как раз в ту сторону, где нам сказали, там есть бункер, которого мы и не видели никогда, нам только направление показали, в лесочке. Боже! Мы настолько перепугались... И мы услышали, как гудят самолеты, как висят... они выбрасывали такие светильники... как люстры, для освещения территории. Может, они думали, что здесь войска, кто его знает. Ну, в общем, факт тот, что народ начал бежать в ту сторону. Мы настолько испугались и растерялись. Все побросали, что у нас было. Вот, в чем я была, в том я была. И пустились бежать с нашими людьми. Там у нас были, конечно, старшие, с детьми, а мы были такие, совсем молодежь. И вот мы бежали, бежали и потом добежали до этого лесочка. И... А там уже была полиция, и нас: «Шнель, шнель, шнель!» Скорей в этот бункер всех загнали. Я настолько была выбита из колеи. Такого страха я не видела в своей жизни! И стала молиться, я знала «Отче наш», бабушка меня научила, и... И зубы стучали, зуб о зуб, и там, наверное, час мы были. Потом вдруг все утихомирилось, исчезли эти люстры. Полицейские стали нас выпускать. Идите. А куда идите, когда мы увидели, что от нашего лагеря осталось пепелище? Значит, как костры горели. Деревянные бараки.

Наш лагерь был огромный, назывался «Луналагерь» и был разделен на несколько секторов. Большие секторы: для поляков, для французов, для югославов... Потом привезли пленных итальянцев, когда под Сталинградом немецкие войска были разбиты, Италия уже не сотрудничала с Германией... Дома там были каменные... В общем, там, где были каменные жилища, люди остались. И нас стали кое-как заселять. Кроме того, что сожгли, они зажигалки бросали.

Бросили, видно, огромную бомбу, под самый конец, она там так ахнула, мы еще были в этом, в блиндаже. Вы знаете, страшное дело. Мы так были напуганы, мы не знали, что творится... Потому что нас же туда, в бункер загнали. А когда мы вышли, мы увидели огромнейшую воронку, огромнейшую, я даже не знаю, какая это могла бомба быть, и рядом с ней самолетик. Очень такой изящный, тоненький, маленький. То ли это «ястребок». Английский. Рассказывали, когда этот самолет подбили немцы, их зенитки, а они тут были в лесу, то с парашютом выбросился летчик, говорили, что это английский, значит, самолет. Его гестапо сразу забрало, увезло. Вот. А этот самолетик мы видели, даже ленты с патронами, нас близко не подпускали, но видно было...

Вот это был сильный налет, правда, в тот раз никто не пострадал. А уже в 44 году, весной... или это было в 45... Значит, точно не помню. Был второй налет, о-о-очень тяжелый. К счастью, меня в лагере не было. Нас, группу малышей, оно никому не нужно было, но все-таки повезли в какой-то лес, там подальше, на окраине Берлина где-то, чтоб рыть окопы. Никто их не рыл. Нас сопровождали два или три пенсионера немецких, стареньких дедушки, оно им было ничего не нужно. Они сами в горе сидели, они понимали, что ждет Германию. Вот. И так мы ничего не делали. И вот, значит, где-то целый день нас там продержали. И когда мы поехали обратно, к лагерю...

Да! И была тревога. Где-то в одиннадцать или двенадцать часов. Нас привезли утром. А часов в двенадцать началась тревога. И вот впервые я видела эту армаду самолетов. Я никогда это не видела! Я не знаю, как они могли вообще... вот сейчас, когда я думаю... сохранять расстояние между собой. Когда они пролетали, они солнцу закрыли. Это такая была армада жуткая! В тот раз была жуткая бомбежка Берлина. Ужас-

ная... И в то же время пострадал лагерь. И много погибло людей. И наших, и польских, и французов, потому что в щели, где они спрятались, попали бомбы. И очень много народу погибло. Не знаю, как бы со мной было, если б я была в лагере. Ну, вот такая была беда.

А вы где были в этот момент?

На окопы ж нас повезли, на окраину Берлина.

Вас выборочно возили, да?

Нет, не всех. Просто группу. Им надо было, как говорится, галочку поставить и все, заставляли ж... Они же до последнего дня хотели сохранять, это, свою власть. Вот. Так что мы там целый день пробыли, и потом, когда нас уже назад привезли, там уже дороги были разбиты, электрички не ходили, нас пересаживали куда-то, потом вели пешком, в общем, там целое дело. И когда мы пришли, мы увидели такой разор лагеря. Вот это был страшный случай.

Так вот, я хочу что сказать, когда был первый налет, когда сожгли лагерь, у нас была одна девочка из Запорожья, она даже... вместе нас везли, мы даже с ней были знакомы в городе, так, случайно как-то. И она, значит, в этот шум, в эту суматоху, каким-то чудом через эту колючую проволоку перелезла, она из лагеря бежала, то ли с испуга, то ли я не знаю чего. Она бежала из лагеря, бежала, и когда... где-то там в лесочке отсидела, вот где кладбище, и когда уже отбой дали, тогда не очень долго это было, ну, часа полтора, начали электрички ходить, она села в электричку и приехала, куда глаза глядят. И она приехала до какой-то конечной остановки. Я знаю, что эта остановка называлась Ванзее.

Это был очень хороший район. Как я сейчас читаю, это был спальный район, там никаких производств не было, там не бомбили, как я потом выяснила... И, значит, ее...

Она задремала, и ее полицейский разбудил и спросил, кто она такая. Она ничего не могла сказать. Увидел, что с ней надо разбираться, забрал ее в полицейский участок. Вот. И там с переводчицей стали разговаривать. Это потом она мне рассказывала. А потом, через несколько дней... ее там продержали... видно, как-то не поняли, откуда она, потому что многие районы тогда бомбили, Берлин, и к ней пришла женщина, русская женщина, по-русски обратилась к ней и стала спрашивать, кто она, что она и так далее.

Она ей рассказала. Она говорит: «А ты бы не хотела работать домработницей у меня?» Она говорит: «Конечно, хотела». Русский человек и домработница, это же не лагерь... Они ее забрали. Она, значит, у них работала. Ну. Это были русские... Она была, по-моему, русская, а он немец. Они... когда-то в России жили. И... или в революцию, или когда, они покинули Россию и здесь обосновались. Я даже помню их фамилию — Мельхозе.

Значит, они ее взяли к себе, ей было там очень хорошо, по нашим обстоятельствам. И вот буквально где-то через месяц я получаю письмо в лагерь. Боже! Думаю: «Да как же может быть! Кто мне может написать?» Это, оказывается, от нее письмо. Я не знаю, как она рискнула написать. Ее ж могли и вытребовать, потому что за нас было заплачено, там, властями, которые этим занимались, перевозками и так далее. Не знаю, как его не проверили и как не заметили. И она мне там все... немножко описала и говорит, что «если бы ты могла... У меня соседи есть, которые тоже хотели иметь такую же девочку, такую домработницу. Так, если ты можешь, приедь ко мне, я тебе все расскажу, с ними познакомлю, и там посмотрите...»

И что вы думаете: она мне написала, значит, как ехать. Боже, это так далеко. Я ждала день... когда нас отпустят. Я подошла

к карте на вокзале, на этом Шёнгольц и стала ж искать, где же этот Ваннзее.

Это было так далеко, юго-западнее, значит, эта наша станция, а это где-то вот тут. И электричка идет через Александерплац, по-моему, она тогда так раньше и называлась, вот где у них там Рейхстаг был, и все власти, такое страшное место, вот я как теперь понимаю. Здесь была пересадка.

В общем, я к ней приехала. И, кстати, быстро нашла. Она так хорошо описала. Двухэтажный коттедж. Я подошла, позвонила, ограда, там садик такой, и вышел такой господин, ну, живой Чайковский... А я музыкой занималась в детстве немножко. И у меня как раз был альбом, нотный, и там портрет Чайковского. Ну, живой Чайковский! Я... вы знаете, просто была шокирована...

И по-русски он говорит: «Что вам угодно?» Он, видно, не знал. Я спросила, ее Аня звали. Я говорю: «А Аню можно попросить?» — «Да. Пожалуйста, проходите». Такой важный. Ну, он видно знал, что он производит такое впечатление. Потому что если я ребенок... и на меня это... так, наверное, взрослые и подавно понимали!

Ну, и она выбежала, обхватила меня, расцеловала. Отвела... У нее маленькая комнатка была. Очень чистая, хорошая, оклеенная обоями. Постель. Все. Она меня познакомила с хозяйкой своей, повела в гостиную, там такой большой рояль стоял, вот, у них гости, значит, там собирались. Она мне все это рассказала. Но работы, конечно, много, потому что обиходить такой огромный дом — это ж все на ней, такая грязная работа. Но, конечно, она была довольна, потому что несравненная жизнь была.

Ну и она сказала о своих соседях... А рядом буквально забор... Фамилия моих хозяев — Грайф.

Значит. Повела меня к этой... к этим людям, которые там жили, они меня хорошо приняли... Ну, я говорю: «Раз в неделю я мо-

гу приехать, когда нас отпускают». И вот раз в воскресенье я приезжала к ним и работала у них, ну, такой, ну, как домработница. Убирала, мыла там, чистила что-то и так далее... Они хорошо относились. У них тоже жена была, старенькая уже бабушка, русская дворянка, москвичка, а муж у нее был немец. И в свое время они были поженаты... И тоже, видно, в революцию уехали. Детей у них было две дочери и два сына. Они так хорошо ко мне... относились, по крайней мере, в этот день они меня кормили. Что-то мне давали, суп какой-то... Что-то хлебца... Вот. Чай какой-то или кофе. Так что это тоже была мне поддержка. Ну, и так это длилось до марта или до февраля 45 года. Но к тому времени Берлин был разбит, одни развалины, горы кирпича. И, конечно, все дороги разбиты, уже ездить... уже больше я к ним не ездила. Это были последние мои дни там, то, что меня поддерживало.

Ну, а потом нас повезли еще раз на окопы. Но только уже не под Берлин, а под Штеттин, как потом нам сказали, в сельскую местность. Но там тоже, я вам могу сказать. Какая там была работа? Лишь бы... И там же были эти старички такие же, как нас охраняли как бы... Но получилось так, что я там... Нас кормили так, более-менее, то хлебца давали и какой-то суп из воинской части привозили. И у нас не было никакой посуды, ничего, и вот я из мисочки ела этот суп, помню, гороховый. И я заразилась стоматитом, обэтом никогда не знала, но мне потом врач сказал. И этот стоматит, значит, выбил меня из колеи, я не могла разговаривать, ни глотка воды... ничего. Мне сказали, что тут фельдшер есть. Ну, я пошла... Молоденький немецкий фельдшер. Он посмотрел и говорит, что я вам помочь не могу. Но немножко смазал мне чем-то полость рта. И говорит: «Вам надо уехать к себе... Там, в Берлине, конечно, вам окажут помощь». И с одним из старичков этих мы поехали в Берлин.

И где-то это уже был конец марта, а 21 апреля нас освободили.

Это было, конечно... (*Взволнованно.*) На работу нас уже не водили, но, правда, кормили. Картошкой какой-то в мундире, то какой-то концентратик там же... кусочек хлеба. Ну, в общем, чтоб не умерли, конечно, а так у нас больше ж ничего не было.

И вот один раз, это где-то было, может быть, 19 или 18 апреля, мы услышали шум самолета, и мы выбежали, ну, думали, сейчас бомбить будут, и мы вдруг увидели наш самолет. Такой ястребочек с красными звездами. Вот так он покачал крыльями. Мы все там рыдали. И уже 21, когда мы проснулись, к нам прибежали мальчики из своих, этих, комнат, и сказали: «Девчата! Что вы спите, вставайте (это было 7–8 утра), никого нет в лагере. Неизвестно, где начальство. Полицейские все исчезли. Никого нет».

И мы, говорят, сейчас были на станции и нашли там какой-то, этот, товарный поезд. Я уже, наверное, заканчиваю... И они открыли какие-то вагоны и там нашли какие-то посылки, для немецких солдат еще, которые, видно, их родные посылали на фронт. Но он тут как-то застрял, и они набрали много всякой еды, печенье там, то, что я есть даже не могла. При том, что мы там так голодали, но от такого нервного стресса у меня вообще пропадает всегда аппетит, и теперь, если я переволююсь, и там я не могла ничего в рот взять... Ну, и к нам пришел вскоре офицер... Да. Мы скорее вышли, такие радые... Мы боялись, что нас могут просто уничтожить. Мы уже понимали, что наши... Потому что стреляли гаубицы... И наши мальчики все это знали, они нам рассказывали.

И, значит, мы вышли к воротам. Там были ворота большие и проходная, где стоял полицейский, и на земле, и там наверху, на вышке. И мы не успели только подойти сюда, как в это время раздался грохот, ворота распахнулись и танк, наш танк...

Вот. То есть, если вы видели фильм «Помни имя свое»... Может, вы видели? Вот это... Там не все так, как мне понятно... Но вот этот момент, когда там танк, прямо своей этой пушкой открывает ворота — это точно, точно вот так это было!

Ну, и, конечно, наши солдаты, офицеры, они в погонах, мы ж никогда не знали, это без нас было... И в это время вдоль... по шоссе, вдоль лагеря, идут еще танки, идут за ними наши солдаты, смеются, молодые, хорошие мальчики такие. Ну и тут у нас плач, объятия, истерики. И потом мы вернулись к нам в комнату, мы не знаем, что нам делать. А к нам зашел один офицер, говорит: «Девочки, пишите письма домой, мы, говорит, полевой почтой их отошлем вам домой». Боже! Я уже забыла, как же улица, я не знала, как писать, к кому обращаться, я не знала живы ли мои родители, сестра моя... Но он сказал, пишите, и мы через час заберем. Он действительно через час вернулся, и мы отдали, и действительно таки родители получили это письмо. И мы спросили, что ж нам делать, офицер сказал: «Идите, там вы увидите регулировщицу». И он нам по-

казал направление, как мы потом узнали, на Франкфурт-на-Одере.

Часть мы пешком шли, а часть нас военные машины подхватывали. И таким образом мы пришли... Да. И доехали до Варшавы. И когда мы вышли из товарного поезда, тоже в товарняке нас везли, но в пустом, и мы спросили, а там ходят железнодорожные работники, где мы. В Варшаве. Как Варшава? Одни кирпичи. Вот я такую Варшаву видела.

«После этого часа через два будет идти еще состав, и вы поедете до Бреста. Брест — это наш город, там фильтрационные лагеря, которые проверяют всех, кто отсюда едет. И там вы уже поедете по домам».

В Брест мы приехали, нас расположили в комнатах, чистое белье, вы здесь будете жить, потому что большой наплыв народа и не успевают следователи свои дела эти выполнять. Ну, где-то через 5 дней мне дали справочку. И мы с моими же девочками, нас было шесть, с которыми мы туда ехали, вместе и оттуда возвращались. Мы поехали. Был поезд на Киев, а из Киева в Запорожье.

И так я вернулась в день своего рождения. 12 мая — день моего рождения, мне было 18 лет.

Геннадій Андрійович МАРЧЕНКО

Я, Марченко Геннадий Андреевич. Родился в городе Харькове в 1926 году, 7 сентября.

Моя мать разошлась с отцом уже в 30-м году, и все остальное время мы жили с матерью. Я и мать — вот это состав нашей семьи. В школу я пошел, как и все дети, с 7-ми лет и перешел в 7-й класс... Я почему-то ушел из школы в ремесленное училище. У нас в 40-м году образовались новые ремесленные училища. Там хорошее было питание и обмундирование. Спецовки. То, что мне в жизни не хватало, так как мать не могла многим обеспечить меня.

Меня всегда тревожила, вот, весна и осень. Когда слякоть — а у меня не было обуви. И вот эти поры года были мне неприятны. Самое лучшее было лето, когда ноги сухие и в тепле. Вот это ощущения детства.

Война застала нас... Я в училище — в ремесленном училище — учился на токаря. И мы уже к началу войны преодолели первый год обучения, и нас попросили, чтобы мы выполняли военные заказы на своих станках и работали в две смены. Сутки: с 6 утра до 6 вечера, с 6 вечера до 6 утра. Было усиленное питание, и ночью нам давали кушать, когда прерывалась работа.

<...>

Потом... Была у нас шпиономания. Пропаганда объясняла людям, что вы следите друг за другом. Аналогично, как в Германии Feind hört mit.

Примерно такое. И мы, как видели кого-то в шляпе, старались за ним прицепиться и следить, куда он идет. Вот такое было еще детство, несмотря на то, что уже за станком работали.

Потом наступила пора демонтажа завода, на котором мы работали. Срывались станки, инструмент — все это увозилось. <...> И мы остались сами по себе. Хотя некоторые ребята, которые жили в общежитии, им некуда было идти, и они эвакуировались вместе с заводом. А я недалеко жил, и я так и остался. Мать меня не пускала. Говорила:

«Ну, куда ты поедешь?» И я так и остался с ней.

...Первый момент, когда немцы зашли в город, я даже не представлял, что это возможно когда-либо. Как это так? Наша армия самая сильная в мире. Наша ар-

мия, которая должна была побеждать на территории врага, и вдруг немцы заходят к нам в город. Уму непостижимо было это, но факт остался таким.

Во время оккупации... Первое время у нас были какие-то продукты, которыми мы пользовались... а так никакого ж снабжения город не получал.

Немецкие власти занимались своими вопросами и к населению никаких... будем говорить, действий, они, кроме своей безопасности... Вот если бы замечалось какое-то нарушение, тогда они проявляли свою

Я вообще, философствую о том, ну, что бы было со мной, если бы я не попал в Германию? Непредсказуема моя судьба, если говорить с точки зрения жизни...

власть, а так, чтобы что-то обеспечить, дать людям какую-то работу... Это было только эпизодически.

Вот нужно на электростанции уголь... там собирались люди, которые получали за свой труд кусок хлеба. И все. Так никакой работы... Никакая промышленность не работала.

Образовывались стихийные базары, на которых люди обменивали товары на другие товары, товары на пищу. Мама покупала на базаре вазелин, <...> пудру, парфюмерию всевозможную. И с этими товарами она ходила на село и обменивала у молодых девчонок или у родителей. Вазелин нужен был для того, чтобы лучше доить коров, а парфюмерия, как и всем молодым, нужна. За кусок хлеба они брали какие-то там дешевенькие духи, или пудру, или помаду. То есть, каждый искал тот товар... Был спрос, значит, вез-

ли туда и зарабатывали зерно. В основном, основным товаром было зерно. Даже мука не так ценилась, как зерно. Зерно долго хранится, его можно перемолоть и что-то сделать.

<...>

...Когда стало явно, что я могу маме помочь, я изъявил ей желание. Она меня оставляла одного дома, а сама уходила. И вот зима. Зима 41–42-го была очень суровая, очень морозная. Снежная и очень морозная. И перед тем, как меня взять с собой на менку, мать попросила, чтобы я сходил за 18 километров от Харькова, где жили наши родственники. Мои двоюродные братья... Они были в армии, а там остались их деды. Я пришел к деду. И... он меня знал хорошо, и я попросил у него овощей. У него там свой домик. Огород был. Он мне отказал. И более того. Он говорит: «У меня ничего нет.

Г. А. Марченко (третий слева) в составе группы бывших украинских принудительных работников, г. Гамбург, октябрь 2001 г.

И ты, пожалуйста, уходи, потому что ты уже взрослый и тебя могут у нас задержать, и что я буду говорить?» И я ушел. Ушел домой. Но не успел за это время, за светлый день, добраться до города. Где-то, недалеко под Харьковом, уже темень застала, и я понял, что я в город не попаду, там комендантский час. И с группой тех, которые уже поменяли свой товар и возвращались в Харьков, свернули в поселок и попросились у старосты переночевать. И вот когда речь... очередь подошла ко мне, он спросил: «Ты с кем?» Я говорю: «Я сам». — «А документ какой?» А я говорю: «У меня нет документа. Дома у меня метрика есть». Он начал подробнее расспрашивать. «А где ты живешь?». Я назвал улицу, где я живу. «Так. А мать? А где она работает?» Вот такие вещи, которые позволили ему не усомниться, что я житель города Харькова... И в конце концов он поверил и оставил меня ночь провести там, в избе, где немножко печка топилась, было чуть-чуть тепло, и так до утра мы просидели, там не было ни постели, а просто скамейки, стулья. Взрослые между собой говорили, я молча сидел со всеми и дожидался утра.

Итогда я понял, что мне с матерью опасно выходить за город далеко, где-нибудь нас могут остановить и потребовать документы. Я матери это рассказал. Она посоветовалась там, и... Люди посоветовали, взять с собой свидетеля, пойти в нотариальную контору и сказать: «Так и так. Вот документы... Метрика пропала. Паспорт это... еще нет паспорта, но уже время подошло паспорт менять». Очень просто — за мерку зерна и какие-то деньги оформили паспорт, со слов свидетеля, что мне исполнилось 16 лет 15 февраля 42 года, и я получил вот это удостоверение с фотографией своей. Я принес фото, и уже у меня был паспорт... Успокоился.

Я пару раз с матерью ходил на менку, и ей стало легче, потому что я тянул сани. Да.

Потом. Она на время ослепла. В поле — ровное поле, гладь снежная, отблеск солнечного света в глаза. Без очков. И она пришла домой с резью в глазах, и мы ей там чаем промывали глаза и закрыли окна, все, чтобы она отошла.

И на это время мы с ней прекратили ходить на менку, а я занялся перепродажей папирос. В нашем районе, недалеко была табачная фабрика. Когда было безвластие, то есть немцы еще не зашли в город, а войска наши отступили, там люди, гражданское население, растащили все, что можно. И так по всем продуктовым складам, мясокомбинатам. У кого был транспорт, так вообще много набрали. И многие набрали табак, папиросы или делали сами папиросы. Короче, в этом районе, эти папиросы стоили дешевле, если брать их много, а на базаре они дороже. И вот этот перепад, так сказать, это мой бизнес был.

И в один прекрасный день я попал под облаву. Вначале там всех, не разбираясь, собрали: не в комендатуре, а участок там был, полицейский участок. Там, где была в основном украинская полиция, вот, а немцы как бы только курировали их. <...> Одних там бабок старых отпустили. Предварительно забрав у них... Вот одна бабка была с ведром муки. Они перемеряли стаканами, записали в протоколе, что они изъяли 40 стаканов муки, вот, и устрасили ее. А у меня был хороший такой морской ремень, и сняли ремень. Он им понравился, бритву, может быть, править? Да. И когда немцы пришли, они начали проверять документы. Паспорт у меня был, но, оказывается, к этому времени закончилась регистрация и она уже была на каких-то буквах... Она была по буквам. Сегодня в бургомистрате регистрируются жители с фамилией А-Б, и так далее. Так, а моя фамилия на М уже прошла. Так, уже на букву П где-то там было... И, значит, я как бы опоздал, а я ж не ходил, потому что я считал, что этот

паспорт все равно ложный. Да. И, в общем, они что-то заподозрили и забрали меня пред-варительно... «Нам нужно разгружать вагоны, и вот за то, что он тут спекуляцией занимался, мы его накажем...» Вот под этим поводом.

Ремень не отдали, папиросы тоже не отдали и деньги, которые у меня там были выручены, — все это было экспроприровано. И меня немцы забрали на Сортировку. Там была работа... Содержания я не знаю... Там ящики с чем... Эти ящики надо было с вагонов разгружать в тележки, и кто-то отвозил их. И после этой работы накормили, а на следующий день погрузили вместе с другими, которые... Очень много людей прибыло. И меня, в том числе, погрузили в вагоны, в обычные телятники, плотно очень. Там нельзя было... лежать... полк никаких не было. Вот. Сидя, друг возле друга сидели. Нам ничего не говорили. Охрана изнаружи закрывала на засов вагоны, и нельзя было... Забиты эти люки... верхние окна товарных вагонов... И только через щели, которые там... мы могли наблюдать, ну, что мы едем. Едем... и где мы, даже не знаем, потому что... Я смутно помню, когда мы проезжали Киевский вокзал. <...>

На пустырях останавливали поезд и по очереди, по вагонам, по нужде выводили людей и давали питание. Питание было... у кого была или миска, или кружка, наливали жидкость типа супа. Она такая густая была, и хлеба... ничего не было. И так мы ехали...

Я не помню, когда мы пересекали нашу границу, там, из какой-то колеи... ширококолейной на узкоколейную. Но я помню, когда мы пересекали границу Германии, то нас уже пересадили в обычные пассажирские вагоны, немецкие, там, где в каждое купе отдельный вход, но набили в каждое купе много, но уже видно было, уже окна, так сказать, все, мы всю Германию проехали и уже видели...

Даже меня удивило, что вот, не доезжая Берлина или в самом Берлине... Я прочитал:

«Карл Маркс». Думаю, как это так, в Германии, когда там такие порядки? Карл Маркс у них первый враг. Не подумал, что это мог быть однофамилец. И очень... Карл распространенное немецкое имя, Маркс тоже, наверное, фамилия такая. Но так меня удивило...

И... Да, я забыл, что это было отправление из Харькова 16 апреля 1942 года, а в Гамбург мы попали 24 апреля 42 года. На какой вокзал, мне трудно сказать. Я только запомнил, что нас всех вывели, недалеко от вокзала такой широкий сквер, и всех там выстроили и потом по каким-то группам... То есть, нас, наверное, ждали представители разных фирм, которые отбирали... Там не было такого отбора, смотрят на внешность... Вот подряд, идут люди. И нас пешком повели с этого вокзала. И мы тихонько шли, вот в это, в Гамбургхаффен... Шуппен-43.

Конечно, люди, которые встречались, они как-то на нас смотрели, потому что одежды мы были все убого. У меня была шинель ремесленного училища, как военная. Да. У некоторых мешки были, там с вещами или с продуктами. Такой невзрачный вид...

Прибыли мы в этот, в лагерь, и... Прошли санобработку, до лагеря прошли санобработку. Вещи все продезинфицировали, в общем, когда попали в лагерь, там уже были харьковчане.

Что меня поразило, что... лица желтые, вот, у тех, кто там давно был. Вот это... Обратил я на это внимание. Ну и... Дали нам пищу, суп, баланду будем называть, это брюквенный суп, без признаков картофеля. Там брюква и вода, может, скалочка маргарина. Она мне не понравилась, несмотря на то, что я голодный был. А ребята, которые здесь жили, они нас обступили и видят, что я не хочу. Они, этот...: «Если не хочешь, давай я возьму». И сказали, что «через 2-3 дня ты будешь есть, как и мы». Я отдал суп сегодня, и завтра уже так чуть-чуть попробовал, пос-

лезавтра я уже ел этот суп, потому что голод заставит все есть.

Работал я в этой... в Шуппене-43, слесарные работы делал. Хотя я учился на токаря, но я почему-то скрывал, что я токарь. Работал... таким... подсобным рабочим. Единственно, что я мог, — это по шаблону вычерчивать из листа железа фигуры, которые там требовались.

Работа... Я потом проанализировал, по видимому, это было для подводных лодок, потому что мы выполняли... вентиляционные короба. Систему вентиляции, которая... Но они такой формы были, такой закрученной... Только на подводных лодках, где дефицит места, могли они иметь... такое... приложение. Эти короба сваривали, обрабатывали швы, красили, одевали фланцы, такие из уголков, соединяли болтами, и их отправляли. Вот это наша была продукция.

Мастер, я фамилию не знаю, Йохан. Горбоносый такой. Видно, бывший моряк. Всегда ноги расставлены. В джинсах. Он с люлькой, ну настоящий капитан или боцман там.

С нами обращались... только по работе. Ни о чем с нами не говорил, только по работе, жестами или словом объяснял, как, что делать, и... ничего от него плохого мы, это... не получали, так сказать, никаких — ни наказаний, ничего.

Единственно, суровым был обермайстер. Тот редко посещал эти цеха, но сразу видел недостатки или плохую, какую-то работу. И в конце недели тем, кто хорошо работал, он выдавал талончики на дополнительную порцию супа. Это было... как ждали приговора. Конец недели... и ждем, будет ли что-нибудь... Когда доставалось, когда — нет.

Внутри... Значит... Наш рацион. Два раза в день мы... в обед и вечером, после работы мы получали по миске супа. Он практически все время был неизменным. Суп — это брюква с водой, немножко вроде там маргари-

на, скалочки маргарина. Картошка, если была, она разваривалась. Вот. Каждый хотел, чтобы погуще получать. Хитрили, становились позже, вот так, чтобы где-то там из-под дна, гуще... У каждого свои хитрости были. Получали буханку хлеба на четверых. Вот такой стандарт. Если считать, что полтора килограмма, значит 375 граммов хлеба в день. Утром мы получали хлеб. По вторникам и пятницам — кусочек маргарина. По вторникам грамм 30, а в пятницу — 50 грамм... Колбаса была по воскресеньям и по четвергам, где-то грамм по 40 или по 50. Мы даже стихи там сочинили.

И в субботу нам давали в кулечке сахар. Вот. Да, еще каждый день мы получали по две сигареты. Я не курил, и эти сигареты я накапливал. Мне сказали, что вахманы, которые все время на территории лагеря были и следили за нашим распорядком, они интересовались сигаретами...

Одни ребята выменяли бритвы себе, одни — машинки, и даже подстригали других и зарабатывали на этом тоже сигареты. Это единственная валюта, которая у нас курсировала. Денег нам не платили. Абсолютно. И они нам, собственно, не были нужны, потому что в город, во-первых, стали выпускать к концу осени. И то мы узнали, что это наша элита. Это Жора, комендант русский, он и переводчик, и сотенные. У нас было пять сотен. К концу года уже было пять сотен, это в 42-м году. Это люди из Николаева, люди из Запорожья и люди из Харькова. Вот это преобладающие три группы. Самая многочисленная — из харьковчан была группа.

В конце года, где-то осенью глубокой, на время у нас в лагере остановились... капелла бандуристов. Это украинцы, и такие щирые... Они исполняли только репертуар украинских народных песен, былины, и аж за душу брало. Потому что это какое-то время оторвано... А музыка, которая у нас

в столовой, по репродуктору, — это европейская музыка была, и оперетты часто были... Там, потом мы насвистывали... и эту привычку так сказать, я и потом, перенял... Когда нечего делать — насвистываю какие-то мелодии...

Вот это они пожилы у нас неделю. Я вначале думал, что они в каком-то привилегированном положении, а они на таком же пайке, как и мы, ничего другого не было. Значит, тоже так, вот они у нас побыли, потом в каких-то других лагерях...

Я после войны где-то прочитал воспоминания одного из участников этой капеллы. Но он уже, по-моему, в Канаде где-то жил. Но он рассказывал не о нашем лагере, а вообще о капелле и о судьбе некоторых из этих артистов. Они пели изумительно. Там такие голоса были. И песен, которых я вообще не слышал. У меня слух был хороший. Вот. Я этих песни не слышал. И слова там красивые были. Вот это такое отступление небольшое.

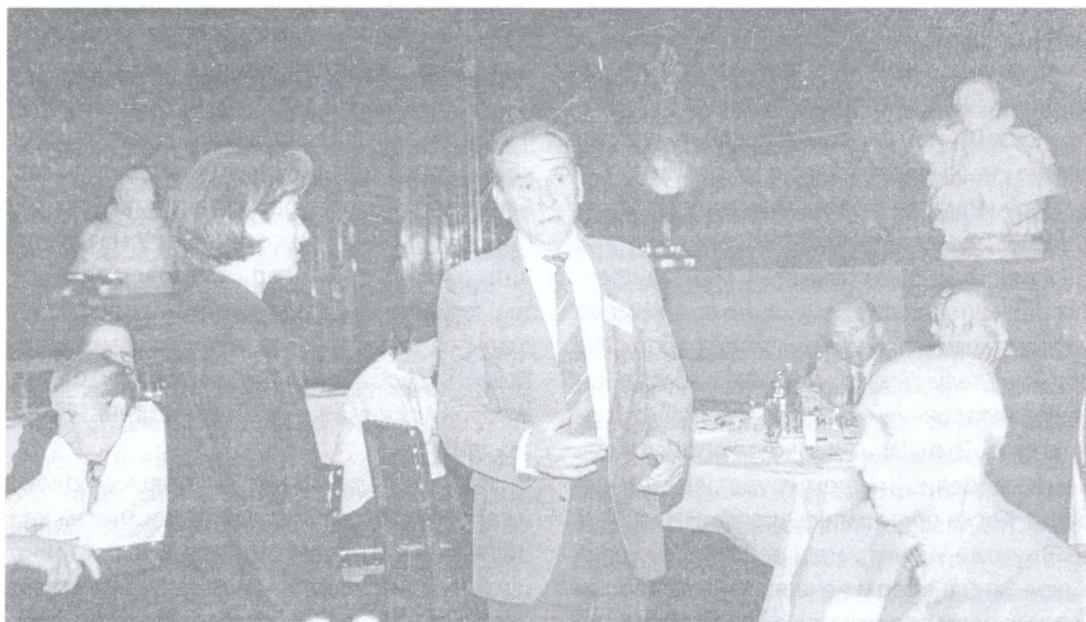
Дальше?

Каков был распорядок дня? Во сколько вы вставали?

Начинали работу в 8 утра. Но до 8-ми мы должны были умыться, получить хлеб, чай, который у нас был. Чай — трава какая-то, заваривалась. Вот это мы должны были покушать и идти на работу. А работа это тут же, в этом же лагере.

Шуппен — это бывший склад ... фруктов из Южной Америки. Вот такой склад, он... Торцы его заканчивались кирпичным строением. В этих кирпичных строениях, там, в подвале, находились кочегарки. Эти кочегарки отапливали раньше и... когда мы были — отапливали все помещение склада. Причем, конструкция такая: трубы проходили... под потолком, чтобы не снизу, чтобы не портились продукты. И наши ребята там работали кочегарами.

А следующий корпус уже начинались мастерские. Я работал... назовем, слесарно-сборочный отдел... У нас кузня была. Рядом

На торжественной встрече в городской Ратуше с сенатором г. Гамбург,
г. Гамбург, октябрь 2001 г.

был цех, в котором делали детали какие-то из дюралю для самолетов, наверно, для гидросамолетов... Там станочки стояли — пневмопресса, клепали вот из этих уголков всяких, какие-то изделия именно для самолетов. Был механический цех, где были токарные станки, револьверные станки, сварочные работы... Автоген, и газосварка, и электросварка. И был чисто инструментальный цех, где слесаря делали штампы, матрицы и пуансоны. Там несколько человек — это хорошей квалификации слесаря-лекальщики работали. Они делали вот эти матрицы, закаляли их в газовой такой печи и в масле... Вот такая операция была.

Вначале в лагере не было своего пищеблока. Первое время нам привозили, м-м-м... пищу в бачках из какой-то кухни, приезжала машина, на которой привозили... Каждая сотня получала два бачка, на обед, там, и на ужин. И вот были случаи, когда... каждая сотня... начинали с первого и кончая последним... Пришел, миску получал. А когда мы уже ужинали, могло некоторым и не хватить, но запоминали и тогда, в следующий день, ему немного давали больше... Вот такое.

А потом у нас появился пищеблок. Поставили котлы для варки пищи, выдачу сделали, зал был, столовая, столы там...

За этот год мы два раза горели. Буквально через две недели после того, как я приехал, в мае уже наш лагерь получил свою порцию зажигательными бомбами.

Сгорел наш спальный корпус. И мы кто в чем покинул... А бомбоубежище было хорошее. Оборудование... Сделано... Но, у нас на Украине подобные только, может быть, для правительства.

Сводный потолок из бетона. На стене нанесенная... фосфором или чем-то светящаяся лента, если вдруг потухнет. Теперь. Двери такие массивные закрывались. И вентиляционная установка стояла, которая могла от электричества работать или вручную отка-

чивать воздух, чтобы получить порцию свежего воздуха. Там стояли на каждом шагу ящик с песком, лопата, ведро, там все это было... Ну. Так аккуратненько все сделано. Если бы у нас была бригада пожарников, могли бы и спасти здание.

После этого у нас действительно образовались бригады пожарников. И я пошел в одну из них, потому что за дежурство я получал лишний паек хлеба. Там специализация: на гидрантах стояли, на штуцерах стояли, у каждого был свой пост.

Летом 25 июля — страшная это дата для Гамбурга. Я как раз дежурил, вот, стоял на рампе. Было тихо, темно, и ничего не предвещало ужасной этой трагедии. И вдруг зажигается, на парашюте ракета светящаяся, она медленно-медленно опускается...

И взрывы... там, в стороне, на стапелях Бломфоса. Начались взрывы. Ну, мы стояли и никуда не уходили, потому что это относительно далеко. Но когда волна начала приближаться к нам, мы спрятались в бункере. Первая волна прошла, стало тише, и мы... покинули бункер, выбежали, и я почувствовал, что я бегу вверх. Темно, ничего ж не видно. Оказывается, наша рампа вот так просела. И мы забежали в корпус и побежали в бомбоубежище. Всем стали рассказывать, что там творится.

А на утро, когда мы все вышли, увидели, что мы не видим ничего, только одну гарь. Это было как сумерки над Гамбургом. И вот кончилась функция этого лагеря. Все коммуникации вокруг нас были нарушены. Мы как... отрезанные остались. Ни связи, ни воды... Единственная вода — это из канала. Брали из канала, кипятили, и какая-то часть продуктов еще оставалась. Комендант в один день объявил, что завтра в последний раз выдадим хлеб. И вот на наше счастье или, в общем, как говорят, волей Господа Бога — с Красного Креста баржа, со стороны канала к нам подъехала, оттуда вышли люди,

поднялись по трапу и обратились ко всем: «Кто вы и какая помощь нужна?»

А у нас действительно уже критическое положение было... Уже началась дизентерия в лагере... Просили хлеб, овощи, крупу... Ну, немного там мясное что-то...

И что вы думаете? На следующий день пришла баржа, полностью вот с этими продуктами. В лагере появился смех. Хлеба начали давать больше килограмма, его никто не съедал. Начал сушить сухари... Супы — это не супы, а каши были. Ну, наступила такая благодать.

<...>

Лагерь был чисто мужской. Преобладали харьковчане. Были... запорожцы, Запорожская область, и Николаевская область. Вот это три области. Изредка из Курска. Почему-то один всего лишь был из Курска, попал к нам. Это что касается состава. Других ни национальностей, ни контактов извне не было.

Я забыл сказать, что выпускать нас на прогулку за город, то есть, за территорию лагеря, разрешалось в воскресенье. На десять человек один вахман, который сопровождал людей на прогулку. Этот состав был, в основном, из привилегированных наших граждан. Это Жора переводчик, комендант русский, сотенные, на каждую сотню один старший был, вот, сотенные, затем повар и каптерщик, то есть тот, который следил за хлебом, он резал на порции... Это люди, которые... Ну, и близкие к ним, там, которых они брали... То есть, за которых они могли ответить, то есть ручаться могли, что он не убежит там...

Фактов, чтобы кто-то убежал, не было. Ну, были там случаи, когда мы научились со временем выходить из лагеря через проволоки в заборе. Территория с трех сторон окружена проволокой, забор, вот, и вода. Ну, водная преграда тоже, там перепад разный был, прилив — отлив, в принципе, возможно было уйти вплавь куда-то.

Жили мы... Двухъярусные нары, и матрацы, набитые травой, и одеяла. В лагере завшивленность была. У нас был санитар, старичок... ветеран Первой империалистической войны, вот. Он всем давал, независимо от того, чем кто страдал, кальций хлорат. Вы, говорит русские, водка... ничего не стоит... Русские слова он знал. Она горькая была. Как я понимаю, это для свертывания крови, его обычно дают после операции людям, а это — я не знаю, что это.

Были у нас случаи — люди начали употреблять соли много. В надежде, что почки откажут или он опухнет, и он сможет предъявить претензии, что он плохо себя чувствует. И таких иногда... Одному повезло. Я знал одного харьковчанина, у него такие глаза, плохо прорезанные, Коля, он уже умер. Он добился, что он попал в Харьков еще, так сказать, при немцах, но он наглотался вот этой соли, и он действительно опухал. Вот это метод, которым пользовались у нас.

Там же у меня появились друзья, такие ж подростки, как и я. Нам газету читали, по моему, «Русское слово». В которой все события описывались, на фронте какие события. Вот. Потом немножко начали, там, в немецком языке разбираться. Я учил его только в 5-м и в 6-м классе, немецкий язык, но что там...

Постепенно привыкал к их манере и какие-то слова подбирал. Но чтобы бежать... мы понимали, что одежда наша... мы же были погорельцами. Осталась только та спецовка, в которой пошли в бомбоубежище. А она тоненькая-тоненькая была. Вот. То есть, в этой одежде не только... налицу просто выйти плохо. Это одна сторона. Потом, незнание языка, не представляя, куда же двигаться...

В общем, не было такого. Если от отчаяния, может быть... Но я не помню у нас в лагере, чтобы человек ушел вот так, сделал побег. Хотя тогда начали выпускать. Была

одна группа из людей, которая ушла на прогулку в воскресенье. Вернулись не все. Одного я знал — Томенко Юрий Степанович. Он сейчас в Америке. Вот. Он не вернулся. Вот это один случай был. Так это было в 43-м году, еще до бомбежки вот этой страшной. Этот парень... Он попал тоже недалеко от Бергедорфа, в Дюнеберг.

А некоторые ребята, когда нас разбомбили... начали выходить из лагеря. Тот лагерь уже никем не охранялся, там, собственно, уже выходили, и искали, как выбраться куда-то. Один попал тоже недалеко от Бергедорфа, в Гейсгахт. Он попал на фирму... Нобеля. Шведская какая-то, филиал, там пороховые заводы были. И вот он там до конца войны был. Это был Мамон Алексей Федорович.

<...> У нас был случай воровства такого крупного. Это ребята из Запорожья сделали такую аферу. Вот это территория, или помещение склада, она делилась на секции, и они были из такого легкого материала сделаны, перегородки, но они наверху ничем не перекрыты были. Вот это как соты, разного назначения. И туда привозили картофель, овощи и складывали. Так они фантазией своей вычислили, что где-то там есть картофель. Ночью, тихо, из своего... там, где спальни, что ли, из этого места они карабкались как-то на перекрытия и шли до тех пор, пока не нашли картофель. Один спускался туда вниз, набирал картошку, выносил, выносил, и там куда-то они прятали, а потом проносили в цеха и там ее отдавали кочегарам — они пекли. Отдавали сварщикам, они делали такие трубы, закладывали картофель, заваривали и вроде работу какую-то делали, а в это время там картошка была.

Еще были, этот... строгательный станок, там у него кулиса отходит, так открывали и туда ставили ведро с картошкой, уже чищенной, и туда два электрода, как кипятильники сейчас. Включают этот строгательный станок, поливают эмульсией, чтобы пар шел,

вроде от изделия. Он делает свою работу...

Ходят, слышат запах картофеля, а нету нигде. Вот. Использовали еще бомбоубежище. Оно ж, двери открыты, но никто его, так сказать, не применял. Но там розетки с электричеством тоже. Там варили...

В общем, голь на выдумки была хитра. И вот таким способом их накрыли. Их накрыли, не знаю как, и они исчезли из лагеря. Их никто больше не видел... Ничего нам не объяснили, а они исчезли.

<...>

Да, самодеятельность у нас там была. Сами рассказывали, играли. <...>

В лагере у нас вахманы были, вооруженные вахманы, закаченные рукава, свастика здесь. Вот так вот стояли, как в фильмах иногда, ноги широко расставлены. Они пресекали всякие... Ну, вот некоторые пытались попасть на мусорку и поковыряться там в отходах, что-то найти. Они запрещали, потому что понятно, что инфекция, которая... Не столько он там добра сделает, сколько он вреда сделает для других. Наказывали сами, так сказать, самосудом. Как стукнет... А такой демонстрации, такой экзекуции — ничего не было. Лагерь все-таки трудовой, там люди все-таки работали и понимали, что от этого их будут бить...

У меня даже был один раз конфликт с немецким пареньком, когда... Это было зимой 43-го года. Меня заставили возить кокс в кочегарку. Гора кокса, и надо было положить его на вагонетки и везти. Так вот этот парень, он в моем понимании немножко слабоумный был, такой дефективный. Ну, в чем это заключалось, ну, в речи, может быть, в движении... Он стоял и, значит, мне говорил, куда надо везти. А я ему объясняю, вот надо сюда, потому что тут люди спят ночью — очень холодно, а здесь люди работают... Люди работают, им не холодно.

Нет. Мне сказали сюда, вот так, а я повез туда. И вот у нас с ним дело дошло чуть

ли не до драки. И он обиделся, что я его ударил, он обиделся и пошел к мастеру, к главному инженеру, который не относился к производству, а в отдельной конторке там был. Пошел, пожаловался. Меня позвали к нему. Я начал рассказывать этому немцу, в чем произошел конфликт. Ну, меня от этого отстранили. Ну, я так понял, что немец меня понял, еще даже улыбнулся. Вот. Что я имел какую-то долю правды, что надо и сюда... не забывать о нас. Ничего не было, никаких экзекуций.

Теперь... Нам, когда погорели мы... к концу года, нет, даже не к концу... Летом, в начале осени. Привезли много чужой одежды. Чья это одежда, мы не знаем, конечно. И по очереди каждый шел, брал себе рубашку, брюки, пиджак и туфли или ботинки, что было там по ноге. И так вот по очереди проходили и получали. Нас, так сказать, немножко одели. Ну, понятно, что это из концлагерей откуда-то, это из вот этих, из гетто, жертвы, так сказать... это все потом использовалось, вот, для восточных рабочих. Вот этот момент запомнился.

Один раз такой как праздник был. Я впервые в жизни попробовал шпроты. Это, видно, или с какого-то потопленного корабля... На два человека баночку шпротов выдали. А мы в это время, после пожара, жили в стружках. Бумажные стружки, насыпанные... и мы в них. Все погорело у нас, и мы в этих стружках, как в пене... зарывались и спали там, отдыхали... И вот нам один раз выдали шпроты. Бесподобное на вкус. И я узнал, что это такое. Вот. И один раз еще была колбаса, из которой сделали бульон, сварили. Сварили. Типа сервелата колбаса была. Из нее... Ее порезали по порциям, сварили бульон, дали нам и бульон, и по этой колбасе... Это тоже что-то необыкновенное, и у нас в рационе этого не было. Каждый, кто был там, в Шуппене, помнит эти моменты.

Вот санчасть — только был, вот этот, санитар у нас и изредка приглашал врача. Например, меня преследовали чирьи. Я долго адаптировался к климату. В Гамбурге сырой климат. До 40 чиряков одновременно было. И врач, когда приходил, так он не знал, он прямо их так, не резал, а брал две салфеточки и прямо вот так вот выдирает оттуда, выдирает этот стержень. Я чуть ли не в обморок падал. А потом приходил в себя, и мне становилось легче. Потихонечку ушли. Но не делали ничего... У нас на Украине делали автогемотерпию, берут кровь, например, с ягодицы или отсюда... вот такое делали, оно вроде способствует этому...

Так что... Вот это единственная беда была — дизентерия. Видно, от сырой воды, которую пили, которую из канала брали, она не кипяченая была. Да некоторые и не очень щепетильны были в пище.

Больнички как таковой не было. Там, где твое место, где ты лежал, там ты и лежишь. А ходил к санитару, он... у него был этот, хм, мазь, у нас она называется мазь Вишневского, а она с запахом дегтя. Вот. Вот это он всем мазал, у кого что болит, была там ранка... Примитивно все было.

...Нас 50 человек отобрали, и мы попали в Бергедорф. Приехал представитель, пожилой мужчина со значком принадлежности к националистической партии. Интеллигентное такое лицо, вежливый и, когда он собрал нас всех, говорит: «Вот мы на машине поедем в Бергедорф. Прошу вас вести себя... Если вы что-то хотите сделать, обратитесь ко мне, я, если пойму, в чем дело, разрешу...» В общем, ничего плохого не предвиделось.

Вот мы поехали в Бергедорф... Было тепло, солнечно, и только одни руины на горизонте, то есть машина ехала такой дорогой, что ни одного, ну, хотя бы признака остатка дома не было. Вот на Украине, там если дом

сгорел, все обвалилось, а стена — стоит. Стены стоят и руины. А это были волнистые холмы, как барханы в пустыне. Нельзя было зацепиться за что-то живое. Вот это на открытой машине...

А когда уже подъезжали к Бергедорфу... Бергедорф был, так сказать, как оазис. В Бергедорфе совсем другая обстановка. Если здесь, в Шуппене — это неволя, куда... если удавалось выходить, то только под угрозой, я не знаю, может быть, и смерти... Уходить из-под проволоки в город, потому что за сигареты... у нас появились деньги и можно было купить пищу. Ну, это очень... Это очень было рискованно. Не для побега уходили, а чтобы достать пищу. Вот. Там много было, в Гамбурге, много было продуктов моря, которые были без карточек, коммерческие такие. Они там соленькие, но это неважно... Но это добавка к пище была. Ну, и кто хлеб покупал, кому удавалось. Там были такие, назовем, столовые, где продавался гороховый суп, 20 пфеннингов он стоил, тарелка, то есть недорого, но без карточек. Но рядом стояла солонка и горчица. И это все вымазывалось и забиралось. Нам соль там не давалась. Брали и соль, и горчицу с собой.

Так вот, Бергедорф отличался тем, что в Бергедорфе мы жили рядом с эмалерверком на пустыре. Финский домик, на две части разбит. Тамбур, значит, в одну комнату и в другую, по 20 человек примерно. Так же двойные нары. Посредине комнаты стоит голландка... А здесь такой ров и забор — эмалерверк. Тут вход. Мостик такой, вход. И мы ходили через эмалерверк на проходную и выходили на работу.

Наш воспитатель, или как, надсмотрщик, как он... он нам объяснял, что вот мы... смотрите, вы живете здесь, пожалуйста, никто не уходи никуда. Я приду и я разрешу, если вам там куда-то надо пойти. Только лишь с моего разрешения. Но никто... Так, мы, вроде, согласны все были...

Да. Питание. Один раз мы на работе питались, на заводе, и один раз дома. На самом эмалерверке, там тоже жили ребята и девчонки, они там работали. Некоторые ребята из Харькова были. Но мы с ними как-то мало контактировали, потому что у них там своя работа, мы заняты были своими проблемами. После работы заходили через эмалерверк к себе, домой, и если наш хозяин уходил, то мы вслед за ним, по пустырю, уже не через эмалерверк, а сами по себе, ходили в город и там доставали разные продукты без карточек, там всякие были супы всевозможные, вот, добавки к супам, без хлеба. А хлеб — это уже как кому удавалось. Кто-то просил у продавцов. Я, например... вот, мне женщина одна карточки дала, вот, и я их, так сказать, экономно тратил.

Потом, у нас был источник... Раз в неделю вывозилась продукция с эмалерверка. Эта продукция заключалась... в такие большие ящики, они на таких скобах закрывались, там были эмалью покрытые какие-то детали бомб. Вот, чтоб оно долго хранилось и не заржавело. Закрывки какие-то. И их надо было грузить в вагоны, на лошади, лошадь такая... тяжеловес такой, вот, на шинах эта подвода, и там немец на лошади, а мы сидели на этой подводе, и недалеко, только выехали... немного проехали, и уже товарный вокзал там был, где мы обнаружили, что наши военнопленные разгружают картофель. А как они разгружали? Он... там где-то он насыпан был в вагоны, картофель, а они здесь его... весы такие, с люлькой, вот он сыпет картошку, как только там 50 килограмм получается, он переворачивает люльку — и э мешок, так, вот вам центнер немецкий. Ну и мы подходим туда, вот, пальто вот здесь распорото. «Ребята, здравствуйте. Вы откуда?» Ребята роняют картофель, а два потихоньку там тянут время, и разгружают эти ящики с эмалерверкпродукцией. И вот мы оттуда привозим... Но это уже, это была добыча для всех. Уж,

слава Богу, у нас там эмалированной продукции было больше чем надо. На голландку ставилась выварка, туда высыпалась картошка, и мы делали там «пир горой», так сказать. Но это раз в неделю такое чудо было.

На работе, в эмалерверке я работал токарем в маленьком цехе, где трудились подростки. Молодежный. То ли учебный, это как вот у нас ремесленное училище или ФЗО. Так и там. Ну. Ребята, подростки, это где-то по 16–15 лет. Они боялись обермайстера, который сидел в стеклянной кабине. Он всех видел. Он, наверное, им сказал, что ко мне не подходите, не общайтесь, это не ваше дело. Но когда он исчезал, мы там... друг с другом говорили, слава Богу, я так немного мог по-немецки изъясняться, и у нас, так, появились контакты.

И вот такой момент. Мы там разучивали песню. Насвистывали, а потом разучивали. Надо будет спросить, может, молодежь знает эти слова, и их переписать и увезти их с собой, хоть раз пропеть эту песню. Эта песня, я думаю, что она так и называется, потому что там первые слова Heimat, deine Sterne...

Дальше я не помню. Но приятная такая. И мне кажется, что эта песня, она хорошего содержания, такая душевная, о природе, о Германии, а не о режимах каких-то. Возможно, я там ошибаюсь, но она мне очень понравилась. Да.

Так вот этот парень, мальчишка. Когда деталь, вот примерно вот такого размера, здесь такая галтель. Она протачивалась, потом специальным приспособлением радиус вытачивался, а вот здесь, в хвостовичке, эту часть надо было резьбой нарезать, а для нарезки резьбы надо было поменять шестерни на подачу суппорта, чтоб суппорт шел быстрее, чем вращается основной шпиндель... Эту работу обермастер поручил ребятам. Это гитара называется, это панель, на которой шестерни крепятся, значит, для того чтобы поменять соотношение, передаточное

число на шестерни, надо поставить где-то меньше, а где-то больше. А эти открутить, снять. И вот когда они поставили... Кто-то то ли неосторожно включил станок, или задел кнопку. И попали правой руки два пальца между шестернями. И вот так они ему помяли... Там... Там ужасно. Благо, что я стоял, так как они готовили... совершенно в стороне. Могли меня, так сказать, обвинить в этом... Я потом подумал, что это беда, несчастье. А потом подумал, может, парень сам мог такое сделать. Но это мое умозаключение. Потому что возраст такой, время – 44-й год. Брали... гитлерюгенд... и чтобы избежать этого, сам себя, так сказать, мог казнить. Но это моя фантазия. Дай Бог, чтобы он был жив и здоров сейчас. Хотя, он же такой... Может, и жив. Вот. А я не помню имени. Боюсь, что я совру, если я там скажу, что-то такое, Михель или Хайнрих ...

Это детали, это клапана, я понимаю, что это клапана для двигателей, потому что, во-первых, материал, из которого, вот это... поступало литье, это высоколегированная сталь. После проточки, даже грубой проточки, они блестели как никель, вот, чистый никель или хром. Ну, это я думаю, что это сталь с хромоникелиевым содержанием большим, молибден, может быть. Это высоколегированная сталь, она нужна там, где высокая температура. И там, где клапана закрывают... впускной или выпускной клапан, он должен прилегать в какое-то гнездо, он должен держать не только силу, но и температуру держать. Я так понимал это... Но сам я не знал. И так, потом, когда я думал, ну, наверное... я считал... думаю, а может, это поршни? Но поршни совсем другой конструкции, а это монолитная такая вещь. Там я точил...

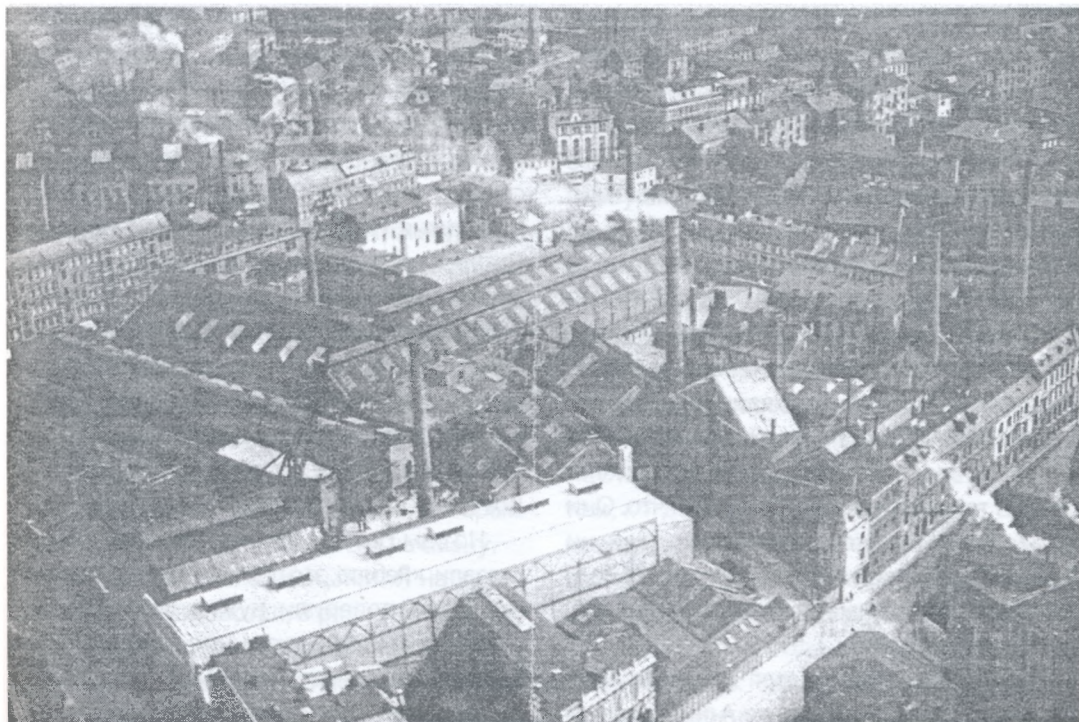
Один раз я там повредил руку, и меня на несколько дней отпустили. Когда я вот эти галтели растачивал, таким приспособлением, который вращает резец, он идет по радиусу и точит, там тоненькая стружка. Она вот

так вот вьется, вьется. И я вот этой рукой кручу, а этой крючочком оттягиваю от лица эту стружку. И вот одна вот так вот петля прошла и так вот, чик, как ножичком срезала. Вот это такое место, самое такое кровеносное, насыщенное... Много крови... Быстро меня там забинтовали. И я ждал своих, чтобы, это, идти домой. Я поболел немного.

Ну вот... У нас были по воскресеньям встречи с девчонками из эмалерверка. Вот там вот Павлик Садонцев и познакомился со своей Надей. Помню, что Надя, Надежда. Мой старший товарищ Анатолий Теремец. Он умер уже. Он стремился познакомиться с девчонками. Вот. Так что он имел успех у девочек. А меня это как-то не интересовало, не знаю даже...

Offensen 1935

Firma Menck und Hambrock und Zeise

Фирма Menck und Hambrock, Альтона, Гамбург.

Работал в цехе № 5 карусельщиком, до штрафлагеря (февраль 1945 г.)

«Лангер Морген»

Исчез. И только лишь после войны, он жил недалеко от нас в Харькове — мы его встретили и выяснили, что он жив. Он попал в какой-то штрафной лагерь, и за вот это... и до конца войны он где-то там околачивался. Но остался жив, слава Богу. Работал на химзаводе, у нас. Вот. Потом... остался такой веселый. Я не знаю его судьбу сейчас. Я его очень давно не вижу.

Вот это такой был, такой неприятный... все это молча, все это так... Но понимали, что он сказал, что «без моего разрешения ни шагу, никуда». Нарушил, вини себя сам. Тут никто... То есть, мы лишний раз поняли, что у него слова не расходятся с делом. Он сказал, и он накажет, если будете...

А потом внезапно нас перевели в Альтону. Совершенно так неожиданно...

<...>

Я, вообще, философствую о том, ну, что бы было со мной, если бы я не попал в Германию. Неизвестна моя судьба, если говорить с точки зрения жизни... Вот. Одну версию, которая подтверждается жизнью, что я жив до сих пор, это когда я был по этим лагерям и вернулся, несмотря на бомбежки, что ранен, я вернулся домой.

А другая линия: я бы остался в Харькове, как многие мои сверстники, когда Харьков первый раз взяли в 43 году, весной. Они все попали... в армию. Причем невооруженные. Их только всех сформировали и... и повели там, на Мерефу... Немцы их там поуничтожали. Это же сила, которая не вооружена была. И там это пушечное мясо. Вот что. Они никакой пользы ни своей стране не дали, ни себе. Вот так у нас на улице многие... 26 год, 25 год, покосила именно вот эта дурь. Вот. Вот такая вот штука.

Да. Теперь... отличается лагерь в Альдетштедте. Мы прибыли в Альдетштедт. Мы прибыли на территорию бывшего «Маргариненфабрик». А рядом с нами была «Фишерраухерай» — коптили рыбу. Значит,

мы жили в кирпичных корпусах, трехэтажных. Большие длинные комнаты, и вдоль комнат стояли обычные двойные нары. Вот.

Питание! Тут были новшества. Здесь нас разделили. Украинцы, белорусы и русские получали разное питание, и отличались, в положительную сторону, украинцы. Они получали... Это все в граммах. Украинцы получали большую порцию колбасы, украинцы получали большой кусочек масла и чуть-чуть большой кусочек хлеба. Затем белорусы. И русские были на последнем месте. У всех... Дали нам нашивки. Украинцам со своим украинским флагом. Россия — трехцветные были, и у белорусов был какой-то свой... Принадлежность определялась тем, где ты родился. Если ты родился в Харькове, значит, ты украинец. Там не было никакой другой, так сказать, дифференциации. И все, конечно, понимали, с улыбкой. Не вызвало это между нами распрей каких-то. Это даже не солидно оказалось — попытаться нас как-то разъединить, что-то... Не было ничего.

Были там попытки агитировать во власовскую армию, РОА — Русская Освободительная Армия. Приехал офицер этой армии, из Петербурга, из Ленинграда, бывший комсомолец, и вкратце рассказал, какой плохой строй советский, почему он перешел, на эту самую <...> на сторону власовцев. Ну, в кругу, после этого выступления... в кругу ребят начались варианты. Говорит, а может, стоит пойти в эту армию, а там перейти фронт... Вот такие вот варианты.

Но там были у нас и взрослые, которые сказали: «Ребята, это порочный путь. Для того, чтобы вам поверили, нужно, чтобы вы имели какое-то официальное задание быть здесь, а потом через эту армию попасть. И то это опасно. А если только ваши слова, вас, даже не выслушав, убьют там же, при попытке перейти границу». Так и никто из наших и не пошел.

Режим был такой. Мы из Айдельштедта пешком... Два вахмана с нами, группа, которая работала на заводе, пятом... Вот я на 5-м работал, а в лагере был 6-й завод. В самом лагере, кроме жилья, бомбоубежище было. И там были... кухня, клуб, такой зал, там, где выступал этот комсомолец из Ленинграда. Там был 6-й завод, который занимался... крепежи делал. Крепежное: винты, болты... А вот на пятом заводе обрабатывали громадного диаметра шестерни. И там станки такие, что вот это, один оборот, она чуть ли не за смену делает. То, что один зуб, фреза, она вот так проходит медленно-медленно, она проходит, поднимается, потом еще раз проходит. Потом он поворачивается. Это самое лучшее место работы было. Там человек сидел и смотрел, только... подливал, там, маслица, если нужно, и следил, чтобы все было нормально.

Кроме этого, там делали для орудий... замки протачивали, там где-то, может быть, и стволы... Ну, в конце концов на каждом заводе... Я так понял, что в Германии, чтобы не уничтожили, технологически какой-то цех был... Так они часть тут, часть тут... А потом где-то собиралось, потому что, если какое-то звено и выйдет из строя, его могут взять соседи, или другое восстановить легче, чем сразу все. Вот так, все это по частям делалось.

Ну. До Альтоны мы доезжали на электричке, выходили с вокзала и приходили к своему заводу. У нас там были номерки. Мы снимали номерки... Сидел дедуля, который регистрировал приход человека на смену.

Работали рядом с немцами. Я на карусельном станке работал, а рядом немец. Ну, так, в летах был. И он тоже на карусельном, только на маленьком, он там что-то делал... Иногда он делился... Оставлял бутерброд как бы для меня. Так сказать, оставлял бутерброд... когда появлялась минута, он спрашивал, откуда, что, вот такое вот. Ну... То есть

разговор такой был. На работе, так сказать, вроде все было нормально.

А опять же, проблема питания как решалась? Возвращаясь с работы, вся группа шла вниз опять к Альтоне, а я ну и так, мне подобные, сзади этой группы потихонечку уходили на другую улицу и попадали на главную улицу, которая идет к Альтоне. Там были магазины. Потом, мы там нашли какие-то магазины, где делали кровяную колбасу. Она такая... батон такой, стоил — одна марка. Это кровяная колбаса... Она еще теплая была. Вот если такую колбасу возьмешь, повезешь и она остынет, там внизу смальца оставалось вот так. Но этот смалец на хлеб — это уже питание. А кровяная колбаса — это тоже продукт. Меняли также на хлеб. Вот такое вот было.

Хлеб как доставали? Я обнаружил магазин, где был станочек, который режет на бутерброды, тоненькие такие бутерброды. Вот мы узнали, что заплатишь 50 пфеннигов, он тебе в конверт, кулечек такой, этих горбушек положит и еще поблагодарит. Ну, обычно для бутербродов немцы не любили горбушку. Так, может быть, были любители, а чтобы сделать бутерброд, он жестче будет. Ну вот, это такие у нас были приемы.

Как можно еще было обдурить? Вот, если человек на больничном, то он мог уйти на работу со здоровыми. Те пошли на работу, а он по городу целый день шатается, а потом к ним примкнет и вернется назад. Нас там, на проходной, не проверяли... потому, когда все пришли, вечером, в 8 часов вечера, проверка. Проверили, все в порядке, баланс сошелся, кто вышел, кто пришел, все идут спать. Это было... весь 44 год. А к концу 44-го года попал в концлагерь Вася Легейда. Комендант предупредил: «У нас будут проверки, и, если обнаружат людей, которые ушли из лагеря без увольнительных — будут строго наказаны!» И вот Вася попал в этот... Он вышел как раз в тот

день, когда нагрянула проверка. И быстро вычислили, кого нет. И мы его уже не видели... Его уже встретили, так сказать, без нас. И мы не смогли его даже предупредить.

Да. В Айдельштедте я заболел. Мне ребята сказали: «Слушай, у тебя зрачки желтые. Ты обратись к врачу». Я обратился... Та посмотрела. Сразу меня на койку... То есть, на это обратили внимание, что это Боткина болезнь. Это может быть заразный вариант, и мне приписали какие-то таблетки. Хотя я ничего не ощущал, ни физически, ничего...

И вот я... уже, когда я почувствовал, что уже я не такой желтый, меня тоже потянуло в город... Была пятница... А это уже было в 45-м году, Альтона перешла на режим отключения... Каждый район имел свой день, когда они отключались, кроме воскресенья. Вот они отключались.

И вот в этот день, когда я вышел... насчет хлеба выяснить как, что — меня там задержали, в городе. Обычно у нас «ОСТ» был... Мы его либо пониже где-то пришивали, чтобы рукой вот так прикрыть... Когда надо сказать — вот я, а если не надо, так там закрыл. Или за бортом, здесь, маленьким таким делали. Или на булавке: прицепил и вот — я хороший. Раз, снял, и уже я немец, по крайней мере, не оstarбайтер. Вот. А я в больнице... Там у них окошко было в туалете. Фрамуга верхняя так открывалась, что можно было вылезти на крышу и с крыши прыгнуть на зады нашего здания и выйти потом на Айдельштедт. То есть это несложно было. Сложнее было потом вернуться. Хотя там тоже были приемы — обождать тех, кто работает... А этот раз... уже мне не потребовалось, потому меня задержали, но там такие были приемы.

И так я попал, не знаю, что это — гестапо или что... В общем, они меня три дня продержали. Меня допрашивали женщина

и мужчина, большая такая комната. Такие добродушные, они так спокойно говорили... Я им рассказывал, по-немецки рассказывал, как я... зачем я вышел, в каком лагере, где я работал, как мы там живем. Они все записывали, фиксировали. Ничего, меня не терзали. А потом увезли и повезли, так сказать, в этот штрафной лагерь.

Дня три я был вот в этих... там допросы, что-то они выясняли, проверяли, откуда я и все. Может, потому, что они узнали, что ничего плохого за мной не числилось, так достаточно в штрафной лагерь меня определить, а не в Ноенгамме куда-то отправить. Могли и так. Почему-то Василий за такое же, будем говорить, правонарушение, попал в концлагерь. Это Легейда Вася.

Ну, в штрафном лагере... Во-первых, когда мы попали на территорию, нас встречали... охрана с собаками, готовыми сорваться... Вот они их держали, а собаки были так настроены, что готовы разодрать, там сердце уходило в пятки от одного вида. И они их так близко подпускали, что еще немного — и могли бы разорвать. Ну, это чтоб страху нагнать... И в это время говорят, что вот, в лагере такая дисциплина. На территории лагеря шапки должны быть сняты... И вот такую — мелочь всякую, которая ничего не имеет, но чтобы человека заставить повиноваться...

И я попал, не помню, в 8-й барак... И встретил там Ивана Григорьевича Блохина. Он меня хорошо знал. Вот. Я все рассказал. И он мне говорит: «Значит, смотри, тут такой порядок...» И сразу рассказал, что тут вот так и так. Два дня ты должен отработать на обязательных командах, потом мы тебя заберем на команду, на которой ты, по крайней мере, сможешь... раздобыть пищу. Но для этого ты должен вот этому парню, он скоро освобождается, ты должен все свое, все еще целое, всю эту одежду отдать. Я отдаю свою одежду и одеваю... О Боже!.. Я одел как что-то

огненное. Там этих вшей!... Я таких не видел. Это... такие крупные, как клопы. Они такие крупные, что вот так рукой придавишь — они лопались. От них никуда не денешься. Они оказываются и в постели, на одеяле там были. И спать... я первое время не мог заснуть от того, что все тело горело... Ну, такого количества я не видел... Просто как обсыпало тебя.

Питание. Хлеб. 300 грамм хлеба в день и один раз — суп горячий. Вечером давали кипяток или типа эрзац- кофе, вот такое и все это питание.

Ну, вот первый день — это одна тяжелая работа была. Очень тяжелая. Там... ну, так как мы вот эти вагонетки таскали, но рядом мы видели, как ребята, которые песок нагружали, там стоял надсмотрщик, который, буквально считал, создавал им ритм. Раз-два, раз-два... Чтобы каждый успевал бросить лопату с песком. Вот это на моих глазах было такое истязание. А на второй день я работал... я запомнил — вывеска «Эрдоль». Мне нравилось это слово, потому что это «масло земли», так сказать, если перевести на русский. Мне нравилось просто сочетание, то, что у нас мы называем «нефть». А «эрдоль» — это «масло земли», ну, ведь действительно! То есть я обратил на это внимание.

Там они восстанавливали, видно, какой-то корпус. И такая примитивная технология: бетономешалка... забрасывается бетон, то есть это цемент, щебень, водичка. Все это крутится, высыпается, и вот эта вся масса насыпается в форму, которая на такой пластине, вибрирует, там неуравновешенный боек, который двигатель создает, она все время дрожит. Это утрясает вот эту форму, куда заполняется все это... Эта форма снимается, два человека снимают, несут и ставят на носилки и снимают ее. Она так вот снимается, и форма на солнце остается, возвращается... сюда. И целый день вот такое колесо. Целый день

такой круг, до обеда. Там перерыв, чтоб покусать, и после перерыва опять.

А я... А у меня руки... Токарь я был. Грубой работы... не было такой, ну... токарная работа она... это же не то, что грузчиком, а рукавиц никаких не было. И вот я водянки разодрал до крови. И я уже... Как я до перерыва доработал, не знаю. Я пошел там к старшему, показал ему, говорю: «Пожалуйста, посмотрите, или дайте рукавицы. Уже ж кровь идет, я не смогу носить, лопатой набирать». Вот. Он меня поставил следить за этим, чтобы выключалась и включалась бетономешалка. И я, слава Богу, так сказать, спасся буквально от этого, могли загнать просто. То есть, так получилось, что... понял мою просьбу...

А вот на третий день я уже попал на развалины какой-то мельницы. Там работали сербы. Я не знал, что... кто такие сербы. И не знал, что они говорят по-славянски, близко, если он медленно будет говорить, так я пойму его и он меня поймет. Но они были то ли военнопленными, у них форма какая-то была. Но они как-то, ну, так сказать, ну, они не были такие угнетенные, наверное, в лучших условиях находились, и они нам подсказали, что вот здесь, если аккуратненько здесь проработать, там будут овсяные хлопья. Вот этот геркулес, по-нашему, только, говорит, много не брать. Жменю возьмешь, и хватит тебе. Жменю взял, в карман положил, и все, чтоб не видно было. И я проносил жменю...

И вот ночью очередная тревога. У нас, значит, четко уже распланированный был алгоритм. Надо быстро подняться и бежать, становиться... одним из первых. Во-первых, преимущество, если ты первый забегаешь... а там все бегут... первый забегаешь вот в это... в элеватор этот, то там можно через отборный люк попытаться достать зерно или ту продукцию, которая проходит.

А второй нюанс: надо успеть сесть под стенку, там кругом бетон, помещение бетон-

ное. Это вот цокольный такой этаж, колоны, и под стенкой доска проложена. На доску можно сесть и можно доспать, что не успел доспать, потому что тревога. И так мы каждый раз прибегали к такому, что поспишь... А этот раз не дали спать, потому что бомбы начали рваться все ближе и ближе, ближе. И этот нарастающий взрыв, вот это ближе, ближе... Настолько... Уже настроился, что вот-вот сейчас что-то произойдет. И тут сразу треск, что-то такое... ослепление... И дальше я ничего не помню. Значит, ощущение такое, что какая-то... мокрая простынь легла вот так на меня, пелена такая вот мокрая. А когда я пришел в себя, я понял, что я... где-то я был в таком положении, полулежа, вот в таком положении, я не мог двигаться... Что такое? Когда я начал подавать криком сигнал о помощи, то через некоторое время почувствовал: горло осипло, и трудно дышать стало... Тогда я попробовал покрутить головой, и я почувствовал: что-то сыпется, опять легче. И вот так вот несколько раз я возобновлял... это... звуки...

Потом я затих, потому что рядом кто-то шевелился. В таком же положении, как и я. Я так понял, что это сосед, который в агонии искал выхода какого-то. Рука его металась и что-то не то что искала, а пыталась за что-то зацепиться. Я открыл рот, и его палец попал мне прямо в рот. Я его сцепил так зубами и держал.

<...> Где-то высоко они были и уже видят, что живой и что я уже говорю: «Не тяните, нога болит, больно». Но они расширили воронку и постепенно вытащили меня. Достали где-то одеяло, не знаю, может, там команда какая-то была. Положили меня к стенке... Туфель мой потерялся... И я ощущал перелом ноги... и при взрыве, прежде чем меня засыпать, меня обожгло, и на правой голени, тоже большой шрам от ожога. И перелом левой большой берцовой кости. Потом меня понесли к раненым. Тут ле-

жали мертвые, а меня понесли к раненым.

Когда в 1945 году 23 февраля я попал в штрафлагерь и там встретил знакомого по Шуппен-43 Блохина Ивана Григорьевича, он мне очень помог на первых порах. Устроил в хорошую команду, где была возможность «получать» жменю-две овсяных хлопьев.

21 марта был налет, и меня засыпало зерном, перебило ногу и обожгло лицо и ноги. Блохин помогал мне выбраться наружу.

После войны при встрече с Блохиным в Харькове я выяснил, что он попал после бомбежки в KZ Neuen Gamte, где был вместе с Садонцевым. Я подумал, что, может быть, наш штрафлагерь имел какое-то отношение к KZ, и написал в Гамбургский музей KZ Neuen Gamte с просьбой сообщить мне, не являлся ли штрафлагерь выездной командой от KZ.

Через некоторое время мне сообщили, что штрафлагерь Langer Morgen – самостоятельный лагерь. Так началась переписка с сотрудниками Гамбургского музея. Они узнали и о Садонцеве П. В.

П. В. из Бергедорфа не уехал с нами в Альтону, а спрятался в женском общежитии у своей девушки Надежды. Хозяин дал согласие его взять к себе на работу. Но, по видимому, согласовал это с гестапо.

Все было хорошо, но после покушения на Гитлера летом 1944 года начались проверки всех и вся. И гестапо забрало П. В. в тюрьму Фульсбюгель, и долго там его допрашивали. Не добившись ничего, его направили в KZ лагерь, где он чудом остался жив.

(Дописано мною, Геннадием Марченко, при ознакомлении с текстом интервью 11.11.2003 г.)

Машина подъехала, и увезли в Лангенгорн, там врач, по-моему, румын был по национальности. Вот. Посмотрели рентген и сказали, что давайте недельку выдержку сделаем. Боялись, что гематома, которой так

не видно, если в гипс положить, она может там возникнуть и получится абсцесс. Оно так и получилось, но недели, видно, было мало. Когда гипс наложили, прошло 4 недели, и у меня поднялась температура. Вечером 40,8. Позвали врача. «Срочно снять!» И вот когда начали снимать гипс, там обнаружили вот эту гематому, которая создала вот эту температуру.

Там в больнице, конечно, кормили еле-еле. Я вначале как тяжелобольной получал чашку пудинга. А всем остальным не давали. А хлеба там два вот таких кусочка (5 мм).

Но ребята из нашего лагеря узнали, что я здесь, и еще до освобождения принесли буханку хлеба. Вот. Вот этот Толик, рыжий который, царство ему небесное, он принес хлеб, обмазанный смальцем. Обнаружили, его не пускали, так он через окно передал хлеб.

<...> Англичане 2 мая зашли в Гамбург. Мы были в таком в капитальном здании, толстые стены, а нас перевели в какие-то летние палаты, временки какие-то, чтоб не так было жарко. И потом оттуда эвакуировали мужчин только в Висмар, город Висмар — это гедеэровский порт потом стал. И там англичане нас, конечно, кормили на убой. Каждому каждый день плитка шоколада, 10 сигарет «Кемел» и «Честерфилд». Вот. Я не курил, отдавал сигареты ребятам, которые говорили: «Шоколад, це гирке» — и отдавали мне плитку шоколада. Я складывал эти плитки, думал, что пригодится.

Но кормили там изумительно. Запомнилось на обед третье блюдо. Открытая консервная банка, а в ней сок. Громадная груша, красивая, я такого и не видел. Думал, Боже мой! Питание у нас на заказ было, я сегодня подчеркивал то, что хотел бы скушать завтра.

...Висмар отошел потом в советскую зону, а англичане отступили. За неделю до этой процедуры пришли советский офицер и солдат, они пришли, поздоровались с ребята-

ми и попросили тех, кому есть куда написать, пусть пишет, а мы с оказией заберем. Достали клочки бумаги, и я в том числе, намного короче, но о том, что я рассказал вам сейчас, примерно я написал. Но главное, что я был жив. И где-то... Потом, мать рассказывала, всем двором читали мое письмо. Она получила его. Вот тогда она узнали, что я был жив. Да.

Из Висмара нас вывезли вглубь, на восток, и привезли в советский полевой госпиталь, который был оборудован на базе какого-то лагеря. Бараки, внутри обшитые марлей, койки. Вот. И ко мне подошла санитарка, девушка, говорит: «Как вы себя чувствуете?» После бани... вот, все это... А я еще не ходил. «Кушать вы хотите?» — «Нет. Но если бы борщик был... Я бы борща съел и чаю». И что вы думаете, она приносит борщ, да какой борщ! Вот. И чай... Такое умиротворение, так сказать, что попал в такие условия, что жив, что уже домой настроился... И только в сентябре посчитали, что меня можно выписывать. Там... У меня еще, кроме перелома, еще была трофическая язва, не заживала рана, я уже принимал кварц...

И в сентябре нас отправили в Мальхин, или в Мальхов, там, где мы проходили фильтрационный пункт. Нам там всех и каждого опрашивали, где он был, что он знает о своих... Были ли какие-то там враги или такие паразиты какие-то. Ну, и заставили так, вкратце, написать, где я был, в каком лагере и где там работал, кратенько, и отпустили.

Потом мы на машинах через Польшу попали в Гродно, это уже в Советском Союзе. И там я попал на погрузку в стройотряд. Уже собирались погружаться, а военпред спросил: «У кого какие претензии?» Я встал, сказал, что у меня нога ранена, рана есть и я еще с палочкой хожу, хромаю. Он попросил, чтобы я обнажил это, он убедился, что там рана, меня отстранил, а все пошли на погрузку.

И меня привезли в Гродно, в комиссию врачебную, там врачи осмотрели рану и установили... диагноз. То есть определили статью, по которой я освобожден от воинской обязанности. Статья эта тогда называлась, по тому Кодексу, 43-2а — остеомиелит левой голени. И сказали, чтобы я ждал отправки домой, так как по областям собирались группы.

<...> Приехал я домой. И первое что — я пошел в милицию, оформляться. Они все заставляли, чтобы я написал обо всем. И... и ничего такого они мне не говорили, хотя было пренебрежение в их отношении. Да. И самое тяжелое, что на работу не брали. Когда узнавали, что был в Германии, не брали на работу. Устроился совершенно не в моем духе, меня просто устроили учеником парикмахера. Это, так сказать, не мое ампула. Но все равно, на первое время.

<...> И все это время, когда надо было писать биографию, я мучительно переживал, потому что там всегда была графа: «Был ли в оккупации? Был ли за границей?» Писать — не писать. Я, конечно, выработал для себя такую форму. Я всегда писал, что в годы войны я находился в городе Харькове, на иждивении матери. Вот такая формулировка. Частично правда, частично не совсем так. О Германии ничего не говорится, это раз, а то, что Харьков был в оккупации, это всем известно. Но особый отдел всегда знал об этом. В институте я был отстранен, вернее, как они говорят, не попал в список слушателей спецкурса. Это все относилось к закрытой теме, и меня не пускали. Но я не переживал, я и так знал об этих турбинах из литературы, там ничего такого не было, но сам факт...

Антоніна Семенівна ЛЯШЕНКО

Ляшенко Антонина Семеновна. 1925 года рождения, 20 ноября. Была загнана в Германию в 42-м году, где-то... в апреле месяце. Ну, когда нас привозили туда, сразу, у вагоны...

Вас из Харькова забирали?

С Харькова. Вот такие вот, мы их называли, телячьи вагоны, то погрузили туда и все. Сколько мы ехали, я даже не помню, сколько мы ехали. А потом, когда приехали туда на распределительный пункт, нас сразу у бани, покупали, прожарили там, и обратно. Потом вывели на улицу, вот так много-много в ряд выстроили. Приехал покупатель. Помню как сейчас, пожилой мужчина, то шеф наш был из женой, вот так палочка у него. Он с палочкой ходил... Ото выбрал себе.

Привезли нас, в лесу деревянный барак был, двухэтажные нары. Ото мы там два года жили в этих бараках. Значить, на работу, ну, где-то час, может быть, ходу было.

Это была фабрика или завод?

Фабрика. Но мы не ездили, нас водили пешком. Приходил немец утром, забирал и вечером приводил обратно.

Кушать, значит, утром, не помню, по-моему, что-то мы кушали утром. А в обед, тогда уже, иногда привозили у молочном бидоне, иногда не привозили. Вечером же что-то ужинали. Ну, а ужин, наверно, вы знаете, какой. То брюква, то... Ну, в общем, недоедали были...

И мы, ото, два года там были. А уже на третий год... Мы три года там были. На третий год возле фабрики построили лагерь, такой же деревянный, и перевели нас туда. И там рядышком с фабрикою, уже никто нас не водил, уже мы ходили сами. Платили или по два рубля, или по три рубля в день. Ото и все.

А что вы делали в свободное время?

В свободное время... Значить, вот это наш лагерь, а с тыльной стороны... Немка, нами которая руководила, могла жить с нами. Там было пристроено две комнаты. У нее дочка была, ну, ей лет 13, наверно.

Она там жила. Ото, выносит вот такой вот круг, носки или там еще что... садятся и штопают. Пришла, посмотрела, не так, взяла, вырезала, сиди опять штопай. Да, было и такое.

А потом такой эпизод был, уже на третьем году. Мы сели кушать. Но что-то такое было плохое, что какой-то разговор был такой. А она ж ходит как сыщик. Пошла через это самое, через столовую. Пошла и дверями... А у нас, между нами было три мужчины. Один мужчина говорит: «Головой, головой...» Она пошла, взяла брикет угля, вот этот, я не знаю, вы не знаете, там пересованный такой. Приходит. Так тихонько подошла сзади: «Я тебе на твоя голова! Я на твоя голова!» Вот это я хорошо

Приехал покупатель. Помню как сейчас, пожилой мужчина, то шеф наш был из женой, вот так палочка у него. Он с палочкой ходил... Ото выбрал себе.

помню. Ну, а так что... Освобождали нас американцы...

<...>

Бомбежка была. В подвале сидели. Ну, вот такое, как обычно... А потом, когда это вот успокоилось... часа через два, наверное, вот это всех собрали, на той фабрике, на другой, там, у хозяина. И где-то через час два мы, ото, шли пешком. Пришли. А вот какой город — не помню. Такой луг, большой-большой луг. И там все, со всех сторон их свезли, нас туда. А выше там... Это внизу. А так, выше, железная дорога проходила. И то мы там, наверное, сутки или двое были. Помню как сейчас, давали... какая-то сухая рыба соленая. А потом выходит... Отправляли ж по областям. Помню как сейчас, вышел мужчина, говорит, ну, военный, и говорит: «Харьковская область, по вагонам!» И, ото, мы сели в вагоны, и нас привезли сюда.

<...>

Вот это вот девочки. Вот это Галя. Нет, это Дуся. Это Варя. А это Галя. Они с одной деревни. Ну, вместе ж, на одной же фабрике работали, ту же самую работу делали. А вот это вот девочка с Днепропетровска, Антошка. Мы ее звали Тоня, а ее Антошка. А вот это ж я, Антонина Семеновна сейчас, а тогда я была Тоня. А вот это Дуся из Донецка.

А можно было письма домой посылать?

Не то что можно — а заставляли писать. Заставляли писать письмо родственникам, чтобы присылали там одежду, та ото такое... Но я не писала.

...Ото, два года никуда не ходили, нас не пускали. А уже когда перешли сюда к фабрике. Так выше железная дорога была, там пиво продавалось... Пиво попить.

А в город ходили?

А в город, если ходили, так только с ней, с немкой, сами не ходили.

<...>

И у нас был мастер, немец, но очень хороший. Очень хороший и... Этой девочки нету здесь. Она... Примерно, она с Винницкой области, она и похожа на меня немножко. И у нас был мастер, у него была такая жена... и трое детей, лет 10, наверное, 12, 15 — две девочки. И, ото, она сидела ничего не делала. А мастером же ее муж был на этой фабрике. И мы, там, сумки хозяйственные делали, там, чемоданы, все с кожи делали. И он сумки, такие, какие у них там ходкие, он брал домой. Заготовку брал и дома делал, как... ну, сам делал. И, ото, когда заканчивался уже смена, мы приходили в лагерь, он приходил к этой немке, отпрашивал нас. И мы с той девочкой, вдвоем, к нему шли домой, и, ото, он нас там покормит, и мы вот эти сумки у него делали дома. Раз, два, три. А потом он нас приводил и ей же сдавал. Я вот привел, сдал, все в порядке.

<...> Там был вот это хозяин, который нас забирал, и его младший брат. Я помню, тот, что забирал, — такой высокий мужчина, старенький, а тот такой низенький, ну, такой шустренький, ну, неплохой. А так больше никого. Ни мастера никакого...

А наша лагерь-фюрерша... муж ее был эсэсовец, но мы его не видели ни разу. Когда мы были, там, в лесу, так он приезжал, но мы его не видели, она жила ж отдельно. При лагере, но отдельно. Мы его не видели. А потом, когда война закончилась... Бомбежка, вот такое вот все ж было. Нас загнали в один какой-то, не в нашей фабрике, а... в какой-то дом, всех в подвал загнали. Бомбежка такая сильная. И там ни туалета, ни воды, ни-ни... ничего не было. И ото мы там суток двое сидели. А потом, когда все закончилось, нас выпустили и, ото, дали указание собраться... Не помню, или кто-то нас провожал, или просто... Да, наверное, кто-то ж провожал, потому что...

Шли-шли, часа два, наверное, шли. Пришли на то место, такое, большой-большой

луг, ото все районы, все областя, все там были. А потом по областям отправляли.

А какие бытовые условия были в лагере?

Именно, какие?

А вот какая комната, какие службы? Что у вас было?

Большой, длинный лагерь. По обе стороны комнаты. И, ото, мы там, по 2, по 3 человека в комнате.

В комнате по 2, по 3 человека. А кровати? Многоярусные?

Деревянные тоже, нары, вот эти нары.

Да. Да, многоярусные.

Тумбочка, шкаф, стул?

Ничего. Ничего.

В чем вы ходили? Какая была одежда?

А нам же выдавали. Вот это такая спецовка была... Синие... Вот, это, «ОСТ» назывался. У каждого.

А стирали вы где?

Стирали, когда... вот, это, не помню, кто где, когда мы были в том лагере, который в лесу. А когда уже сюда перейшли, там, и вот эта вот, прачечная рядышком была. Ну, и сами... По очереди ж — ты, ты, ты... Стирали...

<...>

Ну, была у меня подружка хорошая из Винницкой области, но как-то потеряла я все... Когда разошлись, и ни адреса не взяли, нигде ничего. И она как-то один раз приезжала ко мне в Харьков. Я уже на фабрике работала... Приезжала. И потом как расстались, и не знаю... Меняла она фамилию или не поменяла. Я не ищу, и вона не ищет.

Вот такие вот дела. Надя хорошая девочка тоже была, ото, мы с ней... Мы с ней ходили все время до того мастера работать.

Лідія Кирилівна БУЦЬКА

Лидия Кирилловна Буцкая. 23-й год рождения.

Ну, годы тяжелые были. Очень тяжелые. При том мне пришлось на работе быть у трех хозяев, потому что... Мне тяжело говорить. Я просто не смогу вам рассказать...

Давайте, может быть, мы начнем издаleка. С того, как началась война. Где вы жили тогда?

Меня обижали, били.

Там, в Германии?

Да. При том, с Белоруссии девочка была. И я ходила жаловаться. Специальные группы такие были, которые занимались этим вопросом. И перевели меня... Вы уже начали записывать?

Да.

Я у хозяина была полтора года. Он не справился с этим участком, запустил. Они сами бессарабцы были. И его отравили в другое государ... в другое место, а меня передал своей племяннице. Они со мной более считались.

А во второго меня там избивали, я ходила жаловаться, и меня перевели к третьему хозяину. Но там несладко было. Ну, в основном брюкву мы ели.

При том там были... большое хозяйство. Англичане были, поляки были, украинцы — я одна была, и немец стоял на поле, все время наблюдал, как мы работали. Англичане такие порядочные люди были. Они были в плену. Их утром привозили, вече-

ром их увозили. Нам далеко от этого несладко было.

С питанием было очень-очень скромно. Когда началась война, он был, БС... БХС или как? Что он, среди военных был. Всех повыгоняли. Мы были там это где-то с 44, наверное, по 45-й. Мы там ухаживали за скотом. Поляки были, англичане были с нами. Англичане получали посылки. Ну и нет-нет нам когда-то что-то...

Мы работали на поле, на коленках в основном. Такие мозоли на коленках. За эти четыре года все сносилось, что я брала с Украины. Мы при том скромно жили, нам ничего не давали, мы дуже бедствовали.

В 45-м году пришли, в феврале-месяце, русские. Мы в подвалах сидели. Они хотели... они не знали, кто там, думали, что нем-

цы, хотели стрелять...

А там поляки, и я одна, русская, и они меня... заставить выйти наверх, чтобы я могла с этими людьми, собственно, общаться.

Я, правда, выскочила, молодая была и... Я сразу на русском языке с ними начала общаться. Они начали ругаться и говорят: «Мы хотели стрелять». (Плачет.)

<...>

Мы на этой стороне были Вислы, а на той стороне — Восточна Пруссия. И с Восточной Пруссии стреляли сюда, через реку, и очень

Англичане были, поляки были, украинцы — я одна была, и немец стоял на поле, все время наблюдал, как мы работали. Англичане такие порядочные люди были...

много солдат плавало уже, убитые были. Висла — она очень быстрая река, впадала в Балтийское море. И здесь кемпы такие были. Кемпы — это... Господи... лесок не лесок, но в таком духе. Но кемпы — это польски. И здесь очень было много убитых людей. Вот. Они стреляли и били этих людей. А здесь уже русские пришли. Поле было устлано русскими людьми.

Ито, что было у нас молоко. При том, мужчины там резали поросят, то мы вже, вот этим... (Плачет.)

Вже когда пришли русские... Они вывозили русских. В плен забирали. А я была здесь, с поляками... Никто же не сказал, что русская здесь находится, что они пришли в октябре месяце, их три человека, и забрали меня, забрали меня в лагерь. С октября по май месяц я была в лагере. Я там работала.

Что это был за лагерь?

Лагерь? Эх. Груденц — в польском языке, Грауденц — в немецком. Город, там, где были русские люди. Я там работала. Но... Вы будете это тоже записывать?

<...>

...Я глупость большую сделала в том, что я работать работала, а справки... молость, я не потребовала никакую справку, что я работала. Если бы я эту справку потребовала, я бы здесь была бы... иначе со мною считались.

А так мы сюда приехали... Привезли уже нас в мае месяце, что на нас очень жестоко смотрели и нас презирали.

Почему?

На предприятиях... Потому что в Германии были. И на предприятиях... И на предприятиях нас проверяли, где мы были. Я это дело скрывала. Но они, видно, в район отправляли, и район давал правильные сведения. И то... Мне предлагали: «Уходи с предприятия». Было такое. Это... С 47 по 52 год, я оттуда ушла, ушла в легкую промышленность, и там я всю жизнь прорабо-

тала, счетным работником. До войны... Вас это не интересует?

До войны, это еще в 33 году, мой папа еще работал. Но я девочка была, 10 лет. А вже когда я школу закончила, я пошла работать в сберкасса. Здесь в Суздальских рядах была сберкасса довоенная, и я там работала, а центральная наша на Советской была, это до войны. Ну, и так я связана как-то... Закончила техникум и работала счетным работником всю жизнь, до пенсии. А на пенсии, конечно, я уже ушла, до пенсионного возраста ушла на пенсию.

Ну, жизнь далеко не легкая была. У меня сын. Не надо это рассказывать? У меня сын... У меня сын 46 года. Муж умер... И сын у меня... Сейчас 56 лет... Я с сестрой жила, а сестра заболела туберкулезом и, видно, наградила его этим. Ему было 16 лет, в 17 лет он пошел на операцию. И в 66-м году последняя операция была. Операцию сделали, удалили полностью легкое. Ну, сейчас он так живет. Ни спиртного не берет, ни папирос, ничего. Не злоупотребляет. И со мной считается...

Ну, все, что у меня осталось. У меня сестра умерла, осталась у нее девочка... Я ее вывела в люди. Сейчас она работает главным бухгалтером. Спасибо ей. Вот это все, что я могу сказать.

Может быть, чуть-чуть расскажите о том, как вас забирали в Германию?

Гм. Гм. Это в нас люди были. А люди были, не милиция, а в полиции они работали, свои люди, и знали нас. И нас ночью постарались всех собрать.

А вы в Харькове жили?

Нет, не в Харькове жила, я жила в Валковском районе. Вот. И, на второй день нас собрали, никто с нами не считался. Вывезли сразу нас в Валки, с Валок... Вагоны, товарные вагоны, нас три дня возили туда. Это для родителей для моих, это тяжелейший... тяжелейшее переживание было...

<...>

Очень тяжелый труд был, когда мы приехали. Нас везли туда... По дороге... Это в июне месяце было, что дизентерия пошла и людей много умирали по дороге... С питанием было очень плохо. И привезли нас...

У меня все записано, я просто не собралась с этим, надо было бы взять, вам рассказать...

В Гдыню, это польский город. И нас выбирали. Выбирали таких, которая была рослая, чтобы она сильная, чтоб она была здоровая. Маленьких они не стремились брать, потому что организм слабый был. Да и вообще мы... Такие тяжелые годы были, что мы голодные были. Вот. И распределили нас, по хозяевам забрали, и мы не знали, кто где с нас находится. Но потом мы как-то, я не знаю, как, узнали друг друга, и мы все встречались.

Ну, это, расстояние было между нами — 6 километров. Когда нас разбирали, тогда мы записывали, наверно, так было, потому что я не помню. А когда нас разобрали, я попала далеко от них. Ну, как-то мы где-то что-то встречались. Я в первого хозяина была. А когда я ко второму попала, так мы все вместе были, мы дружно...

Одна деревня была?

Да, один поселок. И мы все были как одна семья.

<...> В выходной день. Ну, если в выходной день... Ну, с нами особенно не считались, потому что такое дело, как они имели коров. Коров надо было доить, в поле надо было идти. И вдруг очень была большая гроза, и я несла ведро с молоком... и в тот момент меня оглушило, или я потеряла сознание, или я не знаю. Я только... Или... Вот этот момент я не помню. Или меня привели вже домой. Но я знаю, что я говорить уже не могла. Меня положили. Положили. И я пришла в себя, когда мне рот ножом раскрывали. Я потеряла сознание. Значит, если бы я ведро не держала

в руке, может быть, было бы лучше... А я же ведро держала в руке, и сильнейшая гроза была. И меня это, видно...

Ударило?

Да. Вот. Ну, что вам еще сказать? Наводите еще вопросы, какие были.

Все-таки, чем вы занимались в свободное время?

А-а-а-а, в воскресенье! Ну, в воскресенье они выходной... В воскресенье у них был как выходной, как праздник, все в таком духе. Что мы... Ну, позавтракали, убрали все, помыли. Мы могли встречаться. Нас было 5 человек, мы могли встречаться. С Чернигова один парень был. Тоже он с нами был, попал в наш район. И тогда все вместе встречались. Встречались мы, время проводили, посидели. Опять-таки к вечеру мы должны были идти домой, следить там за каким-то порядком. И дети были, за детьми надо было посмотреть. А я страшно не любила детей, и мне 18 лет было. И как она оставляла, хозяйка, этого ребеночка маленького, семь или восемь месяцев, я его била.

Зачем?

А я их не любила. И когда ребенок стал уже понимать, он стал меня бояться. Вот. А я ж боюсь, чтобы хозяйка этого ж не заметила. Значит, когда никого нет, когда я одна — я избивала ребенка. Ну, как избивала? Ну... Не, несильно, но била. Ну, крошечка, крошечка... Он стал бояться меня уже. Это я видела.

Хозяйка не заметила этого. А в нее было трое деток и муж на фронте. Она тоже была бессарабка. А каким путем они попали туда, в польские дома?.. Они в Бессарабии, в Молдавии там жили. А тогда в 39 году им предложили: или на Россию, или в Германию, в Польшу. Эх... То поляков выгнали с этих домов, а бессарабцев сюда поселили. И вот эти бесарабцы уже нами, русскими людьми... использовали ихнее хозяйство, работали мы... И тут у меня... Это ж мне было 18, и... ну, на машине, которой молотили

снопы вот эти, и перевязывали их веревочками, или вот эта солома... Я уже не помню... И я перерезала, и вот это я перерезала эти два пальца, вот так, тут у меня еще и шрамики остались. И я долго страдала, но они этого не признавали, им надо работать было.

У меня был сильный такой... э-э-э... что-то такое я загнала, сильно, сильно страдала. Им надо картошку выбирать, а я ходить не могла... Плакала, конечно.

А на каком языке вы с ними общались?

Ну, я сначала не понимала, а потом я польский...

Польский язык. При том, он... это... первый момент тяжело. Потом я уже настолько привыкла, что я польским языком хорошо пользовалась. А бессарабцы — они знакомы были немножко с русским языком, поэтому они... мне легче было хоть немножечко с ними разговаривать. Пожилые два человека было, и в них двое детей было.

И там и лошади были, и все-все-все животные были, что нам приходилось ухаживать, что я никогда в жизни с этим не знакома была. У меня никогда этого... Что, у нас никогда этого ничего не было, а там мне пришлось... работать. Ну...

Значит, это дом польский, там жили. А у меня там такое, где-то по коридору где-то была такая маленькая комнатка, где моя стояла кровать, вот это я там...

Даже был такой случай. Что, у них дочка и сын были. И сын ко мне открывает двери... Ну, а я уже некоторые слова знала в немецком языке, и я его выгнала. На немецком языке. Он больше ко мне не приходил.

А сын взрослый был?

Да. Он взрослый был. Он инвалид был, прихрамывал на одну ногу. Ну, на что он рассчитывал, я не знаю... Я была молодая девочка. Но я уже некоторые слова знала по-английски, по-немецки. И я его оттуда

выгнала, и больше он ко мне не подходил. Вот. Ну, что...

А вы письма домой писали?

Да. Писала. Писала. Писала я домой. Еще сестра была живая...

А получали ответы?

Получала... (Очень тихо.)

Много писем?

Нет, немного, немного. Я не помню, может быть, одно письмо в пару месяцев было.

Я знала, что цензура проверяет. Ну что могла писать, что по родителям скучаю, хочу домой. Вечером... (Плачет.) Сильно плакала... Скучала по родителям, притом те все вместе были, 4 человека, а я отдельно.

Они в одном хозяйстве все были, да?

Они не в одном хозяйстве, но они по соседству все, они общались. А мне... А я была одна. Через пару лет, через полтора года стала ближе к этим девочкам, по соседству. Потому что хозяин передал меня племяннице. Я труженица была, кто в этом понимал, кто это... Вот. И мы уже тогда вместе были. А здесь, конечно, ну, скучно.

<...> Была девочка, она уже умерла, в прошлом году, ах, она даже моложе была. А у нее... Хозяин ее забрал потому, что у него умерла жена. А у него было двое детей. Двое детей было. И она там полностью хозяйством занималась. И она нас приглашала. И он нас не гнал.

В дом приглашала?

Да, в дом. И она могла нас и угостить чем-то. Ну, она труженица была. С ней хозяин считался. Она труженица была, она за детками следила. Вот. И мы всегда собирались к ней. Но сейчас ее уже в живых нету.

Ну, так, блестящего ничего не было. Никуда нас не приглашали, никуда, ничего нам не показывали. Но мы труженики большие были. Хоть мы не знакомы были с этим, но труженики. Я не представляла, что такое

доить корову. Я не умела, я не знала. Я когда начала доить, так у меня, это самое, молочко туда бежало...

Ну, там пришлось научиться, а их много было, 5–6, а что такое на руки не привычные, молодые — тяжело очень. Ну что ж, животные есть животные. Вот.

Была девочка с Белоруссии, это во второго хозяина, был парень какой-то русский.

Все трудились, все работали. К третьему я перешла когда — англичане были, в концлагере, вот, и еще француз, француз еще был. Молодые ребята они были.

Да. Ну, в основном, чем нас кормили — это была картошка. Хлеба нам... только утром давали по кусочку хлеба, так. Чай. В обед — хлеба нет, ужин — хлеба нет. С хлебом там было туго...

Клавдія Михайлівна ЧУКОВИЧ

Чукович Клавдія Михайлівна, 26-го года рождения.

Живу в Харькове. 28 апреля сорок... второго года... у нас были немцы в Харькове. И нам сказали всем зарегистрироваться, пойти на биржу, кому исполнилось 15 лет. И мы пошли на биржу. На бирже там нас... записали, все, и даже накормили нас там обедом. Но оттуда уже не выпустили нас, уже забрали.

Вот так, с первого раза?

С первого раза. Вот. Уже вещи, когда нас отправляли, мама принесла мне на вокзал. Нас с собаками, главное, туда вели... И кричали... Наша мама кричала, что, через этот... вот. И нас... на товарный погрузили и отправили.

Ну, в пути нам... были в Польше, там нас останавливали... В Брест-Литовске. В Брест-Литовске нас купали. Это я пом-

ню, сейчас, да. Немцы там такие, с пистолетами ходили, хлопали женщин — мужчины ж.

...Нас покупали, потом отправили дальше. Там покормили, опять отправили дальше. Там, где-то посередине поля, там... чтоб сходил кто-то по своим делам... Вот.

Кто пытался отойти подальше... они правда, не стреляли, но вверх стреляли, чтоб никто ничего не пострадал...

Не убежал никто... Ну и все. Нас привезли во Франкфурт-на-Одере, вот этот вот. Это ж мы с Шурой вместе были... (с А. Н. Галкиной. — Г. Г.)

Мы вместе, в одном лагере были. Привезли нас и начали распределять, кого куда. Кого на сельское хозяйство, кого на фабрику. Нас отправили на фабрику АЕГ.

На фабрике я там работала обмотчицей. Вот. Ну, там выпускали нас иногда, через месяц по 10 человек, там, партиями выпускали, чтоб мы прошли и все. Но потом, когда начали бомбить, и наш лагерь разбомбило, загорелся. И мы рассыпались кто куда. И я даже не знаю, куда уже она ушла тогда.

И я попала с одними, значит, пять нас женщин было, мы попали в один лагерь на... Острокройц называется, там, такой. И мы туда попали. Нас там приняли, хорошо, все. И в этом лагере мы начали жить там. Вот. Ну,

а потом как-то какая-то проверка, а может быть, тут собирали, что разбежались все. Короче, нам сказали, что нужно поехать на биржу и зарегистрироваться

опять, как будто мы здесь уже работаем, и все. Ну и когда мы туда пришли, нас уже не выпустили. Нас посадили в тюрьму.

А за что? Как объяснили?

Ну, мы убежали, считается, как мы беженцы. Вот.

Я когда убежала, я поменяла фамилию. Я сделалась, значит, Цыганкова, а подруга моя Корниенко написала себе. Мы приехали туда... Вот эта подруга, с которой мы убежали... она сейчас умерла, но я с ней была все

Француженки намазанные, накрашенные были — страшно, и напропалую гуляли они там. А наши были так, скромные...

время, до конца. Вот. И мы когда туда приехали, нас в этой, в тюрьме... допрашивали поляки. Полячки были, этими, переводчицами, и все. Но я долго отрицала какая... что фамилия у меня... Санькова я была в молодости. Вот. Отрицала. И потом нас посадили в эту тюрьму, и мы сидели долго.

Потом пришло... Вывели нас на допрос, и я опять же, опять повторяю фамилию... Я опять говорю эту фамилию. А он мне достает, это когда нас привозили туда, в лагерь, досточку и это... И говорит: «А это кто?» Ну, мне уже отпираться нечего. Я получила, конечно, хорошо. Меня побили. Вот. Но и отправили нас на Александерплац, там тюрьма, большая такая, и нас туда отправили. И мы просидели там, значит, наверное, сутки, или двое, я уже не помню сколько. И в эту ночь наши бомбили, и эту половину тюрьмы разбомбило. И...

Да. Когда мы сидели полтора суток, и тут, значит, сказали, что надо нас вывозить. И нас только вывезли, и... разбомбили. Просто повезло.

Потом, когда к маме приходили подруги, сказали, что ее нет в живых. И она, сколько я живу... пока пришла, она все «за упокой» меня поминала, она у меня верующая. Ну вот.

И нас отправили в концлагерь, Равенсбрюк.

Прямо из тюрьмы?

Прямо из тюрьмы направили нас в Равенсбрюк. Я была в концлагере... Вот.

Сколько вы там были?

Я была недолго, там я была месяца два, недолго.

Расскажите, пожалуйста.

Концлагерь был... Ну, о том, что там бараки... В бараке, конечно, чисто было в бараках. Там насчет этого — чистота была. Была кухня. Я вот сейчас, когда писала туда, я описывала все это строение, когда... Сказала переводчица: «Напишите...» У меня ж документов никаких не было. Вот.

Я описывала. Вот когда зайдешь в лагерь, с левой стороны большой медпункт был, огромный такой. И нас иногда водили туда, какие-то давали лекарства, не знаю. А те, которые давно уже там сидят, сидели, так просто операции им какие-то делали. Бывает, знаете, вот... Я знаю, что то жила вот тут подрезали, под коленом. То там какую-то что-то, уколы какие-то делали. Нам уколы какие-то делали. Может, я приехала с энцефалитом оттуда, я не знаю... У меня, например, хронический энцефалит. То ли оттуда, то ли я здесь его... я не могу сказать. Делали нам уколы. Лекарства какие-то давали, хотя мы не... нуждались в этом, не болели. Просто как эксперименты какие-то делали. Ну, и ничего... Потом, значит, в этом... в лагере... Я пробыла месяца два. Нам номера поделали. Вот какой номер был? Я знаю, что на восьмерку первая, — 83 или 38, вот так, больше я ничего не помню.

...Мы ничего не делали. Нас выводили на построение, так, в концлагере больше ничего не делали. Убирали... Сказали там, на кухню идите, там убирать, или убирать в лагере что-нибудь. Вот это мы делали, больше ничего...

<...>

Это про Равенсбрюк еще говорим. То в другом лагере я уже работала... Да. Водили нас — мы осушали болота. Там, значит, была... такая огромная гора, а тут болота. Это мы с тачками... Были случаи, когда тонули наши в этом болоте. И вот на этой тачке мы возили землю с этой горы... И с этой стороны мы осушали, а с той стороны мужчины были, с той стороны мужчины осушали болото. Иногда кричат они: «Девочки!», там, вот это...

Ну, конечно, нас... Они сюда не проходили немцы. Боялись, что утонут или что, они ж там стояли дальше. Вот эти мы болота осушали.

Но я недолго там была, значит, около двух месяцев. Потом, значит, такое постановление пришло, что человек 400 надо

в другой концлагерь. Гентинг. Вот я его до сих пор не помню, как хорошо говорить. Но мне так сказала переводчица, называется он Гентинг. Он в лесу находился. И лагерь этот... Лагерь сам наверху, а завод весь под землей. Когда наши освободили, говорят: «Здесь по карте озеро. Здесь нет завода». И на этом заводе я работала. Работала я, конечно... Было 40 поляк, и одна я попала как раз. Мыла гильзы для патронов...

Это военный завод был?

Да. Вот эти вот гильзы мы мыли. А подруга работала в подвале, там порохом их набивали. Вот. И там много очень... большое количество людей было, и почти все были туберкулезные...

И вот этим полькам, им посылки присылали, переписка им разрешалась, а нам нет. Я у них выменивала масло, когда им присылали. И, знаете, облеплю вот так себя. Мылом. Мы ж мылом, чистым мылом мылись... Сами... Хотя немцы умывались там песком, а гильзы мыли они таким настоящим мылом.

А мы ж ходили в полосатой этой форме... ни лифчиков, ни трусов... ничего ж у нас не было. Нам не разрешали это, только эта полосатая роба, и все. И я отак себе поналеплю этого мыла, кругом, и выхожу. Ну, а там в лагере польки были, и всякие были у нас... Вот. Мыла ж нет. А немцы, Боже сохрани, не дай Бог, найдут или грязь, или что там, все. А надо ж как-то мыться? И я выменивала то за хлеб, то за масло и кормила эту Веру свою, подружку.

Ни разу не попалась... Да. Ну, у нас попался начальник цеха хороший. Хороший.

Из наших?

Нет. Немец, немец был, ну, неплохой. И он, если видит... Вот, бывает, его жена приходила к нам, и в нее полная сумка бутербродов. И она ото, знаешь, так, бутербродик кому-нибудь дает. Он отворачивался и уходил, как будто он не видит. Ну, помогал. Хорошая была... Были среди них тоже люди,

наверное. Вот. Ну, вот это я так выменивала, и так мы жили. Долго, конечно... Процедуры всякие применяли.

Потом, если кого наказывали. Нас выводили... там умывальня была, длинная-длинная, холодная вода и все. Они становили нас, обливали холодной водой, и стой там. Зима, лето — безразлично им. Издевались немцы, просто издевались. Вот.

<...>

Когда уже ближе стали подходить наши... это, наши, то нас решили, значит, построить, вывести и сжечь. Это мы уже потом узнали, что сжигать нас будут. А вначале сказали, мы вас в другой лагерь эвакуируем. Ну, и забрали. Ничего не разрешили нам брать, ничего, абсолютно... Так шли. А вот этих больных: туберкулезные, больные, которые в лагере, так их побросали в лагере. Их бросили, и мы пошли.

И пошли мы... долго шли мы, наверно, до вечера уже шли. И тут, значит... Это как в кино все равно. Вы знаете, вот мы когда... я когда вспоминаю, так точно как в кино. Едет на коне всадник, в немецкой форме, все. И говорит... А мы уже слышим, канонада там гремит, от это все ж, подходят ближе... «Куда вы, мол, ведете их?» Ну, они ж между собой говорят тогда... «Возвращайтесь, там уже русские». Хотя русских там, говорят, не было. Это потом уже нам военные рассказали.

Ну, вот. И нас вернули назад. Вернули назад, значит. Эти ж обрадовались, что мы приехали, пришли назад. И все. А потом выяснилось, что это был наш партизан, или кто он такой. Что, значит, вернули, когда узнали, что нас ведут сжигать... Ну, вот. И нас вернули назад.

Потом уже, прошло сколько-то времени, уже начали бомбить. И мы видим, что около лагеря нашего начали проезжать, вот эти, танкетки. Танок больших, танков, мы не видели, а вот такие танкетки маленькие.

Я только там и увидела такие маленькие. И поэтому, мимо лагеря ехали, ехали... И, значит... А впереди, немцы отступали, и наши гнали немцев. И когда мы закричали: «Наши», они кричат: «Потом! Потом!», значит, и гнали ж этих немцев. Это было 12 километров от Эльбы, нам сказали. И на Эльбе они там с американцами наши встретились. Вот.

Ну, и когда, значит, наши ехали... А я за проволоку так уцепилась, а ток не отключен. И у меня вот до сих пор, вот это вот, видите, на пальце шрам. И я на одной ноге, и вот эта нога, и у меня все трясется. И... А рукой держусь за проволоку. До сих пор у меня этот шрам остался.

Вот. И у нас была одна тетя Лиза, она была еврейка, но мы ее все спасали. Она была как русская. Она понимала по-немецки, там нас... Вот. И она тогда схватила палку и палкой меня ударила, и отошло. И вот я осталась жива... Ну вот. И тут, значит, через некоторое время нас, на второй день, уже наши освободили.

Между прочим, одну из наших девочек, она сама из Ростова, муж освобождал. Это целая история...

<...>

Ну вот. И когда нас освободили, значит, ну, мы все такие голодные, тут целая трагедия... Вот. Нам притащили в барак... консервов там ящики, и с продуктами... все. Где они там доставали... базы грабили, там под землей такие были базы большие и продуктовые, и все. Немцы ж там... Нам натаскали помногу. И я, конечно, тоже наелась... и свалилась.

У меня понос был сильный. Да. Сильный понос был, и все. И я сейчас помню... парня, который за мной ухаживал. Знаю, что этого парня звали Саша. И он около площади Дзержинского жил. Как он говорил, что, мол, подожди, не уезжай, я... я тебя посажу, и поедешь, и все такое. И адрес хотел

мне дать. Но я такая была измученная... И он меня в туалетную, вот так, честно, водил, брал с кровати. В туалетную приведет, я сделаю свои дела, он опять меня брал и опять приносил на кровать. Вот так я отошала, а тут наелись мы. Ну вот.

И потом прошло это, наверное, с неделю. Эти ж военные, пошли дальше. Мы остались вот так. А тут, значит, один пришел военный и говорит: «Девчата, кто хочет скоро попасть домой?» Ну, мы... эта Вера и я. Я говорю: «Я поеду домой». И еще две девочки, с Ростова... Вот. И мы, значит, сели. А он говорит: «Мы сопровождаем, это, эшелон. Коров грузим туда немецких».

К нам отправляют?

Да. На Москву едем. И, значит, с коровами доярками сядете. Ну, и мы туда пошли. Нас, значит, привезли туда, погрузили нас на этот поезд...

Так этот Саша, который мне... он принес мне чемодан. Еще когда уходила я... он говорит: «Подожди». В чемодане, значит, там вещи... Спросил, кто у меня дома. Я, да, у меня сестренка маленькая, там, папа. Он мне положил куклу большую в чемодан. Там рубашки, платья, все, больше ничего не брала. Хотя можно было брать... Везли люди все. Я говорю: «Я ничего не хочу. Мне только домой скорей надо. Только домой...» Я столько пережила там, у тех концлагерях...

Вот. Ну и все. Куклу у меня, конечно, украл, она была прицеплена там, к чемодану, когда я... около вокзала стояла. Вот.

Ну, и нас посадили к коровам. На каждую... 4 коровы было. Значит, мне 4 коровы, там всем в этих поездах... И мы везли этих коров. Доили по пути. Пока я научилась, это, доить... Сколько там мне было, ну, 18 лет мне было. Вот. И по солдату нам дали. Солдат же охранял, все. Вагоны ж, значит, открыты были. Молоко мы, где населенные пункты были, раздавали. В первом вагоне был сепаратор, мы молоко носили, там делали это

масло, или что там еще делали, не знаю, мы туда сливали. Когда там нам уже, нам не надо больше, мы значит его, если в лесу — выливали просто, некуда было девать. Коровы давали очень много молока. Бывает, доишь-доишь, доишь-доишь ее, ведро, а оно еще доится, так я ее ногой от так: «Та иди, ради Бога, скоко ж можно!» Вот.

И одно, что только запомнилось, в Смоленске. Когда мы Смоленск проезжали. Мы все молоко, и что там, в сепараторной было, все пораздавали. Такое было разбомбленное, такие люди подходили... Я такого нигде, сколько мы были, я нигде не видела такой нищеты и такого вот... Все разбомбленное, люди все в лохмотьях, все люди подходят, все с этими кружками... Ой, такое вспомнить страшно! И мы это все это молоко отдавали. Уже нечего было, мы давай коров доить опять, думаем, может еще что-нибудь... но уже ничего не получалось. *(Взволнованно.)*

Ну и все. И привезли мы этих коров, я сейчас вспоминаю.... Ой. Привезли мы в Московскую область, в Раменское. В этом Раменском, значит, нас 4 девочки эти были... Нам сказали, значит, вот, кто хочет пастухами быть, а кто хочет доярками быть, доить этих коров. Я говорю: «Я уже надоилась. Не хочу. Я пойду пастухом».

И я пошла пастухом, и мне дали в подпасок вот такого пацанчика маленького. И он, значит, как... Я говорю: «Ты будь главным пастухом». Я, говорю, не могу, я, говорю, буду тебе помогать. Ну вот. И 82 коровы дали нам, надо пасти. Но он уже знал там, свиснет там, то плеткой, то другое. Он понимал как надо, а я... ну, что я понимала, в Харькове прожила, понимала... И значит, пошли. Коровы разбрелись, а я не вижу где. Села и плачу под деревом. А он говорит: «Четы плачешь?» А я говорю: «Та. Коров нету, чем мы будем отчитываться, привезем их в совхоз». А он говорит: «Счас, все в порядке...» Пошел, кнутом

свистнул, туда пошел и всех коров... «Ну все, говорит. Считай!»

Ну вот, и в этом лагере мы, значит... В этом совхозе были. Оставляли, конечно, нас работать там. Мне предлагали быть в лаборатории, снимать жирность сметаны, там, молока. Ну, дура была, конечно, можно было остаться.

Хотелось домой! Ничего не хотелось... Ничего. Вот, в Москве, там нас там возили, проходили КГБ. И про... все рассказали... выдали нам там справки. Когда я приехала в Харьков, когда уже... Мне там написали, в течение 24 часов чтоб выдали документы. Я, когда я пришла в милицию с папой, у меня отец еще был жив, вот, так мне только посмотрели, говорят: «О! Где вы взяли такую справку...» Москва ж была наша столица, и это... И у меня такая справка была... что сразу мне выдали... Моментально, ничего не делали, тут же мне выдали, в один день...

А что было написано в справке?

Ну, чтоб выдали... А что? Я не помню, что было написано... Справка, что я там-то и там-то была и такой-то... Но тут печать такая была, этой организации...

Что, они как посмотрели на нее, откуда мне выдана справка, что, значит, я нуждаюсь в документах. Мне сразу выдали, сразу выдали, это самое, документы. У других метрические требовали, все. У меня ничего не требовали. Просто выдали мне паспорт и все. И я тут была.

Теперь, когда я тут уже была, у нас на Свердловца 27 или 26, я не помню сейчас, КГБ было. Нас туда вызывали, с этой Верой, мы вместе были. Все опросили: как, что, чего, где были, все, все, все. Я записала и все, больше не было.

Теперь, когда в архиве были документы, в этой Веры, и концлагерь, и один, и второй, и все у нее записано. Хотя мы с ней на одной, на одних нарах все были, от начала и до конца. А у меня ничего не было.

Пропало все?

Пропало все. Просто «...вывезена была 28 апреля, в принудительном порядке» там написано. И все. И больше ничего.

Но подтвердили ведь в результате потом концлагерь?

Никто! Писала сколько. У меня вот такая стопа писем. Писали. Ничего нет. Только лагерь подтвердили, что в лагере я была, с Шурой вместе. Ей подтвердили и мне прислали, что мы были в лагере. А то, что после лагеря...

И в концлагере, ничего у меня не было. Хотя, вот, эта Вера, она подтверждала, она говорила, что, значит, мы были вместе, все. У нее есть, а у меня нет.

<...>

Давно это было ...

Вот случай, который я была вот в последнем концлагере, так у нас девушка родила. Да. Так ее, это самое... Что запомнилось, это, наверное, всем запомнилось, кто это знает. Так у нее взяли этого младенца на штык, этот немец, и вот так поднял его. Конечно, он умер. Прямо новорожденного... Вот это запомнилось.

И... Потом когда он... куда он его дел, я вот не знаю, потому что нам не разрешали смотреть... Я сейчас, так, смутно это помню. Вот. Потом, она красивая, высокая такая девушка, красивая была. И она вот так бегала по лагерю и кричит: «Ой, снимите, он упадет сейчас, ой, снимите его, он сейчас упадет»... И ее, конечно, убрали. Ее забрали. Ее забрали, не на наших глазах расстреляли, но говорили там, что ее застрелили.

Вот еще случай...

Когда нас освободили... И, значит, начали говорить: «Кто у вас... Какие тут эти, над вами тут...» Ну, мы сказали кто, какие... аузерки назывались они.

Как?

Аузерки.

Аузерки?

Ага. Фрау Аузер мы же ее называли. Надзирательница называется. Ну, вот.

И они, значит, не успели они уйти... у них там лагерь был, когда они... Они их притащили сюда. Вот. Ну, одну так и не нашли. Самая злая была, самая такая... У нее там рука была — вся в перстнях. И вот она, когда нас вывозили на построение, и от, не так стоишь, или там, холодно ж, один к одному спиной прижмешься, или что-нибудь, она подходила и била вот этой вот, значит, рукой, все, в этом, в перстнях. Вот.

И когда они, значит, привели нас... их сюда, всех, то той не было. А одна была, красавица там такая была, такой волос каштановый у нее на плечах, красивая, но... Злые, все они, злые и противные были. И мы ее... когда бомбили, туалетная засорилась, бросили, попали ж, там, значит, все выплыло, значит, не смывалось ничего, и все плавало, как речка, и мы ее кинули туда, в эту... в туалет. И она, ото, плавала там, волос распустила, эта у ней бурка, вот эта, черная, в ней ходили, в этих бурках. Вот. И она плавает и кричит, мол: «Спасите», а мы ее, значит, кидали камнями туда ж, хотели, чтоб она потонула в этом, в дерьме в этом. Ну, тут один подскочил молоденький солдатик, взял и застрелил ее туда: «Что вы так издеваетесь...» Так мы его чуть не растерзали, мы его чуть не убили там. Вот. А вторую мы сделали, мы поставили ее к стенке, и с брандсбоем этим, с воды. Лили ее, пока она й упала. Вот так... такие мы уже были жестокие, как они над нами издевались, от это мы ее так. А потом нам привели этого начальника, который... где мы работали. Но, и солдаты начали говорить, что, значит, вот, мы захватили его, он никуда не убежал, никуда... Но мы его все отстояли.

Он не замечал... Он нам не делал плохо, не делал хорошего, но он вроде не замечал... И мы его, это самое... отстояли.

Отстояли?

Отстояли, да. И его отпустили. Вот это было.

У вас был женский лагерь?

Да. Только женский наш лагерь, мужского не было. А однажды что у нас было на линейке... Но это, наверное не надо писать?

Ну почему не надо?

Женщина, понимаете. Там, это, рядом были какие-то мужчины, и она выскочила, и у нее, видно, было бешенство ... матки.

О Господи!

Да. И она ото выскочила на эту... Видно, у нее какой-то приступ был, и она начала раздеваться, рвет на себе все вот это вот. А они позвали, вот эти зеки, позвали мужиков. Все. Ее подхватили, конечно. Вот это тоже случай был, запомнился мне.

И куда ее потом?

Ну. В строй ее поставили. Ее не убили, ничего, просто в строй поставили... Ну, все вот это у нее было...

Ну а то, что я видела — женщина с женщиной, там это ж вообще очень много. Там такие женщины были, которые в мужчину переодевались, так, знаете, носили прически, такие, все.

Из наших?

Из наших, из концлагерных. И зарабатывали этим деньги. Последние пайки несли им девочки. Но, мы, например, были девочки, мы этого еще не понимали. Но здесь же женщины были, которые в концлагере сколько лет. И вот они к этим, мы их называли коблами.

Как-как?

Коблами. И они к коблам этим несли вот эти пайки последние. Чтоб он... она... Но это, наверное, писать не надо.

<...>

Я лежала на второй полке. Вера на первой, потом на второй. Потом я говорю: «Вера, иди на мою полку». Через кровать, значит, они ж рядом кровати, жила вот эта вот, которая занималась. Я все это видела. Все ви-

дела. Так что, я говорю, когда будут говорить, об этом... Я говорю, я прошла все это, я все видела... Я до подробностей знаю, как это делают и что делают. Могу даже, говорю, энциклопедию написать за это.

Кошмар. То есть, и наши вот это женщины, которые...

Да. Наши. Несли последнюю пайку вот этой вот женщине, чтобы она их только удовлетворила.

Ну, всякие, и сейчас есть такие, которая, может без мужчины, а которая не может. Она пришла, приехала, уже, может, муж у нее был, может, любовник был. Все... Я... Вот сейчас я понимаю их, потому что сама прошла жизнь. А тогда мы не понимали, мы их осуждали, мы их.... Как это? Как это?

И не скрывались?..

Нет, но она там говорила: «Вот, ночью...». Там все. Но все знали, все видели, что она пошла к ней. Вот она пошла к ней туда. Даже иногда просила: «Ты иди на мою кровать там ляжь, а та ляжет с ней рядом».

Та уходила, например, вот через ту кровать, рядом которая там, она уходила, а та к ней.

А надзирательницы ваши знали?

Нет... Когда уже мы заходим в барак, они нет. Они только там на этом... Это когда-нибудь что-нибудь случается, там, построение... или что-нибудь, тогда заходят, по коридору кричат: «Выходите. Построение...» И тогда все...

<...> Да. И туалет у нас был, и умывальник, все. За этим смотрели... Головы проверяли немцы, чтоб не вши не было, ничего не было. Насчет этого там, да... Не дай Бог, найдут у тебя в голове... Мы ото каждая говорили: «Посмотри, у меня ничего нет? Посмотри, у меня ничего нет?..»

Одежда... Нам давали, значит, праздничная — серая, не полосатая, и полосатая — рабочая. Мы переодевались в ту... Ну, мы как девочки старались, они ж широкие,

складочки себе так сделать, там это. То какой-то шнурок-поясок себе сделать, то еще что-нибудь, хоть чтобы на человека был похож.

Теперь еще случай. Так же сразу, по порядку, не вспомнишь. Когда мы были внизу... в подземелье этом... А выходили на поверхность, в туалет просились, оно как первый этаж там, ну, вот как подвал, здесь как это, а там дальше еще... Ну, вот тут, мы выходили и спрашивали: «Битте, аузере (Туалет, значит)». Туалет, и спрашивали эту аузерку, и «пожалуйста». Ну, и я попросилась, но не сказала «пожалуйста». Ну и все. И она меня побила. Побила... и я... сразу... У меня из ушей, из носа, изо рта кровь пошла, так она меня побила, что я так обратилась к ней невежливо. Вот. Она меня на лавку так, скамейка была, положила, и все. И вот мне говорит она, позвали еще... Она позвала этих, наших женщин, чтоб они заговорили... Они мне говорят, а я не слышу.

И я, наверное, неделю не слышала... ничего, а потом прошло. Вот я думаю, что у меня после этого энцефалит, может быть, понимаете, все. У меня сильные головные боли были.

Это во втором было лагере. В первом меня не били. В первом нас очень вежливо водили на процедуры в больницу.

Ничего мы там не делали... Да! Осушали мы там болота. А после этого приходили, и нас, значит, по очереди, вот вызывали такой-то номер, нас только по номерам, такой-то номер, туда, в лабораторию. И нам, эти, давали какие-то лекарства, какие-то таблетки давали. Что это было?

Кто-нибудь умирал от этого?

Нет, ничего. Но инвалидов было много. Инвалидов было много... Но это те, которые давно там были. Может быть, и нас бы это ждало... Но мы очень мало... Мы около двух месяцев... я там пробыла, и нас забрали вот в этот, Гентинг, город.

<...>

Ну, еще был случай, две. Они погибли, конечно. Они, значит, патроны набивали... Я от не знаю как, это потом мне рассказали, как они. Они, значит, набивали не так, чтобы они стреляли вперед, а чтоб они стреляли назад, как-то так они эти... Тот, кто понимает, тот знает как. И вот когда их отравили эти патроны... Когда их проверяли немцы, эти патроны, то они поубивали этих немцев. Вот это были такие случаи. Но их забрали... Сразу забрали, и мы их не знаем где... И которые две набивали вот этим порохом... Хотя эта Вера тоже набивала, но она ни на этом заводе. А это уже на... конечная была операция, когда уже... И потом эти винтовки или кто там, что там, идут на проверку... И когда проверяли, то эти немцы погибли. Ну, были у нас такие патриоты.

<...>

Были выходные. Были... Выходной нам давали. Ну вот, себе там что-то делали... Тот чинил себе. У нас была сапожная мастерская. Шили... Тоже женщины сапожники были. Вот. То починить там, то это...

А вообще, в выходные дни... Мы значит, целую неделю откладывали по кусочку хлеба. Вот. И этот хлеб на выходной — устраивали как пир, знаете. Выкладывали все и, значит, вспоминали, что мы вот... сегодня праздник, сегодня выходной, и мы вроде как это — называли праздником.

И вот это откладывали понемножку это... Но я всегда... У меня всегда масло было, потому что я это выменивала... Да. Я выставяла масло. Вот эти кусочки мы мазали маслом, и все.

<...>

Ну, в лагере мы... дружили. Вот мы... Шура вот эта была. Мы ж вот ходили... Вот Шура, например, она боялась... Мы ходили воровать в таком, в лагере, когда привезли нас. Вот дежурили в столовой. А, что там нам... нам брюкву давали гнилую такую, там жрать

нечего было... И вот сказали, значит: «Будем ночью ходить на кухню воровать». Вот когда немец заснет где-нибудь. А мы, значит, ходим. И вот эта Шура, мы ее чуть не лупили... Она не хотела. Она говорит: «Не давайте мне есть, я вот...» Она не ходила. А я ходила. Я ходила. И мы ее... последним делились вот с ней. Я ходила, картошку воровали. Ну, что там еще? Сырую брюкву. Сырую брюкву можно было есть, а вареную невозможно.

А на что брюква похожа? Это что?

Брюква была... Знаете, сейчас у нас это... Как она? Вот сейчас ее продают на базаре, такие вот, как картошка.

Сельдерей?

Земляная... Называется «земляная груша». Вот ее так по-русски называют «земляная груша», вот она у меня на даче растет сейчас.

А что из нее делают? Вообще, зачем она?

Ничего, едят. Она как добавки пище, кидают ее... Она очень... витаминов много в ней. Сейчас... на каждом... даче, везде ее выращивают. Она растет... Ее раз посадил, и ее не выкорчуешь никогда, она так и растет. И на базаре полно, вот это, вот, прямо белое, как хрен, продают, только она круглая. Вот посмотрите, ее прямо кучи...

Сейчас на рубль, вот так, покупаешь ее, ее полно... У меня сын, например, у него диабет, ему прописали ее есть, а он ее не может...

«Я... знаешь, сколько я ее сожрала в Германии, так что ешь!» — говорю. Угу. Вот. И вот ее сырую, еще можно было есть. Капусту воровали. И потом, вот это, печечка у нас была такая. И мы оту картошку нарежем, напомним туда и жарим...

Но не попались ни разу?

Нет, не попались, не попались. Если б попали, так там бы было, знаете что! Но не боялись, вот так мы шли ночью, не боялись

и все. Ну, там они лагерь охраняли... Бараки, нас не охраняли, там у нас на воротах стоят, а мы здесь, значит, это... вот это, воровали.

А кухня что, не запиралась?

Кухня? В окно мы лазили! Окно открыто было. Немец охранял. Он пойдет туда, а мы уже на кухню. Не боялись, не боялись, ничего не страшно было. И потом, когда нас везли, мы же пароходом ездили, Шура рассказывала. Пароходом мы ездили, вот. И когда доходили до завода, то нас уже там с парохода охраняли мало, один-два охранника. Без собак, без ничего. Вот. Иногда... И мы, значит, одна или две из шеренги выходили — и на базар. На базаре продавали вот это «Оливье» теперешнее, мы делаем его, а там этот салат продавался в неограниченном количестве, и он дешевый был. И мы набирали, это, сумку прямо этого салата наберем туда. А потом, когда едут с работы, идут с работы, там нас... ждали наши товарищи, и мы, вклинившись в шеренгу, терялись среди своих.

И когда мы заходили в лагерь... Им лишь бы взяли нормально и сдали нормально. Потом, когда вже шеренга шла, и мы пристраивались к этой шеренге опять, и проходили. И ото мы уже там в лагере едим этот салат. Вот это было...

Да... Александра Николаевна не рассказывала. Про салат точно не рассказывала.

Она, наверное, забыла.

Вам какие-то деньги платили?

Платили. Нам платили. Я помню, я получила 60 марок, 62 марки или 60 марок, много, хорошо. Но девать их нам тогда некуда было.

Что мы? На фотографии тратили... Потом, когда нас выпускали, — в парикмахерскую ходили. Прически делали.

Можно было?

Можно было. Но... Раз в месяц или когда — нас выпускали. Сначала нас выпускали

по 10 человек, потом по 5 человек, а потом пускали, вот доверяли нам.

...Сколько фотографий было у нас, шикарных. Много таких, и прически делали, и все, и обращались с нами, как... мы, вроде, ничего...

Ну, нас за русских... Шуру могли и за польку принять, но меня никогда не принимали, меня сразу русской.... У меня морда круглая. Вот мы иногда вешали польские эти номера. Там поляки, «П» буква. А у нас «ОСТ», и мы должны с ними гулять. Ну, мы когда выходили, снимали их прятали, чтоб не обращали на нас внимания. А когда заходили в лагерь — мы их цепляли. Вот. Ну, и я как захожу: «Русишь?» А мне Шура: «Ну, с тобой нельзя». — «Мы еще за поляк пройдем». А у меня нет, у меня морда круглая. Вот. Так что это самое...

Ну, когда в концлагерь, когда забрали нас, все фотографии у меня пропали. Много было фотографий, ни одной нет.

<...>

Многие наши замуж повыходили... Голландцы, бельгийцы, французы, поляки были. И многие встречались, очень многие встречались девочки. Встречались...

Соседние лагеря, да?

И соседние лагеря. И вот... Мы там с французами... Француженки такие хоро-

шие женщины были. Мы когда-то подружались там, встретились, они в свой лагерь... Ну, а мы через решетки так, туда же не пускали, разговаривали. Ну, француженки свободно тоже выходили, по выходным... Каждый день они не выходили, но по выходным они... Француженки намазанные, покрашенные были страшно, и напропалую гуляли они там. А наши были так, скромные...

Поскромнее, чем француженки?

Ну, тоже влюблялись...

А я вот и Вера, вот я и сказала: «Вот я приехала какая сюда, такой и должна уехать». Никого, ничего не хотела. Ну, нам это не надо было, понимаете. Вот. Я понимаю женщин, которым надо было... Им надо было, они встречались, они жили. Ну, что такое, молодые, ну что такое? А сейчас мало ходят, встречаются и живут, и?.. Только встретились и вже... И там то же самое.

Вот я осуждаю: если ты уже там была, на что ты рожала там? А теперь она требует компенсацию за то. Но ты ж ее нагуляла?! И теперь они вот получают эти... Но наследники — это те... которых мать там, а они здесь были, оставались. А те, которые там, пожалуйста, поражали, — и теперь они, претендуют на деньги!..

Віра Омелянівна 3.

Вера Емельяновна. 24-й год рождения. Город Харьков.

Где вы жили, когда началась война?..

Где мы жили? Жили на Журавлевке, Березовская улица, номер 15. Жила я с мамой только. Ну, закончила я 10 классов, как раз в этом году... И, значит, поступила... Этого не надо говорить?

Конечно, надо!

Ну, и поступила, значит, в одно учреждение, в Госпроме, это был электромонтажный трест. Значит, поступила туда ученицей чертежника. Ну и работала до начала войны. Уехать, конечно, я не смогла. Так сложились обстоятельства, что маму угнали на окопы, рыть окопы. А я осталась одна. Ну, у меня там,

конечно, были... в общем, тетя была, мамина сестра. И вот я как-то с ними перебивалась.

Ну, а потом, значит, эти жандармы ходили по улицам, переписывали всю молодежь. Ну, переписали. Таким образом, значит, я получила повестку явиться, значит, в жандармерию с такими-то документами. Все. Ну, значит, пришла я туда, и оттуда уже нас не выпустили. Это на Кацарской было, там, где был облвоенкомат, там, значит, была эта жандармерия. Ну, если бы я знала, конечно, я бы не пошла. Ну, а так...

И потом, они собирали всех... и кто... Собирали же наши, не немцы — наши. Это все

наши делали. Потому что они знали, в каком дворе кто живет, и как, и что — они собирали, значит. Таким образом, значит, когда мы явились туда, в марте месяце, 28 числа было. Когда собралась, значит, уже приличная публика. Много уже было людей, подогнули вагон такой, товарный, и вот в этот вагон, погрузили, значит, всех, без всякого. Ничего ж ни с собой, ничего, абсолютно, вот как были, погрузили и поехали. В Польше остановились там, ненадолго. И значит, во Франкфурт-на-Одере привезли нас. Там был распределительный пункт, большой. Ну, мы там недолго были. Сначала бани всякие там проходили, санобработку.

Питание, даже вспомнить страшно. Брюква, капуста, свекла, морковь, кое-как, а картошку вообще, даже и забыли какой вкус.

Ну, а потом, значит, пока все там купались... Ну, мы думали, что нас там травить будут... Вот так. Так что боялись заходить, и, значит, пока не урегулировали этот вопрос, они ничего не могли сделать. Ну, кому хочется идти и, там, умирать в газовой камере? А так и думали. Потому что мы знали, что с другими людьми так делали.

Ну и, короче говоря, значит, когда все это закончилось, приехали представители всех заводов, фабрик, этих земельных — бауэры, бауэры они назывались — эти приехали. Ну и стали распределять кого куда. Ну, так, значит, девочек, которые поплотнее, — они, значит, на завод. Ну, так, таких хиленьких — тех,

значит, на село. Ну и, там, забрали кого-то на фабрики... Вот таким образом. Ну и привезли нас на этот завод. Этот завод АЕГ. Как сейчас помню, огромный, огромный завод и огромная вывеска – Кабельверк. Ну, мы ж не знали что там и как. Эх... Вот.

Распределили всех, ну, по баракам. Кошмар. Вспомнить страшно. Распределили наконец-то. Я была с Александрой Николаевной в одном бараке. Я случайно ее... вот когда в Госпром приходила, я случайно... вот так мы с ней встретились.

Ну и вот, начали мы там жить.

Утром в 6 часов подъем, ну, на работу. Правда, выдали нам деревянную обувь. Потому что наша обувь не годилась никуда. И какой-то балдахон, именно балдахон. Вы знаете, как ку-клукс-клан, вот точно. Ну, на нас же ничего не было. Ну, то, что... в чем был человек, пришел, ну, что-то приличное надел, шел... Вот это у нас осталось такое, что выходное. Выходное куда? Нас никуда не пускали. Это потом, потом мы уже начали на воскресный какой-то праздник или воскресенье, там, выпускать. И то не всех. И если кто-то, не дай Бог, где-то как-то не успел на... там, построиться утром не успел, на перекличку не успел. Все – это уже с пятном. Неблагонадежный. И вот так водили нас на работу. Но нас не водили, а возили на пароме. Потому что там остров такой был, и этот барак там стоял, ну, не один, конечно, он стоял, там много их стояло. Ну вот, нас паромом возили.

Ну, привезут на завод, вот тебе станочек, вот тебе, садись. И мы наматывали... тонкая-тонкая медная проволока, это для самолетов каких-то были... Детальки, да. Вот это мы наматывали. И не дай Бог, если одна ниточка сошла не туда, куда не надо. Не приведи Господь Бог. Это уже саботаж, это уже вредительство, это уже в концлагерь отправляют и...

А были такие случаи?

Были. Были. Были.

Ну, а потом... Потом... Питание даже вспомнить страшно. Брюква, капуста, свекла, морковь кое-как, а картошку вообще даже и забыли, какой вкус. Все это варилось, конечно, нечищенное, немытое – ничего, потому что вот такие вот черви эти капустные, и вообще овощные. Ой, ужас... Ну, как мы все это пережили – я не знаю. Вот просто не знаю... Ну, потом, значит... Когда-то один, значит, одно воскресенье... Ну, далеко ж нам нельзя было ходить никуда. Потому что, если на рукаве «ОСТ», все, это, не дай Бог, куда-то, где-то появиться в неполюженном месте.

А вы на рукаве или на груди носили?

На рукаве и на груди. Это уже в каком лагере, как они там... Ну, в основном... У нас было на рукаве. Вот. Потом бомбежки начались такие, что не дай Бог. Ну и, в конце концов так разбомбило лагерь и завод, что возвращаться уже было некуда, ну и так разошлись все – кто куда.

Но, значит, с этого со мной была вместе девица еще одна... Так мы с ней как-то, ну, шли-шли в лагерь, никуда больше... больше ж некуда было идти, шли в лагерь. И как-то остановились так, стоим, разговариваем, на что мы засмотрелись, я уже сейчас и не помню точно, но на что-то мы обратили внимание. И к нам подошла женщина, ну, такая, шикарная, заговорила она с нами на украинском языке, это была западнянка. Ну, и потом оказалось... Она нам предложила, говорит: «Знаете, девочки, поедем с нами... поедем со мной, и я вас устрою, куда-то устрою».

Ну, эта Тамара согласилась, я – нет. Потом, через несколько дней, и она пришла обратно. И говорит: «Ну, ты... У тебя что, интуиция развита так, что ты не пошла?» Я говорю: «Ну, такая шикарная дама, зачем мы ей, вот такие вот? Зачем мы ей?» Там было совершенно понятно, зачем. Она подбирала девиц таких и поставляла их куда нужно. Вот такое еще было. Ну, нас Бог миловал.

А она успела удрать оттуда?

Да. Она только к дому подошла и уже все поняла, повернулась и пошла обратно.

Вот это да!

Да. Эх, вот так вот. Вернулись мы в лагерь, все разобрано, все разбито.

А какой год был, когда разбомбили лагерь?

Это был 43-й. Это, по-моему, в начале весны, в начале весны, на лето это все было. Ну, потом, значит, там мы еще работали на уборке лагеря. Вернее, ну да, и в лагере, и на заводе там все убирали, все приводили в порядок. Так.

Ну, потом еще, по-моему, месяц или пару месяцев работали еще, до... пока наши заняли Берлин. Ну, потом начались вот эти лагерь, рассортировывать, кого куда, кого что. Ну, и мы, значит... Те, кто нас освобождали, значит, ну они ж и забрали всех. А там уже, там тоже начались проверки, такие, что не приведи Бог.

Проверяли ужасно. Причем, по-хамски. Такие были эти, как их звать... Не то они чекисты были, черт его знает кто... Ну, проверяли...

Ну, короче говоря, значит, рассортировали всех, значит, погрузили, опять-таки на эти... Так на открытые платформы уже. На открытые платформы, значит, но это уже был август месяц. Значит, 2 августа 45 года я приехала в Харьков. Ну, там немножко мы еще работали в военной части, там. То помогали на кухне, то уборкой занимались там, ну, находили как занятъ...

Ну, 2-го августа я приехала, а 10 августа я уже поступила на работу, вернее, уже вышла на работу. Первая работа моя была, после того учения. Ну, хорошо, что у меня осталось... Мама оставила все документы... И я поступила в банк. Ну, там были кто, чтобы меня устроить, были такие... Вот, значит, я поступила в банк и работала в банке до замужества.

<...> После этого я, значит, вышла замуж, мой муж военный был. В школе вместе учились. Я его 6 августа 40-го проводила в армию. Ни он, значит, не знал где я, ни я не знала, где он. Он писал, писал, писал, но писал маме, меня же не было. Я когда приехала, так мама мне целый ящик отдала конвертиков, треугольничков, и телеграмм, и всего на свете. И тогда я написала ему на последнюю полевую почту. А последняя была в Румынии, он в Румынии служил. Ну и тогда мы, значит, списались. Я получила от него, значит, письмо. Ну, а родители его не хотели, чтобы он женился на русской. Никак они не решались. Ну, а он, значит, пришел и говорит: «Ну, родители мои дорогие, вот ваша невестка». Ну а мы же, я же была до войны у них в доме. И они у нас были, и праздники встречали вместе. «Если не хотите, чтобы она была вашей невесткой, значит, вы не хотите чтобы я был вашим сыном». Повернулись и ушли. Ушли к моей маме. К моей маме. Так мы поженились — и до смерти. И вот уже 28 лет, как его нет. Вот, это все.

Ну а когда начала поступать на работу вновь... Тогда же автобиографии были сногшибательные. Ну, я написала все как нужно, зачем, чтобы меня потом где-то что-то потом проверяли. Принесла, почитали, все. «Извините, это место заняли уже». Все. А потом начальник, значит, инспектор отдела кадров, значит, говорит: «Подождите. (Я подождала.) В следующий раз, когда будете писать автобиографию, ничего не пишите. Была на оккупированной территории. Все. И дело с концом». Вот так я стала писать. И вот так я поступила на работу. И пошло, и пошло, и пошло. И страшно было подумать, где-то заикнуться, что вот так вот могло быть.

А муж как это все воспринимал?

Ну, воспринял он... он видел, как там было и что там было, как жили эти люди

и, вообще, что с ними делали. Можете себе представить огромный... ну вот как конюшня настоящая, двери распахиваются, створки широкие такие, с одной стороны стоит такая дама... Ну, те, которые пошли под немцев, и со второй стороны, с такими кнутами. И вот люди выходят, а они, значит, почему попало. Не дай Бог кто-то замешкается, то уже все — пропала. И после всего это как стремились, Господи... Скорей прийти домой. Ни одного дня нигде, ни одной минуты нигде не задержались. И в Польше могли остаться.

Можно было остаться. Там тоже приглашали, все. Ну, тоже просто отстал от поезда и пошел в услужение, как говорится.

А письма домой писали, из дому получали что-нибудь?

Нет. Ничего. Я, когда, значит, маму забрала на окопы, так через две недели, да, через две недели пришла мамина сотрудница и сказала (они в Чернигове были, вернее, под Черниговом).

И говорит, что бомбило этих людей, что были на окопах, и твою маму убило.

А сестра мамина, муж, значит, забрал ее, они в Ташкент уехали. Вот. И так осталась вообще одна. Ну, там с соседями, с которыми дружили, подружки со школы.

А оказалось, что она жива...

Это когда я уже приехала. Я приехала и не знала, куда мне идти. Пришла к тетке. Там наша улица... Ну, вы Журавлевку не знаете?

Ну так, не очень.

Не очень. Ну, там же улицы идут, одна, вторая. И мы жили... Я на Березовской жила, а моя тетка раньше жила на Шляпинской. Ну, они рядом.

Я пришла к ним, а там какой-то милиционер живет. Они тоже приехали, и было у них, не дай Бог, сколько недоразумений, пока они его выселили. И писали, и в правительстве писали, и все. Дядька был большим чином, и он, значит, добился, что этого милиционера выселили. Она говорит: «А ты

дома была уже?» Я говорю: «Нет, не была». Я говорю: «А как же я пойду, мамы же нет?» Она говорит: «Иди». Ну, я пошла, а мама дома, это уже совсем другое дело. Вот так.

<...>

Куда вы ходили? Где вы гуляли?

Нигде мы не гуляли, возле лагеря только. Возле лагеря. Ну, так, чуть-чуть... Там такая посадка была. Ну, вот в эту посадку мы ходили, там очень чисто было, хорошо. Ну, трава такая красивая росла, такая огромная. Вот мы в этой траве сидели, там, разговаривали кто о чем. Были с Белоруссии девочки, присоединялись к нам. Они рассказывали, мы рассказывали, как жили, что жили.

А кто руководил лагерем?

...Там был... Какой-то военный, отставник он или, по этому, по инвалидности — хромо... Зверь был просто. И помощница у него была такая же, начальница лагеря. Это на работе у нас был такой, что не дай Бог. А это в лагере, которая была.

...Ну, там, понимаете что, русский народ... Ой. Доносили все: кто что сказал, кто что сделал, там, такое противоречащее этому, уставу лагеря. Наказывали. Наказывали ужасно, вот эта вот самая фрау Рик, такая была. Ой, не доведи Господь Бог.

А кто ж доносил?

Ну, такие подлизы были. Знаете, чтобы не ходить на работу, чтобы остаться в лагере там что-то делать такое. Веничком, с веничком походить по лагерю, или там бараки...

Но заплатились некоторые, угу, заплатились. Эти вот две, которые стояли с этими, с кнутами, так тех вообще разорвали.

Так это наши были?

Наши, конечно. Наши! Все вот эти «капы», они назывались «капы», значит, — это все были наши. Чтоб не идти на работу, чтобы вкусно есть, не ту бурду, что давали. И все, и они вот так вот...

Да. Страшно подумать...

Еще хотите что-то рассказать?

Не вспомню ничего больше такого стоящего.

А нестоящего?

Нестоящее. Что нестоящее? Единственное что. Там были же немки, которые работали, ну они не все были сволочи, не все. Вот одна, например, видела ж, как мы одеты. Меня, например, одела с ног до головы. Все абсолютно — от белья до пальто. Вот так было. Потому что я никуда не ходила. А зимы — так вообще не о чем говорить. Она видела, как я приходила на работу, и в чем, и что. И она как-то попросила этого своего... начальника нашего, чтобы он отпустил меня к ней, с нею домой, под ее ответственность. Ну и вот, пришли мы к ней домой, накормила, конечно. Но по-человечески поступила. И вот одела с ног до головы.

Я не знаю, чье это было. Ее или, может быть, она ходила по подругам. Вот. И платьице, и не одно, и кофточки, и сарафанчики. Белье новое было, все новое. Она такая аккуратная.

Но она, что она купила? Она купила в этом, в магазине. Ну, видимо, такие были магазины. У меня 33 размер. Да. И она говорит: «Я даже не представляю...» Так она покупала детскую.

А как девочки отнеслись к тому, что вы пришли с таким приданным домой?

...Ничего. Нормально отнеслись. Были и такие, которые: «Я бы этого не допустила!» Ну и ходили голые. Если бы у меня было что одеть, я бы не пошла. Но если у меня ничего нет! У меня одно платье было — знаете, цветочки такие пробитые, как наполненные. Так вот эти цветочки все высыпались от стирки.

Все высыпались, вот представьте себе, внизу ничего нет, внизу ничего нет... Вот.

Было еще. Значит, лагерь военнопленных был. Нас ведут, и их ведут. Ну, у них там и собаки, значит, под проволокой, а у нас тоже проволока была.

И вот однажды в воскресенье, значит, еще не разошлись из лагеря никто. И, значит, вот так вот окно, и вот эта решетка их лагеря, а у нас на решетках тоже, то есть на окнах тоже решетки. Стоят два итальянца, стояли и машут, мол: «Выйди». Ну, эта Тамара пошла, значит. Он сует пакет. Она, значит: «Нет, нет, нет». А он взял и бросил его. Бросил, значит. Она взяла. Парашют. Шелковый, парашют белый. Ну, мы и пошили. Пошили два платья, белых. Шестиклинка, значит, а здесь вот так, мысиком, было, и какие там рюшечки. Ну что можно было придумать. Ну, сидели, руками шили — пошили.

А иголки, нитки были?

Киоски такие были, недалеко от лагеря, можно было купить.

А платили вам сколько, то есть были же какие-то деньги, за которые можно было купить?

А то бы они сейчас что-то дали, если бы зарплата была? Нет, не было... Вот. Нитки доставали, все.

Ну, были, конечно, эти немцы, которые работали на заводе, инвалиды войны. Ну, всякие там такие... Мужчины... Молодые парни были. Так они иногда подкармливали нас. Приносили, особенно на Пасху. Ну и вот, они приносили. Было такое. Симпатизировали. Какая ему понравилась девочка, вот он и сует. Такое было. Не все звери были. Вот этот наш начальник был зверюга настоящий. А рабочие — нет. Особенно солдаты с восточного фронта, они все понимали, что мы здесь не по своей воле. Вот так...

Галина Г.

<...>

Ну, я работала до войны и в войну на фабрике ОблДД.

А что это такое?

Трикотажная фабрика. Это Карла Маркса улица, почта, а рядом был дом. На фабрике ОблДД. На трикотажной фабрике. Как мотальщица была. Потом, у войну, перевели на швейные машины, что шили, это... военные, эти, кальсоны, рубашки... Ну, в общем, нижнее белье шили.

Ну, а потом что? Заставляли нас дежурить... по улице, особенно вечером и днем. Свет когда горит, там кто-то прикурил, так надо запретить все. Вот такое было.

Ну, а потом это ж уже все, как говорится, пошло... как сказать, в сторону, уже ж немцы начали приходить, это, заходить, тогда уже работа ж закончилась вся эта. Ну, были вот так.

А потом, как сказать, заявили о том, что... Это уже немцы когда вступили. О том, что... Ну, не сразу. Это в каком году... я уже забыла. Что будет облага и всех мобилизовывать в Немеччину. Ну и нас забрали... туда. Везли нас у вагонах, в товарняке, чи коровнике, я знаю, как сказать.

Привезли нас куда? У Бресте... У Бресте, по-моему, мы проходили санобработку. А потом... В общем, во Франкфурте это было, первая, по-моему, распределительная... Как?

Комиссия?

Пункт распределительный... Ну, и кого куда с Франкфурта. Как? Ну да, Франкфурт... Ну и нас в Берлин направили.

Много человек?

Та много, конечно. Много. Эх-х-х... Ну, и там мы были в Берлине. А в Берлине куда? Ну да, в лагерь привезли. Улица Вандершлессштрассе.

Там нас... там уже в лагере были, первый был приезд, чи заезд, чи завоз. Там мы были в этих, в бараках. С бараков... Ходили на работу. Как ходили? Возили нас на пароходе на работу, с собаками. Охрана, с собаками. Ну, мы работали на заводе АЕГ.

Вы тоже с Александрой Николаевной были?

Да, мы работали вместе. И Клава, и вот эта Вера, и Шура — это мы в одном лагере были. Ну и так работали. Возили нас на работу, пароход с собаками. Но были мо-

менты, что мы духом не падали. <...>

Духом не падали. Едем, песни поем. Ну, главное, подъезжали мы под мост. Ну, мы уже так были настроены песнями, что как только подъезжали мы

до моста и проезжали под мостом, и кричим: «В бой за Родину... В бой за Сталина!» (Плачет.)

А там люди идут... а этот полицей кричит, мол, что «замолчите», ну, он по-своему... «а то

Ну, мы уже так были настроены песнями, что как только подъезжали мы до моста и проезжали под мостом и кричим: «В бой за Родину... В бой за Сталина!»

в концлагерь отвезем на пароходе». Ну, а нам уже было все равно. Мы ж не в концлагере, лагерь не концлагерь, а общий, нам уже было все равно. Ну и от так, особенно не падали духом, сами себя бодрили. Ну а так что? На работу привезут, так тоже мы выходим с парохода, тоже охрана, собаки, полицаи нас охраняют. А уже когда по цехам разойдемся, ну, сидим, работаем. Вот. А идешь... Ну, как там, кусочек хлеба... Часныка там где-нибудь добудем у иностранцев, перекусим. Идем по лестнице, а они закрывают носы. Хе-хе-хе. (Смеется.)

А как вы чеснок добывали?

А?

Чеснок у кого добывали?

Ну, как у кого. Я ж говорю, у иностранцев вот там. Иностранцы у нас, и чехи работали, и... э-э-э... Ну как, дадут там чесночка там кому-то, а мы делимся, всем хочется, и ото поедим. А они закрывают нос, а мы тогда за принципа, когда они идут — мы закрываем нос. Вот такое вот.

А работа есть работа... Работа была... Ну, мы как монтажники были. Отакие аппаратики были, паяли эти самые, проволочки. А что мы делали, я не знаю.

А потом эти, такие шпулечки маленькие, ну как бы к радио, не знаю что. Там они складывают в, это, такие ящички. И там, на этих тележках, чи то, как сказать, тачечки, в сторону.

<...>

Холодные, голодные были, со второй смены приехали... Был момент. Приехали со второй смены, нам дали кушать. Мы посмотрели, а там черви, с червяками была эта баланда, как мы называли. Подняли вой среди ночи. Ну, у нас был, этот, фюрер герр Шнайдер. Но я чего-то замечала, что он как бы был наш. Потому что были такие моменты, что можно было подумать. Вот мы подняли плач в лагере, вой. Ну, приехали со второй смены, что нам такую дали баланду.

Он пришел, мол, что такое. Мы показываем, все. А он: «Майн киндер. Майн киндер», мол, что сейчас будет картошка. Ну, он их заставил, чтоб отварили картошки нам. Отварили картошки... Ну, его и сняли — это уже один пример. Картошка есть картошка, ее в этой баланде мало было, а так он заставил, чтобы, это, отварили. Вот. Ну, мне, говорю, кажется, как бы герр Шнайдера, говорю, не убрали отсюда, потому что вот так и так. Ну, а когда картошку привозили, конечно, наши девчата ходили, воровали эту картошку, пекли.

Ну, а потом после этого герр Шнайдера, у нас появилась фрау Трум, но это уже была настоящая коммунистка ихняя. Ха-ха-ха.

Да. Так та уже этого не делала. Вот не было такого, как с этим герр Шнайдером. Эх-х... Ну а... Да нет, и при герр Шнайdere нас тоже выпускали гулять. Ну так, чтоб был «ОСТ» пришит, чтоб время к времени, чтобы точка в точку появлялись. А потом уже, когда этого герр Шнайдера не стало, вот эта фрау Трум была... Она проверяла, чтоб мы были очень аккуратные, чтоб мы были чистые.

В палатах там клопы были, делали дезинфекцию. Это мы едем на работу, а там клеивают — делают дезинфекцию. И когда выходим гулять, она даже вот так поднимала и смотрела, как мы выходим... Но натуральная фашистка. Ну что, а так...

Мне, например, там... Ага! У меня вообще тромбы и варикозные, с самого молодду. Была опухшая очень, болела. Я пошла, в этот, у санчасть и там в обморок упала. Врач тоже была у нас, похоже, что была подпольщицей. Потому что когда я упала в обморок от этой ноги, очередь же была там, и я не могла выстоять. Она: «Ой, майн киндер, майн киндер...» И меня повели, положили, на это самое, на койку. И она очень и очень мило и аккуратно ухаживала. Я уже прочнулася: «Ой, мамочка, родненькая...»,

а она «Майн киндер, майн киндер...», меня гладит и в самой слезы на глазах. Вот это, я думала, что вот это герр Шнайдер и вот эта врач, были наши подпольные... Я там некоторым говорила, я не могла, секрет. А так, все полицаи как полицаи, как здесь, так и все. Вот.

Ну, а потом наш лагерь сгорел. Нас перевели на Геерсдорф. На Геерсдорфе, там уже мы были свободные.

Там был лагерь иностранцев. Ну, а потом нас туда заселили. Не всех. В общем... А после этого такой строгости не было. Почему? Потому что уже ж чувствовали. Строгости не было. Там уже кто куда. Кто с этого лагеря в другой лагерь там присоединился, там, кто знакомые были с тех лагерей, все. А нас уже, в общем, те, которые остались, нас перевели в Геерсдорф, в лагерь, и там мы до конца, откуда нас и освободили наши.

<...>

Голодали. Ну, что ж, 200 грамм дадут хлебца, это ж какой там кусочек кирпичика. И баланду. Что ж там было, первое и второе? Не было.

Правда, я девчатам это... Там прически были... такие ужатые, а я укладку делала. Я на Рашкиной жила, там у нас... моей сестры мужа сестра парикмахером была, я ей помогала. А я укладку делала, мне они, как сказать это... Там были девчата с кантины, как бы на кухне работали. Они приносили мне чего-то. Но у меня были две... Мария там подружка была, я с ней вместе за одно была. Потом у Виты мама умерла, она с 26-го года, Мария с 24-го. А это... Вита, все идут там гулять, такой не день рабочий... она сидит плачет, я давай с собой брать. И так мы втроем и домой ехали. Я там не знаю, что там у нее с головой было...

Ну, а так я ничего не могу. Ну, было плохо. Голодали. Холодали. Кто нас отапливал, так, кто нам... нас... откуда ж. Я ж говорю, то, что я укладывала... то там... и еще там смот-

ришь же... Каждому же хочется... Они там у бутылочку подливы там... Но это немецкая была кухня, они там мне принесут. Ну и каждому ж хочется дать попробовать, нас же не кормили подливами. (Со смехом.) Вот такая жизнь была. Ну а так, что еще могу рассказать?

Вот я рассказывала, я сидела, работала, а там еще ряд, там немки работали за станком, за аппаратом. И вот одна немка — она всегда мне бутербродики подкладывала. Приду с этого... Ну приду на работу, смотрю, — там лежит под этим... Она показывает... Она говорит — это фашистка, не надо. Если заметят, это уже мы так, говорит: «Если заметят, то мне будет плохо, так что остороженько». И я ото иду, смотрю, я тогда сразу от так, а потом уже вот так. И в перерыв тоже ешь и боишься, потому что заметят, что я ем. Нас водили в столовую. А потом уже как-то надо съесть его. Вот.

Вот. Это вот фрау Маус, это, говорит, как бы как настоящая фашистка. Были и хорошие, я не скажу, были и хорошие немцы. Вот. Ну, в смысле, сочувствовали, все это... Ну, так как и у нас тут. Хе-хе-хе...

Ну, а в общем, конечно, было плохо. Плохо было. Когда заболеешь — и лекарства давали. В санчасти там лежит по больничному, я знаю. Ну а что такое, знаешь, что никому не нужен.

А как домой... как освобождали, как домой ехали?

Домой? Ну когда уже... А перед этим уже слышим — бомбежка сильная, все. И на кухне там уже бегут, грабют, и мы ходили, что было — все брали. А потом уже появились наши в лагере. Ну и кто куда? Кто как?

Наши тоже были хорошие и были плохие. Мы остались с этой Марией вдвоем в палате и начали собираться и зашел один, спрашивает: «Что, вы вдвоем?» — «Вдвоем». Ну а там в других палатах еще кто-то там тоже был, ото так. «Вдвоем».

А уже ж темнеет... «Ну и мы тут останемся». Мы в слезы. Они ж молодые. А они нас уговаривают. «Мы поспим с вами, мы вас трогать не будем. У нас тоже, это, сестрички». Это самое. Ну, переспали, потом собрались... сколько нас там было? Была медсестра, фронтовичка, но она была у нас в лагере, в плен попала. Нинка, москвичка. Это я, Вита, Надя, Мария, несколько человек, ну и пошли. Забрали свои вещички и пошли. Я не знаю, как мы дошли, что мы в Лансберге были.

Нет... Нас с Лансберга... Вот я не помню, как мы что... Мы были в Лансберге, и с Лансберга нас начали вывозить уже. Ну как какой, как пересылочный был же... Наши там стояли войска и... открыли там немножко... Нет. Мы там около Берлина где-то нас... мы приютились. А потом оттуда нас в Лансберг отвезли, там мы и разместились. А с Лансберга уже нас в Раву-Русскую повезли. В Раве-Русской мы были. Вот.

Ну, ничего, оклемались. Правда, было такое, пришли два офицера и говорят: «Девочки, у нас там два старичка, там нужно убрать, и то-другое, там полы помыть...» Ну, так вот на меня, и там была еще Инна. Ну, я говорю: «Давай пойдём, Инна. Раз надо, так надо». Только открыли дверь, там стол накрыт, выпивон и все такое. Выходят эти два старичка... Какие там они старички... «Заходите, раздевайтесь, садитесь». Нет, я говорю, вы меня извините, я себя настроила... Мы, говорю, тут пришли для старич-

ков убрать, там все такое, но не за столом сидеть. Это ж вы для кого-то, для чего-то сделали застолье. А мы, я говорю, где вам тут убрать, то-другое. Ой нет, да что вы, давай, то и другое. Я говорю: «Нет, мы на это не пойдём». Ну а те ж ушли, а там другие были. Я говорю, мы не пойдём. И так это как в слезы, все. Они тогда: «Ну, ладно, ладно, девочки, садитесь, покушайте». Нет! А он говорит: «А как вы будете идти? Здесь нужен пароль, вас так не пропустят». А я говорю: «А нам тогда уже все равно, что тут, что там». Они уже тогда... Там еще вышли и начали... Ну что? Сели, поели, повернулись и ушли.

Мы не сами, нас офицеры провожали. Я говорю, что ж вы обманули нас. А он говорит: «А кто мы? Нам сказали, мы пришли, забрали. А тут уже говорит, дело ваше, но бывает всяко». Вот, пожалуйста. Да Боже сохрани. Я сижу, 80 лет, а тогда мне 20, так как было? Чи 21 было. Некоторые там... Я не могла, мне ехать некуда. Что такое гулять? А если привезешь, а мне самой ехать некуда... Я с репрессированной семьи.

<...> Репрессировали нашу семью. Выслали на Урал, в 31 году, я один класс окончила. Меня... То есть, отца, маму... забрали у нас все. Документы дореволюционные, послереволюционные. Забрали у нас все. Отец был с этого... Ну тогда Старосалтовский район был, село Непокрытое, а потом уже стало это Волчанский район, село Шестаково.

<...>

Валентина Іванівна КУЗЬМИНА

Валентина Ивановна Кузьмина. 37-й год рождения.

Ну, вывезли нас со Старой Руссы. Со Старой Руссы... Везли, вначале везли, сказали, что в Белоруссию. А потом оказалось, что нас везли в Германию. Мы этого не знали. Мы с семьей, трое детей, значит, старший брат, старше на 8 лет, и на 5 лет младший, только родившийся... С семьей. Отец, мать и мы, трое детей.

А как объяснялось, куда вас везут, зачем?

Нас везли, потому что в Старой Руссе обещали... предполагалось очень сильные, страшные бои. В Старой Руссе, вообще, старорусские... понятно, там какие бои были... А то предполагались очень

сильные бои. Но так как мы уже были и в одном там селе, и где-то еще куда-то правились. Вот. Нам уже было все равно, тем более, дети маленькие, куда-то там деваться... Ну, сказали немцы, что якобы мы вывезем

вас в Белоруссию, потому что тут будут очень сильные бои. Значит, мы согласились. Везли нас в Белоруссию, на станции Дно разбомбили весь наш состав. Можно сказать, что только одна наша семья осталась. Потому что отец маленького ребенка... это, брата, таскал зимой, январь-месяц, февраль. Ноги голые у него, по снегу и так далее, кругом больные... раненые, мертвые. Отец взял, эти-

ми мешками в вагоне... сел, посадил нас всех в вагон, мешками загородил вот так, чтоб от осколка никто не умер, а если бомба — так чтобы всех сразу.

Вот. И вот так вот стали, там вообще не было ни немцев, ни русских, ничего... мы вообще одни... Станция Дно. Вот. Ну, а потом, когда приехали в Белоруссию, поняли: нас везут не в Белоруссию, нас везут в Германию. Что, с поезда выскакивать? Нам уже ничего не оставалось, как судьба даст, как Бог даст, так и все. Привезли нас в северо-восточную Германию. Вначале село Виндорф, а потом поселочек такой Лихтенберг.

Ну... родители работали, то на скотном дворе — отец работал, мать, значит, там какие-то у них посадки, лесопосадки. Елоч-

ки подрезали и так далее, ну, в смысле, работали на этих работах. Старший брат тоже работал. Ну, а мне иногда там приходилось, там, по хозяйству, сколько мне было, мне было тогда 5–6 лет, тоже при-

ходилось кое-что делать. Но, в основном, я, вот этот вот братец маленький, годик-полтора на руках, потом меня не очень... Вот.

Питание, конечно, очень скромное. Все суррогаты, конечно. Он не кормил нас, выдавал продукты. Ну, единственное, хлеб выдавал, ну, опять с опилками и так далее. Вот. Одежды, конечно, никакой. В колодках, зи-

*Из немцев никто не
сдавался русской армии.
Никто. Или убежали, или
кончили жизнь
самоубийством. Никто!
Вот так они боялись
русских...*

мой в колодках, или босиком. Вот. Питание, значит, сами готовили. Там горох давал, там какую-то крупу давал, там какой-то маргарин давал. На неделю выдавалась порция, и вот как хочешь, распределяй, чтобы ты не умер с голоду.

Вы сами были у хозяина? Только ваша семья?

Нет, не только наша семья. Были еще... Были даже там французы, там двухэтажный дом, там были французские военные хлопцы. Ну, им жилось, конечно, хорошо. Им посылки присылали, там у них и консервы, и банки с кофе, и все-все-все. Поэтому... а мы жили только то, что даст хозяин, и все. Крупы какой-то даст, какого-то маргарина, вот это вот, чтоб только не умерли. Нет, там был еще... Еще были, семьи были. Вот. Но в основном были хлопцы, вот это вот — французы.

Там, видимо, было очень большое хозяйство. Да?

Да, это большое хозяйство. У них целый скотный двор. Помню большой, большой там, как у нас гумно называется, что ли, амбар, где они провеивали вот это, там такое сооружение большое. Местность там болотистая, много озер было. Вот. А потом... Конечно, говорить о победе какой-то мы не мечтали.

Вот однажды мне приснилось, можно сказать, что... Там амбар и такая стена большая. Две головы, красный и белый дерутся. И вдруг красный побеждает. Я всем рассказала. И все, конечно: тихо, тихо, тихо. А потом кто-то... Вы знаете, говорит, что-то на востоке как бы что-то розовое там... Начали ночью выходить, земля гудит. Оказывается, видно, там город брали, и вот мы выходили каждую ночь и слушали вот это вот, как земля гудит и зарево, а потом русские...

Ну, очень боялся, это, русских хозяин. Очень боялся! Семья его была... Сын был на фронте у него. А дочка... Она была в Германии... Нужно было в услужение идти, замуж

никто не возьмет, пока ты там два или три года не отработаешь у кого-то. Ей было там 13–14 лет, такая девочка, она была у кого-то... хоть они были богатые, в услужении. Она должна там и детей нянчить, и готовить, чтоб она стала женщиной нормальной. Вот так. Поэтому, она там приезжала на каникулы, но так я ее не помню. Ну, а потом, что вы думаете, уже ясно стало, что уже русские подходят. Конечно, этот Нойштрелец горел днем и ночью. По-моему, это был Нойштрелец, потому что рядом, других городов не было.

Ну, хозяин предложил нам с ним вроде ехать, или я уже не помню как. Мы поехали, пока нас не настигли русские. Но без никакого... сражения, где-то там...

И нас, конечно, погрузили русские на машину, вот, и, значит, отправили в лагерь для вот этих вот, переселенцев. А потом кого куда стали переселять, кого на Украину, кого на Россию. Мы в Россию. Ну, вот так вкратце и все.

Ну, а что там было... Конечно, было тяжело, что сказать. Голод. Раздетые и униженные, конечно. Унижение, конечно. Как скотина, как скотина. Мать, отец работали, и старший брат, он на 8 лет был старше, сколько ему — 13? Вот. Работал... Ну, а я, конечно, вот так вот... Ну, конечно, вид — как у животных был, можно сказать, колодки, грязное, засмальцованное все, потому что одежды никакой не давал, единственное — колодки. И даже вот так... Ну вот такая вот была...

...Жили, вот это вот жили, полуподвал, что-то. В том же доме, где хозяин. Рядом вот двухэтажный стоял какой-то там, и там хлопцы французы жили. А мы, вот так вот, как цокольное, как полуподвал, в том же доме. Это большой, большой, большой дом у него. Вот там мы жили, вот так вот. Это было в Лихтенберге. А в Виндорфе, когда приехали, по-моему, где-то чуть ли не в сарае пока...

То есть вы меняли хозяина?

Нет. Ну, я не понимаю. Нас привезли туда, а мы были на перевалочном пункте, а потом отдали кому-то... Я... это не знаю... Я помню, что мы приехали в Виндорф, а потом в Лихтенберг. И так в Лихтенберге...

Это был город, потому что у брата очень-очень... вот такой вот... щека с зубом была, и его туда... разрешили ему туда пойти, чтобы там ему удалили зуб. Вот. ...

Ну... Детвора. Вы сами знаете, детвора. У них одно в голове. Нужны были куклы, тряпки какие-то. Находили на мусорке. Там у них какой-то швейный комбинат и какие-то тряпочки. Для меня это был предел счастья, набрать этих тряпочек. Ничего же нету! Вот с этих тряпочек, куклы какие-то... Все-таки ребенку надо же играть. Детство есть детство.

Ну, помню... Ну, что помню — всегда хотелось есть. О сладком мы... Давали иногда сахарин. Сахарин вот этот. Таблеточку ждешь-ждешь, пока дадут. Когда там... Раз в неделю — таблеточку сахарина.

Ну, вот так. По-моему, без масла, без ничего — каша, горох. Ну такое вот... Радостное детство. И колодки. Ну, а теперь инвалид считаюсь, потому что ноги ж... Две ноги оперированы.

Из-за этого?

Из-за этого. Я думаю, из-за этого. Теперь. Приходилось и воду там таскать, и все. Что, 5-6 лет?! Вернулась, мне исполнилось только-только 8. Это же я в марте родилась, как раз только 8... Вот, и воду... А теперь смещение... С тех пор, вот это вот, всю жизнь я чувствую смещение дисков, в корсете ходила, в утяжении... Мне кажется, что это все дало вот это...

Мы боялись, мы боялись, и мы не подходили. Не дай Бог, там что-нибудь взять. Висят груши... Рядом был сад — груши, и если за забор упадет, так смотришь несколько дней, пока тихонечко ее как-то возьмешь.

Очень боялись. Там так: если что украл, сразу же...

Я помню, однажды... там озеро и старший брат поймал утку. О-о-ой! О чем вы говорите! Ночью, заставил... отец и мать заставили ее вынести, эту утку. Могли же съесть... Голодные же ж. Очень боялись. Потому что он был такой строгий, как говорится... Э-э-э... Вот он мог пристрелить, и все. Даже эту утку... О чем вы говорите... Дикая утка. Дикая утка. Отнесли ее...

...Французов не трогал... Ну, а нас — относился как к скотам. Но мы боялись, лишний раз... Я не знаю, как там было... Я знаю, что отец и мать, не дай Бог, на секунду опоздают. Будет ой-ой-ой. Это я знаю. Я знаю...

Отец приходил домой, каши нет, ничего нет. У отца язва желудка тогда была, это, конечно, был... ему надо поесть, а... ни на секунду, если не готово что-то такое... Ни на секунду нельзя было... Мы настолько были запуганы, что эта груша... под забором упадет вот так вот под окно, там лежит. И смотришь, неделю на нее смотришь, пока все-таки решишься ее взять.

<...>

Вы не общались с другими детьми?

Можно сказать, почти нет. Там не было близко детей. Вот это, единственное, много было французов...

А они с вами... играли, может быть?

Они? Ой, Боже мой. Мы не нужны были никому! Мы зачуханные, как... как животные. Кому мы нужны? Ничего не игрались. О чем вы говорите! К нам, Господи, было противно подойти. А тем более они жили прекрасно. Я знаю, что у них музыка там, там патефон там у них... И только летят банки. Я любила баночки нюхать, вот эти. С кофе... Еще тогда растворимое, видно, кофе было. Помню, такое вкусное, вкусное, поюхаешь — аш-ш-ш! А попробовала там

чуть-чуть — оно горькое, горькое. Я не понимала, что оно там, как это...

Может быть, делились?

Нет. Нет. Нет. Они никогда, ни одной баночки. У них там под окном... они прямо выбрасывали, как свиньи, вот это вот. Банки и такие... длиненькие баночки такие всякие, с сырочками всякими. Видно, им присылали просто посылки. Та нет!

Нет. Нет. Нет. Они... считали нас вообще... А им было там... неплохо, я не знаю почему. Это военнопленные были, но тоже вроде работали... я не знаю.

Где они жили?

У нас вот цоколь, там, где хозяин... А это, ну, может быть, как-то на фасаде вот две колонны, что ли, как. И вот у них я помню... наше окно и их там окна. Двухэтажное кирпичное красное здание, вот, и там, на втором этаже, вот эти хлопцы. Вечно там музыка, патефон, вечно оттуда банки консервные летят.

А много их было?

Их было... Много, человек 10. Много было.

А разница в работе между ними и родителями?

Ой. Это я не могу сказать... Я не могу сказать... Потому что я на работу не ходила туда, я не знаю, какая у них работа... Но у них жизнь была более или менее, я знаю... Вечерами там у них весело было. Все.

Ничего... Русские есть русские... Как называли — «швайн». (Со смехом.)

А когда уходили, когда хозяин вас собрался забрать с собой, чтобы уходить, когда наступали... Откуда вы знаете, что он боялся?

Он изменил отношение. Он был даже, по моему, с родителями говорил: «Вы ж... Я ж неплохо к вам относился...» и так далее... Потом даже предлагал, и поехали мы с ним даже. Предлагал с ним уехать... Когда мы назад возвращались, мы по территории Германии ехали на лошадях. Везде, где не

зайдешь в дом, везде висит хозяин. Никто не остался. Везде висит хозяин... Всё — банки, консервация — боялись, думали, отравленное. Так брату было занятие — поймать курицу. Эту курицу мы жевали, потому что мы ж боялись что-то брать. Бегаёт, значит, это живое.

А хозяева все висели. Никто, никто, если мог уехать... И наш же хозяин уехал... Он же не остался...

Он уехал, он... да, он уехал в Восточную... А нас там где-то по пути бросил, или мы отъехали... Нас русские, во всяком случае, нас русские настигли и потом машиной подвозили. Хотя никто не сдавался... из немцев, никто не сдаваться русской армии. Никто. Или убегали, или кончали жизнь самоубийством. Никто! Вот так они боялись русских... Они считали, что... или это звери такие... Или же просто чувствовали... Это было.

Все — консервация на полочках — все так красиво, так чисто все. Даже в сельской местности это так все ухожено. Баночки, консервация. Но мы боялись, конечно, это брать. Вот это, идешь — и куры, и козы. Подоишь, хочешь корову бери, подоил ее, если она есть... Вот. Особенно куры, куры, куры, вот, индюки, сами по себе, вот это вот. Ну, был апрель же месяц, мы ехали уже в апреле.

А лошадей где взяли?

Это нам дали. Это нам дали. Потому что на машине до пункта, там дали лошадей. Кибитка такая цыганская. И вот до сих пор люблю звездное небо. Лежишь и на небо смотришь, какое-то детское такое воспоминание...

И куда вы доехали?

Доехали мы в Гродно. Гродно — это Белоруссия, там фильтрацию проходили, регистрировали...

Что-то помните?

Ну, помню. Двухэтажные нары там. Давали нам есть, это ж в Белоруссии. Мама там

какие-то бутерброды приносила, с маргарином там или что. Ну, а потом нас отпустили и, значит... Денег же, ничего не было... Добрались мы до Старой Руссы. А отца раньше, до регистрации забрали. Сразу только они, машина в машину, мы ехали, сразу же мужчин – всех!..

А куда забирали? Это в армию их забирали или куда?

Да нет, мы приехали – отец был в Старой Руссе.

Пока мы добирались, война кончилась.

...Почему мы выбрали Старую Руссу? Потому что мать с отцом договорились, что встретятся в Старой Руссе... Ну вот, когда приезжали беженцы вот эти вот, он нас уже встречал... Он почему-то добрался раньше. Как он... я не знаю. Раньше... Ну вот так вот. Детства не было.

А приехали, Старая Русса полностью разбита. Жили в палатках...

Как обживались?

Сначала в бункере, в землянке. Потому что Старая Руса полностью была разбита. Ну, а потом, значит, через два года мы уехали в Ивано-Франковск.

А в Харькове вы как оказались?

А в Харькове просто... Почему? Учитя надо было, а на Западной Украине – как корову не приведешь, так и не поступишь... И еще украинская мова. Я ж приехала из России. Я ж ничего не знаю, а там мова. Так еле-еле кое-как... везде математика, все отлично, все, все... А украинский – еле тройки получала. Куда мне поступать? Поехала в Харьков поступать в авиационный институт.

Вот. В Харьков. Потом осталась, вышла замуж. Ну, так в Харькове так и осталась. Ну

а там, все время жили родители в Ивано-Франковске...

<...>

Ну, как вы считаете? Оно же в детстве какая-то ласка должна быть, какое-то детское увлечение. А если этого нет, человек как-то чувствует себя ущемленным. Он как-то так воспринимает, болезненно как-то.

То есть, маме не до этого было, да?

Та мама... Что там мама... И на маму, конечно, обиды, потому что она не уделила никакого... И в то же время, приехали в Старую Руссу, вот, в землянке жить. Потом в этом в маленьком домике жили в Ивано-Франковске... Работала с утра до вечера. Конечно, непрерывный труд... И на маму, конечно, обиды, но в то же время я понимаю, что она могла?

Что она могла дать? Ничего не могла. Не до детства было... Потому что не до детства было...

Школа и дом. Дома что-нибудь приготовить младшему брату, вот это, что-то там картошки наваришь, нажаришь. Вот. Дома ничего, без хозяина... Мать на работе до 12 ночи.

А без хозяина... Отец же где был?

Ну, как отец. Отец тоже как-то работал, все это копейки какие-то. Он болел. Больше он болел, а не работал. После вот этой работы в Германии у него что-то, действительно, ноги отнимались и желудок – язва. А мать до 12 ночи... Я! А что я? 8, 9, 10, 12 лет, что я? Еще и брат. Я его фактически как мать вырастила. Детства не было, юности тоже, можно сказать. Нищета... И так далее...

Алла Іванівна ФЕДОТОВА

Федотова Алла. Родилась в 1944 году, 6 мая в городе Вуппертале в Германии. Значит...

Лично я ничего не помню, поскольку в 1945 году, наша семья, уже мама и папа, вернулись сюда в Харьков.

Значит, из рассказов мамы... Причем, что я хочу сказать, что до 1990 года у меня не было подтверждающих документов, что я родилась в Германии. А примерно до 22-х лет я даже не подозревала, что я и моя мама там были.

Значит, мои родители в разводе были. У меня отчим... Мы жили, все было в порядке, и потом вдруг в 90-м году я маме задаю вопрос: «Что это за разговоры о Германии?» И она мне рассказала. Что я не рождена 6 мая 1945 года в поселке Дергачи, это были мои паспортные данные в тот момент. А я родилась в Германии... 6 мая 1944 года.

Ну, я стала спрашивать об отце, как... Потому что мой муж иногда задавал мне вопросы: «А где твой папа? Почему мы не можем разыскать твоего папу?» Я говорю:

«Ну, ты знаешь, никогда не поднимался вопрос. Я была маленькая, они развелись... Я сижу тут помню, что был папа, а так я его не могу даже вспомнить».

Значит, в 90-м году я добилась в посольстве, чтобы... не в посольстве, в Министерстве иностранных дел, чтобы мне помогли разыскать мои подлинные доку-

менты. Очень долго не приходили эти документы. И потом, значит, я отважилась и написала бургомистру Вуппертале, просьбу, чтобы он мне выслал документы. Когда попали эти документы ко мне в руки, что я действительно родилась в Вуппертале, я стала маму спрашивать, что это такое. И, конечно, беседа ее волнует и выводит из равновесия. Она не может спокойно об этом говорить и вспоминать, поскольку это очень, очень, очень тяжелый период в ее жизни.

Значит, она родилась в семье такой... тоже эта революция, в свое время, бабушку оставила вдовой. Когда был период революции, значит, у нее, у мамы была старшая сестра от другого отца, а еще одна сестра от папы мамино. Когда, значит, был 33 год, бабушка не бросила свое хозяйство, в селе Карасовка Золочевского района, значит, и... в это время, как известно, была голодовка. Чтобы дети не умерли с голода, родственники, бабушка — это мама отца моей мамы, значит, бабушка... <...> Она забрала маму

к себе, чтобы спасти вот как-то... Чтобы девочка... маленькая была смышленная, играла на гитаре, веселая такая, об-

щительная, иностранные у нее получались хорошо. Ну, в общем, может быть, это сказало еще влияние бабушки, потому что она была образованным человеком, можно сказать, для сельской местности. А ах... значит, в период после революции она там

*В 44-м году родилась я,
6 мая... я была там
единственным ребенком на
ке 150 человек.*

1943 г. Мать

А. И. Федотовой

война, и стали вывозить заводы... из Харькова. Значит, последний эшелон, который ушел из Харькова, — это был эшелон с документацией. Все оборудование было вывезено, и он был отправлен, этот эшелон. Все. Значит...

Когда возвращалась... Так, я немножечко, немножечко сбилась, значит...

Перед самой войной, это было в 41-м году, 20 июня, бабушка согласилась переехать ближе к городу, сюда <...> и они, значит, в поселке Слатино, на чужом участке, пополам с хозяином участка, реши... договорились из бабушкиного дома построить один... на два хозяина.

И вот 20 июня 41 года. Они перевезли эти бревна на этот участок. Ни крыши над головой, ничего, и началась война. Значит, пока они забрали там мужчин, родственников в армию, они быстренько-быстренько собрали этот дом, он был под соломой, я его еще помню, это в 51 году. Значит... Но дом был новый. И вдруг, значит, когда в город вступили немцы, в их квартиру поселили немцев.

Значит, мама металась там между Харьковом, между этой бабушкой и своими родителями, значит. Потом стали вывозить в Германию. Они... Молодежь между собой как-то общалась, и они находили пути, узнавали, в какое время будет облава в Германию.

ликбез (смех) вела в Золочеве, и забрали маму к бабушке.

Значит, когда она подросла, пошла работать на завод Малышева, тогда он был 75-й завод. Пошла работать... закончила ФЗУ и работала в ОТК. Потом началась война, была объявлена

И, значит, рассылали повестки, 6 повесток прислали, значит. Как только повестки рассылают, они уходят. Молодежь, там их было человек 7, наверное, уходили из дому. И когда какой-то период проходил, они возвращались, дома появлялись. И вот один из случаев: они возвращались домой, и их увидел сосед, который был полицаем. Пошел и сдал, знаете... Ну, в общем, сразу только они зашли домой... пришли немцы, значит, забрали документы на двух девочек, старшая жила отдельно... Забрали документы. Ну, младшая, она была такая маленькая совсем, в общем, она спряталась.

<...> Значит, когда она вернулась домой, немец, который был на квартире, дал адрес своей жены немки. И сказал: «Когда тебя привезут туда, ты напиши ей, моей жене, а она перешлет сюда, в Харьков...» Ну и, значит, мама и ее подружка по пути туда, уже в Германию, пытались там... Там были такие ситуации, останавливали, состав среди поля, там кустики, в общем, периодически останавливали и они хотели там... А потом, значит, объявили посадку, начали стрелять, собаки, и они поняли, что их все равно там найдут и расстреляют. Ну, они пошли, значит, поехали...

Когда въехали на территорию Польши, мама мне рассказывала, говорит, были какие-то странные постройки с черным дымом, говорит, вот жуть какая-то. Там заставляли помыться, там все, это ж дорога тяжелая была...

Значит, заходили они в какие-то помещения такие страшные. Говорит, охрана страшная. Вообще, люди на людей не похожи, охрана. Ну, говорит, такой ужас был. Мы видим, какие-то... Потом уже людей сжигали в этих печках...

Ну, потом их постепенно... часть людей оставляли по городам, значит, вот когда приезжают, она говорит — как на рынке... Выводят, и говорит, там кто хочет в сельское

хозяйство, кого-то забирают. Но как таковых специалистов — она читала чертежи, она работала на заводе раньше — ее довели до западной границы, это промышленные районы, и там ее сразу отдали в отдел технического контроля. Она работала в отделе технического контроля. Ни полы не мыла, ну там, приходилось все, конечно, лагерь это, но туда направляли работать.

И, говорит, разные, конечно, были люди. Такое... Были настоящие, такие злые фашисты. Но, когда она была беременна, говорит... иногда подкармливали. Они были, говорит... Я, говорит, старалась ничего не брать, не унижаться... Она считала, что...

Ну, в общем, она приехала и написала письмо домой. Отправила письмо и фотографию. Эта фотография у меня есть. Значит, они сфотографированы.

Но потом, значит, через некоторое время она получает маленькую посылку и фотографию: бабушки, двух сестер, и моего двоюродного брата. Эта фотография была сделана 28 ноября 42 года, а в июле ее забрали. Значит, они ей прислали эту фотографию. <...>

Ну, в общем, это была единственная посылка для всех, кто там был. Вернее, для русских, не иностранцев... Там были итальянцы, французы, тех правительство не оставило, и они присылали им посылки. Красный Крест присылал посылки, и немцы их поселили не в такие жуткие бараки там. Ну, они, собственно, не жуткие, они чистые, там страшно боялись, чтоб не было инфекции, ну, в общем, чистота соблюдалась, порядок, все.

Значит. Но иностранцы имели возможность и выйти с территории, и жили они, значит, в лучших условиях, не то что... А эти в полной изоляции. И сложились так отношения, значит, вот, что, она говорит, что к ней стал приставать какой-то... Она была очень симпатичная девочка. А она нравилась... Они

любили друг друга с парнем, он тоже из Харькова. Значит, Андриенко Иван Яковлевич. Он работал там электротехником. Он ремонтировал любую технику. Разбирался в технике хорошо и был там электротехником.

Значит, что... Было такое сообщение, что если будут семьи, то их могут отправить на Родину. Ну, и, в общем, мои родители, еще не будучи женатыми, значит, решили удрать с территории лагеря, пересечь границу Германии в любом месте, обратиться в посольство того государства, в котором окажутся и попросить, чтобы их отвезли... ну, отправили на Родину.

Значит, они ушли из лагеря, дошли до железнодорожного полотна, сели на состав с военной техникой, спрятались под брезент и поехали. На какой-то из остановок их обнаружила патрульная вот эта служба, собаки. И, в общем, их арестовали, посадили в тюрьму. Ну, мама говорит: «Я уже ни на что не

Фотография, присланная из Харькова в Германию, ноябрь 1942 г.

надеялась, говорит, мне, честно говоря, уже все до такой степени надоело, я говорю... Ну не получилось, все, расстреляют и все». Потом они там пробыли какой-то период, приезжает переводчик, из предприятия.

Их забирают и привозят на предприятие, с которого они ушли. Это «Форвард унд Ко» в городе Вуппертале. Значит, когда они попали на предприятие, их стали допрашивать, что ж это такое, почему вы ушли. Они говорят: «Мы сюда не хотели, а мы, значит, хотим домой». Почему вдвоем? Значит, мы хотим пожениться. Им там где-то в бараке отделили какой-то угол.

В 44-м году родилась я, 6 мая. Значит, роды принимала немка и, когда я родилась, она говорит маме: «Ты корми ребенка только грудью, не бросай ни в коем случае, потому что может быть все, что угодно, пойми — война. Значит, если будет очень плохо, ты хотя бы грудью накормишь ребенка». Ну, мама прислушалась.

Значит, потом, когда я родилась, ее переселили в дом, где жили иностранцы. И там, значит, уже была одна польская семья, муж и жена, детей у них не было. И еще

кто-то там был, кого-то мама называла, но говорит, этих людей уже нет в живых.

И, значит, перевели ее на работу на кухню из ОТК, и, значит, она... Дали коляску, одежду дали, значит, и она могла совмещать и работу... ну, в общем, не уходила...

А в их лагере были повар и его жена. Говорит, нельзя сказать, что они были очень хорошими для людей, говорит, такие ненасытные были... Но когда они разливали, готовили что-то, это из ничего, ну, из того количества пищи, которая выделялась, он старался приготовить и дать людям, не как собакам бросить в тарелку, а пищу, вот... с улыбкой так вот. И, говорит, они такие были толстые, их называли «Фатер» и «Мутер». Немцев называли вот те, которые были в лагере, несчастные люди, «папой» и «мамой». Относились очень хорошо к этим вот... Ну, собственно других у них никого там не было...

Потом, значит, в апреле 1945 года американская армия стала освобождать Западную Германию. Значит, первое, что они увидели, — это авиация американская. Это была ковровая бомбардировка, значит, выбивали кварталы полностью, все. Город

Город Вупперталь, 1942 г.

Вупперталь был практически стерт с лица земли. Значит, мама... Там был дом, в котором было бомбоубежище... Значит, вскочила... была объявлена воздушная тревога, «Алярм», и надо было немедленно спрятаться, и вот в этой ситуации уже бежали кто куда, и если был кто-то ранен, немец, русский, говорит, оказывали друг другу люди помощь. Уже, в этом месиве уже не раз... уже никто... Да! Друг другу старались помочь.

И, в общем, в это здание попала фугасная бомба, и она разрушила здание до самого бункера, значит, отвалилось, здание расколосось, и туда внесло плиту, на которой готовили пищу, лагерную пищу, огромная плита там была, и все это начало гореть.

Ну, мама, говорит, пытались закрыться там от угарного газа. Стояли бочки, значит, с водой, чем-то можно было намочить тряпку и закрыть лицо, чтобы хотя бы не умереть... Ну, я очень испугалась, мешала ей это сделать, она там прикрывала меня, я руками и ногами отбивалась, не дала от угарного газа спастись. Она потеряла сознание, а я там, когда люди уже услышали, что ребенок пищит – живой. А я была там единственным ребенком на все 150 человек. Мама говорит: «Заберут как куклу, говорит, ну девчонки там... все ж молодые. Наиграются, наиграются, потом несут кормить».

Город Вупперталь, 1943 г.

В общем, когда поняли, что там под развалинами еще кто-то живой есть – вытащили маму, она две недели не могла ни разговаривать, ничего...

<...> Потом появилась возможность уехать родителям на Родину. Они стали осаждать все инстанции, значить, чтобы их в числе первых... У них же ребенок! Значит, и только домой. А потом, мама говорит, ну, у нас... когда они приехали... их привезли из тюрьмы и поселили, им оформили брак, как бы свидетельство о браке, справку, зарегистрировали их брак на фирменном бланке. И вот, уезжая домой, значит, мама говорит: «Ты знаешь, у нас с тобой документы этого предприятия, это же не государственный документ какой-то, надо что-то придумать, в общем, оформить на ребенка документы и наши». Их зарегистрировали в ЗАГСе города Вупперталь. И выписали... Да! Когда надо было оформлять ребенка, то требовали, чтоб было какое-то жилье, была прописка. Значит, и выписали «Свидетельство о рождении ребенка». Потом, когда уезжать, они пришли в купе, их из Германии вывозили железнодорожным транспортом. И мама смотрит, какие-то ящики. Они подбежали а там какие-то ящики с продуктами, там шоколад, стали говорить: «Заберите...» Они говорят: «Это вам в дорогу...»

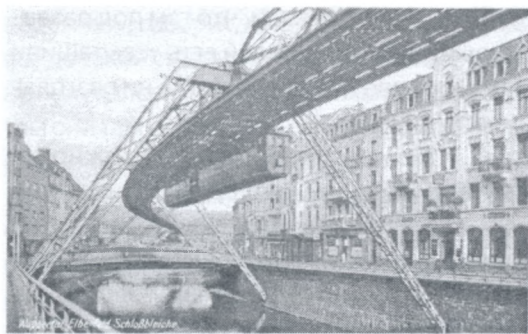
<...>

Когда пришли американцы, отец, поскольку он был электротехником, он ремонтировал и проводки, и бытовую технику, где что обвалилось, где восстановить что-то...

Потом они, ребята, сообразили отремонтировать автомобиль. У них даже был автомобиль, они ездили на автомобиле по Вупперталю. Если нужно было куда-то приехать, значит, они себя чувствовали...

Но что? Когда разбили город, склады, все, немцы не трогали ничего, иностранцы не очень брали, а русские тащили все: и шнапс, и ба-тоны, и все- все-все... И мама пошла, значит,

к своим коллегам, к этим немцам, которые работали в ОТК. Ну, в общем, пригласила к себе мужчину, который ее практически спас однажды. Она случайно или не случайно, не знаю, ну, в общем, пропустила бракованную продукцию. И ее в принципе могли и расстрелять, и пришить там любое дело, и этот немец сказал, что он, поскольку он начальник, то должен был проверить, и ее не тронули, не тронули, не тронули...

Значит, и поскольку появились там продукты, кофе и все-все-все, они решили... Она говорит, пришел этот мастер Майер. Значит, он пришел, она говорит, голодный... Потому что было плохо, негде было ничего взять. Она там в сумочку кофе ему насыпала, еще что-то там ему дала, ну, в общем, так они поделились с этим человеком, с которым работала.

Ну вот, когда вступили американцы, конечно, власть была американская, и вот с помощью американцев они там и регистрацию произвели, и они там курировали отъезд и создавали как-то какие-то человеческие взаимоотношения.

Но маме говорят, что, вполне возможно, это была ошибка, что она побежала в этот, в бункер. Потому что американцы, когда они бомбили, они русские бараки не бомбили, там были красные кресты на крышах, именно вот эти здания они не бомбили, а все, что принадлежало Германии, там, где могли быть немцы, — это они рушили безжалостно.

Ну, и, в общем, потом родители, я говорила, что это все оставили им в купе. И вот они, проезжая Польшу, видели — Польша была полностью разбита, все было разрушено абсолютно.

Потом, значит, они... Мама говорит, когда они попали в Восточную Германию, там уже были наши военнослужащие. Говорит: «У меня шоколадки, там все... Ребята, угощайтесь...» Они, говорит, несчастные такие. Ну, в общем... она не могла не поделиться. А один парень говорит: «Вы не раздавайте, вы не знаете, что там вас ждет. Вам такая дорога предстоит, что вы себе не представляете».

Ну, в общем, как-то, какое-то предупреждение... Мы же ехали на родину, домой, мы так стремились сюда... Ну, в общем, когда въехали на территорию Польши, Польша тоже была разбита...

<...>

Ну, в общем, как только они пересекли границу, их взяли и поселили в фильтрационный лагерь. Ну, поскольку... Да! Американцы дали такой документ, что, значит, на маму, на папу и на меня — прибыть в город Харьков. И отца уже никто не трогал, он должен был привезти семью... А он был в Германии по какой причине — его взяли в плен в 41-м году под Киевом... Он отвоевал финскую войну в 39-м году, а потом, когда началась война 41 года... У меня этих данных... Ничего же этого ж я не знала...

И, значит, куда они... и что там с ними делали из этого фильтрационного лагеря, этого же я не знаю, в это я не вникала...

<...> Я начала чахнуть, болеть. И через два месяца, в сентябре месяце, им разрешили ехать домой. Значит, в это время уже ехать нормально невозможно было, значит, все было забито людьми, кто возвращался домой, кто с войны, ну, в общем, движение было страшное.

А поскольку ребенок маленький, он всем мешал в товарном поезде, в телячьем. Зна-

чит, отец вылез на крышу, привязал коляску к трубе, мама меня к себе привязала, и две недели они ехали на крыше из Прибалтики до Харькова.

Значит, первое, куда они пришли, — на Московский проспект... там дом разбит, сестра погибла. Никого нет. Значит, они пошли к родственникам, ну вот там, где перед войной дом строили, а там папе... некуда было приткнуться им. И мама говорит: «Я домой ехала, у меня все мысли были с самого отъезда, и, пока не вернулась, я, говорит, о доме думала. А здесь вот какое-то как отчуждение наступило».

<...>

Потом пошли по инстанциям, чтобы им где-то там какой-то угол дали, куда-то... приткнуться. Им сказали: «Если вы найдете свободную квартиру, на вас документы будут оформлены». Они неделю ходили по Харькову, искали место. И в районе старого цирка, на Конторской улице, в подвале, там люди уезжали и им было все равно, кому отдать ключи, ну, и договорились, остались там. Потом ходили разные чиновники, требовали, говорили, что вы не имеете права. А потом, в общем-то, в конце концов квартира была оформлена, она была подвальная, подвальное помещение. Значит, бабушка отца моего, ну, никак не восприняла — вражда. Значит, когда открыли чемодан, который оставили, они же его посмотрели: «Фу-у. Тут только детское, детские вещи и все. Поприезжали...» Те, кто был в лагере, другие попривозили там... Они ж не занимались ни мародерством... Они взяли... Что можно было привезти пленным из Германии? Ничего. А на ребенка там, мама говорит, что выделяли, что можно было взять на ребенка. Это там два пальтишка было, ботиночки. Тоже, во что-то ж одеть надо было.

В общем, бабушка приходила в эту новую их квартиру и маме говорила, что это

у тебя за гадюшник, это самое... Это не жилье и вообще...

Потом пошли по работам, искать работу. Мама пошла на завод, восстанавливаться на старое место. Ей говорили: «Нет... Вы из Германии». Отцу тоже работы никакой. В общем, они остались без работы абсолютно. Ну, и в 46 году мой отец высказался очень нехорошо относительно отношения к нему... Ему разрубили голову пополам.

Кто?

Милиция. Его ударили прутом по голове. И, когда он не явился домой, мама начала искать его, и нашла она его в нейрохирургии 15-й больницы. И когда она пошла туда с врачом поговорить, врач говорит: «Он наговорил на 25 лет без права переписки. Он сейчас в тяжелом состоянии...» В общем,

А. И. Федотова с матерью, 1945 г.

после этого... они спасли жизнь ему, но у него были страшные головные боли, страшные головные боли, и он... Мама говорит... его все время мучила вот эта вот обида. И она пришла к выводу, что им надо разойтись, пока не пострадали все остальные.

И в один день, это было такое стечение обстоятельств, она встречает из того же лагеря женщину. Эта женщина жила под Харьковом, в Ольшанах, и работала на рынке, на Центральном. И вечером, значит, мама увидела, что она стелит себе постель под прилавком, осенью.

Мама говорит: «Что ты делаешь?» – «Да вот, спать собираюсь». Она говорит: «Да ты что, уже холодно. Идем ко мне, у меня хоть подвал, хоть какая-то квартира, значит, будешь... Переночуешь, пока там устроишься дальше...» И она привела. Ей понравилось все, это самое, она знала и отца, и маму, и...

А я в это время, поскольку подвальное помещение, я жила у бабушки. И бабушка вот там, с такими упреками, что, вот, ты так свою жизнь организовала, что тебе и жить практически... и ребенок не может быть в подвальном помещении... Но мама решила меня забрать. Я помню, оформила она меня в детский садик, чтобы я была в детском саду. Потом бабушка все равно забрала к себе.

Ну вот, значит, эта Уляна здесь осталась, и ее сестра где-то там тоже, но она не была в Германии, появилась... И случилось так, что мою маму «скорая» забрали в больницу, у нее была ущемленная грыжа. И осталась вот эта женщина с моим отцом в квартире. И когда мама пришла домой, он говорит: «А что это ты подругу сюда...» – «Как?» Ну, в общем, они его обвинили, что он нехороший человек... И вот эта Уляна говорит, мой брат пришел из Ленинграда, значит, такой хороший брат, говорит, это прелесть, вот бы ты была нашей невесткой...

В общем, привела она этого брата, и он решил остаться. Значит, отца моего они вытурили. Был скандал.

Такой скандал, нехороший человек оказался, ну, в общем, пришел этот брат, потом они остались... Это был 48 год. А я была у бабушки, меня не было дома. Вдруг приезжает моя мама с чужим дядей и говорит: «Это будет твой папа». Я говорю: «Это не мой папа, мой папа другой». Она говорит: «Тогда я не приеду...» Ну, поскольку я очень скучала, я очень ее ждала, что вот мама приедет... Ну, очень скучала. Мне было страшно, конечно, я даже такого не могла себе представить... Я даже такого не могла себе представить. И я вот один-единственный раз... Он в действительности хороший очень человек. Я... Я, например, другого отца и не представляю. Он ни разу меня не оскорбил, не ударил. Он помогал... Он и сейчас жив. Все жизнь я его помню, это человек, который, собственно, поставил меня на ноги как-то, собственно, вложил душу в меня, мою семью, и сейчас... Очень, очень, исключительно хороший человек.

Ну, и в общем, потом, значит, в 50 году или 52 году, я не помню, мои родители. Андриенко Иван Яковлевич...

А, я не рассказала, как они переехали в Харьков окончательно. Значит, когда они обратились с документами, что они муж и жена, «Свидетельство о браке» – немецкое, мое «Свидетельство о рождении» – немецкое. Им сказали, что эти документы недействительны. Значит, они третий раз регистрируют свой брак. В это время бабушка сообразила, что меня надо записать не Германией, и она регистрирует меня, что я родилась в поселке Слатино, 6 мая 1945 года. И так вот это вот «Свидетельство о рождении» у меня, оно у меня всегда было, до получения паспорта. До 90-го года...

И вот, в конце концов, в 50 или в 52 году они разводятся. И регистрирует моя мама брак с Шуляк Николаем Дмитриевичем...

чем. И они договариваются, что мой отчим меня удочеряет. Для того чтобы получить разрешение, надо согласие отца. Но он сказал, что он отец и «моя дочь будет носить мою фамилию...»

Значит, когда уже здесь семья сложилась, через некоторый период он появляется, приходит к моей маме: «Посмотри, ты не против, я на ней женюсь». Интеллигентные люди!!! (Смеется.) Она говорит «Ну, конечно...» В общем, он сделал по жизни все... Если бы не он, мама, наверное, не выбралась бы так благополучно из Германии. Ну исключительно заботливый и любимый человек. Ну, в общем, у них вот не сложилось. Потом вот папа, значит, он поступает на работу в физико-технический институт. Он был очень аккуратным в работе, слесарем-сборщиком...

<...>

Значит, я практически никогда... я себе дала слово, что я не буду искать своего родного отца...

И в прошлом году я отважилась разыскать. Я была в сельсовете. Мне рассказали, что последние дни его были очень тяжелые.

Он стал практически психически больным человеком. И у него было желание найти свою дочку... Это у него осталось до конца жизни... Значит, детей во втором браке у него нет. Похоронен он совершенно один, там никого... Ну как? Могила... Жена похоронена в другом месте. У этой женщины был ребенок от первого брака, но я его не ищу, не знаю. Зачем? Не хочу...

<...>

Віра Іларіонівна ІВЧЕНКО

Ивченко Вера Илларионовна, 1925 года рождения.

Значит, началась война... В 43-м году начали полицаи бегать, собирать нас...

Вы в Харькове жили?

Нет. В Белгородской области, тогда Курская была область.

Ну и пригнали нас. Мы через Сумы ехали. При... привезли нас у Германию, товарными вагонами. Спали прямо... у соломе. Какие-то там котелки давали нам, кормили. И привезли нас у Золинген, под Францию. Там лагерь в лесу, колючая проволока. И, это самое... завод был по ремонту, этих, танков. Там брали на работу кто, по этому, по возрасту... не по возрасту — а по росту.

По росту? А как это?

По росту, по росту. Кто меньше, тем меньше... легче работа. Меня взяли электросварщиком. Вот там же по ремонту было там...

Пешком гнали нас туда.

Такая обувь была, «хольцшуге» называется, деревянные. И строим, под охраной, и назад точно так. Лагерь весь обведен был проволокой. Вот.

Ну, в воскресенье нас выпускали гулять, давали нам бумажки такие.

А ребята были военнопленные, рядом был лагерь, тоже с колючей проволокой, но мы через проволоку разговаривали. Они говорят: «Бегите отсюда, бо вы тут пропали». Кормят же — не дай Бог. Вот это, шпинат,

брюква, просяный хлеб, вот такое. И мы собрались, шесть человек. Ну что в нас там было, что на себя одели, что какие там сверточки взяли. И выпустили нас. И мы пошли. Куда мы пошли, на восток шли от Франции, шли на восток. Ну пришли, увидели... Шли, шли... Тринадцать километров отошли. Увидели на пригорке стоит дом частный. Мы говорим: «Пошли туда». А трое сумские от нас отошли, а мы втроем остались. Вот.

Пришли. Разговаривать же не умеем, ничего. Он нас приютил, хозяин. Дал сарай. Послал нам тряпок на сене. Мы там спали, кормили пять раз у день. Да. Но, мы на поле работали, то пололи, то косили траву. Я коров умела доить, коров доила.

А там большое хозяйство было?

Большое, да. Там сад хороший. И он пригласил, этого, переводчика. Мы решили по-

менять фамилию, имя, отчество. Я даже не надеялась, что я получу вот эти деньги. Потому что я поменяла фамилию... А то, думаю, не дай Бог, будут разыскивать.

Но когда пришел переводчик, мы ему сказали: «Мы не знаем, где мы были. Нас недавно привезли. Адреса мы не знаем. Была бомбежка, и мы выскочили, бежали, вот тут оказались».

...Мы там месяца два, наверно, поработали еще. Мы в мае приехали, а вже ж на огородах и яблоки там были, и все. Вот. И сено ж косили. Ну и это, один раз пришел. Вто-

В свободное время... ходили до двенадцати. Там лагерь был, двенадцать работами при заводе. Там страдали, Боже сохрани.

рой раз... Мы сказали, что вот так и так. А хозяин и говорит: «Мне не положено трое, мне положено токо одну».

За нами приехал немец. Приехал на «Волге», здоровая машина такая. Забрал нас и привозит... Привозит во двор. Это мы были в этом, Вуппертале, по-моему. Не, мы были в Золингене. А в Вуппертале... мы ото сбежали туда. Привозит во двор, там, видно, пивной завод. От пивного завода бочек стоит во дворе море, море! Ремонтируют там. До стола, до подвала довозят нас, доводят... А там сидят те трое, с которыми мы бежали. Мы перебуркнулись: «Молчите!» Да. И там была комнатуха такая, нары. Тут уже нам было хорошо, ничего не скажу. От пивного завода нас кормили, дал начальник бумажку, был такой магазин, указал нам. Мы ходим по этой бумажке, получаем продукты на субботу и на воскресенье. Да. Хорошо. Ничего не скажу. Обеды оставались. Были с нами француз, и голландец, и немец, это, столовались.

А был продуктовый склад. Вот это – повидло всякое, варенье, вино и сыр голландский. Больше всего сыр голландский, вот эти вот буханки. Мы его шкребли там, обрабатывали. Ну, зимой меньше работы, лето, конечно, больше. Потом развозили по магазинам. И было такое, что везем и на нас, эти, патроны падают, на машину. Ну, шофер говорит: «Давайте выскочим, где-то там постоим».

А я 7 классов закончила, немного по-немецки понимала. Меня еще там переводчицей брали. Когда ленинградцев привезли, детей, пожилых всех. Так я там им переводила... Ну и, короче, там ото проработали там до окончания войны.

Так, а что вы делали именно на работе?

Склад продуктовый! Сыр голландский шкребли, грузили, масло сливочное там, это контейнер идет, а мы... А ну-ка ящик масла 20 килограмм, а мы его уже подними

в 17 лет. Ящики с вином и с этим... Водки не было, правда. Вот.

Ну, короче, значит, мы взяли, подобрали ключ от склада... И там был охранник дед с собакой, и он к нам приходил. Мы его взяли, заговорили. Ребята пошли, открыли, им вино надо было взять. Они набрали вина. Вина набрали. Вот.

А потом, значит, после этого, нас ото согнали у эти казармы, военные. Но когда нас уже начали агитировать. Мастер, там перед тем, как уже раз... это, разрушили все. Уже пошло безвластие, тянули и магазины, и ателье, и все крали. Хоть не крали, а брали. А мастер, маленький там был, помню, на жидёнка похож, говорит: «Давайте я к себе возьму. Все это переиначится, и я вас отправлю». Дуры! Поехали туда. Ой, та что там наши ребята делали, деточки, Боже сохрани. «Вы проститутки, вы с нами не хотели встречаться, вы французов, голландцев, иностранцев любили, немцев!» Но с немцами не разрешали встречаться. А нас ненавидели. Та, там такое было, Боже сохрани.

<...> Я думала, что я получу так, как в сельском хозяйстве. Оказывается, это тяжелый же труд, продуктовый. Я же... Там ящики такие... Две банки, этого самого, варенья по 10 килограмм, это ж уже 20, и ящик еще деревянный килограмма два или три, а мы тягали. Но так ничего.

<...> Французы ребята были, да, были. Я жалею, что я не взяла адрес. Моей подруги сестра двоюродная, она во Францию попала, там, с Германии, он ее туда увез. И вот он приехал сюда, в Богодухов, и я как раз была там. А эта ж сестра говорит: «Хоть что-нибудь, – он ей сказал, – хоть какой-нибудь адрес. Я бы его разыскала, того французца». Там их три было. Вот. А, не подумали о том, что адрес, и ничего не видели...

В свободное время... ходили до девчат. Там лагерь был, девчата работали при заводе. Там страдали, Боже сохрани. Они нам как

завидовали. Вот эта немка, хозяйина жена, она нам привозила... ноги замеряет... и по туфлям, и по платью, и даже брошки. И даже, это вот этот вот, разные там эти, приспособления на шею. Все давала! Мы приехали, вещей... Ну, правда, это вещи мы уже там нахапали, когда ж ото уж тянули, так мы набрали вещей. А так ничего. Я не обижаюсь.

Ото токо попала, если б не ушла оттуда, там бы я й погибла. Погибла. Потому что кормежка ужасная, и этот контроль, под контролем, под охраной туда, под охраной назад. А так, никто ничего не давал.

Единственное, что мне запомнилось. Ото, мы идем когда туда, до девчат в лагерь. А там вот эти вот, времянки, как дачники, ото ж поразбомбило, они там... Бабушка стоит и с этим, с мисочкой или с бумажкой, разворачивает — чего-нибудь спекла, и она нам дает. Да...

А тут мы во дворе жили, тут фашисты жили. Там такая семья была. Да никогда не отозвались, никогда не уделили никакого внимания. Мы ж дети, ну и что, мы виноваты, что ли. А эта вот бабушка, так она нас... у меня в памяти осталась. Да.

А там можно было в лагерь заходить, или девочки выходили из лагеря, когда вы в гости ходили?

Да. Там открыто было. Да. Да. Неконтролируемо. Мы ходили туда. Они нам завидовали. «Мармеладная пришла».

А вас трое или шестеро осталось на этом заводе?

Мы остались впятером. Потому что одна забеременела, и у нас ее забрали, и мы в пятёрх остались. И так мы ехали. Они сумские. А мы ж через Сумы на Харьков...

А с той же что произошло, которая забеременела?

Не знаю. Не нашли. Куда увезли, не знаю. Ничего не знаю. Я даже писала письмо туда, в Сумы. И оттуда она ничего не ответила. Ото, такая судьба.

А вы как жили... У вас была отдельная комната?

Вот эта отдельная... Полуподвальная. Там и баня была, туалетная была. Вода там рядом. Балкон был. И, да, и такой, такая как прихожая большая, а потом наша комната. Ничего...

Ну, конечно варили. Ото, у нас буржуйка была, в окно выведена труба, и мы ото топили. Варили ж, когда выходные. Нам давали сырье там, все. Ну, и так еще, там один немец давал нам, это, фруктов давал, потом рабарка вот эта вот, рабарка. Да. Она вкусная. Рабарку грызли. Что они еще... Вот этот салат из этого, о Господи, одуванчика. Да. Ото его вырезали и делали этот салат. Первый салат.

Но они все беззубые. Они ж не знают ни борща, ни капусты, ничего. Ни острого... Они все молодые, все беззубые...

А кто освобождал вас?

Американцы. Американцы.

Помните как?

Ну, как... Кормили хорошо, когда освободили, хорошо кормили. И даже по комнатам носили, эти, печенья, и шоколады, и... У американцев было очень хорошо. У клубе танцы устраивали. Они приходили на танцы, ребята. Хорошие ребята. Не то что там черномазые... Хорошие американцы. Да. Ото ж так... Ото, когда освободили нас...

А долго вы с ними были?

Нет. Вывезли нас... Ну, уже ж хлеб начался, наверно. Нас, когда везли назад, машинами. А кормить же нечем было. Так ото шофер подвезет под яблоню машину, и мы ото яблоки хватаем, ото так жили, пока до Польши доехали. По-моему, мы две недели ехали до Польши. Да. И от это Польша нас уже определила. Кормила, конечно, хорошо. Но мы работали на поле. Зерно убирали, веяли...

А тогда в Брест-Литовск. Но тут уже бандеры, Господи прости.

А что такое?

Ой, Боже, как они нас ненавидели. Ой-ой-ой. Да что ж мы, виноваты? Мы ж не виноваты, ну, что нас погнали туда.

А они ж что?

А-а-а-а... «Вы добровольно поехали?» Я говорю: «А кто знает, что мы добровольно поехали? Никак мы не добровольно. Нас погнали». Другие говорят: «Надо было бежать». А папу? Сказали, если только сбежишь, значит, отца в подвал и будет сидеть до тех пор, пока ты вернешься. Так как делать? Это ж фашисты. Как же было не ехать? Ото так.

А сюда когда приехали, как относились? Вот односельчане.

О-о-о! Та куда там! «Ты в Германии была!» Один даже, который воевал. А я го-

ворю: «А что ж ты так плохо защищал, что нас погнали в Германию?» Немцев, немцев пропустили по всей России. Ну. Как можно не поехать было? Одевались, конечно, хорошо. Прически носили другие, не то, что в деревне. Вот так.

А, конечно, вкалывали... Я до сих пор оттут, сколько живу на этом, на Рыбалке, 17 лет. Откуда-то узнали, что я была в Германии. Не хотела признаться. Одна сказала, что будут давать какое-то пособие, кто пережил голодовку, 33-й. А потом сказали, шо украинцам только, а я ж россиянка. Одна говори: «А-а-а... Ей не дадут, потому, что она в Германии была». А я говорю: «Причем Германия до голодовки? Сообщила, на что сказала». Да. Но говорят, что вообще закрыли, ничего не будет. Это кто голодовку пережил, вроде обещают...

Зінаїда Петрівна НЕКЛЮДОВА

Неклюдова Зинаида Петровна, 1924 года рождения.

...Знаю, что меня на Холодной Горе, вот, это вот забрали ...

<...>

В Харькове я ж поступила... Я хотела поступить в организацию, а нас повели на Сабурку. Ха-ха-ха. Говорит: «Хоть лягушку, хоть жабу разрежете, операцию...» Та-а-а, как махнула, так...

Поступила в трамвайный трест. Вот. Немножко поработала. Потом сестра меня забрала к себе, старшая. Смотрела детей их. Потом, значит, эх...

Они работали на 75 заводе, на Малышева. Вот. Зять там работал, а я жила у них в доме. Жили на Стрелецкой, ото дальше, на повороте, на переулке... Ну, там, ото они эвакуировались, успели, а мы с зятем остались. Так я что делала? Он пришел и привел 15 человек. Вахтеры, ну, защищать чтоб Харьков. Вот.

Там была еще одна, эта, подружка, Катя из Волчанска. И она говорит: ты ж такая бедолая; я пойду, оладиков напечем, там что-нибудь такого, знаешь, наварим. Я их кормила, а сама ходила, делала как разведку все равно

(понижив голос). Ото, пойду по баракам, там похожу, попытаю, где что. И вот я прихожу и им долаживаю: «Там-то немцы, там-то

немцы, там-то немцы». Это до-олго было. Потом, такой день пришел, что немцы куда-то ушли, куда-то де-то далеко. Я их вы проводила. Всем по лепешке напекла, такие, дала. Выпроводила, попрощалась, и больше не видела.

Я думала, что они приедут, может, там это... А сестра была эвакуирована в село. Там, где его родные, Мануиловка, там где-то. Я ни разу там не была. Ну, а тут мы остались с Катей вдвоем. А они придут: «А... нету, русиш?»

А Катька на печке лежит. Они: «Матка, матка, показывай, нема тут ничё...» «Нету». А мы только лепешек напекли, думаем, понесем на Центральный рынок продавать, чтоб что-то купить — мыло там, постирать, знаешь, ну, молодежь. И ото мы туда пошли. Ото ж вы проводила их, попрощалися мы, они... А я сказала: «Возьмите меня с собой». А зять говорит: «Нет. Ты должна пробраться в Мануиловку». Дал адрес, Чугуевского района,

туда, туда. Я никуда не пошла.

А мы с Катей думаем, что ж, останемся, что будет: умрем — умрем тут, убьют — так убьют нас. Будем мы здесь. А она говорит: «Да нет. Умереть, то мы не умрем. Убить, то

нас не убьют. Давай мы кошелку наберем... лепешек, хороших напечи, они пышные, сдобные». А потом я говорю: «Да нет. Лепешки уже надоели. Давай я, говорю, сде-

Сделали кошелку белых парных вареников, и на Благовещенский, ну, на Центральный рынок. А нас там — и на биржу. Я плакала, кричала, там. Ну, как это добровольно, если мы не знали ничего...

лаем парные вареники». Сделали кошелку белых парных вареников, и на Благовещенский, ну, на Центральный рынок. А нас там (*сильный хлопок*) — и на биржу. Я плакала, кричала там. Ну, как это добровольно, если мы не знали ничего... И нас забрали — и только нас Тимошкой звали. Ну и ото ж повезли в Берлин. Там то печати, то туда. На заводы, на фабрики там... Пароходами там... Считали, кто куда попадет. А я плачу! Я ж ничего не знаю. Ни сёстров, никого я не вижу...

Где вы работали в Берлине?

В Берлине? На заводе.

И что делали?

Я не знаю, как он даже и называется. Пароходом возили нас. Это Нина Ивановна у нас, та все знает, а я человек темный!

А с кем жили? С кем дружили?

Та в бараках. Там нары, знаете, такие... Там. Забастовку дели.

Какую?

Ну, что мы, там, баланду какую-то наварили, у нас там были девчата такие, что хорошую делали забастовку, ну и я с ними попала. Та чуть плетки не получила. Ну, ничего, обошлось. (*Смеясь.*)

Так вы на работу не вышли, да?

На работу не выходили. Ну, а что они дали, от это, со шкурки, дочка, а что-то со шкурки, что-то за еда? Это что я в голодовку ела траву. Вот это... лепешку напечет... (*Пауза. Плачет.*) Было такое дело. И сейчас не дуже хорошо. Детей похоронила. А внуки, правнуки есть... Бабушку уже два раза обокрали...

Віра Андріївна ПЕРЕПЕЛИЦЯ

Брали меня в 42 году... Это было, июнь месяц, 12 июня, по-моему. Ну, везли нас в товарных вагонах.

Вас из Харькова забирали?

Не-а. Я в Харькове жила, а тогда поехала в деревню, до этого, до отца — там меня забрали... Насильно забирали. По домам ходили. Ходили по домам, да. Там староста у нас рядом жив. Вот. Прятались мы, поймали, забрали. Ну, привезли нас... Ехали мы в товарных вагонах. Привезли нас ночью в Германию. Но не помню, сколько времени, может, 12, может, час ночи. Когда нас привезли, вот... Ну, вышли мы с вагонов этих. Там было много собак, и этих же... ну, полиции. Привезли, принесли, привезли нас, значит, там, очень много было барачков. В бараки нас загнали. Бараки были пустые уже. Вот. До утра мы стояли на ногах.

Утром нас повели... В общем, выстроили, ну, это, целый эшелон, сколько народа было... Женщины и дети. Вот. Ну, а точно не помню. Ну, это ж прошло уже 58 лет. Да. Ну, привели нас туда, помыли нас, все, привели назад. Уже стояла, стояли, это, лошадь и большая бочка стояла на подводе. Ото, давали кушать. Давали, значить... Дали нам миски, ложки и кружки. Но когда очередь подошла моя, я думала, то гречневая каша, а то... были лушпайки... с картошки. (Плачет.)

Ну и тут подошел переводчик. Вот. Сколько там человек, по-моему, человек 40, узяв нас, и привез, и привез нас в город Эссен. Да, в город Эссен. Туда нас привез. Привел в этот, значит, шахта. Зашли мы во двор шахты, и дальше по этому двору он повел нас, и дальше был видно склад там большой. Но когда он завел нас в это, в склад, там стояли уже нары двухэтажные, столы и скамейки большие, такие длинные. Ну а мы, значит, при этой шахте жили, а на работу нас возили километра за два — на другую шахту. Там... Мы, когда нас привели, то мы сразу разгружали вагоны там, с мусором, дрова, такое все.

А тогда нас, значит, не вниз у шахту... А когда уголь по ленте идет, с шахты... так мы выкидали этот, породу, так называются камни такие большие.

Кушать нам привозили туда, в два часа. Это, значит, брюква, кольраба и капуста.

Ну, меняли. Хлеба давали... не помню, сколько, может 100 грамм. Ну вот такое... Вот так нас кормили.

Ходили мы в комбинезонах, в колодках... (Плачет.)

<...>

У нас вот был этот, склад. Склад большой был. Маленькие окна высоко-высоко были, и то они на проволоке, проволока была колюча, ничего не видать. Ну, наверное, человек 40 было. Но тогда уже, когда наши уже подходили сюда, а американцы

оттуда. То американцы сильно бомбили наш город, Эссен. Очень бомбили. День и ночь бомбили. И на работе когда мы, они бомбили, а ночью так несколько раз подымают ото нас.

Водил нас на работу Йоган, помню. Уже такой пожилой человек, все ж молодые на фронте. И нас охранял, фриц тоже, годов, наверное, 65–70. Ну, и один раз я и моя землячка Лена Литвиненко... не пошли мы в бомбоубежище.

И тут как зачав бомбить... И вот эта бомба, что горить, пробила потолок, ото, где мы были, здания. И та Лена, значит, как-то она... она занялась уся, горыть, вот, кричит бегаёт. А что, я ж тоже не знаю, что такое. Во. Но тут он заскочил, зачав ругаться на нас и сказав: «Уже никогда никого не оставлю здесь». Он сразу на нее одеяло набросил. Вот. Когда бомбежка кончилась, вызвали скорую, и скоро ее забрала. Она долго, наверное, с полгода лежала в больнице.

Освободили нас американцы, это было 12 апреля. Вот. Ну...

Ну, заехало... это там большинство ж в американцев вот эти, черные. Помню я как освобождали. Забрали нас, на машины забрали, вот, и повезли в какой-то лагерь там. Мы там были в лагере долго. А тода вже домой я добиралась очень трудно. Доехали до Польши. А в Польше я долго стояла, бо нельзя было ехать. Масса, сколько ж народа ехало. И тут один был, он сам служил в Германии, летчик, а у меня подруга была, Мария. Он подошел и говорит: «Девочки, а куда вам ехать?» Я говорю: «На Харьков». Ну, в общем, я, говорит, вас до Киева доведу, а там уже сами добирайтесь. Он до Киева нас довез, а там мы уже сами добирались.

Я в Харьков же не поехала сразу к сестре, а поехала сюда, к отцу: Харьковская область, Краснокутский район. Вот. Ну, а в деревню когда пришла, там все... Один-

единый дом стоял и все. Все погорело. Люди жили в землянках, это, в погребках. Вот такая жизнь.

А тогда вже пошла на ХТЗ работать, поехала вже работать...

<...>

А в свободное время, что вы делали? Был выходной?

Был выходной, был. Ну, там же были мы, у во дворе, в этой шахты. Никуда не ходили, нас никуда не пускали. Выводили под конвоем, приводили. С работы приведут, закроют и все.

Ото в окно выглядяем, полезем. Вы-ысоко так окошко, и колючая проволока. Ото плачем, плачем. А так никуда ж не ходили.

<...>

А на работе было, значит так. Это, еще, наверное, с 14-го года там жили поляки, но уже они старые-старые были, понимаете, работали на шахте. И вот когда ж эта лента идет с углем, из этого же, с шахты. И воно ж ото стояли и тоже выбрасывали вот эту породу, ну, камни, которые не годятся. Ну, всегда, когда большой камень идет, они ж уже старые были такие, старики вже, по 70 лет, може, й побольше. То они нас всегда заставляли, чтобы мы выбрасывали. Ну, ото человека три-четыре берем и выбрасываем. Лента идет, а тут такие бункера, и ото мы берем и бросаем.

...Кормили очень плохо. Кормили очень и очень плохо. Но мы уже привыкли, ну что, молодое... Как говорится, молодое... была молодая...

Работали и все. А мылися мы дома, тут же, в этом здании, где жили, в подвале там было — душ. Там вода была холодная и горячая. А на работу мы... С работы ходили мы грязные. Комбинезон, на ногах колодки деревянные...

А это все выдавали?

Да. Ото спецовку ж выдавали. А то, что мы из дому брали, в том мы ходили. Помню,

я два платья купила себе еще, заработала. Нам давали... я не помню что-то... Ну, за эти три с половиной года, что я была, даже больше, я купила себе в уцененному два платьячка. Ну, давали там, по-моему, может в год или... Ну, марки по три, по четыре, вот так, и ото два платья купила. От это я помню. А так... Ходили ото в колодках.

И там мы были, где город Эссен, где я была, там зимы не было. Вот раз выпадет снег, и до обеда уже его нет и все. Вот на работу нас гонят, по эту сторону бауэра, дома бауэров и огороды ихние. Так воны два разы, три разы выращивают брюкву, кольраби, шпинат. Вот. Там тепло було. Ну, вот таки дела.

Поліна Іванівна ЕСКІНА

Во время войны, то есть в 42 году, когда немецкие войска заняли Харьков, было, вы знаете, поголовное, ну как это, «угон», грубо говоря, молодежи и вообще. Мне было тогда, в 42 году, 15 лет. Простите — 16, 16, 16. Ну, так я осталась с мамой в городе. Отец уехал. Уехал, куда... — эвакуировался с заводом. Мама заболела. Из домоуправления все время направляли повестки, по которым люди должны явиться на определенный пункт. Несколько раз меня мама увозила в деревню, до этого, но там тоже были скудные достатки, и все равно пришлось ехать в Харьков.

Последний раз с угрозой домоуправ пришел и застал меня дома и велел явиться на Данилевского, здесь был текстильный институт, где собирали всех... ну, уезжающих, так сказать. Мама осталась в Харькове. А нас погрузили в эшелон... — это товарные вагоны, и я поехала. Хорошо, что была семья еще и детки в одной женщины, я к ним присоединилась, и мы поехали.

Я не помню, сколько дней мы ехали, но останавливались в Польше. В одно утро открываются вагоны, эти, ну, где мы ехали. Спали на этих вот... в соломе. Врываются немецкие офицеры. Ото вже когда мы в город заехали... Я не помню, какой город, в Польше. Вот не помню и все. И нас стали выгру-

жать в баню. В баню. Ну, ехало очень много людей... Я старалась держаться этой семьи. Вот. Помню, фотографировали, одевали какие-то такие, ну как они, номера. Ну, наверное, для учета же, кто едет. В этой бане заходили запросто офицеры, заходили солдаты — и женщины купались. Благо у меня вот такие волосы были длинные, у меня все было закрыто. Но оно неприятно было. Но так особо не мордовали, как говорят. Помыли нас и опять погрузили, поехали. Останавливались где-то. Вот не помню где, в каких пунктах...

Но привезли под Берлин. Это я хорошо помню, что не в сам Берлин, а под Берлин. Там находилась деревообрабатывающая фабрика, которая в мирное время выпускала рамы, эти вот, двери. Вот. А в военное время выпускали ящики для снарядов.

Поселили нас в бараках, окруженные, окруженные проволокой. (Может быть, некрасиво я говорю? Оно записывается? Фиксируется где-то, да?)

<...>

Разместили. В бараке очень много людей находилось. Спали на соломенных топчанах. Кормили очень скудно. Кормили овощами. Брюквой. Очень плохо питались.

Но я побыла там недолго. Однажды в выходной день сидела я на нарах с этим... с женщиной, с ребеночком этим вот. Вдруг

*Лежали капроновые чулочки,
записка и вот эти вот
сладости, и меня
поздравляют. Козани,
укода, поздравил. Козайка
поздравила. И дедки
поздравили. Ну, как вам
это?!*

подходит мужчина, немец-переводчик и с мальчиком таким лет 12-ти... Смотрели, смотрели... эти бараки. Вдруг подходят ко мне. Подходят ко мне, и говорит мальчику: «Выбирай, кого ты хочешь». А он говорит «дизе».

<...> Оказывается, это один из хозяев фабрики хотел выбрать домработницу, или прислугу, как они называются — домработницу.

Ну а переводчик мне и говорит: «Вот тебе повезло! Хочешь ты в сам Берлин ехать? Они хорошие люди, — говорит, — они не будут тебя обижать. У них тоже две девочки есть и этот один вот мальчик». <...> А я говорю: «Да я боюсь...»

Короче, забрали мои вещички, деревянный чемодан с вещичками. Погрузили на машину и повезли меня. Едим мы Берлином. Ну, впечатление такое, что там мирная жизнь, там на всех балконах цветы, люди спокойные. А в нас творилось такое, три раза Харьков же переходил из рук в руки!

Привозят туда. Встречает хозяйка. Дом, конечно, очень хороший. Швейцары, ковры там. Ну, как... Элита ж тоже. Оказывается, это был директор завода, их там несколько. И поселили меня, вернее, привезли меня в этот дом. Лестница такая хорошая. Открывается квартира, встречает меня хозяйка, и встречают две девушки, такие как я, такого же возраста приблизительно. И так радостно встречают меня — не знаю, говорить это или нет? — так радостно встречают меня, так радостно. И сейчас же ведут мыть руки, надевают на меня белый фартушек, идем сейчас обед же накрывать на стол. Сразу, тут же, без никаких этих вот.

Ну, мне хозяйка показала, как это (делается), на сколько персон, какие приборы. Все, короче говоря. Ну и осталась я здесь жить. Ну, что я вам скажу? Мне одно понравилось то, что вот некоторые попали девушки в хозяйские такие вот дома. Их кормили отдельно, особенно с ними... они не общались. Ну, короче говоря, мне повезло, я кушала с хозяе-

вами, за одним столом сидела, у меня комната хороша. Удивляет то, что, понимаете, так хорошо встретили. Меня удивляет то, что меня так хорошо встретили: «Наша маленькая украинка приехала», — говорят. <...>

Ну что я вам скажу?

<...>

В шесть часов я будила хозяина по телефону. В семь часов я должна была подать кофе ему. Еще все спят, а я уже. Дети ходили в гимназию или в лицей, девочки.

Было все хорошо. Но, знаете, люди есть люди, всяко бывает. Хозяйка добрая, но она очень строгая, не только ко мне, но и к своим детям. Мне пришлось однажды получить от нее (*смеется*) пощечину, хорошую. Но я сама виновата. Я потом убедилась в том, что у них так заведено, что ли. Так, если ты не выполняешь то, что тебе положено, невзирая на то, кто ты — муж, или сын, дочь, ты получишь по заслугам. Да.

Так что же произошло?

Как получилось?.. Понимаете, у них спальни — отдельно девочки, отдельно мальчики их спали. И у них почему-то было заведено... Так оно ж везде, знаете, раньше наши жили люди обеспеченные и богатые. Горшки ночные стояли, я выносила, я мыла их. Вынесла два горшка и поставила в коридоре. А меня кто-то позвал, я поставила. Шел мальчишка, как дал, и оно разлетелось все по этому...

Вдруг приходит моя хозяйка, вся красная, и давай меня бить по щекам. Я не ожидала, так все хорошо было. И вдруг отакое вот... Ох...

И тут же она сейчас же: иди подавай, иди то, иди то, иди то...

Видимо, плохие вести были со Сталинграда. Там уже начали бомбить, Польшу... Да! Да, уже Германию стали американцы бомбить. Видно у них было уже такое настроение. Ну, я и получила. Потом я плакала целый день. А вечером зашла в свою комнату и так рыдала. Так мне маму жалко было,

и я рыдала. А брат у меня на фронте — офицер. Отца не знаю. Отец у меня не родной. Я была очень обижена. Думаю, чего я тем не осталась там, в лагере, не в лагере, при заводе в лагере.

<...>

А к моей хозяйской девочке (девочке-хозяйке) приходила подружка, а подружка эта из старых русских эмигрантов. Были очень богатые, имели золотые прииски. <...> Эта девушка в одной группе была, или в одном заведении, как там, лицей у них был с моей хозяйской девочкой.

Она русская. Фамилия ее Удинцова-Уральская. Отец имел золотые прииски. И то, когда в 17 году, они, конечно, эмигрировали и разъезжали, разъезжали по всем странам Европы. Во Франции, в Париже. Где они только... Ну как тогда... Конечно, они свои деньги, как говорится, раструсили, много потеряли, они вже обеднели. Ну, эта девочка приходила. Она ж уже... Больше они уже в Германии находились. Она ж язык знала немецкий, и моя хозяйка попросила ее: «Ириночка, может, ты будешь давать уроки моей девочке, этой Полине, которая с Украины?». Вот. Она говорит: «С удовольствием». Она говорит: «Я буду платить». И вы знаете, один раз в неделю приходила эта девочка, подружка моей Гэли, и учила меня. Я записывала, она все рассказывала о себе, вот и, короче говоря, я таким образом более или менее научилась общаться. Как-то у меня это быстро получилось. И я так хорошо говорила уже. Ну, конечно, в объеме... хозяйственного, ну, такого, семейного общения, хозяйственного.

И таким образом я прожила до тех пор в этой семье, пока не стали интенсивно <...> бомбить Берлин. Американцы бомбили, и бомбили наши уже советские, эти вот, самолеты. А в них там, как вообще, вы знаете, в Берлине очень много было бункеров. Представляете, что такое бункер? Огромное

такое сооружение, железобетонное. И туда бегали, значит, мы прятаться.

И поскольку такая ситуация сложилась, то, видимо, хозяевам, которые имеют работниц, дали указание: «Сдать». То есть где-то их определить, потому что надо эвакуироваться. Вже мой хозяин дал распоряжение: мебель, ковры, все паковать, все это... и уезжать. Брали и меня с собой. Возили по всей Германии. Но я, вы знаете, я не помню, где я была. Я помню, где я была, но не помню названия... Я пострадала сейчас, потому что не получила так, как могла получить. Я как хозяйская, вот, получила компенсацию, а могла получить как я и на фабриках работала, и на заводе работала.

Короче говоря, у меня впечатление осталось хорошее об этих людях. Несмотря на то... При мне она била своего мальчику за то, что он на пять минут опоздал к обеду. Тут же она с ним расправилась, как и со мной. Значит, это в них, это, или высокомерие такое, или такая вот четкость должна быть.

<...>

И вот уже свернули все хозяйство, и мы поехали. Поехали, помню, где то меня <...> отдали хозяйке гостиницы.

В гостиницу. Там я тоже работала как прислуга. Там немочки работали, хорошие девочки. Но это были более простые люди. Хорошие, душевные, простые люди. Мы так сдружились. Работы очень много было. Работа такая тщательная, ни как-нибудь тяп-ляп, а учили. <...> Это хорошее, это все, я и сейчас благодарна.

Ну, потом... А мои хозяева оставили меня и уехали. Я не знаю, куда они уехали. Я работала в этой хозяйки, а потом пришло, не знаю, откуда пришло, что меня забрали на фабрику. Вот не знаю, почему меня забрали на фабрику! Которая находилась, вот не помню, там или дальше.

Эта фабрика выпускала... выпускала суко для обмундирования этих военных, ну

солдат... и армии, короче говоря. Вот там я работала. Тоже убирала, и туалеты мыла, и цеха убирала. Но как-то это было легко и просто. Почему-то все так хорошо, особенно пожилые немки и старички немцы, очень хорошо относились ко мне. Причем там были военнопленные, французы, бельгийцы, вот, поляки, но они содержались отдельно, а мы, две девушки, отдельно.

Но здесь я не могу ничего сказать, какого-то насилия или пренебрежения. Конечно, унижения были. Смотрели на нас, ну, как на врагов все-таки, наверное, или как? Во всяком таком было напряжение, не до всех этих хороших отношений, как в мирное время.

Да, я забыла еще сказать. Будучи в Берлине, меня моя хозяйка возила в Потсдам. Это очень красивый город! Там есть замок Сан-Сузи, замок кайзера. Но, к сожалению, был закрыт. Что я могу сказать? Территория прекрасная. Та же травочка, ты не смей тронуть ногой! Тот же цветочек, ты не смей его толкнуть! Люди все вот так все берегли.

Была в Берлинском зоопарке. Это меня дочери этой вот хозяйки (водили). Прекрасные девочки! Ну, такие прекрасные девочки! Четыре-пять раз уйдут из дому, приходят — здороваются: «Гутен так, Полинхен. Гутен так, Полинхен. Ауфидерзейн». Мальчик, если со мною что-то говорит, он опустит головку и говорит вот так. Это такое воспитание!.. Сказка.

Мать нигде не работала?

А мать имела знаете что? Типографию в квартире. Она печатала... для какой-то газеты работала.

К ней еще приходили две девушки, которые печатали на машинке. И даже я отвозила, помню, в центральную эту типографию слитки эти сначала с мальчиком этим Гельмутом, он меня возил. Потом я сама возила. Короче, они стали мне потом доверять, я уже немного обзнакомилась.

У вас выходные дни были какие-то?

Тоже воскресенье, а я должна пойти купить молочка немножко. Тоже самое сделать, стол накрыть, постели поубирать... Квартира — 8 комнат огромных, кабинеты. Это все я делала. Я не готовила, я только убирала.

Вы только убрали?

Только убирала. Приходила одна полька пожилая, одна приходила обшивать и гладить. Помогали. А только это... И готовить я не готовила. Ну и потом, это вот... Воспоминания хорошие, во всяком случае. Вот в этот берлинский зоопарк меня водили. Причем моя хозяйка даже гордилась: «Дас ист унзере кляйне украинерин» — и гладит меня по голове. А люди говорят... «Да? Да? Ой-й-й!» И она меня представляет... Или это высочайшая культура? Понимаете?

Да, я вот не сказала. Когда я, вот не сказала, когда я плакала весь вечер. Стучит в мою комнату мальчик. «Полинхен. Мама прислала вот это...» Я имела карточки такие же, как и им давали. Были карточки, и я имела такие карточки. На масло, на мясо, на овощи. Буквально на все. И я имела такие карточки. Туда входили и шоколады. Туда входили еще какие-то продукты, очень такие вот... Но!.. Несмотря ни на что, что он имел такой высокий... Ну все таки ж директор. Мои карточки были такие, как и у всех у них. И я получала, вот эти, конфеты, все это... точно, сколько им — и столько и мне. Ни одной конфетки больше, что хозяину, то и мне. Но как это расценить? Стучит этот Гельмут. «Полинхен, открой. Вот этот мама прислала тебе. Мы сегодня будем иметь такое удовольствие кушать эти вот...» Все у них было на учете, очень ограничено было.

Что же она прислала?

Конфетки. Шоколадные конфеты. Полная тарелочка такая вот. Я и от обид, и от радости плакала.

И еще что я скажу. Мой день рождения, например. Стою я, хозяин вот это покушал, уже уезжает... <...>

Ведет меня хозяйка в большую комнату. Красивая комната, столовая. Вся в коврах, красивая. Моя фотокарточка, помню, меня водили фотографироваться, моя фотокарточка, стоят цветы, пирожные, штрумфы то есть, тогда капроновые чулочки только пошли, у нас еще, наверное, не было их. Лежали капроновые чулочки, записка и вот эти вот сладости, и меня поздравляют. Хозяин, уходя, поздравил. Хозяйка поздравила. И дети поздравили. Ну, как вам это?!

А его был день рождения. Так меня вот эта Иринка научила, как поздравить. И я так отчеканила, с немецким диалектом, с берлинским диалектом. Они прямо «Ой-й-й!» Они были очень довольны, что я так...

А во что вы одевались?

Во что я одевалась? Своих вещичек у меня мало было. Постольку, поскольку девочки... Одна старше меня на год, ей лет 17, а вторая моложе на год или на два.

Полька, полячка приходила обшивала их. У них тоже нельзя было получить ни кусочка материи, ничего. Все было по карточкам. Обувь там. И вот... почти все они носили, почти все на меня. Они одевали меня так. Единственное, что меня выдавало, — это косы. А я говорю, что хочу отрезать. Хозяйка говорит: «Ни за что! Ни за что! Ни за что! Ни за что!» Такие «цопфы»!

Причем надо было носить такие вот голубенькие полосочки, написано белым «ОСТ». Значит, это был приказ: «Всем приехавшим туда носить... и на улицах «ОСТ». Евреи носили «Jude», шестигранные такие вот, поляки тоже что-то носили... Знаки отличия, короче говоря. А мне хозяин с хозяйкой сказали: «Не одевай, не надо, чтобы тебя останавливали». Я же возила вещи типографские...

<...>

В 77 лет я уже забыла все. И, знаете, вот сейчас помню Берлинский зоопарк, я сейчас говорю: «А я была там!» В Потсдаме показывают, тогда как раз закрытый был музей: «Была я там!» А с другими я общалась девушками — там (у них) и кормили плохо, и отдельно они от них совершенно, изолированно.... Короче говоря, условия были неважные.

И вот я написала письмо в Берлин, надеюсь, что там кто-то жив. Это мне наша вот, Зинаида Ивановна мне написала. Она общается со своими хозяевами, бывшими. Я написала, и, вы знаете, не оказалось в Берлине этих людей.

<...>

Да. Во время взятия Берлина я была в Берлине опять. <...> Уже первого мая Берлин... не 9 мая, а первого мая в Берлине уже капитулировали немцы. И так было опасно, ехали танки, эти самые, орудия. 12 тысяч стволов, как уже потом мне сказали, значит, били по Берлину. Ну, как меня, как Бог миловал, нигде не ранена... нигде ничего. Я добралась до Берлина.

А потом был приказ собрать всех и направить во Франкфурт-на-Одере. Там есть другой, там есть... Франкфурт-на-Майне, а это на Одере. Ну и я как все, вышла с чемоданчиком своим, со своими пожиточками этими вот, вещичками... А тут, Боже мой, пьяные наши едут, по трупам, ой... ужасно. Да. А вот эти малые гитлерюгенд, как вот этот вот мальчик Гельмут, на чердаках стреляли в нас, они были мобилизованы, как наши комсомольцы, пионеры. Вот так много наших советских солдат погибло первого числа. Это такое было, что нельзя было протолкнуться, из-за угла немцы били, просто мстили, такие пацаны — и уже стреляли. Вот так было тогда опасно.

Ну, собрали нас, а там стояли наши регулировщицы девочки, которые направляли машины, машин было много, лавина.

И в одном пункте остановили нас, вернее, я подошла к этому пункту. Какой-то офицер сказал собирать репатриированных, так сказать. Вот. И везти во Франкфурт. Меня посадили тоже. Там два солдата, один старенький, два молодых. Один старший лейтенант сидел. Так лейтенант на меня злой был: «Вот еще будем тягаться! Останавливать нас будут». А старик говорит: «Возьми девочку, тоже где-то тут дочка. Не знаю, жива или нет. Тоже». – «Ладно! Бросай в кузов». Ну, короче говоря, едем мы, едем, а это из части офицеры, солдаты. Они ездили по лесам и собирали трофеи, машины разбитые. Там много, конечно, этих солдат немецких пряталось по лесам. Очень опасно было ехать.

До части они до своей везут. И спрашивают: «Ты по-немецки болтаешь что-нибудь?» Я говорю: «Да так». Ну, тогда поедем в это селение, ты договоришься, останемся ночевать. Ты там договоришься. И я договаривалась, и немцы так хорошо со мной, потому что хоть что-то понятно.

Ночевали. Ну и что вы думаете, я девочка такая невинная, ни с кем, нигде, потому что я в семье жила, я неисторченная была, я говорю так, как оно было. И вдруг этот старший лейтенант ко мне, хе-хе-хе... приглубил, так говорят, и говорит: «Поскольку ты хорошо, сравнительно, владеешь языком, ты будешь нам помогать. Будешь тех, что ловят по лесам, немцев будешь переводить, в политотделе будешь работать». В политотделе... Ладно, что мне остается делать. Забрали меня в часть... <...>

Короче говоря, я попала в часть, и этот старший лейтенант на мне женился. Это был мой первый муж!

И мы должны были ехать уже домой. И что вы думаете? И что вы думаете, привез он меня на Кубань. Он уехал в Германию и больше ко мне не вернулся.

Оказывается, у него была семья и двое детей на Кавказе, он русский сам. А мне никто ничего не сказал в части. Вот такие товарищи хорошие. Ну и что? Привез он меня на Кубань и оставил у родных. А мама моя <...> в Харькове оказалась живая. И я с Кубани уехала.

На Кубани у меня вещей много было. Потому, что мой муж ездил в Ляйпциг, я уже говорю, как тогда говорили, и очень много вещей мне хороших сделал... менял на продукты. Он такой пробивной был офицер. Ну, короче, вещей было много... Эти вещи у меня уворовали там, на Кубани. Родился у меня мальчик. Я приехала... Мой муж больше не приехал ко мне. Почему? Потому что его, по-видимому, терзали за многоженство, и он, видно, поехал к своей семье. Хорошо, что у меня мама была, отчим приехал с эвакуации. И что они мне говорят, мама и отчим: «Иди учиться. Что же ты? 7 классов...» Ну и, короче говоря, я закончила техникум, фельдшерско-акушерскую школу.

А потом работала в военных организациях, в госпиталях работала...

Нашелся другой мужчина. Этот. Жена умерла у него. Вдовец. У него девочка, а у меня мальчик. И мы сошлись и прожили 35 лет. У меня еще два сына. Хорошие ребята, закончили институты. Очень хороший этот второй был. От такая у меня была судьба. Но другие хуже, потому что в лагерях жили. Вот такая вот история.

Георгій Володимирович Н.

Георгий Владимирович. 1927 года рождения. Проживаю в городе Харькове, по улице Владимирской, 20.

<...> Я еще не работал тогда. Жил я в городе Харькове, на том же месте, на той же улице. Вот. Война как раз застала меня также в Харькове. <...>

Ну... Что я могу еще сказать?

Вы учились в это время?

Да, я учился. Я учился, в школе я учился, в 7 классе, перешел в 7 класс. Ну, до войны мне не пришлось закончить, потому что была оккупирована немцами. Вот.

В сорок втором году, в мае месяце, была повестка <...> на биржу труда, и там, значит, сказали: или будете – выедете, или мы с вас... Ну, мы с вами сделаем ... Вот.

Ну и забрали они нас, везли в вагонах <...> товарных. Это было в мае месяце 42 года. <...> Дорога была, конечно, очень сложная, потому что вагоны были закрытыми. С питанием тоже плохо было... Ночью черный кофе давали или какой-то брандохлыст.

Потом привезли в Германию. Я уже не помню, какой город. Но нас всех туда в лагерь поместили, весь эшелон.

<...>

Теперь. Там нас, значит, в лагерь поместили, я не знаю, что это было, газовые камеры или нас обработка там была. Я не знаю. Санобработка, люди теряли созна-

ние, или химическая была обработка нас, может, насекомых. Но, во всяком случае, люди кричали, ну, живы остались, слава Богу. А потом послали нас на сельские хозяйственные работы. Работал я в городе Гранзеле.

<...> У шефа в сельском хозяйстве.

Выходить оттуда нельзя, тоже под присмотром были. Охрана. Вот. До окончания, значит, войны.

Сколько человек там работало?

Там нас работало человек, наверное, 40, вот, так вот... Хозяйство было очень крупное.

А что вы делали?

Там нас работало человек, наверное, 40. Работали в сельском хозяйстве. На поле, да, и в помещении, да, иногда.

Кто был хозяин? Что вы о нем помните?

Хозяин был Лебенс, фамилия его. Помещик, видно, он. Ну, строгие все они были. Охраняли нас. Как я не знаю сказать: воени-

зированные, понимаете. На поле работали тоже под присмотром. От и все, что я такое могу вам вкратце сказать.

<...> Там были и поляки, некоторые, вот.

Были югославы, и иногда, уже к концу войны, были военнопленные итальянцы, и военнопленные русские, наши, советские. Вот. Иногда французов тоже присылали, но они в другом месте находились, не с нами.

*Особенно таких не было
выжиганий. Нужно было
быть острожным, конечно.
Потому что было очень
опасно. Вы так вот.*

А жили вы где?

А жили в помещении. Было отделенное помещение специальное, как барак такой. Там мы жили. <...> Юноши отдельно. Девушки отдельно.

Чем занимались в свободное время? Были ли у вас выходные?

Выходной был, конечно, день. Но ходить куда нельзя было, потому что запрещено было за территорию выходить. Никуда не имели право выходить.

Были у нас выходные. Но ходить куда нельзя было.

А кормили как?

Кормили утром... Неважно кормили, конечно. Ну, по сравнению, как говорят, на заводах кормили лучше, конечно.

Картофель нам давали. Вот. Понимаете. Вечером <...> молоко. И кофе. Иногда сок с брюквы. Понимаете. Так что... Хлеба там тоже, я уже сейчас не помню, какая-то там норма была.

Работа тяжелая была?

Работа? Ну, работа сельскохозяйственная очень тяжелая. Никаких праздников. Был, но единственный, короткий такой, что отдых. А так всю неделю работали от утра и до самого поздна.

Понимаете. Так все ничего было. Ну что можно сказать? А так всю неделю.

Письма домой писали?

Нет. Не было. Не писали.

Некому было писать?

Некому было, не писали. Некому было писать. Ну, конечно.

<...>

Наши, советские войска освободили. Были очень рады приходу советских войск. Ну... И там начали работать в подсобных хозяйствах, тоже пооставались. Потом пришли там комиссии всякие. И уже где-то в 45 году отправили нас в город Харьков.

С кем вы дружили, может быть, вспомните кого-то из друзей?

Да нет. Все одинаково общались, понимаете. Таких близких не было. Там не было такого. Все одинаково общались.

Но между собой дружно жили?

Да. Более-менее спокойно, нормально, не было каких-то инцидентов таких.

<...> Были обязательно наказания. Палками били нас.

За что?

Ну, было всякое-разное. Что-нибудь не так сделаешь. Повернешься. Задержишься. Понимаете? <...>

Такого ничего не было. Ну что можно сказать? <...> Особенно таких не было впечатлений. Нужно было быть осторожным, конечно. Потому что было очень опасно. Вот так вот.

Олексій Федорович МАМОН

Мамон Алексей Федорович. 24 года рождения. Был вывезен в Германию в апреле 1942 года.

Из Харькова?

Из Харькова, да. В город Гамбург. В Гамбурге я работал на судостроительной верфи Блюм-Фос. Это был лагерь, «Шуппен-43» называется, в гавани Гамбургской. Это был, в общем-то, смертный лагерь. Он хуже любого концлагеря был. Нас там было 500 человек. По сотням. Пять сотен, и я там был полтора года, до побега, за это время еще было две партии по 100 человек, привозили свежих. Умирили каждый день. Буквально дохли, как мухи. Питание было такое... Утром 350 грамм эрзац-хлеба, какая-то глина черная такая, 350 грамм, кусочек кровяной колбасы, грамм 50, через день, значит — тот же хлеб и кусочек маргарина, грамм 20, через день — тот же хлеб и повидла немножко. А все четыре дня значит, только хлеб утром давали. Ну и вода, чай, кипяток. В обед несколько баланды, ну, баланда — это, значит, такой так называемый суп из брюквы, слегка картошкой заправленный. Все. Вечером ничего не давали. И вот мы молодые — выжили, а старшее поколение буквально, я ж говорю, как мухи дохли. Потому что они пили горячий кипяток, в неограниченном количестве. У немцев мастеров выменивали соль. <...> Ну как

выменивали? За сигареты, в основном, кто некурящий; по две сигареты в день давали. Соль, посыпали, это, скибочку хлеба этого черного глинистого солью, горой и чтоб пить воду потом, потому что желудок... Голод этот не тетка. Ну, кто его не знал, то не дай Бог узнать. И ночи не спится, все сосет, все... И вот они гложут эту воду день и ночь, неограниченно пьют, потом пухнут, распухают и лопаются и умирают. Каждый день несколько человек... за завтраком, садимся 500 человек утром внизу, обычно машина подъезжает, выносят несколько трупов.

А потом, значит, я ж говорю, там через месяца два-три сотню новеньких привозят. И так раза два-три, пока я там был... Работал электросварщиком. Там научили быстро, что там... <...>

*Смотрим, стоишь каменша
Бандуристов... Полностью
пацанчик шел «Подуй финер
на верайну, де покинув
я дивину»... Так мой там
шаканил все.*

И значит, во время этой знаменитой Гамбургской бомбежки. В конце июля 1943 года этой страшной Гамбургской бомбежки, три дня бомбили день и ночь. То есть дня не было. Стояла сплошная ночь, летающий пепел... Это знаменитая бомбежка была, за всю войну, считай, неизвестно... полгорода смели с лица земли. И в то время мы втроем — нас трое харьковчан — убежали. А как мы... Ну, половина охраны не вышла. Семьи погибли... Все... Была возможность, мы бежали. Ну, потом, конечно, мы там думали на эшелон... возле нас там грузили

эшелоны с сеном для фронта, на эшелон... Но чего-то не получилось, нас поймали, конечно, через день, и в тюрьму в Бергедорф, под Гамбургом. Но мы там знали, как врать. Там мы и фамилии другие называли, и лагерь другой, чтоб концы запутать. Ну, короче говоря, мы в тюрьме пробыли не так долго, не знаю, может, с неделю. Там нас допрашивали, допрашивали... В общем, в конце концов отправили в другой лагерь.

Недалеко от Гамбурга. Это был завод «Динамит акциен Гезельшафт Альфред Нобель». Это его завод был, в Германии до сих пор стоит. Там же я не признался, сказал «слесарь» — и этот завод. Там наглотался этой сварки.

Слесарь, говорю.

Этот завод где-то 20–21 апреля, среди белого дня... после часу дня. Завод работал до часу дня, суббота. Все уходили, весь лагерь уходил, лагерь стоял рядом через дорогу, и мы шли, значит, в лагерь и смотрим, тьма самолетов, все небо занято самолетами, солнечный день апрельский... И смотрим, поворачивают, разворачиваются на нас. В общем, за какие-то пять минут завод смели с лица земли. Он стоял на высоком берегу Эльбы. Все уничтожили за пять минут. Этот Нобель, завод-то шведский, но он место в Гамбурге имел, этот Нобель. Конец войны, 45 год! Видно, там Сталин что-то нажал на все кнопки, чтобы он не достался западным союзникам. Конец войны, и уничтожили такой громадный завод.

В том, в другом лагере помягче был режим, более или менее терпимый был. Ну а потом англичане... пришли, мы там месяц прожили с англичанами и, значит, в конце апреля или в конце мая переехали в советскую зону.

А я вообще-то музыкант, был еще пацаном, в Харькове учился, играл. А музыкан-

ты на весь золота. Меня там узнали и сразу в армию взяли.

Так я и прослужил до 51 года. Четыре года сверхсрочно служил. Году... в 47 году там была демобилизация моего года, ну, меня уговорили, я уже на трубе играл хорошо, остался, женился и 4 года в Белоруссии прослужил до 51 года, потом уже в Харьков.

Ну а потом в филармонию поступил работать, и так дальше. Все время по музыке работаю. И сейчас работаю...

<...>

Я помню там кухня и такое — яма, где выкидают с кухни все эти очистки. Днем, выходной был. Там парень ковыряется. Вахман вышел. Он же может и сразу какую-то в лагерь занести. Бухнул того...

А мы тут стоим. Но он поверх головы. Постращать. Вахман был самый зверский. Марин звали его. Такой скуластый, зверюга. А тот орал, орал, а потом сошел с ума. Уже на завтра его уже забрали. Был такой случай. А так...

Ну, однажды привезли где-то зимой 41-го, в 42-м. Зимой дело было. Выходим на перерыв. Перерыв был, банду дадут. Смотрим, стоит капелла бандуристов. Во! Человек 40 в костюмах, с бандурами, капелла. Еще мальчик такой был в костюмчике, с бандурой. Сейчас концерт будет. Начинают петь. Помню, пацанчик пел «Подуй вітер на Україну, де покинув я дівчину...» Так мы там плакали все.

Только разве в баню раз в месяц, когда уже клопы начинают заедать, 500 человек на нарах... Ото в баню ведут, помню, из трамваев что-то кидают, буханку хлеба, что-то еще, из окна, немцы. Ну, не сплошь там кидают, но что-то летит. Это я помню. Где-то раз в месяц...

Так вот, капелла пропела нам концерт, значит. Капелла, капелла... Киевская капелла бандуристов была и сейчас есть. По-

ловина уехала, а половина не успела уехать. Потому как уезжали — стулья, табуретки, столы письменные увозили энкаведисты, а на людей плевать. Энкаведисты сами вывозили.

<...> Так вот, эти бандуристы. Половина уехала, половина осталась. И вот им сказали, что повезут на гастроли в Германию. И вот привезли в наш лагерь — и все! И никуда их больше не пустили. И они, пока я не убежал в июле 43 года, они там оставались, и никаких следов. А потом уже, в другом лагере когда уже был, попалась какая-то газетка русская, там что-то печатали и фотография. Кто-то их вырвал, следы нашли. И стали по лагерям возить с концертами. А так пораспределяли, и они стали работать.

А первый раз, нас только привезли в конце апреля, и уже в мае наш лагерь сгорел от бомбежки.

Ну, что на нас было, что на себе одето... все сгорело. Колодки деревянные на ногах. Мы уже привыкли к ним, ногу всунул.... Ну, вообще, ничего. Там какая-то рубашка на тебе. Мы были в бункере, когда там наверну... Вылазим, а там уже ничего нет...

Короче говоря, через несколько дней привозят нам гору барахла. А ну на 500 человек. Оказывается, еврейское барахло. Отдельно обувь, куча. Отдельно куча одежды. Пачками пускают: одевайтесь, что во что горазд. Оказывается, это расстрелянных евреев. Потом мы узнали это дело. Вот такие веники были. Так что все! Ну, все. Наверное, все.

Олена Володимирівна КАЛАШНИКОВА

Калашникова Елена Владимировна, 38-го года рождения, 16 декабря. У меня действительно нет таких вот, знаете, цельных воспоминаний.

Я даже боюсь, буду ли вам в какой-то степени полезна.

Я только помню, если вот уже что касается Германии, единственное, что я четко помню. Маленькая я была, шла рядом с мамой, и большая была вереница совершенно голых людей. Да! Все голенькие, в том числе мама и я голенькая. И вот почему-то в одной колонне шли мужчины голые, дяди, а в другой колонне шли женщины. И мы там с мамой были. Мыться шли. И я помню, знаете вот, гогот людей, военных. Я так понимаю, что это были немцы. И помню смущение мамы. Она прикрывалась тазиком. Вот. Да не только мама. Все женщины, идущие... прикрывались тазиками. Действительно, это была баня, обыкновенная баня, где мылись. Вот.

Эта вот, эта вереница людей запомнилась на всю жизнь. Что это было? Но это я помню, вот, даже часто во сне вижу все это. Я не могу сказать, что это фантазия детская. Нет. Это явно было. Вы понимаете? Вот это я помню.

Помню. Сырое такое, вот осенние такие дни были, сырые, холодные, и убирала брюкву... и я сидела вот на такой куче этой

брюквы, а мама с людьми ее убирала. Вот это помню. Вы понимаете?

Мама работала в сельском хозяйстве?

Я тоже так думаю. Но что интересно, я еще помню фабрику бумажную. Очень красивые — мне кто-то подарил — красивые такие открыточки. Сейчас их таких полно. А тогда, ну для меня это было... ну такая вот... ну, красивый был подарок. Такие раскладные картинки детские. Вот эту бумажную фабрику помню.

Я не могу сказать, где мама работала, но, очевидно, в сельском хозяйстве. Потому что это, видно был дом большой, и я помню очень красивый парк, я думала, что это лес, а может, это были уголья. Трудно сказать.

Вот. И я помню: очень холодно всегда было.

Так вот, я помню две квартиры. Одна, видно квартира была в городе. Потому что я там часто оставалась одна совершенно, сидела под столом, скатерка

низко опускалась... и я всегда там пряталась. Страх у меня такой был, вот, я всегда там сидела.

А вот уже там, где был парк, красивый такой парк — там это, видно, было поместье. Это я теперь понимаю. На втором этаже была спальня хозяйки. И вот, видно, с горничной... А вот горничная.... Я так понимаю, прогревала эту спальню... Уголья

*Я помню послевоенное
детство... Знали ведь люди,
что бомбы в Германии била,
«немка» дразнили, я так
понимаю, что маме это
было не очень приятно.*

были у нее на таком совке, и она ходила, а может, это была и сама хозяйка — она была в чепце. И вот это я помню. И мальчик у них был. Он любил со мной играть, но он мне всегда делал больно. Вы знаете... Вот, знаете, ему почему-то... Он маленький был. Такой, как я, а может и меньше. Он вечно мне лазил пальцами в глаза, тыкал... или за щеки. Ему нравились мои щеки и глаза. Я не знаю...

И мама, видно, что-то готовила, и он съел тесто... и удавился этим тестом, то есть он набрал полный рот сырого теста и удавился. Я помню, мама так испугалась, что ее накажут. Она прямо пальцами ему так выковыривала это тесто, понимаете. Но это не столь интересно. Это мои такие вот воспоминания.

И еще помню, не все были такие противные, как этот мальчишка. Он был ужасный. Он всегда, он меня щипал, где мог, там и щипал, где вот видел... Мне больно было, когда он в глаза лез и за щечки щипал. Вот.

А была там женщина одна, она всегда что-то очень вкусно готовила. И вот эта женщина, там была домовая кухня, так это там называлось. Она часто несла противень, и там какие-то пирожные были. Она мне всегда давала маленькое такое пирожное. Она всегда меня угощала. Ну, это редко было. Но запахи с той кухни шли необыкновенные. То есть там все женщины выпекали себе что-то такое вкусное.

Но только вот одну... Но я не знаю, как ее зовут, кто она, что она... Просто я ей как ребенок чем-то была симпатична. Я так понимаю.

Вам никто ничего не рассказывал потом?

Вы знаете, я вам скажу. Мама в Германии была, и когда мы приехали в Союз после войны, то дядя, папин брат, а он генерал-лейтенант был. Так он сказал: «Если бы узнал, что ты, мол, добровольно пошла в Германию, я бы тебя сам бы расстрелял». На

маму так говорил. Но мама, естественно, у нас за словом в карман не лезла, она говорит: «Так вы, сволочи, еще меня... в чем-то меня и обвиняете. Значит, вы где-то уходили, — но она по-русски сказала, — нас оставили, над нами тут поизмывались, тут страху набрались. А потом нас туда угнали. Где вы были, защитнички? А ты говоришь, что расстрелял бы меня?» Ну в общем, короче у нас в семье как-то не принято было об этом говорить. Да и...

Я помню послевоенное детство... Знали ведь люди, что вот в Германии была, «немка» дразнили, я так понимаю, что маме это было не очень приятно. Вы понимаете? Вот. И как-то об этом никто не говорил. Старались молчать. Боялись. И я ужасно боялась, когда поступала в университет. Что я была за границей. Вы понимаете? И в общем, там, где надо было написать, что за границей была... Думаю, еще не примут. Я поступала в 56 году. Думаю, Боже мой. Не дай Бог. Но, естественно, вынуждена была... Ну как?.. Совесть ведь... Написала. Так что тогда не очень говорили, а в семьях тем более.

<...>

Вы знаете, что мне еще помнится. Когда мы назад возвращались из Германии, мы проезжали горы. Очень красивые. Это, надо понимать была Чехословакия.

Потому что люди были настолько добры вот к сидящим в этих вагонах. Они бросали нам пасхи, там, ну не пасхи — какие-то булки, куличи. Я вот эти моменты помню. Понимаете? Бросали прямо на ходу. Бросали, и люди делились этими кусочками. Мне казалось, это такие были угощения. Вот. Но я думаю, что мы проезжали Чехословакию. А на самом деле, не знаю... Я так думаю, что вот эта доброта... Яблоки, помню, кидали, прям бросали, хлеб там, помню я вот это, и радость вот — возвращались домой. Вот эту радость на всю жизнь запомню.

Євдокія Федотівна ТИМЧЕНКО

Тимченко Євдокія Федотівна. 1926 года рождения, 23 июля. ...

<...> Мне еще не было 16 лет, как угнали в Германию. Насильно угнали. Забирали меня еще зимой, где-то в феврале-месяце. В Киев нас привезли. Я немножко побывала в Киеве и удрала оттуда, через забор перелезла. Еще был один с деревни парень, и мы удрали.

И мы пошли... Не знала я расположения, где находится родина моя. Надо было идти на юг, на Житомирщину, а я в обратную сторону. Ну, там люди меня нашли, я кушать не могла... Была истощенная, голодала. И направили меня, дали мне направление, куда надо идти. Ночью надо было идти, чтобы меня не поймали повторно. Нарисовали... Ну, я пришла где-то в апреле. Побывала там немножко, и снова меня поймали. И отправили где-то в мае месяце. Вот. Снова в Киев, а с Киева уже нас направили в Германию...

<...>

Привезли... во Франкфурт-на-Майне, и тут же распределили. Меня забрали в город Эрланген, возле Нюрнберга, 19 километров.

Забрали меня на завод. Работала я на заводе, военный завод был. Я была паяльщицей. Проводку паяли, все, соединяли всю эту систему. Вот. Но я была как вредитель, меня оттуда отправили в другую термичку. Вот. Я и там навредила.

А что вы делали?

Что я делала? Неправильно проводки спаивала, специально. Сверху так вроде нормально. Соединяла другие неправильно и в обратную сторону спаивала...

<...> Работала у нас переводчица, Валя. Но ее расстреляли, потому, что она была подпольщица. Вот она меня и просила... Проверку сделали, и меня отправили в термичку. И я была в термичке. А всех девчат — их забрали в лагеря.

Они очень много делали для немцев вреда. Их забрали в Дахау и там их сразу в печке сожгли, газом.

Вот. Я побывала в термичке, и в 44 году за то, что я была вредитель, меня отправили на посудную фабрику.

<...> Возле меня работал фрезеровщик, на фрезерном станке, поляк. Он мне подтаскивал ящики со склада. Но я тогда была связана уже... Город Нойштадт. Приезжали подпольщики. Они меня нашли сами, понимаете. Пинчук Василий Матвеевич. Вот от Киевской области...

Посудная фабрика в подвале была. Там горы везде сплошные. Тут железная дорога шла, тут речка шла. Это часть Баварии. Там горы везде сплошные, построенный барак, и мы там находились. Приезжали из Нойштадта ребята, вроде концерт делали, подпольщики приезжали и с нами были связаны.

*А Аня секретарь была. Эта
домой забирала. Да,
забирала меня домой.
Я думала, что я что-то
буду помогать делать им.
А оказывается, у нее
бабушка с России...*

Узнали, что это военная часть. Получила я задание, вот, чтобы взорвать все. Да. Вот...

Немцы на перерыв ходили обедать, а мы... Хлеба нам не давали. Не было хлеба тогда. Потому что вже немцы отступали тогда. Заканчивалась, вроде как, война. Весна 44 года.

Когда это я взорвала? Забула. Осень была, потому что тепло еще было. Как мне сказали: воздух не будет поступать, а вы должны работать, когда немцы пойдут на обед.

В нашем цеху полностью работали русские. С России. Фашистов было мало. Там, начальник, секретарь, мастер. А то были еще поляки, французы.

Натянул мне этот поляк ящиков. Так быстро он сам натягивал. Я ж работала, не обращала внимания. Гур-гур. Друг на друга ставит их и все. Ящики небольшие. Конечно, стружки собралось очень много. Я хотела убрать, а он мне показывает: «Ной, ной, — поляк. — Не надо». — «Ну, хорошо». Началась стрельба ящиков...

А отчего взорвалось?

Як за счет чего? Что стружка была, и оно воспламенилось. Вот. И оно начало все гореть. До того горело... Меня он ударил. У меня все горело. Вот. И когда начало все гореть... меня тягнет в станок. Вот. Тут и пальцы мене... Ох...

А потом он... я не помню, как все случилось...

Ящики рвались, люди убегали, кричали. И станок начал рваться... Взорвался весь цех.

Я пришла в себя только на лугу, я была закопана. Вот. И я пришла в себя... Собака надо мной стояла, и слюна капала, и я пришла в себя, начала шевелиться, пришла в себя. Вся изранена, 34 раны, вот до сих пор торчит осколок. Не захотела делать операцию. Бо нарушится эта вся, и палец не будет сгибаться... Вот так он и торчит у меня здесь.

...Пришла я в себя, и отправили меня в больницу... Я вся изранена, все кости... Отправили в больницу, а там был антифашист врач. Вот. Ну, я теперь уже ж не помню, сколько времени прошло... А потом, чтобы меня не отправили в Дахау, он разводил вшей и запускал в раны, я пищала, кричала, шоб меня не забрали туда.

Вот. Но я пролежала долго. И посещал же меня вот этот Пинчук Василий.

Тот, который подпольщик?

Который... Он мне конкретно подсказывал. Можно сделать так, можно вот так сделать. Вот. Он навещал меня. У них свободный был выход. Он в Нойштадте работал. Там что-то... Не знаю... Горный штат, не знаю... Хрусталь, что ли, там делал.

Отправили в Дахау, а потом оправили обратно, были допросы, и отправили меня...

Конец войны уже начался. Освободили нас американцы, русские не дошли туда, а освободили американцы, негры. Да. Негры. Вот. Но я была еще забинтована. Потом меня забрали, вот эти ж, несколько человек их, в Нойштадт меня забрали. Они в одной комнате, а меня держали в другой комнате. И когда уже... закончилась война... Составляли какие-то списки, все составляли, шоб на родину отправить.

Нас отправили в тот, в Будапешт. С Нойштадта, вот, отправили в Будапешт. На грузовые машины погрузили всех нас и отправили в Будапешт. Я думала, что меня в госпиталь отправят, но нет, вот этот Вася говорит, что не надо в госпиталь, а надо йти на пункты, где отправляют на родину. А их сразу забрали в армию и отправили в Японию. Там же война шла, и их забрали туда.

Ну, я не знаю, сколько я побыла там, но, наверное, где-то в конце июля нас на Киев оправили из Будапешта. Вот. Приехала на родину. Ну, что родина? Отец инвалид первой группы, на костылях. Так что... Нога у него на 16 сантиметров коротша. Он был

в Ленинграде. Вот. Снимал снайпера. Он одного ранил, а другой его ранил. Кость шла вот так.

На костылях был и председатель колхоза. Это кошмар. Людей нет. Ему пришлось на костылях работать. Ну, я приехала. Куда? Пошла в школу заканчивать 7-й класс, а потом пошла в Таращу учиться на фельдшера.

Стал переписываться Вася со мной. Писал, вот, письма. А потом письма перестали... Потом пришло письмо, вроде от его, де-то его забрали в ГУЛАГ. Я не знаю, зачем его забрали в ГУЛАГ, а мене допрос несколько раз делали.

<...>

В 48 году я выхожу замуж. Родила ребенка, и допросы. И допросы... Все время допросы... Пришла на допрос я с ребенком. И начал меня спрашивать. Знаю ли я Пинчука? Какие задания мне давали? Что он делал? Шось мне так было больно, что упала, потеряла сознание. Вот... Ну, а муж видит, что у меня допрос на допросе, ребенку было три месяца, и-и-и... он ушел, и я осталась с ребенком одна. Он потом погиб в шахте.

Ну, и доньне, я сколько не пыталась разыскать этого Пинчука, я не могла его найти. Где он?

И писала везде, и ходила во всякие кабинеты. Сейчас можно найти, а тогда найти трудновато было. У меня у отца Зайцев, начальник КГБ, друг. Не отправили меня в ГУЛАГ. За то, что я так страдала, и мне вот так. А допросы какие были? Ногтей нет. Пырывали ногти. Допросы делал. Кто мне дал задание, чтоб я взорвала цех? И курит, курит, а я задыхаюсь.

Допросы, допросы... Сколько перенесла. Слепла.

Вспоминать очень тяжело... И сколько пострадало, с Днепропетровска, вот, работали за станками, потом, это... с Ровно, с Харькова. Никого не могу найти. Фамилии позабывала. Издевались, избивали...

Вот такие дела, милая...

<...> Ага... Аня была секретарь... и возле меня сидела рядом Эрна. Я им очень нравилась. Они ко мне... Эрна толкнет меня под бок... То она уйдет, а потом я на площадку, в туалет. И они меня подкармливали, еще в Эрлангене. Вот. То бутерброд принесет, что-нибудь покушать. Вот.

А Аня секретарь была. Эта домой забирала. Да, забирала меня домой. Я думала, что я что-то буду помогать делать им. А оказывается, у нее бабушка с России. И когда я... Бабушка, говорит, хочет сильно увидеть, говорит, свою родственницу. Пошла. Сидела... Ей лет под 90 было. Ну, я пришла, она меня погладила, я впала навколишки, там что-то покушать, какое тряпье дала. Я впала навколишки, плачу, и вона плачет.

Ну, с Аней... Вона на дачи меня возила. Везде водила, и сестричка у нее была, я была, как ее звать, младшая. Она мне много помогала. Подкармливали, вдввали. Тоже, понимаете... Я записывала, когда пришла, вот, когда приехала оттуда. Ну а там у нас был в доме пожар. Погорело все, записей никаких не осталось.

Эрну запомнила. Эрна брала домой меня, тоже водила. Покормит. Еще одна женщина, тоже водила домой. И на ноги даст, и обуться. Зима, а мы ходила на деревянных подошвах. Вот. Мы ходили... Помогали... Конечно, были добрые люди...

А с левой стороны сидела... то была фашистка ярая. Вот. Где-то она достала каких-то там гнид, чи, извините, мандавошек, или что. Вот. Где-то у нее полезли по ресницам, по бровям. И говорит, что это я привезла с Украины. И забрали меня в санпропускник. Проверку сделали. Подмышки все... волос весь убрали, у меня ни одной волосинки, особенно подмышками, не было, брови убрали. У меня за всю войну ни одной волосины не было, и доньне нет. Брови убрали.

А Эрна тогда начала с ней ругаться. «Почему ко мне, — я слышу, — не перешли, а на тебе перешли?» Собралась их немцев компания, начали у меня везде рыться, все. Ничего не нашлы. Даже на... извините, на органах, тож, мазнули чем-то, и волос не рос.

А Эрна потом начала рассказывать, что она везде шляется, вот, проститутка. Десь достала, а свалила, что це я наградила ее. Вот так було. Перенесла много неприятностей, конечно. Ну, спасибо Ане, она меня выручала много. Ну, та ж с поколения с России, Аня. А эта немка...

Эрна вообще... Когда меня перевозили, она, бедная, плакала, собирали меня, вот,

перевозить. А она знала, выбежала на улицу, вот, пришла проститься...

Вот таки дела, милая.

Пришлось, конечно, пережить очень много. Пацанкой. Сейчас, конечно, девочки все в таком возрасте, в 16 лет — они все грамотные, довольные. А тогда, вот, после... до войны, перед войной, было тяжелое время тоже. Вот. Когда восстановилось все в стране. Сейчас погода какая... А в 32 году не одного дождя, все пропало. Хоть они и говорят всякую чушь ненужную. Но я ж помню... Даже листья на фруктовых деревьях опали. Дождей не было. Мы хоть питались листьями, а в 33 голодуха была. А сейчас что творится... тоже нет ничего...

Анастасія Савеліївна Б.

<...>

Понимаете, я была у сестры, она на квартире была, на Клочковской, и я там находилась. Вот. И я пошла по воду, а там единственный источник был, на Тургеневском, это, колодец был, вот, воду качали, и там вечные очереди. И вот я когда пришла по воду, а на меня немец посмотрел... Ну, я всегда одевалась так обшарпанно, понимаете. Молодая ж, понимаете, мало ли что. Вот. Он говорит: «Иди сюда!» Ну что я могу перечить? Вот. Я говорю: «Так мне надо сестре...» — «Не надо никому ничего говорить. Вот. Поедешь в Германию на работу». Я говорю: «Как, что, чего?» — «Вот так». А я, понимаете, вообще, когда немцы заняли Харьков, то была регистрация биржевая и вообще бургомистр. А у меня в паспорте не было (регистрации), и вот когда он посмотрел, а у меня только прописка была, вот, и больше ничего, а никакой отметки немецкой нету. «А-а-а!» — Мол, это ты партизан, и все прочее.

Ну, короче, меня забрали, привезли в Германию, перед маем месяцем, в начале мая. Вот привезли... бараки, деревянные бараки, вот... колючая проволока, вот, мусорка рядом, свалка, (плачет) из которой люди вылазили. (Плачет.) Брали эту, огрызки всякие кушать, потому что голодные были.

И вот нас 8 месяцев никуда не выпускали, окромя... завод и барак. Все. Вот. Потом нам начали давать по три марки. И нас, огулом, водили с немцами. Ну, немцы — они ж очень бережливые, каждую копейку они хранят. А мы, ну, что три рубля? Для нас все было запрещено. Мы не купить, не пойти никуда, мы ничего не могли. Как тот говорил: «Алес ферботен». Вот. Ну что, водили нас в какие-то, это... пивные. Ну, конечно — черное пиво. И вот как выпьешь эту кружку этого черного пива — и пьяный! Ну, очень вкусное. Ну, они говорят: «Деньги, деньги». Да, говорим: «Ладно!» Ну что, мы все равно ничего не можем купить. Один раз у месяца поведут, да и все.

Да. Очень голодали мы. Особенно вот по весне. А у них консервация была. Она долго лежала, приготовленная была. Наверное, Гитлер готовился к этому времени, что он все консервировал.

И вот когда апрель, май месяц, июнь, еще нету ничего... У нас с комнаты была девушка, она с Клочковской сама. Вот. Анна была на кухне, и она говорит: когда немка, говорит, высы-

пает это в котел, она сама пла-

кала. И вы понимаете, когда вот оно кипит, и оно черви, и они как будто бы живые — шевелятся. И вот столовая такая, дли-и-инная такая лавка, ни скамеек, ничего нету. Вот нам раз похлебку эту давали в сутки.

Но они молодцы! У них ничего не пропадает. Понимаете?! Они с мусора делают что-то такое особенное. У них все на переработку идет.

И давали, ну, наверное, (хлеба) грамм 200, такой вот кирпичик на двоих. И вот я как с вами говорю: «Давай Аня я сегодня получу, а ты завтра получишь». И кажется, что дольше. А не утерпишь. Сразу съешь. А потом хочется и завтра.

Короче говоря, в общем, было очень тяжело. Вызывали начальство. Вот. Начальство, конечно, возмущалось. Кричали, что мы свиньи. Ну а я тоже, опрокидывала прямо на стол, каменные такие столы. Я говорю: «Ну как? Черви». Они воруются. Непонятно почему... Они все мертвые все равно, а такое впечатление, что они воруются. Ну, в общем, так нас кормили, вот это, долго и нудно.

Ну, мы работали по 12 часов на заводе.

Что вы делали? Какой это был завод?

Это был военный завод. Наливали в гранаты серу. Я на сере проработала все три года. Была сера, черная. <...>

А вот перерыв у них... Немцы тоже работали с нами. Мы к 6 часам приходили на работу и до шести. Если это... Они в 9 часов уходят в столовую кушать, завтракать. А у нас была, я ее называла эсэсовка, она, правда, очень жестокая. Она сначала ко мне как-то так подлизывалась, вот, бутерброды пыталась мне давать. Я говорю: «Я не хочу. Мне не надо подачки», а потом она на меня взъелась. И кричит: «Ты партизанка!» А начальник у нас был военный. Говорит: «А ты Сталина жена». А я говорю: «Ты дурак! Если бы я была Сталина жена, так я бы, говорю, мучилась бы здесь... Ты думаешь что-нибудь?» Вот. «Я дурак?!» Вот. И так перчаткой... Он ходил в перчатках, и перчаткой мне по лицу. Я говорю: «Спасибо, говорю, ну ничего, будет еще впереди...» Вот.

<...>

Ах... И вот в одно прекрасное время, в воскресенье, вдруг нам дали, ну вот, грамм по 20 колбасы. Мы удивились. Ко-

лечко колбаски дали. Вот. Что же оказывается?! Оказывается то, что прибыло большое количество колбасы, но она была отравлена мышьяком. Вот. И для того, чтобы... понимаете, это надо было в Ганновер, а до Ганновера 28 км, это в лабораторию, это целое дело, в общем, они решили на русском испытание сделать. И вот я с этой Аней... «Давай мы ее как-нибудь (у нас еще кусочек хлеба был) потомим ее на печке, как это — лепешкой». И все перетомили. А потом начали падать люди, с воскресенья же. Вот.

А фюрерша была, женщина, она сама была здесь, в России, Елена Ивановна, фрау Зек. Она с малышом была, и в нашем как раз бараке была. Вот. Так она говорит: «Ой, это русские свиньи, они в лесу ото бродят, ягод, всякую гадость едят... и ото отравились!» А потом когда к понедельник сплошная масса упала, — ну, тут уже, конечно, вызвали врачей, и оказалось, что мы отравлены были мышьяком. Ну, благодаря тому, что это мизер... Что удивительно, все немцы удивлялись, что какой русский человек терпеливый и выживаемый... Смертельных случаев-то не было... Правда, в нашем... нашей комнате — у нас по 12 человек в комнате было, — вот, девочка с туберкулеза умерла. Ну что, питания ж никакого, все.

И они страшно боятся... тифа, они везде и всюду на расстоянии трех километров выбросили, что «тиф», и кто подойдет близко, будут расстреливать. Вот. Правда, тут кинулись, как же, рабсила погибает. Завод становится. Как же можно! Вот.

Но нас, правда, чем лечили? Я сейчас, как что так... Уголь. И-и... Углем нас спасали. Есть, конечно, ничего не давали. Вот этот уголь давали, активированный. Вот. И так потихоньку, потихоньку мы выкарабкались. И-и-и... 7 апреля 45 года уже окружили кольцом. Все. Стрельба идет, страшное дело! Ну, думаем, ну что, куда идти? Наши девушки —

некоторые встречались там с иностранцами, у хозяев которые работали, они побежали. А я как раз пришла с ночной смены и думаю: «Куда идти? Куда идти?» А так у нас лес, полоса леса, ну, она как лесополоса, и в этом лесу находился завод, и наши бараки тут были, вот, а... это с правой стороны, а с левой стороны какой-то ручеек и мостик. Я думаю убьют...убьют. А тут бежит (девушка) с нашей комнаты и говорит «Та йдем к Стефану». Я говорю: «Да неудобно. Хозяйва, как же так». А она говорит: «Та ничего, теперь им, говорит, уже хана. Что мы захотим, то и будем делать». Ну, конечно, потом ребята... Пленных увезли. Где-то, говорят, выбросили в какой-то... цементированную яму, и кто смог вылезть, тот остался жив, а в основном погибли. Конечно, жестоко очень расправлялись.

Но я должна сказать: среди них были и люди. Когда... однажды пошли немцы на перерыв, а мы во втором цеху были. Вот. Моя функция была на станке... наливается сера горячая, и они теплые, эти гранаты, и такие, как чашка, вот, а мы должны раскручивать. Вот. И эти лейки выбивали и снова на переплав, и все такое вот... Оно вначале как будто ничего, но нам перерыва не было, а мы так спать хотели. Голодные, есть хочется и в сон клонит. Одно время нас не гоняли, а то как въелись...

Но они молодцы! У них ничего не пропадает! Понимаете?! Они с мусора делают что-то такое особенное. У них все на переработку идет. А у нас как посмотришь, столько всего погибает. Сколько добра, Боже мой. Просто больно смотреть за бесхозяйственность нашу.

Вот. Ну, а я... Она перевела у третий цех, гайки закручивать, чтоб, это, гранаты закручиваются гайкой, а потом тут же на станке их хорошо закручивают. Вот. Штампуются. И другие цеха — там уже ложится, этот, патрон, ну и отправляют его на склады. Да. Ну и вот,

а я и говорю: «Девчата, не идите. У-у-у... Коврова, говорю, немецкая!» Она красивая была — Бек Кет. Вот. Она говорит шо: «Ты партизанка, я тебя в концлагерь отправлю». А я говорю: «Ты мне не угрожай. Ты видишь, кругом стреляют. Я, — говорю, — первая тебя повешу, если ты будешь так обращаться с нами. Ты, наверное, со скотом лучше обращаешься, чем с нами». Ну, и тут она нас загнала. Я кричу: «Девчонки, не надо!» Ну, харьковчане и ростовчане — они молодцы, а деревня вот эта, подольские там и всякие вот, боятся, плачут, делают. Она пришла, а я сидела как раз... так идет конвейер, и идет... этот, на конвейере стоит 10 штук гранат, и я хотела этой гранатой ее вдарить. Она как подскакивает ко мне, и, вы извините, я ее вот сюда, в пах ударила. Она меня свалила, выбила мне зуб, я окровавленная вся, тут уже, полчаса у них перерыв, немцы приходят, женщины: «Что случилось? Что случилось?»

А у нас «Крымский» был, кличку дали, начальник. Не знаю, чем раненый он был, что он у нас был. Пришел. «Что случилось? Что случилось? Кто, что...» По-русски... А я лежу на этом, на каменном полу, на цементе, и меня поливают с брансбоя. Обливают. Ну, в общем, привели меня, так сказать, немножко в чувство, оклыгала я после этого. Ну... И вскоре освобождение...

Но нас освободили англо-американцы. Вот. Но вот что говорят, что насилие было. Не знаю. В нашем лагере не было этого. Кто хотел... Правда, одну девчонку... В основном в американцев, негритянская армия была, понимаете. И вот негр ей что-то подарил, а она хотела удрать. Так он ее пристрелил. Вот. Ну, потом все начали бояться. Как, что. А потом через время пришли якобы наши подпольщики, вот, и они начали как будто нас ограждать.

Ну, тут уже что? 7 нас освободили, а 18 мая подогнали машины открытые, и нас повезли.

Вот тут я не понимаю, как мы добрались, или поездом, мы добрались до Эльбы. Вот. Или машинами-таки нас довезли. Понимаете, вот тут как-то память прошибло. Подвезли к Эльбе. На той стороне наши, на этой стороне эти...

Ну, нашим сдали, ну, конечно, никакого порядка, есть нечего. Мы, наверное, недели две были, никто на нас... Оскорбляют, как только кто может, всячески. *(Плачет.)* Вот тут, конечно, пошло издевательство над русскими девушками. *(Плачет.)*

Потом, конечно, подогнали поезд, состав, и нас погрузили. Вот. Ну, возили нас целый месяц взад-вперед, взад-вперед. И когда вот у меня запечатлелось какое-то такое... какое-то такое. Ну, думаю, все прошло. У меня мамы нету, у меня была мачеха, очень жестокая. Я думаю: у меня никого нету. Куда мне ехать, зачем мне ехать? А еду на родину. *(Плачет.)* Молодцы, кто остался, счастливые люди, устроили себя. А нас пытали, как это... И когда была фильтрация, у Бресте, это мы подъезжали. Вот. И меня, понимаете, не спросили: «Откуда вы ехали или куда вы будете ехать?» А спросили: «Где вы родились?» А я родилась на Сумщине. И я говорю... деревню, район, все абсолютно. <...> Туда приезжаю... А там, кагебист такой попался! Боже мой, как он меня матюкал! Как он меня ругал! Как он меня обзывал всячески! Он меня месяц мордовал. Он думал что-то с меня получить. А у меня ничего не было. Вот. Потом однажды... «Вот я тебя в Донбасс пошлю, я тебя в Сибирь пошлю». Потом я уже не выдержала, уже на «ты». Я уже озверевшая. Со мной истерика такая была: «Ну, если я виновата, так стреляй же меня, сколько ты меня будешь мучить!» Ну, потом видит такое дело, что ничего нельзя с меня получить, выдал мне справку, я приехала сюда. Мне помогли устроиться на работу. И в Ленинском районе я получила паспорт.

Потом так, пошло-пошло. Трудно было, конечно, притесняли. Тяжело было первое время. Нас за людей не считали! И очень было обидно, что свои люди и так жестоко относятся. *(Рыдает.)*

Вот такова история.

<...>

Нас как-то послали туда, где чисто... Мы самые грязные были, мы все в сере были, все вонючие были такие. Идешь в этом халате, это... в колодках этих. А у меня нога маленькая, мне так было тяжело, у меня 35 номер, 34-й, а колодки вот такие вот. Боже мой, к ним так тяжело привыкать, сколько волдырей, сколько мук, сколько всего, ран было у меня на ноге. А потом, правда, последний уже год они стали на колодке делать разрез и резинки вставлять, и пошел изгиб, понимаете, тогда уже было легче ноге. Вот.

Привозили (одежду), привозила немка, эта наша начальница, ну, наверное, население собирало это, барахло всякое. И вот она его продавала, не давала, а продавала, там, 20–30 пфеннигов, вот так вот.

<...>

Да. Момент был один однажды. Выходной день. Ну, воскресенье, выходной день. Это у них праздник. В воскресенье они не работают. Вот. Привезли нам картошку в мундирах, вот такая вот (небольшая). Ну, она там прелая, всякая. И у них, конечно, очень распространен салат. Я когда выхожу на базар и мне предлагают этот салат, я говорю: «Ой, спасибо, я на него не могу смотреть». Ну, и нам вот это, по листику этого салата, и какая-то подливка. И вы знаете, было вкусно очень. Вот, и в нашем бараке, куда как раз привозили пищу... комната специальная была. И, этот, от потолка до пола Гитлера портрет был. Некая Вера, говорят, она живет в Слатино и вышла замуж очень неудачно. Была в концлагере... И вот эта Вера становится на стол и матом,

извините... я не полностью... «А, сука, ты смотришь, как ты кормишь нас?!» И взяла повыдирала ему глаза. Ну, тут конечно... И тут, же фюрерша рядом, начальница. Ну, тут, конечно, сразу доложили, сразу вызвали... Боже. Окружение, начальство все. Ну все – стрелять будут. И спрашивают: кто? Все молчат. Ну, как я скажу, что это вы, или вы на меня скажите... Это же просто предательство будет... *(Плачет.)*

Слышим: «Это я сделала, потому что, я, говорит, с голоду умираю у вас, а он, говорит, на меня еще смотрит, чем он меня кормит». Ну, ее, конечно, забрали. И как раз по территории завода везли ее. Ехала машина. Она бежала за машиной. А две овчарки

рядом. И вот она падает, они ее терзают, они ее подымают. Ну, в общем, показуху сделали, как издеваться можно. Но никто не думал, что она жива. А потом <...> она рассказывала: «Меня бросали на нары, на которых гвозди, вот так, снятые шапки. Побьют, побьют, потом бросют меня». Так ее больше года лечили в госпитале, когда освободили уже. Она вся, говорят, как оспой побитая. <...>

Все это надо было пережить, все эти страдания, все эти терзания, которые пришлось... Столько с властями пришлось пережить нашими, что больше, чем немцы, издевались. Те хоть голодом морили нас... Но мы что, мы ж порабощенные были...

Зінаїда Володимирівна К.

Я забыла число, когда немцы зашли в Харьков!..

В октябре... Да! В октябре. Потому что мы всегда ходили, а я уж ученицей была, ходили на демонстрацию. А то, значит, зашли, город — глухой. И так страшно, что не дай Бог. Грязь. Теперь... дожди шли, холодно. Ну, а потом зашли, и сразу ж везде вывески: «Всем (значит) жителям города Харькова, тем, кому исполнилось 16, до 50 лет, явиться на биржу труда. Не явитесь — будете расстреляны!» И начали ходить сразу — откуда они набрались? — полицаи. И так страшно, что не дай Бог! Ну... прятались, в частный сектор. То там, то там где-то. Ну. А вообще, боялись очень их, этих полицаев. <...>

Да... Думали: ну как нам быть, голод начинается, надо ж что-то добывать. Ну, соберешь разные пожиточки и идешь в деревню. Надо так идти, обходить, потому что как только заметят — убьют.

А потом сказали: «Берите пропуска». Ну, и посадили в некоторых домах этих, которые выдают пропуск. На бумажечке написано фамилия и что можно идти в деревню. Но не к фронту, потому что фронт по Салтову был, а сюда. Ну, и начали ходить... Если что-то не сешь, могут отобрать. Выдернет — и все. А если только рот раскрыл, стреляют и все.

И, конечно, началась зима, вдоль дорог мертвые лежат люди. Если шел куда-то —

замерз по дороге. В деревнях тоже не очень пускали, боялись тоже немцев. Пойдут, за тебя расстреляют и нас, и семью. Ну, в общем, это ад был, конечно.

А потом: «Явится всем... зарегистрироваться, чтоб все были зарегистрированные, от 16 до 50 лет». Значит, «Не явитесь — расстрел вам будет». А потом: «Вы будете все вывезены в Германию для работ». Ну... Конечно, бывали, молодежь, девчата в особенности, красивые, они сразу, ну как сейчас — в проститутки. И тогда были такие. Да. Но тогда, конечно ж, меньше этого было, тогда ж еще люди скромные были. И вообще, если этим кто и занимался, так этого никто не знал... А сейчас все ж это напоказ...

Да. Приходит повестка... «Явиться... тогда-то». Ну, являлись, конечно. И вывозили, конечно. По улицам, сразу опустошали, молодежь брали в первую очередь, а потом уже пошло — и пожилых начали брать... ну, как пожилых, за 30, за 40 уже начали брать. Вот. Ну, и вывезли нас.

В Польше санобработка была, а потом повезли дальше, ну, и привезли почти под Гамбург. Вот этот город. Ну, привезли, смотрим, бараки стоят. «Вы будете жить в этих бараках...» Бараки деревянные, ну это весна ж уже, так что оно не страшно — холодно там или что. Да. Поселили в этих бараках нас. Да. «Будете работать на заводе...» Это был завод, на

*А мастер говорит: «Оно и Сталина и Гитлера надо чтобы расстреляли, — и мы будем жить.»
Короче били... Встретились хорошие люди...*

котором делали порох. Очень вредный.нас отобрали из Харькова, я не знаю, или 200 человек, женщин только. И вот это туда привезли. Ну, поселили в эти бараки... Бараки... Этажи в каждом бараке. И... с утра, значит, по 12 часов работали. Работа очень вредная, а питание один раз...

<...> Работа сменная. Те уходят, другие приходят. А те на ихние места идут отдыхать. Питание один раз получали – хлеб, значит, знаете, с такой, с опилками. Ото, кусочек хлеба и маргарина немножечко и ну, конечно, супы, то брюква, то это... Конечно, все страшные, замученные. Но все рано, нигде не денешься, потому что полицаи и собаки идут, до завода доводят – от барака до завода обязательно чтоб были и собаки, и полицаи. Ну, а куда убежишь?..

<...> Выходных был – воскресенье. Ну что, покупаешься. А так – никуда никого не отпускали. Потому что у каждого на груди здесь написано «ОСТ». «Остарбайтер». Да.

Ну, встречали мы там и Прибалтику. Так прибалтийцы с нами не разговаривали. Они ж понимают по-русски. Не, это самое, не хотят. Поляки, французы – все работали, конечно. Но не с нами, они на других каких-то работах. А общения никакого, и к нам никто не может зайти. Ограждения: вот это русские, вот это – это... Ну, у нас был женский лагерь. Мужчин не было.

<...> Одна только женщина, молодец, русская, она когда-то выехала туда, вышла замуж за немца. Но это, еще, наверное, в 18 или 20 году. Так она ничего не боялась! Вы знаете... Подходила, ото это... И книги передавала, и все. Ага. А потом выпросила у начальства, чтобы какую-нибудь девушку дали ей помогать. Она болела сильно. Но и ее муж какой-то начальничек был на заводе этом. Тоже пришел, попросил высшее начальство, и ему разрешили. Мальчик у них был 13 лет. И ей так хотелось, чтобы мальчик тоже слушал речь нашу. Она гово-

рит: «Мне не с кем поговорить. Вот сколько я здесь живу, я просто болею, переживаю». У нее такая библиотека! И весь Толстой и, ну, все... Чехов, все писатели... Вот. «Ну, тоскую, что я всю жизнь вот так прожила». Потому что городок маленький, говорит: «Ну не вижу людей совершенно русских. И, во-первых, очень боятся ж вас». Говорит: «Все боятся».

<...> На работе была одна женщина, немка, которая ездила из Гамбурга сюда работать, но она только не с нами, а на улице встречала нас, ну, хорошая женщина тоже, и говорит, что: «Не обижайтесь, мы все боимся, потому что вас расстреляют, и нас тоже в первую очередь, и наши семьи. Нам приказ строгий дан, чтобы не общались мы с вами». Конечно, народ бы общался и все. Потому что кто там остался? Женщины, старики, старики и ездили на этот завод работать. Она говорит, в Гамбурге бомбили ж часто, а потом в конце вообще разбомбили его, Гамбург. И они, конечно, вот это сюда приходили. Как раз тут у нас хорошо... Мне кажется, что все это связано с американцами, они знали эти заводы, и они не бомбили их. Потому что завод на заводе был, и все военные.

Мы... так хоть у нас волосы не красные, а на следующем заводе, Крюмель называется, так там у рабочих... и волосы красные, лицо, все тело красное... Все заразное. Тоже, как посмотришь, думаешь: «Боже мой!..»

Мы даже и не думали, что доживем, думали: конец и все. Во-первых, тупеешь. И... Друг с другом даже и говорить не хотелось. Вот так вот, однотонная жизнь эта – это ужасно! Молодость...

Что вы делали в свободное время?

Ну что? Постираешь на себя, покупаешься. А как же?!

А где купались? В чем стирали?

В чем стирали? Специально была, эта, душевая. Ванной не было, а душевые были.

Конечно, покупаться там можно всегда. И постираешь там. Да. Возьмешь тазик и постираешь.

А мыло, порошок, что-то выдавали?

Нет. Давали мыло, но в них какое-то мыло, знаете, оно и не мылилось. Честно. Ага, я даже и не помню, порошок или давали его, или не давали. Ну, мы так...

А что носили?

Это... Халат синий, и свое — то, в чем ты приехал... Но на работу, конечно, все в халатах были, чтоб нас видно ж было. И тут «ОСТ» пришит, обязательно. Мы никуда ж не ходим — а чтоб «ОСТ» был пришит! Вот. Ну, а потом, когда ж было покушение на Гитлера, так вообще такой страх был в городе, начали уже расстреливать немцев, немцы немцев забирали. Не говорите! Ну, в общем, кошмар один.

Как вы узнавали об этом, что в городе начали расстреливать немцев? Кто-то рассказывал?

А как же, часто мастер расскажет: «Ой, Зина, ты знаешь, сколько у нас погребло! Сколько расстреляли!» Ну, а потом же радио. Оно ж везде кричит. А мастер говорит: «Ото и Сталина, и Гитлера надо чтобы расстреляли — и мы будем жить!» Хорошие были... Встречались хорошие люди...

А кто же к той женщине пошел работать из девочек, когда она просила?

Это моя подружка! Ну так она после работы! Нет. В воскресенье, в воскресенье, она отошла и ей помогала, потому что больная женщина. А муж вечно на работе. Его никогда дома не было. И мама, и мальчик тоже болел. Конечно, она старалась передать там и книги, и это... И эту девочку одела, так чтоб она... Умерла уже. Она говорила: «Так мне хочется написать им». Ну, ничего не получила. Ой. Та ничего хорошего там нет!

<...>

У нас самое лучшее впечатление — о французах. И доброта какая-то. И вообще... Они тоже работали на страшных работах.

Там мужчин было несколько. Один красивый парень был, встречался, знал девушку... она тоже с ним работала, русская, она немного знала французский, здесь изучала, в Харькове, в школе. Да. И они познакомились, и, когда война окончилась, он говорит: «Только поедем ко мне, я один сын у отца и матери», ага, «только поедем во Францию, в Париж». Ну, и уехали в Париж! Там многие поужезжали в разные страны...

А вообще ж, дивчата были хорошие, по-смастривали там эти самые разные, иностранцы, потом уже. Голландцы...

На девчат?

На девчат. Ага. Девочки хорошие были. Ну. Молодые были, конечно. А потом начали ж страшить. Страх... «Что вас ждет?..» Приехали какие-то артисты выступать, уже по-русски и по-украински там выступали, и кто-то, кто-то сказал: «Вы знаете, что вас ждет там?» Да. Ну что не ждет — а мы только на родину!.. Не могли дожждаться!

<...> У нас был патриотизм. Понимаете, мы любили все родину, не так, как сейчас, едут туда-сюда, перемешали весь народ. А тогда нет: только домой, пускай будет Сибирь, пускай что угодно — только домой...

Нас не сразу отправили домой, пока ж проверку прошли.

А что на проверке было?

Кагебисты проверяли, потом СМЕРШ. Меня сразу взяли в политотдел: «Вы будете ведать библиотекой. Это ваше дело. Пропаганда — это ваше». Я ведь десять классов окончила, да. Ну, хорошо. Там еще капитан была, женщина тоже. И вот мы с ней вдвоем вместе и жили в одной комнате, и... вот. Потом я говорю: «Танечка, я так хочу домой!» А она: «Побудь еще, хоть весело с тобой, а то ж одни мужики». Я говорю: «Ну, а я хочу домой. Меня так ждут».

А тут еще брат написал. А брат хирург был, и с первого ж дня войны он был все время на фронте... И написал письмо, что: «Я дошел... наши части дошли до Кенигсберга, а теперь нас всех грузят, и мы едем на Японию». Так он еще и на Японии был. Он ранен здесь был. У него жена была сестра хирургическая. Говорит: «Это благодаря мне он жив остался. А так бы он погиб». Ну, а жили так, что мама говорит, лучше бы он погиб, раз бы поплакали и все. Потому что такая... или война ее сделала такой... и жесткая, и это... ужасная. И женщин на Японию не брали. Все равно, она добилась, что ее тоже... она его не оставила. Потому что все женатые ж были... у всех семьи. А он был неженат, холостой. Ага. Она от него не отступила. Хотя у нее и сын был, в спецучилище тут учился. Ну... она не отступила, везде с ним была.

И когда вы домой приехали?

Я приехала... в октябре, нет, в ноябре приехала. В ноябре приехала. Ну, тоже тут же проверка, проверили, и сразу меня в школу, не было учителей. Ага. А я говорю, «Как же я буду?..» Директор, ага, заврайоно, еврей такой видный: «Ничего, ничего, научим». А я говорю: «Да я ж не смогу». — «Сможете! А потом оформитесь, в институт поступите. И все». Я говорю: «Ну, хорошо». Пришла. Раз, два. Получается, все хорошо. Ну, дали младшие классы. А в классах по 47 человек! Школы переполнены. Потому что возле нас школа была взорвана. А какие школы шикарные были! Построенные, только построенные. В 37 году их строили. По три года или по два года только поучились в этих школах.

Если есть какая-то школа, 47 человек, в журнале не помещаются. Ну и пошло... А потом я поступила в институт. Думаю, куда ж? Нет украинского. Поступайте на украинский. Хорошо. Поступила. Ну, раньше ж школы все были украинские у нас. На ук-

раинский язык... Постепенно закончила этот институт.

А после войны голод снова. Голод. А вы знаете: голод страшнее, чем война, это точно. Вот говорят: «Чтобы только войны не было!» Нет! Чтоб голода и холода не было. А то... Лучше пускай убьют, но, не это... не переживать этот голод и холод. Не переживать голод и холод! Насмотрелись, на каждом шагу, пухлые лежат. Убитые... Висят...

<...> А потом уже, когда вернулась, говорят, и пожилых позабирали. Вот, Боже, думаю, вот это да! У меня ведь мама старушка была. Потому что были брат старший, сестра, так те воевали, те на фронте были, а я была в Германии. Ну, слава Богу, все вернулись. Брат ранен только был. Ну, ничего. Сестра тоже вернулась. Ну, сестра в воинских частях — швея. Все время идет с этими... надо то то, то это...

Хорошо, что швея. А сейчас племянничка, тоже такая умница, ведущий инженер была в институте. Все. А теперь что? Припухает и все. Год и два месяца ни копейки не получала! Да это хуже, чем не знаю что. И дети. Сами не ели, ей... все время... чтоб детей не погубить, ребята, мальчишки... А теперь она тоже пошла швеей. Швеей и все. Безрадостная жизнь у нас, и у этих детей. Окончит — и не может устроиться. Все идут на Барабашовку ж эту. А теперь... Черные до того... покупают дома... Весь Кавказ сюда, весь Вьетнам...

Ой! И что, они никогда никакой же пользы нам не делали! Только ж наши работали, только наш рабочий класс. И они сейчас... я не знаю... И дети тут рождаются, теперь наши идут к ним. На нашей улице и одна, и вторая пошли няньками у них, нянчат детей. Потому что там они хоть платят. А на заводе или там в институте говорит: «Я ничего не получаю, и все». И ото, няньками у них. Ой. До чего только унижительно! Не знаю. В общем, превратили... Еще

мы говорим, что это Украина... Та ее нет, Украины! Все написано на английском, та на... не знаю на каком, на английском же, наверное. В общем... Украина – так шоб було усе написано по-українски. Привыкли по-русски и по-українски, и все в порядке. Иностранного языка не хотели

изучать, потому что территория большая была у Союза. И все... И не надо нам иностранный язык! А теперь обязательно чтоб знал иностранный язык. Английский. А он тоже, хлеба не дает, этот английский. Вообще, я не знаю, как построено... Тяжело. Ничего хорошего...

Зінаїда Іванівна ТОМОВА

Томова Зинаида Ивановна, 1927 года рождения.

<...>

Да. Значит, запомнился мне этот день, конечно, на всю жизнь. У меня у отца было 13 братьев и 14-я сестра. Все они жили в Запорожье и Днепропетровске, отец жил в Харькове. Он работал на заводе... Я, конечно, по-быстрому, как бы рассказать все...

Но, что именно запомнилось... И мы собрались... Мама у меня была больная, еще до войны, после родов, она почти инвалид второй группы была, после родов все это произошло... И вот все время братья просили, чтобы отец приехал в Запорожье, повидаться там, все... Он пошел, взял билеты в Запорожье, все, и мы должны были, значит, выехать там. И он говорит: «Давай присядем на дорожку», и только мы присели, он на чемоданы, на все, ключи, и вдруг объявляют – война, 22-го. Ну, мама, конечно, в слезы, как, что теперь будет. А он говорит: «Та ничего. Не волнуйся. Не переживай. Сейчас я пойду, билеты сдам. Ну что ж, война есть война».

<...> И... принесли повестку отцу в военкомат, с военкомата.

Ну, он, значит, пошел в военкомат, и они сказали, что будет выезжать завод и нужно все это оборудование вывезти, пока не на фронт, а нужно вывозить...

Мы пошли на Леваду, помню, это не Левада, а Балашовский вокзал был. Оттуда,

значит, вывозили это оборудование. Мы с мамой пошли его провожать. Ну и что-то мне вот захотелось пить, прямо жажда такая, прямо умираю... Он говорит: «Поведи дочку, пусть напьется, там кран где-то недалеко». А она говорит: «А вдруг вас отправят, и мы не попрощаемся». И все же так получилось, что мы вышли, напились воды, а вернулись назад, а состава нет, бумажки кругом разбросанные. Мама в слезы, я, конечно, тоже. Ну что ж, вернулись мы домой и вскорости, значит, оккупация. Ну, это все по-быстрому...

<...> Жили мы на Рымарской, там Бурсацкий спуск вниз, сказали, что немцы уже вот-вот на носу, значит. Как быть? Надо прячаться куда-то. Вот. Поприходят и то... Я дружила с мальчиками тогда, мальчики эти два, забыла уже, как их и зовут, и они, значит, вышли, а там наши красноармейцы отстреливались... с Бурсацкого спуска, значит, стреляли, они начали патроны им помогать

носить, одного убило, а другого ранило. Затащили их во двор. Этого кой-как похоронили... Ну, мы все сидели в подвале.

Вскорости немцы вошли в город. Ну, здесь уже мы остались, никуда ж уже не выйдешь, не выедешь. Остались здесь, в Харькове, и началось что? Бесконечно, как мы пойдем... Ну... Комендантский час восстановили. Значит. Так и так, до какого времени можно было ходить. Мы с мамой ходили на менку. Все.

*Американцы едут, сверху
сидят и, значиш, кидають
нам тоти шоколадку, тоти
конфетку, тоти это...*

Я волнуюсь, что-то забываю, может, не так говорю?

<...> Ходили с ней на менку, меняли отца вещи, меняли... ну, что было. Кровати у нас там просили забрать со двора, кой-какие. Некоторые там пристраивались, все. Ну, мы, значит, на менку пошли как-то, уже немцы вступили... я уже не помню, но я помню, что мы пошли картошку рыть. Где-то сказали, что там замерзшая картошка, уже голод начался, нечего ж кушать. И мы пошли на это поле. И вдруг увидели, что самолет летит — и красные звезды. Мы все начали кричать: «Наши, наши, наши!», а они начали стрелять. Видно, захватили немцы этот самолет, и пошли пули туда-сюда. Мама легла на меня, но прошло все благополучно.

Оттуда мы с этой картошкой стали идти уже домой, и вдруг немцы на машине, хватают этот мешок и, значит, на машину. Мама бежит, кричит: «Отдайте, пожалуйста, бросьте». Все. Я за ней в слезах. Мама, она уже задыхается, больная ж, ходить уже не может... Они смеялись, смеялись и, значит, кинули этот мешок. Ну, кой-как мы эту мерзлую картошку протянули в этот комендантский час.

Ах... Рассказывать очень тяжело.

Потом мы как-то с подружкой вышли на площадь, вот это, где Музыкальная сейчас, и там, по-моему, Музыкальная была, Советская. И смотрим, там очень много висело наших. Сказали, что это, мол, партизаны, и вот, кто будет, значит, против немцев, все тут повесится... Мы прибежали в слезах домой. Мама говорит: «Боже сохрани... Никуда не ходи, ничего». Но кушать нечего — уже начали пухнуть. Есть нечего. Воду, воду, там, где что достанет, и водички. И говорит: «Им надо уходить». Они тоже уже, и подружки мать и это... «Им нужно отсюда уходить...»

И мы стали собираться, где-то дали нам там... ну, вещей кой-каких так, все...

Ну, я не могу все рассказать, это очень долго и много. У вас, наверное, и времени не будет?

<...> Ну, вышли мы с Харькова, и стали просить то то, то другое... то бурачка, то там картошки. Кто давал, заводил, а кто кричал: «Какой там бурачок... когда мы сами...» Ну, а везде ж комендантский час... И мы прошли порядочное, наверное, время. И шли по железной... недалеко от железной дороги где-то там было, надо было вернуться домой.

Остановился какой-то вагон, мы залезли в этот вагон, думали, что, значит, это... А он повернул дальше... И слышим, немцы, какая-то станция, какие-то люди там уверху, какие-то люди, все. Оказывается, людей подвезли. Это то ли Кременчуг был, то ли я не знаю еще что было... Народу везли из Харькова в Германию, наверное. Нас туда затолкнули, и мы, значит, сели в этот вагон... Спрашиваем... «Куда, что?» Крик, гам, слезы...

Ну, в общем, привезли... короче говоря, очутилась я в этом лагере. Начали нас водить с собаками на работу. Значит, утром поднимают, пересчет, пересчитали, повели... Привели... Работа какая? Работу давали всякую. Мы думали, что-то железяки какие-то, а оказалось, снаряды они делали. Это, значит, был хозяин, то говорят, что была кондитерская фабрика, а теперь он перевел на военное, это...

И мы, значит, там, все это ж, то разгружать, но нужно ставить, эти, штампы вот эти ставить. Если поставишь неправильно, значит, идет по конвейеру этот снаряд, нужно его ухватить, сунуть у станок, там пробивает, это, время, и ставить другой рукой на такой как столик, не дай Бог, оно перевернулось, неправильно поставил, а у многих так было, отбивают или палец, или что... Значит он, уже не работник, его куда-то девают, и неизвестно куда и что, он не возвращается...

Оказывается, возле нас там, говорят, недалеко было, вот это, где сжигают людей,

возможно, и туда возили, не знаю. Ну и опять, то ли судьба у меня была такая, что я справилась. Не попадало у меня ни туда, ни сюда.

Потом вагоны разгружать, то загружать, значит, все. Ну вот это все шла работа бесконечная. Ночью поднимают, значит, ночью.

И вот наступил такой день, что было холодно, мороз сильный. Нас же... и собак, видно, обучили так, что если стоит нагнуться, значит, она прыгает тебе... и в горло или куда... Мы уже об этом знали. Ну и когда нас водили мимо каких-то, стояли два домика таких небольших, это я запомнила, там немцы жили. И вот они как выводят нас, так они выбегают и начинают такие как мостовики кидать... Это было как забава им, что ли. И кричат: «Швайн русише, швайн русише». И целился куда-то попасть, то ли в голову, то ли в ногу, то ли еще куда-то. Ну, а нам же ничего нельзя, никуда, с этой стороны... значит, с этой собакой... Идем строем.

И выдавали нам пантофли, деревяшка такая и перевязано, значит, там, на таких, на кнопках. И когда он кинул, и попал мне в ногу, такая боль стала, что я поневоле остановилась, а та, которая сзади, женщина наступила мне на пантофель, и он разорвался, а было уже снежок, холодно. Там такая зима... Утром еще снег, а днем до 15–12 градусов. Он, это, руками шлепает, кричит, такой довольный, все, как же, попал. А она наступила на ногу, все, в одном пантофле я идти не могу, а если нагнуться поднять, значит, собака бросится. Какой выход? Надо было босиком идти. Я оставила их и так босиком и шла. И так мы уже пришли до завода, там пересчитали, и там уже немцы разбирают, кто куда. Кто-то мне нашел один такой, а другой такой, ну хоть в каких-то я могла ходить. Это я так запомнила на всю жизнь.

И вот, помню, еще, что я хочу сказать. Где-то был еще под землей завод у них там,

привозили людей. Это я потом уже узнала, мне сказали, что там делали вот эти Фа-2, первые вот эти ракеты или как. И были там все. И русские, и немцы, штрафники, кто про штрафился. И выходит оттуда — уже никто не возвращался, если это... потому что у них там все было засекречено и никто ничего...

Вот последний раз, когда я уже из лагеря выходила... А, нас выгнали на работу, и началась бомбежка, что я запомнила...

Да, вот это я хочу рассказать. Запомнилось мне то, что вот это ж когда бомбежка начиналась, американцы бомбили. Они так строем всегда шли, от нас недалеко был Ганновер, Гамбург там, вот этот вот, и они на вот эти вот города...

А как ваш город назывался?

Один был, по-моему, Кенигсберг, там недалеко, или Гамбург или Ганновер, я не знаю, вот где река там где-то протекала... Но что не далеко очевидно. А наш лагерь находился в городе Целе, я запомнила это.

Главное то, что, мы... а вот западные ходили... Нам «ОСТ» цепляли и больше... комбинезоны одевали. Выходить с лагеря мы никуда не могли, мы не знали ни местность, где там что, только следующий барак был, но, говорят, там мужчины были, а тут женщины.

И уже если на заводе, там, это, был цех, куда меня погнали, № 3 назывался, «гебойде» они называли, № 3. И там наливали серу. Сера эта выедала кровь человека... Там крутился такой конвейер, вот, значит, с печи, оттаивала лейка такая, потом она шла по конвейеру, и с конвейера снимали, значит, эту лейку ставили и заливали эту пульвию какую-то, что человека выедала, как бы анемия начиналась, и человек падал, там же. Они вытаскивали, ставили другого. Ну и... А-а! Мужчины, значит, ставили вот эти все, такое вот, вот такой оно величины, и, значит, отвозили их куда-то там еще на конвейер и там дорабатывали, она

застывала, эта лава, и там они, значит, до-рабатывали. Я стояла у печи, и вытаскивать нужно было эти лейки, они от этой пульвии там, значит, таяли, а потом шли по конвейеру и там уже стояли... Но всеми этими парами дышишь и это... Он, значит, стоит и, значит, ото ж кричит: «Хальт, Хальт...» Ну быстрее, быстрее, чтоб, значит, не проходи... Но как на конвейере быстрее? Было такое уже состояние, что этой лейкой взял бы дал бы и сам у ту печь... Мне уже было такое в мозгах, но еще молодая, смерти я не понимала, я ждала того, что когда-то что-то произойдет... а потом буквально на второй... как-то через некоторое время, пришли какие-то немцы и забрали меня наверх. А тут началась тревога...

Да, он мне показал, что я тут буду стоять и наливать оту пульвию...

...Тревога началась. И нас всегда почему-то они выгоняли с производства, с этого, с завода. То ли боялись оставить, что что-то наделают, или что. Но эта бомбежка была недолго, побросают там. Но нам передышка была, отдых какой-то. И опять загоняли, но когда загоняли, они не успевали нас пересчитывать. Так ото ж приводят строем, они пересчитали, разложили... а то, бывает, не пересчитывают... И я сумела уже не в этот цех, а в другой пойти... Все-таки нашли... Вот...

Я волнуюсь, поэтому невпопад говорю.

Мы так рады, все кричали, ага, бомбят, возможно, где-то что-то придет и к нам, какая ж ото доля...

Ну. Много я не буду говорить. Это тянулось очень... два года, больше двух лет... эти ж заводы...

И вот наступило то, что что-то нас не повели никуда. Лагерь окружили, значит, кругом. Сказали, никто никуда не должен выходить, какие-то бочки стояли...

Но дело в том, что у нас была переводчица и, говорят, что она из Харькова. И что

якобы раньше она была из богатой семьи, знала три языка: английский, немецкий, и русский. Но дело в том, когда началась революция, она осталась здесь. Домработницу убили, говорят, такие рассказы были, и, значит, она взяла эти документы, якобы она неграмотная такая, и уже тут пошла в ликбез, училась там от ноля и дальше, показала себя такую дисциплинированную, понимающую, и ее якобы выдвинули, и даже она работала при райисполкоме...

Когда меня вызывали в КГБ после войны, они спрашивали об этой переводчице... Я говорила, что знаю, что Александра ее зовут. Что я сталкивалась с нею. Что она говорила: «30 лет у меня на шее сидели, теперь я на вас покатаюсь...» Там в лагере было много наших, русских, этих, харьковских.

И вот однажды, когда я осталась, на работу не вышла, плохо совсем, я уже кончалась. Она немцу выдала, значит, что вот я не пошла на эту смену. А я сказала, что мне на вторую надо.

Ну, там, когда бомбежки начались, они уже особо не цеплялись, не пересчитывали. Ну, очевидно, и они презирали таких, что-то он такое решил, чтобы мне не давали еды, хлеба. А хлеб от такой, как городская булочка, и если высохнет, дунешь... и ее нет ничего. От голода уже совсем...

Девочкам я не говорила ничего. Там рядом были кагаты, я, говорю, полезу завтра в кагаты, накопаю картошки или чего-нибудь...

Однажды мы, с работы нас привели, и тут началась бомбежка. А им привозили в котлах картошку, немцам, вареную, горячую такую. Мы ж в комбинезонах были... И они все ж начали бежать, выгонять, а я спряталась за этим баком, набрала это картошку, вдруг вроде отбой, они начали заходить, тащить эти должны были баки. Ну, думаю, все, уже конец будет... а оно оказалось, этого немца отослали, сумела... ну, он ушел, луч

хоть и попал за этот бак, но баки огромные были, и я спряталась за ними. И принесла девочкам эту картошку. Они поели ее вместе со шкурками, со всем на свете... А утром началась тревога и, значит, выступать начали немцы: «Кто выдаст? Кто скажет? Кто это сделал? У нас кто-то, значит, такое произошло». Они знают, что в баке не хватает, они знают, сколько они привозят... А то вдруг раскрыта крышка и, значит, вытащена...

Ну, конечно, девочки поели все. Они лезли и под матрасами смотрели, и все, где-то шкурка будет или что, но никто не выдал, все это прошло. Но вот это, что я спаслась немножко вот этой картошкой.

А потом уже совсем плохо, и нужно... выгоняют на работу — плохо. И она всегда ходила, проверяла, кто остается, и доносила немцам, кто остается, переводчица эта. Ну и девочки, значит, это, вот этим я, как бы сказать, спаслась. Выгнали нас на работу...

Но после этого, всего, что происходило, всего не напишешь и не расскажешь.

Значит, после лагеря, вот это ж бомбежки... Поставили они вот эти баки... Нам сказали, что они хотели сжечь этот лагерь. Причем в лагерь привозили, если беременная какая-то, и, возможно, забирали людей, и беременных, была ж эта, облава, захватывали всех. Детей привозили, возле нашего где-то лагеря отдельно там было. Что они там делали?.. Неизвестно. Может, кровь брали, может, еще что-то. Но матерей отсылали назад, а дети оставались.

И потом, когда бомбить начали лагерь, значит, я находилась как раз на заводе. Когда началась бомбежка. Американцы начали бомбить этот лагерь, а я находилась в этом... на заводе. Ну, нас повыгоняли с завода, не работали, они боялись. Я выскочила, смотрю — самолет летит, бомбы эти кидает. И так недалеко. Он огорожен был проволокой. Когда бомба летает здесь, мне кажется, что она на меня летит, а она ж в сторону идет. И ря-

дышком, недалеко туда, разрывается как-то, как земля, как поднимается все это... оказывается, они взорвали этот завод, который был там внизу, вместе с людьми там, со всем. Когда отошла эта бомбежка, я побежала в какой-то лесок, на гору, а там только листья вот эти падают, то с той стороны, то с этой, металл этот, который в воздухе был, и вже оттуда, с перепугу я уже не знаю, спустилась, когда все притихло, а там без конца — взрывы, взрывы, спустилась вниз, я поняла, что это дорога, которой нас вели к лагерю. И вся она такая, как короста какая-то. Это, оказывается, говорят, они делали такие снаряды, что человека буквально нашпиговывает вот этими разными осколочками, какие-то разрывные такие. Вся дорога такая была.

Я уже по этой дороге стала идти к лагерю. И смотрю, там три или четыре девочки стоят. Меня не узнали. У меня все в крови было, я ж бежала, и комбинезон этот порванный, все. И говорят: «Ты живая, мы думали, что тебя убило». Я говорю: «Осталась живая, только пить хочется». Говорю: «Воды и все». Они говорят: может, на кухне где-нибудь найдем или что... А лагерь, говорят, разбомбило. И разбомбило, и нигде ничего. А я говорю: там же мои документы должны быть. Ну, свидетельство о рождении у меня было, я с собой... Мама говорит, «Возьми», когда мы уходили ото ж из Харькова... «Возьми». Так оно и осталось у меня.

Ну, когда пришли, то ж оно все пепел, там все рассыпано, нигде ничего. Я говорю: ой, брюква. Нас кормили брюквой и кольраби, что-то такое. Брюква какая-то, наподобие оно гарбуза или чего-то, и кольраби синяя, как наша капуста, вот эта, цветная, такая синяя, а это они называли кольраби и иногда давали нам... И я говорю: вот как раз, хоть оно и сгоревшее... Когда я подняла, а оно головка ребенка. То там, то там валяется, значит, дети были там у них, то женщина там лежала, пополам ее нет.

Ну, мы выскочили... Смотрим, машина какая-то едет. Мы опять в лесок... Лагерь стоял возле леса где-то. Оказывается, подъезжает с американцами вот эта ж, переводчица, и что-то им показывает, показывает, значит, они повернули, сфотографировали все и поехали назад. Через некоторое время слышим, как танк какой-то едет. И когда крышка открывается, вылезает оттуда негр, черный... а у нас же «ОСТ». Видно, где-то они проезжали уже и видели, что это русские.

И что-то нам говорит, говорит... мы ничего не понимаем по-английски, что... Одна девочка говорит: я в английской школе училась, только и поняла, что победа, а что за победа, я не знаю.

Ну, оказывается, это они уже прорвали фронт, значит, сюда они попали, но война еще не кончилась. Значит, захватили вот эту территорию... Ну и уехал, руки, значит, жмет и что-то кричит, кричит об этом. Ничего не пойму. Конец чего-то, а конец... значит, скоро конец войны, видно, он говорил, но еще не кончилась... И мы, значит, с этих комбинезонов... Куда идти? В лагерь? Мы не можем, там все разбито. Значит, по дороге... Куда и что... <...>

И я была с крымской подругой, с Крыма она, девочка эта. Она говорит, когда ее забирали, и отца схватили... И, говорит, он был в мужском лагере, там это... значит. Говорит: «Может, отец жив...» Каким образом и как... Он сидел на дороге. Вдруг мы подходим — отец сидит, такой рад, значит, и доволен, говорит: «Ну что ж, будем идти». Смотрим, машины, одна за одной, одна за одной. Американцы едут, сверху сидят и, значит, кидают нам тот шоколадку, тот конфетку, тот это... И все, значит, кричат, а мы стоим.

Ну они ж видят, что в комбинезонах, «ОСТ», ну, наверное, они ж знали... И мы, значит, вперед значит к ним в тыл шли.

И вдруг захотелось так на двор, просто не знаю, они ж все время едут, а мы им в тыл

идем. Он меня не пустил, а эта побежала, подружка побежала, что со мной шла, и только в сторону, оно рвануло. Видно, там заминировано все было. Видно, не судьба ж умереть там. Тысяча смертей было, но прошло благополучно. Дошли до какой-то станции, а там все разбомбили, и валяются чемоданы и мы подошли, смотрим что-то рассыпанное, а белое, когда попробовали на вкус, а оно сахар, а мы ж его не видели. Ни сахар... ничего. Давай этот сахар кушать. Нацепили ж эти тряпки на себя, скинули эти комбинезоны вместе с этим «ОСТ». Одели какие-то платья, какие-то туфли и стали идти ж туда.

Уже где-то на повороте, уже машины эти прошли, эти, танки, начали какие-то машины ехать, тоже с американцами, и один нас значит подозвал и сказал, что инглиш... или франц... Ну, можем мы на каком-то языке общаться... Мы сказали, что только русский понимаем, что еще. Он подозвал какого-то, тот пришел и говорит: «Русишь, русишь». И ломаным русским языком он сказал, что вас сейчас отвезут в лагерь, а там все ваши. И там, значит, сформируют. Еще конца войны нет, но вот уже на носу... скоро...

Нас посадили в машины и привезли в лагерь. По одной стороне были поляки, а по другой стороне — наши.

Там ночью что-то страсть какая-то была. А американцы нам занесли такой ящик, в ящике лежали шоколады, тушенка, хлеб, там что-то... все, в общем, в консервах. И сказали, что сколько собрали, а так как мы были с отцом с этой моей подруги, нам доверили и сказали: раздадите всем, вы ж голодные, покусаете.

А это бараки, говорит, тут всех потравили, русские были, всех потравили, тут никого нигде нет, а этот барак остался целым, вот вы, значит, здесь побудите, а потом вас отправят у фаленпостен. Там формулировка такая была, что всех... ну, кто, где, откуда и от-

правляли на границу, до Белоруссии, а потом туда, значит, отправляли...

Нас привезли сначала в этот лагерь, мы пораздавали, значит еду всю. А ночь — страх господний какой-то там был, не буду описывать. Это я когда-то писала в тетради своим детям, оно все у меня пооставалось. Но мы живы остались. Отец выпросил... Там ворвались двое, Жора он себя назвал. Двое там стоят и говорят: «О, какие цыпочки, — говорит, — хорошие». Мол, все ж в лагерях, женщин не видели и, значит, набрасываться где-то... И отец — бух ему в ноги и давай целовать и говорить: «Они пережили все. Оставь мне моих дочек». — «А что в тебя одна черная, одна белая?» — «Одна в меня, а одна в мать», — на меня показывает, что белая. «Ладно, папаша, — говорит. Ладно, выходите».

А остальные...

Буквально перед утром стрельба началась. Стрельба с автомата. Он нам говорит: «Залезьте под кровать, выйду, узнаю». Что-то у американца спрашивает, тот стоит, вверх бух-бух. Что такое? Победа, победа. Конец войны. Он заходит к нам и говорит: «Все. Выходите. Конец войне».

Ну, мы вышли, там трупы. Крики ночью. Страсть господняя, что там было, не знаю...

Ну и поляки, значит, с той стороны, а мы по этой стороне. Подъехала машина, поляков отвозили куда-то в одну сторону... А нас в другую...

И туда привезли... значит, всех свозили. А там уже формировали, значит, кто с Ленинграда, кто с какого, кто с этого...

И немцы отравили воду мышьяком. А там же все готовили еду, и, когда начали кушать все, мы все мышьяком потравились. У меня был земляк на кухне. Он сказал, что я землячка, хотя он был с Мерефы. Он умер уже потом. И говорит, что вот нам американцы давали кислое молоко. Буду вас поить молоком. Вы отойдете. Главное, так, что тянет

вниз, а подняться не можешь. Тошноты, рвоты и все... И он все носил нам вот это ж молоко. Отпаивал. И мы отошли. А людей погибло страшно. Не только у нас, в этом фаленпостине. И американцы, и англичане, там же они вместе были. Потому что общая колонка... не успели туда это добавить...

<...> И когда стали нас формировать, ну, это, отправлять на родину. <...> И уже нас привезли на границу, перед границей. Нет. Через реку нас перевозили. То ли Рейн, то ли Одер. Вот я до сих пор никак не могу, не найду своих этих, как говорят, однополчан... Многие уже поумирали...

Первое, что мы увидели, — погоны. И они говорят: «Глянь, все русские, а одна немка попалась». А у меня волосы были белые. Выела же эта сера, такое, что оно все как красноватое такое. У человека что-то происходило в организме, что он делался белый.

Ну, жива осталась. И нас через Одер отравили уже в пункт, а там проверки, чтобы не было сифилиса, чтобы не перевозили через границу... 21 день, потом через этот там в другой пункт. Два-три пункта. И все это заверялось записывалось, кто, где, куда. И уже дали нам документы, сейчас вы до Белоруссии доедете, и там вам дадут питания, мы вам написали...

Да. Еще после этого ж, когда мы приехали, вот сюда, на этот пункт, и когда проверяли, где работала, кем работала, у кого. Я говорю: «Какие-то снаряды», а он говорит: «Что, вы не боитесь говорить?» Я говорю: «То, что я делала, меня заставляли». — «А вы знаете, что Харьков разбит от и до? Я танкист, я ехал, — говорит, — там. Где вы живете?» Я говорю: «На Рымарской». — «Рымарскую так растолкли, ни одного дома не осталось по центру... Так что, если хотите, останетесь в части, теперь поработаете на нас». И вот там никого дома, значит, я остаюсь в части работать. Вот они документы оформили и отвезли в часть работать.

Когда мы были, что нам сказали... Будут немцев пригонять на работу, они будут масло вот это взбивать для нашей части, все это делать.. Меня назначили, чтобы я немцев выгоняла на работу. (Смеется.) Садилась на лошадь кое-как. Там. В общем, целое дело.

Однажды нам нужно было ехать за продуктами, за питанием. Поляки стояли там, а наша часть здесь стояла. И вот они говорят, завтра праздник и будут отмечать... Какой праздник? Победа над Японией была, то ли 11 сентября. Я что-то не слышала никогда, чтоб об этом говорили, но тогда отмечали.

Я у наших была, и литовцы там были, все.

Как я очутилась, хочу сказать, что нас привезли. Был капитан Мельниченко, он сказал, что, что я пока.... Гурт назывался. То есть организовывали такие гурты, как они, для питания наших уже, наших русских. Нужно было выгонять их на работу, там, масло делать, сеноуборку делать, лошадей кормить, все.

И нас поместили в одно помещение, ночью я подруге говорю: «Часы какие-то в стене стучат». — «Да не выдумывай!» Вызвали саперов. Кто-то часы подложил. Вытащили.

С этой части нас перевезли в другую часть и сказали, что можно и домой письмо написать. Ну, как, я ничего, уже мама могла получить, а я... потому что нас перевозили туда-сюда, и однажды, когда я ехала за продуктами уже. Так. Немцы ж там тоже, как у нас там партизаны... И мне попало в ногу, убило и того, что сидел на лошади, а один остался, нас трое или четверо было. Нogu пробило здесь и вверху, там вырвало. Оно ж кровь сочится... Но он сразу же и в госпиталь. Ну, ото ж привели в госпиталь. Меня положили в госпиталь в Глевеце, я помню, где-то на польской территории. Рана эта никак не заживала. Полгода я валялась, с одного госпиталя в другой госпиталь, никак не проходила эта рана. Но один профессор сказал, что ее надо отправить на родину и там все пройдет.

И вот первого мая 46 года я приехала домой. Постучала в дверь. Мама: «Кто там?», узнала ее голос. Я говорю: «Мама, это я». Она: «Ой, Боже мой. Ты вернулась, а отец погиб». Ну ото ж мы там... Так в 46 году я вернулась в Харьков. Была ж карточная система... Я пошла документы проверять и говорю, мне ж надо на работу. Мама больная, она ж как-то сумела выжить. Не знаю, на менку ходила... то то, то се, но сумела выжить. Врач одна помогла, ее спасла, на чердаке своем ее держала. И многих она спасла тогда, эта врач. Но она умерла, ее уже нет. И таким образом я очутилась, значит, вместе... тут уже, на это...

Пришла, попросилась на работу, чтобы приняли на Малышева, где отец работал, они говорят, куда с такой ногой... значит. Подождите, тут же стройка, когда отстроимся, туда-сюда. Ну, перевели на музыкальную фабрику, на Тюренку, это там, за парком. Там через парк ходить, все. А мама... Ну что, дадут 300 грамм, по-моему, хлеба. Я принесу, вместе с мамой, голод, холод.

Все ж такое после войны, восстанавливали... Иногда дров нам выписывали с фабрики. Я взяла маму забрала, чувствую, все уже...

И отпуск мне уже положен был 9 месяцев, а они не давали. Да некому работать, у тебя получается и все. Я плюнула на все и повезла маму туда, а когда вернулась домой, меня забрали в милицию. И сказали почему: потому что это было военное время, а я ушла с работы. Но и... дали два месяца тюрьмы, мама ходила, значит, я и там побывала. Но оттуда вышла, меня реабилитировали. Там написано, когда я ходила, документы брала. Я говорю, мне нужно для пенсии документы...

Они посмотрели и говорят: «Вы реабилитированы». Вот что все произошло. Так... У вас красным обведено, что вы... А те уже поумирили.

Вот так я коротко. Если все рассказать, то и дня не хватит... Вот все, что произошло.

Юлія Андріївна ШВАЙЧЕНКО

18 июля 1926 года. <...>

Значит, в 41 году я окончила 7 классов, и 20 июля, ну, уже ж началась война, 20 июля моя мама, ну, с моим отчимом уехали <...> в Комсомольск-на-Амуре. А меня не взяли!

Почему?

Ну-у, он так поставил вопрос [матери]. Что или ты уедешь одна, или тут остаешься, а она мне не нужна. Ну вот так...

Они в эвакуацию поехали?

Он работал на турбинке, по ремонту установок этих, паровых турбин на кораблях. И был все время в Николаеве. Но раз началась война, его послали в Комсомольск-на-Амуре. Вот. А меня определила к соседке. <...> У меня было две тети в Харькове. Они наотрез отказались. Как это ты так,

что дочку оставляешь, сама уезжаешь. Вот. Ну, она, мол, война... Война — это ж где-то, а Харьков же далеко.

Ну, а так получилось, 24 октября Харьков уже заняли немцы, вот, и конечно, эта со-

седка меня выпроводила <...> Я то к одной тете, то к другой тете. Они меня отвели <...> в это, в село, в Островеверховку. Ну и там я три месяца жила, а потом они меня оттуда выпроводили, в общем, я никому не нужна была, абсолютно! И, значит, когда пришла снова в город, они, значит, туда-сюда. И вот что с ней делать? И одна пухлая тетя, и дру-

гая пухлая тетя, и говорят, что вот тебе пришла повестка — езжай в Германию. Я и плакала, и все... но что я могла, мне было 15 лет. Вот с этого и началось.

3 или 5 июня, значит, это... уже отправили меня в Германию.

В городе Люблине — это пересыльный лагерь, там, значит, под номером 51-10, вот, и оттуда отправили меня в город Берлин. Ну и, значит, там вот я работала на заводе, как он точно... Это, наверное, какой-то закрытый завод. Но мы так считали, что это радиозавод фирмы Лоренц. Ну и, это... Так работа вроде бы как и не очень. Значит, мы в формочки насыпали порошок. Формочку там подобьешь, и подаем на пресс. Но порошок был очень вред-

ный, у меня, значит, все руки в ранах были, и на теле шишки какие-то выступили. Ну, в общем, это, конечно, хорошего мало, и 12 часов работали, а мне было уже 16 лет, исполнилось в Герма-

нии только. И так до июля 43 года, вот, а там, значит, завод эвакуировали в это, в город Миттвайду.

Ну, что я еще хочу еще сказать по Берлину? Там, значит, у нас в лагере часто приезжала такая швестер, монашка, толстая, как бомба, и всем, кто попадался под руку, она всем пощечины раздавала. Да-а-а. Ну, я там как меньшая была... так я не выпирала

Ей было 32 года, ее звали Эрна... Так она меня: «Юлька, а ты кимайда». — «Какая я кимайда? Я может быть юда». «Нет, у юды волосы такой нос, а у тебя наоборот». Смеялись все.

вперед, вот, ну, говорят, что она по всему Берлину разъезжала по лагерям. Наводила порядок, прямо мать Тереза, только в обратной стороне.

И еще рядом с нашим лагерем, находился лагерь власовцев. Вот, значит, там иногда кое-кто приходил к нам в лагерь, мы так нежелательно вообще к ним относились, и они там все... «Девочки, что это вам за ордена дали?» А мы ж носили такие эти с материала и написано «ОСТ» — восточный рабочий.

«Иван, сколько ты каши ел?» А нам что давали? В обед суп с брюквы. И вначале так я вообще не могла его есть. Ищу, ищу картошку, а там одна брюква. А девчонки, которые постарше, говорят: «Что это ты себе думаешь? Ты ж хочешь домой вернуться?» — «Хочу!» — «Так чего же ты не ешь? Ничего ж тебе другого не дадут». А потом, конечно, привыкла, еще и добавки хотела, так не давали. А вечером такой батон человек на пять, что ли. Одна отворачивается и говорит: «Кому? Кому?», показывает, это, и каж-

дый хотел себе краюшку, потому что она вроде казалось как бы больше. Вот. Ну, вот это такое.

В комнате у нас были эти, койки двухэтажные. Вот только не помню, то ли 16 или 20 человек в комнате. Ну, так, в общем, конечно...

<...>

Мы не стирали, нам негде было стирать. Кто-то нам давал вот это — постель. А так вообще... Убирали, наверно, мы сами. А постель, наверно, нам выдавали. Нечасто, но что-то давали. Оно как-то у меня из памяти...

<...>

Значит, вот тут харьковчане. Вот это Валя Огиенко. Вот здесь Оля Белоус — это с Харькова. А остальные были девчонки из Днепропетровска, из Киевской области. Ну, все сельские. Они, конечно, были боевые девчонки. Они сильные были девчонки. Их там ставили на такие, это самое, пресса, что там и мужчине тяжело. А их ставили. Все те немцы, которые работали на этих местах,

Валя Огиенко (Харьков). Фирма «Лоренц». Берлин

значит, их освободили, они были надсмотрщиками и ходили, значит, смотрели, чтоб мы работали. Вот.

<...>

Я вам скажу, что, конечно, что эти, которые работали в цехе немцы, они к нам неплохо относились. Ну что, они вообще боялись, и это... там даже была одна молодая немка, Люся, ну, она там работала где-то в конторе, вдруг ей присылают извещение, что она должна явиться в концлагерь, значит, на учебу. И после в Миттвайде мы ее видели, там, в концлагере, она уже ходила в спецодежде с палкой. Она и плакала прямо, и в обморок падала. Не хотела. Ну, это ж, как говорится, повинность была.

Там много у нас было французов, голландцев, бельгийцев. Ну, кого только не было. Но они, конечно. Нам... Мы... Как называл нас: «Русишь, швайне, райне». Вот. А им и питание лучшее было. Они и свободно ходили...

Баракы рядом стояли?

Баракы рядом стояли. Но мы огорожены были проволокой. Вот. А потом еще были

огорожены очеретом. Чтобы не заглядывали к нам и чтоб мы не общались ни с кем. Однажды кто-то прорезал проволоку. И нас три девчонки вылезли. Хоть на Берлин посмотреть, что это за Берлин. Ну, пошли. Там походили-походили. Потом возвращаться, а эта дырка уже закрыта. И одна немка, такая старая, взяла и позвонила. Мы еще не дошли, а насуже... И тут открывает охранник: «А-а-а-а! Пожалуйста. Заходите». Вот. Конечно, в карцере сидели. Ну, наказали, там кушать не дали, но это такое — мелочь.

А выходить гулять нельзя было?

А потом нас иногда отпускали в выходной день на какой-то период. И мы даже в кино ходили. Ну, так, «ОСТ» этот спрячешь, и... а ей какая разница, кому билет дать. Смотрели кино. Там... В скверик ходили. И вот однажды сидели на лавочке с одной девчонкой. А сидит рядом пара немцев, муж и жена. И вот идут эти власовцы, такие, знаете, морды здоровые, в немецкой одежде, на этой, на рукаве наклейка «РОА». Русская Освободительная Армия. Вот. Они и спра-

Берлин. Темпельгофштрассе. Парк.
Галя из Токмака, Валя Огиенко (Харьков), Ильвира, Ю. А. Швайченко (Харьков)
Водили всем лагерем. Фотографировала немка Эрна

шивают: «Фройляйн! Это русишь солдаты или дойче?» А мы говорим: «Это русишь. Предатели!»

Ну как это? Ходят еще с таким гордым видом. Прямо куда там.

И вот Власов, он нам даже по радио... «Идите, слушайте, идите, слушайте». А кого слушать? Будет выступать Власов. И вот он нам говорил: «Не езжайте домой. Вас там всех порастреляют. Вас то, другое...» А мы говорим: «А что мы сделали? Мы ж не виноваты, что сдали город и нас позабирали». Ну! Вот. Ну, от такое.

Что еще в Берлине видели?

В кино. Гуляла. Потом один раз поехали на Александерплац. Но это какая-то толкучка. Вот там все ходили. А мы ж... а в нас же ничего не было, мы там потолкались и все.

А так, в общем...

А ну вот же ж... В парк нас водили.

И вы знаете, другой раз сидим за работой, то одна плачет, то другая. Рыдаем. Подходит начальник: «Вас ис лёс? Что случилось?» — «Домой хочу». — «Ну, как домой? Война!». — «А вы не знаете, когда война кончится?» — «Нет, не знаю. Вот у меня до войны было 5 костюмов, а теперь я и одного купить не могу».

А я говорю: «Господи, Галя, ну зачем нам костюмы? Нам костюмы не нужны, мы домой хотим». — «А где ты живешь?» — «В Харькове». — «Шарков! Шарков, там пуф-пуф. Там жить негде!» А мы говорим: «Ну как негде, мы бы землянку вырыли и там бы жили». Ну, мы ж еще дети. Они там говорили: «От дети! Кого они попривозили? Дети!»

Ну, кто ж был постарше, те, которые постарше, в особенности днепропетровские девчата, киевляне, те... ругались!.. Страшно. Я прямо в обморок падала. Потому что этот, мат-перемат. И даже немок научили ругаться. Ну, это ж... Такое вот.

<...>

У нас там был комендант. Сначала одна чешка, и такая противная баба. Людмила Юрьевна. Ой, она все время... «Большевики. Коммунисты. Большевики растеряли моего отца и мать. И вас надо расстрелять!» — «Да нас тогда и на свете не было, что ж вы на нас так это...»

А у нее муж был русский офицер, но он уже такой был, плотником работал. А она нехорошая была, вообще. После там еще была одна Лора, я не знаю, кто она такая, или фольксдойч — это смешанная. Но та ничего была. И полицаи были.

Вот нас иногда водили на кухню. Это... чистить картошку. Ну, картошку чистит машина, а там эти очки, которые остаются — так надо было вычищать. И мы, конечно, желали. Потому что там дадут похлебки. Все-таки... это... И причем — с котла. Кипящу. А мы хватаем.

У меня до сих пор горло болит. Кипяток прямо. Чтоб побыстрее... Ну, наверное, чтоб еще дали. Вот так вот. А так. Что еще?

Они вас в город выводили?

Да. Да. С полициями и с этого, с завода, там, охрана, чтобы не поразбежались. Хотя, куда бежать? Сразу ж они увидят, что мы на немок не похожи. Это ж... Куда бежать из этого Берлина?

Вот эта вот девочка, эта Валя Огиенко — она так похожа на цыганочку. А одна немка... она была монашкой, но ее заставили тоже работать. Ей было 32 года, ее звали Эрна. И это... Она ей [Вале] платье подарила, туфли подарила, и так иногда бутербродик какой-то даст. Ну, так ее опекала. Мы же рядом работали. Так она меня: «Юлька, а ты китаёза». — «Какая я китаёза? Я, может быть, юда». — «Нет, у юды вот-такой нос, а у тебя наоборот». Смеялись все.

Ну а так, вообще... А потом, значит, в 43 году 20 июля нас решили, значит, завод эвакуировался в Миттвайда. И, значит, мы ж, и нас переселяют... Уже ж эти немки, кто-то остался в Берлине, а кто-то в этом,

поехал. Ну не все, может быть, могли поехать, мы же этого не знаем. Когда мы сидели на вокзале, а там же вагоны такие, что в каждое купе отдельно вход. И там, видно, какая-то паника была. Как мне сын сказал: «Мама, это же наступление на Курской дуге, и вот там, видимо, была большая паника». Они к нам заскакивали, в это купе, а нам эти немцы кричат — не пускайте их. Ешьте чеснок, ни один немец не зайдет, если будет пахнуть чесноком. И выталкивали их, ну, что-то такое было. Чего они к нам лезли? Почему не покупали отдельно билеты, а лезли сюда.

Но вот когда приехали мы в Миттвайду, значит, там построены уже были бараки, вот,

Миттвайда.

Ю. А. Швайченко (Харьков),
Оля Белодед (Харьков).
Фотографировал немец Отто

и такое же самое оборудование, как и в Берлине. Это мы там работали.

<...>

Ага. Летом 44 года на заводе произошел взрыв. Значит. Это получилось так, где-то у этих бауэров — это те, которые в селе хозяйева, — там работали военнопленные. И там, значит... Туда начали девочки ходить. Вот с Днепропетровска, Галка Рома, по-моему, и там еще многие другие, они, значит, вот ходили, другим нельзя, а они туда ходили, это их знакомые...

А потом девочка, которая работала, там отделение — галтовочный барабан — и там порошок, и он очень вредный... У меня такая аллергия, я обсыпана прыщами, мне ничего нельзя кушать.

И они ее подговорили, в общем, дали ей взрывное устройство какое или что-то. Мы этого ничего не знаем. И одно время, значит, в перерыв, мы только вышли в столовую и только сели кушать. Вдруг такой взрыв. Немцы переполошились: «Всем на местах! Никому не выходить! Ничего!» И не выпускали...

А потом, когда выпустили, стоит эта Вера, она, наверное, ничего не чувствовала, вот так руки держит и — смотрим — какие-то тряпки... Что за тряпки? А это кожа. Там горели провода по всему корпусу. И она не успела, наверное, вовремя выскочить, и она глазами вращает...

А наш начальник цеха, герр Зайфе, он был неплохой человек, он к нам очень неплохо относился. И он говорит: «Боже мой, дай Бог, чтобы она умерла. Она в гестапо умрет два раза!» Но она, конечно, не выдержала... и этот шеф вот этой же фирмы Лоренц, он еще в Берлине, когда мы там работали, это, значит... он проверял эти цеха и никогда нормальным шагом не ходил, а бежал. И вот это впереди бежит немец и кричит: «Шеф! Шеф! Шеф!» Нам говорят: «Стучите молотками, сделайте производ-

ственный шум». Чтоб он не ругал нас, а то будет ругать.

Вот. Вот это я про него вспомнила. Вот это ж когда взрыв был, там все залито было, уже ж станки не могут работать, раз провода все погорели. Нас, значит, начали гонять на другой конец города. А там все бараки были иностранцев. Значит, те же самые и французы, и бельгийцы, и голландцы, и потом, в конечном счете, привезли пленных англичан и итальянцев. Кого я там ни видела! Это вообще. И сербы были.

Ну, мы сначала там... я какую-то канаву копала, а после нас... когда они восстановили вот это завод. Нас начали гонять в ночную смену. А мы ж как одеты, у нас чулок не было. Зимой — без чулок. И эти шлеры, там сверху брезент, а пятки ж голые, и это нас гоняли через весь город, и мы идем, как стадо лошадей. Немцы начали жаловаться: «Они нам не дают спать. Руэ, руэ, замолчите!».

И вот это... Те бараки, где мы вначале были, там огородили тройной проволокой, колючей проволокой, провели электрический ток. Привезли женщин с концлагеря. Мы их только в окошко, когда в туалет выйдешь...

Там, наверное, иностранцы были. Потому что в белых таких плащах, одеты не так, как мы.

А после мы работали здесь, а видно они наверстали вот это, упущенное, кто его знает, и нас перевели на другой конец города, там мы уже отбивали, это... машина, закладываешь карточку, отбиваешь, в какое время ты пришел и в какое время ты ушел. С семи до семи.

Ну что, я там работала на прессах, потом этому французцу не понравилось, что я часто бегаю в туалет. «Их бин кранк. Я больная», значит, я мало зарабатую. И перевел меня к другому, а то был фашист, горбатый и одна нога короче, у него работала. А я как уйду, а он: «Ты почему не выключила ста-

нок?» А я думаю, на заводе они не могли бить нас, а в лагере — другое дело.

Ну, было такое, когда это, этот полицай, уже в Миттвайде, так он говорил: «Я был в 18 году на Украине, у меня там была Маруся». Ну такой тип, понимаешь... Когда-то собрали нас, он что-то хотел сказать. А одна девушка к другой что-то обратилась, а он как рассердился: «А ну иди сюда! На колени! Я тебе сказал». Она растерялась... Он ее начал бить по лицу и мы, конечно, были в шоке, такого еще не было.

Он и там был полицаем, и уже у нас комендантом у нас была немка Кетти. Ну, это...

Потом меня перевели от этого, он не захотел... «Уберите ее от меня!» И, значит, пришла я к этому начальнику, а он говорит: «Шпрехен зи дойч. Ферштейн?» А я говорю: «Найн».

Ну, я там понимала, что-то по-русски скажешь, что-то по-немецки. И начали они между собой говорить... И смеются, а я ж понимаю, что они говорят: «Что ж он 17-летнюю девчонку...» А мне так трудно было удержаться от смеха, но я делала вид, что я ничего не понимаю.

Хороший немец был. Это он нас сфотографировал. Отто его звали.

Потом перевели меня в другой отдел, одни немки там работали, на пайку, паяла там какие-то проводки. Я не знаю, что это такое и как. Ну... конечно, мне там...

Приходили они на два часа позже и на час уходили раньше, все в черных шелковых халатах. Вот война была, а к женщинам как относились!

Разложат булочки, какие у нас сейчас по 15 копеек, разложат, а я сижу, у меня урчит в желудке, думаю, ну хотя бы, хоть бы одну булочку дала. Только одна была немка, такая бедная, и в нее сын, она сама воспитывала. Она подойдет ко мне и говорит: «Юлька! А что вам за баланду дают?» Мы ее баландой называли. «Ну, как она, хорошая?» — «А вы подойдите, — полька выдавала раздачу, — она и вам даст». Она

голодная была, вообще. Они ее игнорировали, они хорошо обеспеченные, а она... Ну и так от...

Когда там эта война кончилась, что? До 44, то есть до 45 года... Мы точно и не знали... Когда там эта война кончилась, что, потому что мы...

А-а-а, в 44 году, когда было покушение на Гитлера. То это мы знаем, что ехали поезда, везде там его портреты. «Гитлер жив! Без паники!» И все такое.

А мы говорим: ой, и как это, что он остался жив?

Потом ходили мы часто по магазинам, иногда нам давали марку какую-то, чисто символически за работу. И вот это мы по каждым магазинам, зайдём: «Гутен так!», а они: «Хайль Гитлер!» И нам так интересно было. Они выпучивают глаза и руку поднимают: «Хайль Гитлер!»

В середине магазина, может, там жилое помещение, позвонишь... Открываешь, зво-

нок, и она выходит. «Можно купить у вас то или другое?» – «Нет». Но корректно отвечали. Но иногда можно было кислую капусту купить или брюкву.

Когда-то девчонки полезли в кагаты, а у них кагаты не в ямах, а сверху матами прикрыты. Там зима такая, снег падает и растает. И когда хозяин обнаружил, что картошка пропала – они с собаками так в одну комнату, и эти девчата... и их в тюрьму забрали...

А когда они вышли: «Та! Нам в тюрьме еще и лучше было. Нас там кормили мясными обедами, а тут что – одна брюква». А вот англичан, когда привезли их, они были в Африке, так мы еще там им брюкву кинешь. А после через Красный Крест им стали посылки приходить.

Они делились?

Те, которые поближе были. Иногда угощали шоколадом. Мне, конечно, не досталось. Но они отдельно где-то работали. Ну, так я не знаю... Там были девчата такие по-

Миттвайда.

Надя, Оля Белоусова, Ю. А. Швайченко, Лида

старше и побойче, так они там и любовь крутили, я знаю? И это... Так они себе даже стадион расчистили. Они за проволокой сидели. Но им сделали привилегии. Они себе сделали стадион, играли в футбол.

А когда вот уже так получилось, что немцы отступили, но они были в лесу, а лагерь наш был под лесом. И ни туда, ни сюда... Через Красный Крест всех иностранцев повозили, все они разъехались. А у русских — вы в Красном Кресте не участвовали, значит, сидите тут, и мы остались. Ну, потом как-то получилось так, что вроде зашли американцы, они день-два побыли и ушли. То вроде не ихняя территория. Прошли русские войска. Ну как прошли?

Смотрю, едет воз с сеном. Едет солдатик. Ну, кто ж в обозе? Немец стоит: «Это русишь? Майн Гот, майн Гот». Сколько прошли и в таком одеянии...

Ну-у, это там был и офицер наш советский, идет наш начальник цеха, была там одна Соня и кричит: «Герр Зайце, идите сюда!» Он так перепугался, ну, думает, расстреляют его. А она говорит: «Это наш начальник, он к нам хорошо относился». Они поздоровались за руку, и он тогда отошел.

Ну и что? Мы еще там как-то отметили вроде как Победу. Но мы не знали, какое число. Ну все... Уже нас не кормили, где кто что добудет и все. И это... Что же я хотела сказать? Ой...

<...>

Там какие-то войска были, ну, такие машины проехали. И один какой-то дядя с Рязани. Разговорились. Он говорит: «Приходи, значит, будем отмечать победу». У немки одной там, где ее дом, собрались. Я и еще несколько девчонок. Немка понаготовила, и он говорит: «Так, все попробовать, чтобы не отравила». Мы отпраздновали. Это я хорошо помню. И дали мне какого-то барахла. Они там брали. Так что кое-что я привезла с собой. Вот. Ну, это...

А после остались одни немцы. <...> Военнопленные разбежались, а нам куда бежать? Мы не знаем. Мы сидим в бараке. Вот эти немцы заходят. Мы каждую ночь ждали смерти. Я одевала все лучшее, ну, что у меня вроде как лучшее, и сидела и ждала. Даже не страшно было. Думаю, если убьют, чтобы не раздетой быть. Хотя я знала, что они раздевают. Там один парень был, так его тоже забрали, знакомый одной девочки. Его обнаружили, что он убитый и раздетый. Как ночь — они идут. Мы уже и двери не закрывали. От них разве спрячешься. Там все это — фанера.

Что они делали?

Они зайдут, у настемно. «Приемники есть, велосипеды есть?» Откуда у нас приемники и велосипеды? Посмотрели, никого там из мужчин нету. Однажды одна Вера, с этого, с под Киева, у нее знакомый был Жорж, он бельгиец. И он зашел к ней. А они сидят в дозоре и смотрят, кто в лагерь приходит. Они зашли, вывели его и пристрелили. Лежит этот Жорж без сознания, а у него рука, видно, разрывной пулей, рука на одной жиле мотается. Когда его хоронили, он был в костеле. Мы туда заходили, когда отпевали его. Вот это я знаю, что я туда заходила.

Мы все время сидели и дрожали, вот, не знаю, я лично этого не видела, вроде, там мэргорода и этот... немки с детьми с города шли, просили: «Не трогайте этих девчонок. Они же вам ничего не делают, а то придут русские и нас поубивают». Так говорили, но я ж не знаю. Вот.

Ну а после нас решили переправить, значит, уже в советскую зону, ну, мы сели, там были военнопленные, и мы вот доехали до Дрездена, и кто-то там взял перевел стрелку. И несколько вагонов разбились или сошло. <...> Эти военнопленные, они обозленные были. Они начали его избивать. Ну, наверное, они его и убили. Я была такая потрясенная. Это все на глазах было.

Ну и куда нам идти? Идем, этот, Дрезден, камни дымят, развалины одни, потому что вот Миттвайду, ее не бомбили, а через город пролетали, как три часа, так и гудут, летят, или на Кенигсберг, или на этот самый, Дрезден, вот, и нас ото, гоняли нас в лес. И я один раз... Там были еще немцы из под Мелитополя, фольксдойч, они русскоподданные, но их забрали в армию, это 22-й год... Там где-то у них лагерь был, и у них были кагаты картошки и мы решили позаимствовать у них картошки, оно так огорожено проволокой было, но, правда, без тока.

Разрыто такими большими, что и ноги ломаешь... только ползти надо было. Те девочки побоевее, они несколько раз туда лазили, а мне тоже хочется, и я туда ползла. А ходили мы в этих шлёрах, а земля мерзлая, идешь и слышно.

Миттвайда.

Ю. А. Швайченко (Харьков),
Оля Белоус (Харьков), Надя, Лида

Вот я уже нагребла этой картошки и вылезла, но покаместь я нагребала, ну чтоя была, худая, те такие были более. И это... смотрю там светомаскировка, а кто-то как фонариком светит... И я сбилась с пути, я пошла не по той дороге, думаю, это кто-то там стоит. Иду и иду...

Идут там какие-то немцы, но они меня не трогали. И, думаю, я, наверное, не туда иду. Вернулась на то место, ага, нашла ту дорогу, у нас гравий. Иду, а полицай окликает: «Ты где была?» На «алярме». А у меня на плечах картошка. «А можно, я с той стороны?» И оставила. И так пропала моя картошка, кто ее забрал, не знаю, ну потом я еще раз пошла! Вот. И уже когда они догадались, что там лезят. Одна девчонка, когда она полезла, так начали стрелять в нее, она вся поцарапанная, там ручей был. Пришла только под утро, без картошки, без ничего. Вот это я тоже помню. Всякое было.

А вот это когда мы в Дрездене. Они побыстрее пошли, а я ж там, у меня какие-то шмотки были, и я несла. Отстала. И смотрю — никого их наших нет. Мы тогда все были как родственники, никто никогда... и иностранцы... Смотрю, сидят девчонки: «Откуда вы девочки?», вот. «Мы с Луганска». — «Можно, я с вами? Я не знаю, куда девались наши девочки!» И вот это мы вышли, вот это побыли, ну, куда ж нам деваться, стали по дороге идти. Тут едут санитарные машины, и спрашивает один солдат: «Откуда ты?» — «Из Харькова». — «А откуда ты?» — «Я на Рашкиной даче жила, и на Якира мой отчим жил и его брат». «Так это ж мой товарищ, Костя Свидерский. Садитесь, девочки, мы вас подвезем».

И от это, значит, они довели нас до пересылочного лагеря, город Легница. И ото мы там были. Я даже не знаю, сколько это времени. Сразу, когда мы зашли, там нас записали. Но вот не знаю, почему так. Я вроде ж и говорила, что я была в Берли-

не и в Миттвайде. Но записали только одну Миттвайду. Потому что архивную справку дали, что я была в Миттвайде, в Берлине вроде нет.

Но все дело в том, что тут, наверное, связано с чем-то другим. Разве я одна там была? Вот у меня есть... в фонде мы встретились с Галей Котляр. Так мы не узнали друг друга, но когда вывесили список, заводы, кто – где, она говорит: «Я вот была Берлин, фирма Лоренц». А я говорю: «И я там была». – «А вы кто? Я знаю там Грация, Дина», а она говорит: «А я ее подруга».

А остальных как-то я их не встречаю.

И ей тоже не дали справку?

А когда я пришла в архив, уже второй раз, чтоб уже где работал, где что. Всем что-то печатают, а я сижу. А она потом подходит, заведующая архива, и говорит: «Ну, вы настаиваете, что вы были в Берлине?» А я говорю, что написала, как все было, что ж я выдумывать буду.

Она, значит, туда-сюда: «Понимаете, у вас вроде только как Миттвайда». Потом через некоторое время она звонит в подвал: «Ну что там по Швайченко?» Я смотрю на лицо. У нее глаза такие: «А-а-а! О-оо!» Я так ничего и не поняла. Всем справки на машинке напечатали, а мне на компьютере распечатали, что я была только в Миттвайде.

Я не знаю, почему это. Я когда читала книгу Солженицына, когда он описывает закрытую часть под Москвой, так там какой-то пленный Валька, работал на фирме Лоренц... А все оборудование вывезли сюда под Москву.

Главное, что и мне, и Гале...

Она написала в архив в Берлин. Я говорю: «Ты ж и за меня напиши. Вот мой номер 51-10». Чего нам... Она написала, они там через некоторое время написали, что у них никаких данных нет.

<...>

И потом нас с этого пересыльного лагеря вроде отправляют на Родину. И мы идем пешком. Пешком идем. По 50 км в день шли. Потом нас подобрали машины – и американские студебеккеры, и наши ГАЗ-51.

Шли через Польшу, через Краков прошли и добрались. Под Новоград-Волынским мы стояли целый месяц, сидели в карантине. А это уже был август месяц. Дожди идут, сделали шалаши, а оно... дождь, они протекает.

Правда, нас поставили на довольствие. Солдатский паек. И вот это когда я приехала в Харьков, мне говорят: «Так вы и не худенькая!»

Этот гороховый суп из этих концентратов, и хлеб давали, и все. Целый месяц мы там торчали, а потом приехали в Харьков.

Мои родители уже были в Харькове, мама жила на Якира, но она тогда не Якира была, Ворошиловская была.

Я сначала пришла к тете. А мне говорят: «А ваша тетя умерла». Мне говорят: «Ваша мама живет там, на Ворошиловской, 67», и вот это я туда пришла.

Потом встретила своих учеников, я вначале хотела поступить в техникум связи, ну а потом встретила... «Идем с нами в машиностроительный». Они уже сдали экзамен по математике, а у меня 4 года был перерыв, вот, и это... Остальное я уже сдала вместе с ними, там ничего было, там и конституция, и русский... А математику, конечно, он меня одну гонял, и мне поставили двойку,

Это, я кончила техникум и 49 году меня направили в Пензенскую область Грабоский завод. Там я три года проработала. И все хотела уехать. Ой... В Харькове можно было и булочку купить, а там был такой черный хлеб, мы его сушили, потому что укусишь, так и Москву видно.

Ну и, конечно, сколько не подавали, тогда ж просто уйти нельзя было, так и посадят.

Когда я приехала с Германии, а тетя у меня работала в ЦК партии, зав. отделом пропаганды. Для нее это минус был, она каждые три года писала отчеты, это самое... Она, конечно... мне она ничего не говорила, она потом маме рассказала: «Я к Суслову ходила, мои документы в Москве были, не волнуйтесь, тут все чисто. А то, что племянница по-

пала в Германию, так война, без жертв не бывает...» А если бы что-то было, она меня и на порог не пустила бы, а так я к ней ездила. В 45–46 ее как кинули на Западную лекции читать. То она и не знала, как и выбраться с этого ЦК. И она в 40 лет поступила в академию и преподавала в МИИТ политэкономии.

Васса Іванівна ГАЛУСТОВА

Галустова Васса Ивановна, 23 года рождения, 31 августа. Лет 80. Теперь, значит... Да!

Значит, как я попала в Германию? В период войны, в годы войны, уже оккупирован был Харьков. Это был 42 год.

Естественно, мы с города шли в деревню, чтобы сделать обмен на продукты питания. То есть, это промтовары мы несли. Одежду свою, скатерти, полотенечка. Все это значит, вот.

Апрель был очень солнечный. Во-первых, в 42 год была очень снежная зима, сугробы большие и солнце яркое было. На обмен в деревню мы шли... я до Полтавы доходила. Но я шла с сестрой и школьной подругой. Мы шли. А сестра в это время попала вот на облучение вот этих солнечных лучей и белого снега. И она потеряла на какое-то время зрение, у нее покраснели глаза, лились слезы и все прочее...

Мы шли, значит, и буквально... я уже не помню, какая это была деревня, но недалеко от Харькова. Уже к ночи сестра, ну, вот это, плохо видела, мы ее вели, а снега было очень много. Собственно, мы по ухабам всяким. Ведь далеко от дороги идти нельзя, ведь посчитают — партизаны и все прочее... Значит, так вот шли чередой друг за другом, недалеко от дороги...

Мы подошли к какой-то деревне, какая деревня, не помню. Дальше уже идти нельзя было. И мы, значит, остановились у кого-то.

И на следующее утро сестра проснулась, поднялась... и уже, знаете... Естественно, ночевали мы как? Где-то в уголочке, чтобы не стеснять никого, ничего.

Теперь, значит, когда мы шли, сестра совсем потеряла зрение, ей было больно даже приоткрыть глаза... Были кое-какие продукты. Вот, допустим, я очень хорошо помню пшено и муку, мы оставили в этой деревне, значит, и просили: пожалуйста, мы на следующее утро придем и возьмем.

Ну, конечно... Мы вернулись на следующее утро, это было 10 апреля, мы со школьной моей подругой шли, чтобы взять вот эти продукты.

Когда мы шли... мы, значит, тоже шли по обочине дороги, мы не дошли до этой деревни. Навстречу шли большие грузовые машины. Но мы не видели кто там, что там.

Брезентом все было обтянуто. <...>

Машина остановилась, и немцы вышли, и тогда мы увидели в грузовике женщин там, нас никто не спрашивал, кто вы, что вы: «Садитесь в машину!» Мне было 18 лет, пошел 19-й год, и подруга моя эта школьная такая же, она февральская только.

Вот. Мы, собственно, попали в эту машину, нас посадили, приказали нам сесть. Мы сели и приехали в Харьков.

Куда мы приехали, я не знаю. Потому что я жила... это окраина Харькова, это Бавария.

*Мы советские девочки,
воспитанники, активистки
были в свое время,
комсомолки. Нас это очень
ценежало.*

Куда мы приехали, я не знаю. Нас сгрузили в какой-то подвал, мы там сидели. Сидели... Зима ведь еще, было много снега, зима еще и все прочее... И потом, вот это, конвой немецкий пришел с вот этими огромными... И нас всех взяли с собаками, построили и привели, оказывается, на железную дорогу. Где это было, не знаю, в общем, мы пришли на товарную станцию, я так понимаю теперь, стояли эшелоны товарные. Нас погрузили в товарные вагоны. Там сидели немцы. В этом вагоне везли то ли лошадей, то ли коров, не знаю. Эти были перепонки. Стойла эти, сено, и мы там были. Сидели. Ни пить, ни есть — ничего. Оказывается, потом, уже состав тронулся, всех погрузили, немецкая речь слышна, больше ничего, и только «охи», «ахи», слезы наши и все.

И потом поезд тронулся, и мы поехали. И все. Оказывается... Это потом уже...

Когда я вернулась из Германии, мамы не было, она погибла 28 августа 45 года, нет, 43 года... когда освобождали Харьков. На Холодной горе тогда были уже наши войска, а на Баварии еще были немцы, но уже, видимо, уходили... И вот наши наблюдатели видели, что дымится что-то, решили, что это кухня или что... А это уже немцы ушли, и готовили кушать уже жители. Они жили кто в подвале, кто в окопах, потому что все было изрыто, кто где... На этот дымок и был выпущен снаряд. И он попал как раз в наш дом. А моя мама и ее старший внук сидел с ней. А сестра еще была в окопах. Она, значит, у окна у окна и стола кухонного стояла, это все было... Снаряд когда вошел, внук остался цел, его волной... у него только мизинчик был, знаете, задет, а мама, значит, была убита. Снаряд попал. Она была целая, но лицо и волосы, мозги ее были на стенке. Прямое попадание. Это мне уже потом, сестра мне потом рассказывала, когда я вернулась.

Ну вот так!

Ну и поехали. Ну и везли нас, если память мне не изменяет, везли нас до Кременчуга. Везли без остановки.

В вагоне были только девочки?

Только женщины, девочки. И, значит, два... В центре вагона была вырублена дырка. Там немцы сидели, их двое было. А мы... вот это был наш туалет. Ну вот.

Потом не помню, понимаете, как было, что было. Но мы ехали, ехали. Дальше. Дальше...

Доехали мы до Брест-Литовска, что ли. Это мы выехали 10, собственно, 19 или 20, проходя все, знаете, все эти санстанции, эти чистки наши, нас мыли, эмульсия мыльная, потом, волосы были длинные, мы же молодые были, все это гребнями нас чесали, и все это делали полячки, потом нас поселили в какой-то... да! Сейчас вспомню... В круглое здание, кафельный пол, огромный-огромный такой зал, и стояли только железные кровати без ничего, только железные кровати. Здесь нас остановили, снова нас чистили, мыли. Мы раздевались полностью, снимали свою одежду, все это проходило дезинфекцию. И потом уже, вот, оказалось, что мы уже на пороге Берлина или что такое. Нас здесь чистили, мыли, а задержали здесь не понимаю почему. Оказывается потом, был день рождения Гитлера. Это 19 или 20 апреля. Мы сидели вот в этой... Но это тюремное здание, без окон, без ничего. Мы вот здесь сидели...

Потом нас вывезли на какой-то на полигон огромный... Вывезли нас, выстроили, мы не евши, измученные. Все. И немцев пришло очень много, пришли хозяева, пришли хозяева фабрик, заводов. Очень много было... Нас оглядывали, куда и кто на что годится, собственно.

Отбирали хозяева, видимо. Когда отобрали, нам почти в рот заглядывали, как лошадей смотрели.

А потом нас уже отобрали и снова в машины и повезли. И вот повели... Возле Бер-

лина есть Мариенфельде. <...> Вот там есть завод, когда нас уже с машин... и мы шли по улице строим, конечно, с охраной, конечно. Немцы нас колонной вели...

И была арка завода, и было написано «Фриц Вернер». Это осталось с левой стороны, с правой стороны, чуть дальше, наискосок, это, мне кажется, уже была окраина, шло какое-то поле. Это было новое здание, только строилось, заводское, видимо, потому что цеха большие, и, значит, к нашему привозу, нас туда поселили, в этой... как мы называли это, конюшне, я очень извиняюсь. Построили двухэтажные деревянные кровати. Все это свежее, все это пахнет деревом, потому что только-только это сбивали. На этих кроватях были, значит, бумажные тюфяки, набитые свежей опилкой, такая же бумажная подушка, и было такое как бывшее солдатское, как это потом у нас было, одеяло, серые, все. И это постель была. Нам разрешалось... Да!

И вот потом нас повели на завод. Завод через дорогу, все это под конвоем...

Значит, прежде всего нам выдали робы такие. Нас одели в такие комбинезоны. Здесь у нас было спецобмундирование такое, здесь ложка была, под мышкой у нас была коричневая миска здесь. Теперь мы, значит, это самое, вот синий комбинезон и на ногах — эти деревянные сабо. Колодки мы их называли. Эта кирзовая перепоночка... Вот.

Так нас привели на территорию завода. Справа, в цветнике, очень красиво, что мне очень запомнилось, была кантина — столовая была.

Привели в столовую. Столы были. Нас посадили по четыре человека... Я не помню, понимаете... Нас покормили, но корм был какой? Хлеба не было. Каждый с миской этой пришел. Нам дали... Мы называли это «баланда», потому что там была жесткая, колючая брюква. Из брюквы был этот суп. Вот

мы покушали этот суп, и потом нас рассчитали, кого в какой цех нас ведут.

Завели нас в этот цех. Стоял целый ряд револьверных станков. Вы имеете представление?..

С трудом...

Это станок, револьверный станок, который имеет шесть операций. Болванка целая, мы ее закрепляли, потом первое сверло, мы шли, буравили, потом больше, еще больше... Шесть операций, все это переворачивается и идет... Такой резак был. Сверло, значит, это шероховатое.

<...> Работали мы по 12 часов. В 6 был подъем, мы шли в столовую, нам давали что-то поесть, и до 6 вечера. Возвращались, шли в столовую, что-то кушали и снова шли в эту конюшню.

Разрешалось нам на воздухе быть... Под стенкой мы сидели по одному, плотно и дышали немного воздухом. И, естественно, на расстоянии ограждение было, и проволока была, все. Естественно, ходили немцы там и кричали на нас: «Русише швайне».

Мы старались больше к забору приблизиться, проходило время день за днем. Мы работали 12 часов днем, на следующей неделе 12 часов ночью. <...>

Мы по этим колоннам убежали. Ну, куда убежишь! Ведь дальше идет поле, ты языка не знаешь... Что? Ну, конечно, нас снова возвращали. Хорошенечко палку получали по спине. А в карцере включали, знаете, вой, такой вой включали, вы себе не представляете. А потом мы шли работали, нас не кормили...

<...> Лагерь был деревянный. По центру дверь, на две половинки, туда-сюда открывалось. Умывальник был. Нам давали какую-то одежду. В критические дни нам не давали ничего.

А как вы выходили из этой ситуации?

Старались все это разрывать и как-то обходились.

Когда мы не работали, нам привозили сюда питание. Мы жили по комнатам. По центру один такой небольшой столик.

И вот была бомбежка. Бомбежка была... Это, по-моему, 43 год был, какое число не помню. Бомбили и разбомбили наш этот лагерь. Именно в наш барак попала бомба с той стороны, мы ринулись в эту сторону. Контрольный пункт был разбит — вот что я увидела.

Потом мы стали расшатывать эту проволоку, чтобы выходить. Расшатали эту проволоку и вышли. Шли да и все. И шли когда мы, кровь ручьем лилась. Без преувеличения. Вот как после дождя ручеек течет, вот так текла кровь.

Потом пришли к какому-то селению.

<...>

В общем, нас снова собрали и снова поселили нас в эту конюшню. Туда же, где все началось!

<...> Немки работали по 4 часа, ну а мы работали по 12. <...> Вот когда в один прекрасный вечер на заводе я работала... и у меня развалился зуб. Первый зуб в моей жизни. У меня была такая сильная боль... Оказывается, у меня болел зуб, который задевал глазной нерв. Что-то такое. Когда меня отвели в санчасть, это я уже так говорю, в медпункт.

Врач посмотрел и сказал, что это нужно удалить этот зуб. Врач куда-то звонил, чтобы мне сделать укол.

Мне сделали укол. Первый в моей жизни зуб удалили там, в Германии.

<...> И вот привезли нас в эту деревню. И когда нас привезли и открыли ворота — одноэтажные здания. Это, видимо, была какая-то ткацкая фабрика.

Мы здесь чистили станки. Это был ад. Все это вонзалось в руки. Это было так страшно. Это было больно. Станки ткацкие подняты были вверх, а эти станки были установлены.

Поселили нас там в переулке, какое-то двухэтажное здание.

Также работали по 12 часов. Но здесь уже были и французы, и немцы. Даже немецкие девушки были, но они работали там, видимо, в управлении, но мы их видели.

Здание было напротив, и были очень узкие окошки. Все это было грязно, и нам сказали стать под стенку. Мы стали, и немцы напротив нас. Немцы всегда с оружием. Мы думали, что нас расстреливать будут. Они поиздевались над нами. И так мы остались живы... Ох!

Мы потом почистили все. Мы что делали — чистили. Вот так. И в один прекрасный день... Я не помню, что это было, но во всяком случае, знаете, было голодно, очень голодно было. Но так как это деревня, и хозяева имели поле и имели бурты, они хранили там картофель. Вот мы ходили туда и воровали. Мы вытаскивали картошечку, чтобы эту картошечку можно было... Ну... Ой... Ну вот так.

Со мной была школьная подруга. Но нас разделили. Я была роста большого, а она была небольшого роста. Меня увезли в эту деревню, а она осталась. А в деревне есть Саша Иваненко. Вот она. По комнатам же мы жили, вот так вместе и общались. Там, знаете, особо не было такого, потому что все были угнетены.

Писать можно было домой?

Нет! Кому писать? Куда писать? О чем вы говорите! Мы вообще ничего не знали!

<...> Мы шли на работу утром, но здесь уже не была такая охрана. Здесь уже немцев столько не было, сколько в Берлине. Мы шли, и навстречу нам по большой дороге скачут, видимо, разведчики. Видимо, им сказали, что там есть русский лагерь. И вот мы... Когда мы шли...

Мы разбежались, к стенкам прижались. А одна девушка, я ее не помню, всех же не знаешь, ей лошадь на ногу стала и оборвала...

Но потом уже знали, что здесь есть русские.

На следующий день полное безвластие было. Мы уже не обращали внимания ни на что... И были мужчины, которые там были, пленные. И вот это у хозяев взяли лошадь, воз и мы, значит, сажались кто как, ведь вещей не было, и ехали навстречу нашим. Мы уже знали, что день победы. Что подписывается полная капитуляция.

Мы добрались до Рыбники. Это польская где-то граница есть. Вот там был сбор всех. Там нас было очень-очень много, со всех городов. И потом нас погрузили.

Мы прятались. Потому что молодежь была, а мы были молодые девушки... мы где-то в сене сидели. Сидели в сене, а потом уже погрузили нас в эшелон и везли нас домой.

<...>

Что... вы знаете, сколько уже времени прошло, все старается забываться. Вы знаете, ровно три года я работала на этом заводе. С апреля 42 по апрель 45. Три года я оттрубила на этом заводе. Подружки так как школьной не было, ну, общались все девочки вместе, но чтобы была какая-то задушевная подружка, такого не было. Потому что разный возраст был...

Такая жизнь была страшная. Да! Что я могу рассказать вам интересного?

Потом стали выдавать хлеб по четвергам. Но хлеб был с древесными опилками. Мы этот четверг называли «золотой четверг». Песни, конечно, складывали, пели все это. Но я не помню.

Кушали много, не один кусочек, а два-три сразу. Древесные опилки, они же раздувают животы, все это. Вот так. Не интересный мой рассказ, правда?

Очень интересный.

Знаете, потому что когда переживаешь!.. Мы прошли много пропускников, прежде чем нас довели. Раздевали нас донага, а мы стояли... нас выстроит, а на той стороне стоят солдаты с оружием. Вот нас заставляли крутиться, поворачиваться, всякие позы

делать... В общем... Ой нет, все это было, все это прошло. Страшно было.

<...> Мы советские девочки, воспитанники, активисты были в свое время, комсомолки. Нас это очень угнетало. Потому что нас все время... как могли, так и издевались... А нам же было несвойственно все это переносить. Вот это все переносилось тяжело. Но, слава Богу, выжили. Выжили.

<...>

Я вышла замуж за офицера, причем не русского, а за армянина. А в то время Сталин издал указ, что военнослужащие не имели права жениться на девушках, которые были в Германии. Указ такой есть, что офицер не имеет права жениться на женщинах, которые были в Германии, нельзя было зарегистрироваться. Я уже имела ребенка, но зарегистрироваться нельзя было. И я уехала. А жила я с мамой...

Когда я уже знала, что невозможно было, я с ребенком уехала. А сестра моя, она участник боевых действий, и муж у нее, они были на Дальнем Востоке, в Раздольном. Коль так сложилось, что я не могу создать свою семью... Я ехала до Москвы, а потом на Дальний Восток.

Провожая меня, муж очень плакал, ребенка держал на коленях. Проводник спрашивает потом: «Вы надолго едете, далеко ли?» В Москве сели в поезд. Я ехала целую неделю. Десять лет мы с сестрой не виделись. Это был пятидесятый год. Я сразу начала работать. Это был военный городок. Я работала в управлении.

А муж приехал к вам?

Он приехал тогда же. Я туда приехала, это был апрель, нет, не в апреле. Я приехала, наверное, в марте. А муж, наверное, прилетел в мае. Он поговорил с генералом. Ему дали подъемные. Он прилетел. И в мае мы уже вернулись. Это 50-й год. А в 51 году у меня родилась уже дочь...

<...>

Раїса Дмитрівна КАМЧАТНА

Раїса Дмитриевна Камчатная, 1927 года рождения.

<...> Луганск оккупировали 22 июля 1942 года. Вот. Пока не было оккупации, началась война, пришлось и в колхозы ездить, и рыть окопы, хоть мы были малолетки. Вот. Пришли немцы, уже деваться некуда, стали ходить на менку, вот, по селам Луганской области. Вот. И так я ходила с тетей со своей до ноября месяца по селам. Там нас и кормили. Кое-что... там особо и менять нечего было, как побирושки ходили.

Но потом уже, когда уже в ноябре возвращалась домой, у меня подошва отстала от тапочек. Вот.

А в декабре, 6 декабря 42 года пришли и забрали меня... в общем, пришли полицаи, вот, группа детей, и сказали в течение двух часов собраться и нас повезут поездом. Вот. Ну, кое-как собрались. Вещи пришлось у соседей брать. Вот. Погрузили нас в общий вагон. Я уже не помню, какой... то ли это был Дрогобыч, какая-то пересылочная база была. И мы там... Нас обрабатывали <...> и готовили...

Санобработку проходили?

Санобработку. Вот. Потом я уже не помню, сколько мы там дней были. Такие голодные были, что мы очистки собирали. Я познакомилась с одной девушкой, и мы так за ручку

все эти годы и проходили. Собирали эти шкурки, помоем, круглые такие печки были, мы лепили эти очистки и ели. Ну, в общем, приехали...

Потом... Да! Приехали выбирать, хозяева или кто это были.... Ну, в общем... Видно, хозяин, у которого мы работали, он, видимо, кого-то направил, чтобы отобрали 18 человек. Вот. И там в основном были луганские... Только девочки.

Вот, и ну... Помню, что то ли Новый год это был, помню, что в домах огоньки горели, елочки виднелись. Вот. И передал он хозяину, у него стекольная фабрика была,

ну, и распределили... фабрика небольшая была. Вот. И определили... Я попала с этой со своей подружкой на второй этаж, там было... у меня даже... я план свой составила. Вот это вот кусочек я на втором этаже выделила отделение, где мы работали.

(Показывает на план, см. ниже.) Вот первая — это немка, Лизбет ее звали, резала заготовку, потом моя Ирина, подружка, потом я сидела, здесь немец молодой, здесь немец демобилизованный был, его оглушило, контузило, а это Фруза — немка. Вот здесь работал рабочий то ли чех, то ли... ну, похож... на чеха, Отто его звали. А здесь Фриц немец, такой строгий был, при нем нельзя улыбаться было. А это немки три.

Когда пришли американцы, зашли в барак, и американцы обратились к нам. Говорят: «Ну, скажите, вас шеф наказывал? Или нет? Вот если он наказывал — мы его расстреляем!»

Так у вас немцев больше было, чем...

Мы только вдвоем попали. А нижние этажи и в других... Мы не знали, кто где работает, остальные наши. Потом еще отобрали 18, потом отобрали еще 3 человека там, с Могилева прислали. В общем, 21 человек было. Мы не знали кто там, чем занимается. Все разнофигурные детали делали из стекла. Мы именно надували с подругой пробирки аптечные. Как вот сейчас берут анализ крови — аптечные. Вот такие вот пробирочки. Вот это вот горелка у нас стояла газовая, такая вертикальная, если нашу форсунку повернуть. Брали заготовку. Немка резала заготовки, передавали нам, мы их нагревали посередине и выдували доньшки. А эти все фигурные детали делали. Вот.

Сначала хронометраж проводили. Каждый раз приходили... сколько мы можем сделать, проверяли. Пока они не убедились ну,

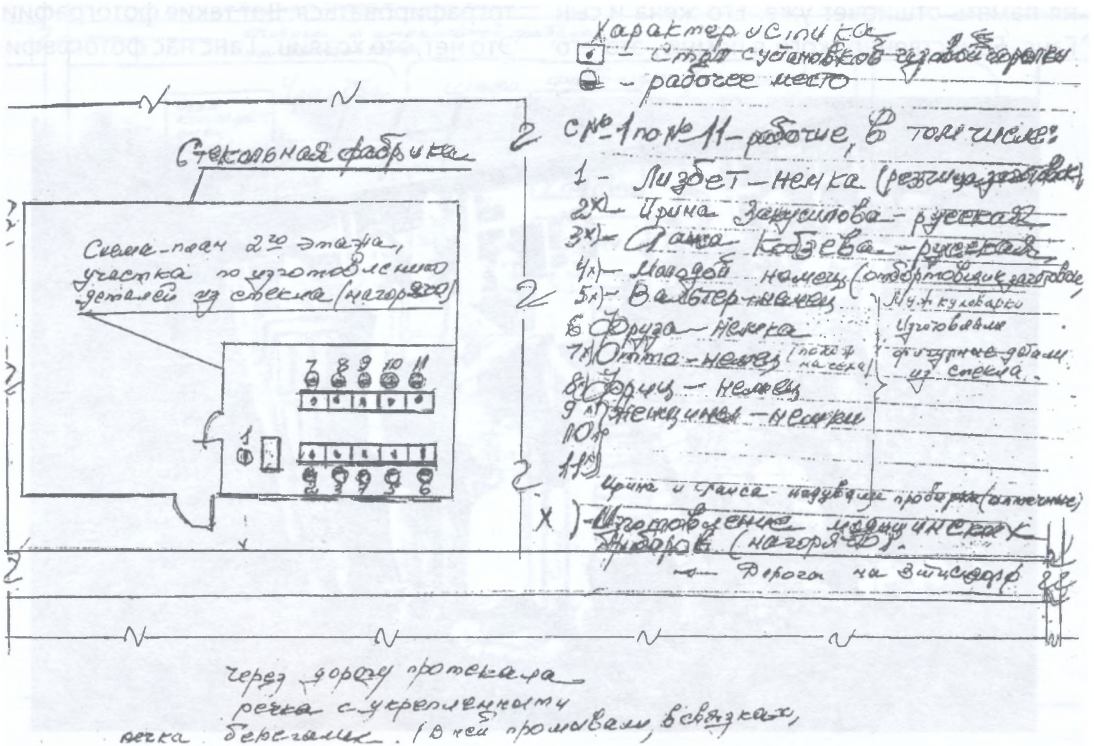
сколько мы можем сделать в смену. Вот. И я уже не помню, или 3600 мы делали.

В день?

Да!

Сразу где-то я подсчитывала, сразу за 25 секунд мы уже выдували 2 пробирки. Я когда приехала в Луганск, так я говорить не могла, у меня все... Потому что газ.

Шли на работу, не ели ничего, а на работу приносили только какую-то баланду <...>, с этим... толи лук там был, ну в общем, брюквочка и лук, вот, ни хлеба... А вечером нам давали только хлеб, 200 граммов, резали на кусочки, а потом один брал этот кусочек и кричал, кому этот кусочек. Называл по имени кому что. И хочешь ешь... Правда, там дырочки были маргарином замазаны, иногда... этим, джемом мазали. Хочешь — ешь сразу, а хочешь — на завтра на утро оставляй. Ну, конечно, мы все съедали. Вот, и мы... Я не знаю, вот говорят, что в концлагере как

План-схема второго этажа лаборатории по изготовлению деталей из стекла

кормили, показывают, как везли там эти продукты... Мы же... кроме этого, ничего не знали вот с декабря... Новый год, можно сказать, и до конца мы не видели ни яиц, ни масла, ни молока — ничего! Я считаю, что мы были на положении хуже, чем в концлагерях люди жили. Ну, конечно, в концлагерях многих там убивали... и все... Но мне кажется, что у нас хозяин очень похож был на еврея, понимаете, и вот его сын, Ганс его звали... (*показывая на фото*). Вот сын, Ганс, он на фронте не был, но у него болезненный вид, как будто бы он чахоточный, что ли, был, худой. Но, видно, мастером работал. Вот. <...> Это вот он нас и фотографировал. Его фотографии. Вот...

А то план барака нашего. Вот это вот кровати... Это дом шефа нашего...

<...> Ну вот, это дом шефа. Но не помню фамилии, вы знаете, еще лет 5 тому назад я помнила, но сейчас я уже не помню. У меня память отшибает уже. Его жена и сын Ганс. Единственно, кого я помню, это его

имя. Вот. Ну, а это компаньонка его, тоже забыла... Знала всех, но вот забыла!

Вот это вот склад стекла, когда привозили прутки такие метра по полтора, заготовки, прутки из стекла. Вот это вот Мария Шакурова, здесь ее кровать, здесь я, это моя подружка, потом эта Вера, около нее Катя, еще Катя, одну фамилию помню — Логошина, а вторую не помню, из этого, из Могилева. Мария Солдатова, Нюра Шакурова, ее так звали там, это сестра ее старшая. Так, Варя...

Это вот шкафы. А это стол. Вот это печенка кругленькая такая <...> и это, как это, котел для стирки белья.

Вот это туалет был. Там как, знаете, как носилки, выдвигались и удобряли там эту территорию и опять задвигали. Здесь две сливы росли. Ну, такое вот...

Вот здесь дорога в Обервайсбах. Это после того, когда нас освободили, сюда мы... дали по две марки — мы ходили фотографироваться. Вот такие фотографии. Это нет, это хозяин... Ганс нас фотографи-

Работники лаборатории. 1944 г.

ровал. А у нас еще были. Это моя подружка, она уехала потом в Ростов и приезжала года 4 тому назад в гости...

Это в Обервайсбах. Когда освободили нас американцы, они дали пальто как дряжка, платья, и мы... А так мы ходили в зеленых таких... форма была.

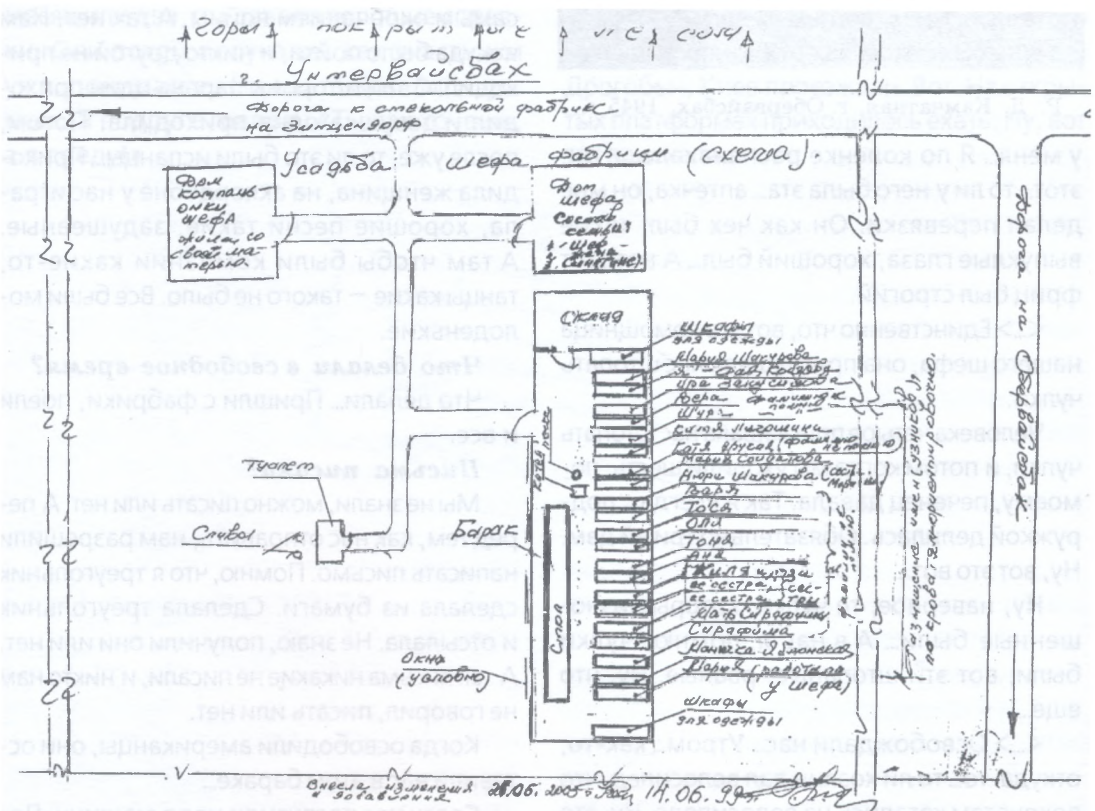
Больше ничего особенного.

Это рабочий день был, это еще до освобождения. Я вот там. Это вот Логошина, а подружка моя вот рядышком стоит. Это вот это вот с Могилева. Это тоже с Могилева. Это луганская, луганская. Вот эти вот луганские. Это тоже Мария Шакурова и где-то ее сестра. Это луганская. В общем, с Харькова здесь нету никого. Это с Могилева. У нас были могилевские и луганские.

<...> Ну, я не скажу, хозяева к нам, хоть кормили... но они, видно, и сами... Потому что

одна у нас вот эта Мария работала уборщицей у них, может быть, и обеды готовила. Когда пришли американцы, зашли в барак, и американцы обратились к нам. Говорят: «Ну, скажите, вас шеф наказывал? Или нет? Вот если он наказывал, мы его расстреляем!» И все замерли. А потом, я уже не помню, кто-то сказал: «Нет». А он стоял... побледнел весь. Он нас никогда не наказывал. Не наказывал... Вот почему мое такое впечатление, только мое, он как еврей. Он знал, чем это все могло закончиться, он нас никогда не наказывал и более или менее к нам относился.

<...> Вот когда мы с подружкой пошли промывать эти прутки... И мы промывали, берега такие бетонированные, ну, узкая речка. Промывали, и одна трубка поломалась, и я получила рану. Вот здесь, вот

План барака

Р. Д. Камчатная, г. Обервайсбах, 1945 г.

у меня... Я по коленке распанахала, и он, этот... то ли у него была эта... аптечка, он мне делал перевязки. Он как чех был, такие выпуклые глаза, хороший был... А вот этот фриц был строгий.

<...> Единственно что, вот эта помощница нашего шефа, она приглашала нас штопать чулки.

Человека четыре приглашала нас штопать чулки, и потом когда мы уходили шесть, по моему, печенец давала. Так я всегда с подружкой делилась. Обязательно три ей дам. Ну, вот это вот...

Ну, наверное, те чулки, которые изношенные были... А в нас я, помню, чулки были, вот эти штопаные, рваные. Ну, что еще...

<...> Освобождали нас... Утром... как-то, откуда-то... то ли хозяин дал велосипед, что вокруг там катались на велосипеде. Ну, это перед тем, как война закончилась, И вот она

поехала вдоль вот этой вот дороги и увидела, что идут американцы... и она, когда увидела, вернулась назад, испуганная такая. И вскоре зашли американцы. Ну, такое было освобождение... Спокойное...

Вы куда-нибудь ходили? Или «фабрика — барак?»

Иногда мы на гору ходили. Вот здесь. Но обязательно «ОСТ», чтобы это было.

Вот здесь жили русские, семья, фольксдойчи, что ли, они были, считались.

Потом поляк приходил. Он там жил где-то, мы не знаем. Были там поляки, но к нам один приходил, вот к этой вот. Манечка мы ее звали. Ну, фамилию... Вчера помнила, может, еще и час тому назад... Не помню...

Так можно было и к вам придти в гости?

Нет, если они приходили, то уже перед самым окончанием войны. А так нет. Нам куда было пойти, и никто другой не приходил. С этой стороны парень один приходил и девушка одна приходила. Потом, после уже, то ли это были испанцы... Приходила женщина, на аккордеоне у нас играла, хорошие песни такие, душевные. А там чтобы были компании какие-то, танцы какие — такого не было. Все были молоденькие.

Что делали в свободное время?

Что делали... Пришли с фабрики, поели и все.

Письма писали?

Мы не знали, можно писать или нет. А перед тем, как нас отправить, нам разрешили написать письмо. Помню, что я треугольник сделала из бумаги. Сделала треугольник и отсылала. Не знаю, получили они или нет. А так письма никакие не писали, и никто нам не говорил, писать или нет.

Когда освободили американцы, они оставили нас в этом бараке...

Сразу нас погрузили нас в машину. Потом был какой-то пересылочный пункт, где

нас проверяли, онколог приходил, где нас по-женски проверяли, обработку тоже делали. А потом уже передали нашим частям. Через Гёрлице, мы через Гёрлице проезжали.

А когда мы с подругой попали в эту часть, мы еще с одной познакомились, мы втроем оказались. И вот нас поселили в комнату, и кругом же были эти, военные. Так одна даже познакомилась с военным, и он даже, кажется, женился на ней. Потом к моей подружке, ну... тоже вроде хотел познакомиться, но она не согласилась. А я даже вообще не хотела думать и слышать об этом.

Недели две мы, наверное, там пробыли. Упаковку делали медикаментов. И говорили, вот если вы хотели остаться, то мы дадим вам справку такую хорошую. Ну, как вот приезжали уже, они поработали месяц или два, им давали хорошие справки. Они потом получали... как участники уже, понимаете... Но мы так рвались домой... Я подружке говорю: «Ты как хочешь, а я поеду!»

Слева — Р. Д. Камчатная, 1944 г.

Ну и, в общем, мы поехали. После этого мы добирались кто как может. Помню мы Дрогобыч, Киев проезжали. Вот. На открытых платформах приходилось ехать. Ну, вот так приехали...

Зінаїда Іванівна БАШЛАЙ

Зінаїда Іванівна Башлай. Бывший оstarбайтер в годы Отечественной войны в Германии.

Прежде всего, я хотела сказать об особенностях воспоминаний — они с течением времени меняются. Представления о том, что было, со временем меняется в сторону того, что забывается плохое, остается больше хорошего — это свойство всех воспоминаний. И в данном случае, очевидно, мне тоже не удастся этого избежать.

Должна я сказать, что очень трудно сейчас оценивать отношение немцев, тех, которые были тогда, <...> и то, как сейчас относятся к нам немцы. Что они взяли на себя вину своих отцов и дедов в тех преступлениях, которые они чинили против человечества. Они этим самым проявили большое мужество. И надо отдать им должное, что они стараются, во всяком случае, загладить эту свою тяжкую вину перед людьми.

Поэтому, раз люди просят прощения, нельзя не откликнуться. <...> Поэтому уже многое прощаешь, а если берешь деньги от них, компенсацию, тем более... Ты должен, наверное, еще «спасибо» даже сказать, как полагается вежливому человеку, воспитанному. Но, по-моему, никто спасибо не говорит, и Бог с ним, с этим спасибо. <...>

Мы осуждаем ту систему, которая была тогда, ту систему, которая нас угнетала, которая сделала нас там фактически рабами и отличаем новые поколения немцев, живущих сейчас, от той системы.

Еще я должна сказать, хотя это будет несколько преждевременно, что мне удалось разыскать дочь моей бывшей хозяйки: эта женщина мне регулярно присылает деньги, пишет письма, высылает посылки, по телефону мы с ней общаемся, рассказывает мне она о своих делах, о своей семье, я в курсе дела ее семейных дел, она <...> интересуется моим положением, ей кажется, что я очень бедствую.

А на каком языке вы общаетесь?

Мы общаемся только на немецком языке!

По поводу этого я хочу сказать, что я там, в отличие от многих наших девочек, относилась к языку серьез-

но. Я читала там немецкие газеты, читала на немецком языке книги и постепенно, так сказать, набирала багаж слов.

А был предварительный багаж знаний в школе?

Был багаж знания грамматики, а слов был очень малый запас. Грамматика мне помогала. Когда я вернулась домой, вначале мало, а потом больше и больше занималась немецким языком. Я даже переводы брала в Торговой палате.

Мы любим свою родину. Мы были с ней разлучены, и мы от этого очень страдали. И только тот, кто это пережил, понимает, что это, наверное, хуже, чем голод.

А потом стала овладевать и переводом наоборот, на немецкий язык. Могу показать одно письмо, которое я приготовила к отправке ей. Можно?

Вот это письмишко, которое я написала. Вот такие я пишу ей довольно длинные письма! Довольно долго я пишу, сверяюсь со словарями, мучаясь над текстом.

А сколько ей лет?

Ей приблизительно лет 65. Примерно <...> так.

Она намного моложе?

Да! Тогда, когда я была там, она мне годилась в дочки. Но она говорит, что она меня помнит. В семь лет уже могла и запомнить.

Поэтому вот этот момент, что нашелся человек с той стороны, <...> который так воспринял мою судьбу и который так стремится мне помочь, — это тоже накладывает свой отпечаток на то, что я забываю много зла.

Теперь про зло.

Политика, которую тогда проводил Гитлер, была направлена на то, чтобы создать хорошие условия для немцев. И он этого добился.

<...> Они с удовольствием приветствовали друг друга, с удовольствием кричали «Хайль Гитлер» в официальных местах и делали это, наверное, искренне.

Они как все люди, пока их не коснется лично беда, воспринимают все <...> как должное. Видя нашу беду и желая выразить нам свое сочувствие, они пожимали плечами, разводили руками и говорили: «Ну что ж, это война. Ничего не поделаешь — война!»

Когда начались массированные бомбардировки немецких городов и начали погибать их дети, вот тогда они перестали говорить: «Ах, да это война».

Они возмущались несправедливостью, как это можно бомбить беззащитных людей. Вот такое свойство людей: чтобы понять горе других, нужно пережить это самому.

Мне, надо сказать, повезло. Я столкнулась с очень многими хорошими людьми, которые помогали нам.

Поэтому в моих воспоминаниях будут фигурировать эти люди. <...> К плохим людям я относилась, извините за выражение, наплевательски. Я объясняла все это системой. Оно не должно... оно не касается меня. На черта они нужны мне, чтобы я из-за них переживала? Поэтому все, что делалось плохое, я как бы отторгала от себя. Ну, и думала: «Вам-то все равно придется за это ответить». Я тогда <...> читала газеты на немецком языке, следила за продвижением советской армии. Я не хочу сказать, что только я, все мы, которые там были, были рьяными патриотами. Ни с одним человеком я не столкнулась там, который хоть что-нибудь плохое сказал о России.

Мы любили свою родину. Мы были с ней разлучены, и мы от этого очень страдали. И только тот, кто это пережил, понимает, что это, наверное, хуже, чем голод. Когда меня особенно донимала тоска, я уходила в лес, плакала и кричала: «Мама, мама!»

То, что мы голодали, я еще отдельно про это поговорю.

Мы были разлучены с родными, мы не имели никакой связи с ними, никакой переписки. Эта система, привлекая к себе для принудительного труда иностранных рабочих, не побеспокоилась о том, что нужно <...> людям обеспечить хоть какую-то связь с родными.

Оккупированные территории, у них должна быть связь.

А для нас это имело большое значение <...>. Мы были оторваны.

Тогда, когда мои родители были еще на оккупированной территории, мама моя, например, просила какого-нибудь немца: «На, передай письмо моей дочке...»

А когда мы оказались уже по разные линии фронта, когда Украина была освобождена, почти на два года была потеряна

связь с родными. Мы совершенно были оторваны от родины, мы ничего не знали и о нас ничего не знали.

<...>

Теперь про голод.

<...> Те, которые работали на заводах, буквально умирали с голоду. Нам этот хлеб, который там давали, из чего он там сделан, наполовину с опилок, казался очень вкусным.

Мы всегда хотели есть.

Мы все время были голодными. Я думала, ну что стоило этим немцам кормить нас более или менее сносно <...>. А потом поняла — у них просто не было ресурсов. По сравнению с Россией эта страна бедна и ресурсами людскими, и ресурсами природных богатств.

Гитлер, для того чтобы вооружить свою страну, деньги брал у своих крупных промышленников, они финансировали его мероприятия. Единственное, за счет чего он мог выйти победителем, это авантюра с молниеносной войной (злополучный Blitzkrieg).

А так как война затянулась, уже большую роль играли ресурсы, а у него их не стало. Когда надо было постоянно подпитывать армию, он иссяк.

Он не мог себе разрешить хорошо кормить принудительных рабочих. Он кормил только «своих» немцев. У него ни один немец там не голодал.

Они по карточкам все получали. Жили вполне нормально. Не голодали. Я не говорю уже о фронте — немцы там тоже не голодали. Считаю, что он понимал, что для него было бы выгоднее нас нормально кормить и тем постараться привлечь нас на свою сторону. Это по поводу голода.

К русским относились там значительно хуже, чем ко всем остальным национальностям. Французы, голландцы, поляки, во-первых, питались лучше нас, жили чуть-чуть в лучших условиях, чем мы. К людям с За-

падной Украины лучше относились, чем к нам, они жили не за десятью колючими проволоками, как мы, а мы... еще внутри лагеря у нас была дополнительная изоляция проволочная. Еще хуже относились к русским военнопленным, русские военнопленные — они же не были связаны ни с Красным Крестом, ни с другими международными конвенциями. В то время, когда другие военнопленные получали посылки от Красного Креста, русские военнопленные лишены этого были. Советский Союз не участвовал ни в каких конвенциях, соглашениях, он не признавал плена.

Мы были самоуверенными и гордыми, а народ свой не ценили. Бросали людей на фронт. Они гибли и гибли. Поэтому в конце концов получились ужасающие цифры потерь со стороны России... Это все предисловие.

<...>

Началась война...

Я работала до этого времени. Выехать из Харькова при всем желании я не могла. Я была еще не таким уж специалистом, чтобы мне подавали карету.

<...>

Не было у меня таких возможностей. Я жила тогда в Липовой Роще, не было у меня такой возможности, чтобы часто навещаться в Харьков, в Госпром, в учреждение, чтоб узнать, не появились ли железнодорожные билеты.

Теперь я считаю, что не обязательно было всем эвакуироваться. А зачем? Другое дело, что у меня тут родители, у родителей тут дом. Как я их тут оставлю? Моя сестра... уходила, когда первый раз Харьков освободили. Она ушла с нашими войсками, но вернулась. Кому мы там нужны? Мы никому не нужны!

Как меня встретили, когда я вернулась из Германии! Чтобы я не забыла <...> потом сказать. Это меня даже больше волнует, чем

даже то, что я была в Германии. Под этим клеймом, которое ко мне было приклеено! Это длилось не один годик. А то, как оккупированы... Это много-много можно рассказывать. Но это к нашей теме не относится.

Слава Богу, у нас папа был, у него был запас продуктов питания. У нас было много птицы, кур. Корм для кур был, вот на этом корме мы и жили. Слава Богу, немцы кур забрали сразу, скрутили им шею. Ничего. Мы по сравнению с другими — еще кое-как. Были, конечно, голодные. Немцы о нас не думали. Абсолютно, абсолютно... Они были заняты своими собственными делами. Мы боялись их. Когда первые немцы пришли, мы их боялись. Потом перестали бояться. Мама, правда, боялась их всю жизнь. <...> Оккупация — это отдельная тема.

Германия — это интереснее вопрос.

Вывезли меня в Германию по немецкой мобилизации. Несколько раз полиция присылала нам, мне и моей сестре, повестки. Регистрировали, нажимали. Какое-то время удавалось отвиливать от поездки в Германию. Последний раз сестра спряталась в погреб. Я сказала полицая, что ее нет. За себя расписалась и... и так попала в Германию.

Многое из памяти ушло. Как мы собирались? В какой мы поезд сели? Не помню. Какие-то были товарные поезда. <...> Много перепуталось, не сохранилось в памяти.

Ну, а сохранилось так... Уже конкретно.

Работала сначала я у хозяйки. Меня хозяйка взяла, выбрала меня. Попала я к этой хозяйке. Побывала, наверное, недели две. Вдруг она мне заявляет, знаешь, есть распоряжение всех поотдавать на биржу, потому что война есть война.

Отвела меня на биржу. Фабрика называлась Шварцкопф, где производили всякие гигиенические тубики, предметы гигиены. Там я работала на конвейере, месяца, наверное, два. Уж хуже, чем там было, наверное, мне

нигде не было! Это было в Берлине. Жили мы в бараках. Это было в центре Берлина. Там было два барака. До того мы голодали (*смеется*), что хуже, чем там, потом нигде мне, наверное, не пришлось.

Нам, наверное, что-то платили, поскольку мы покупали чеснок, то, что можно было купить без карточек. Приходили, жрали этот чеснок. От нас воняло чесноком. Немцы говорили: «Как они любят чеснок!»

Купить для еды без карточек больше ничего мы не могли. А потом как-то меня вызвали к администрации фабрики, там сидит моя хозяйка, говорит, что отменили тот указ. И она опять пошла на биржу, чтобы ей дали помощницу, а ей говорят: «Хотите — заберите ту, что у вас была»

Жила у этой хозяйки. Два года. Один год мы жили в Берлине, а потом, когда начались сильные бомбежки и полыхал весь Берлин, <...> она приняла решение забирать своих детей и уезжать.

Выехали мы на запад Германии.

Когда я жила у нее в Берлине, сначала я, как говорится, отъелась, потом, когда я уже отъелась, у меня психология поменялась, мне захотелось нормальной жизни, а ее нет. А это как заключение — непрерывная работа с утра до вечера.

Что вы делали. Вы в городе жили?

В городе, в самом Берлине. Отличная квартира! Мне ее жалко было — когда мы выехали, потом узнали, что этот дом разбомблен был.

Нужно было пропылесосить все...

А кто она?

А у нее муж был полковник авиации. Вы читали мои воспоминания?

Конечно.

Там я писала, какая это была прекрасная женщина. Ни разу не повысила голос на меня. <...>

Социально мы были разные. У меня классовая как бы неприязнь была. Я прислуга —

она хозяйка. Разные ступени социальной лестницы, на которой мы находились.

Ну почему это я должна вкалывать с утра до ночи?

У нее была другая психология. «Я тебе играю, чтобы тебе веселее было!» Она мне играет «Лунную сонату», когда я мою окна, а я думаю: «Да иди ты!..»

Теперь я вспоминаю все по-другому.

Причем она говорила по-русски. Она была из прибалтийских немцев. Эти немцы были подданные русского царя. Воспитаны были на любви к России и к царю-батюшке русскому. Она любила Россию и очень порицала, что убили царя.

Она тогда знала об этом больше, чем я, я тогда ничего не знала. Теперь мы подробно все эти знаем. И она очень возмущалась тем, что невинного царя, невинных девочек убили. Я тогда со своих позиций большевистских, скажем так, защищала действия советской власти. Говорила, что да, если бы его оставили в живых, враждебные силы использовали бы его как повод восстановить монархию в России, и поэтому революционная необходимость требовала уничтожения. Я-то могла такие вещи говорить тогда. А она с точки зрения общечеловеческой, как это было жестоко и как это было негуманно. Кто был прав — уже история рассудила это.

Мы часто с ней беседовали. Поскольку она хорошо говорила по-русски, а я плохо говорила по-немецки.

Мы с ней беседовали. Каждое воскресенье она приглашала меня к себе в гостиную. Нужно работать, нужно дома все время работать. А в воскресенье есть отдых, полдня, вечером. Ей казалось, что я скукаю.

То ли ей было интересно со мной? Мы садились, штопали чулки и вели нескончаемые беседы с ней по воскресеньям.

<...>

Да, когда начали бомбить, мы выехали на запад Германии. Собственно, какие род-

ственники... Это ее старшей дочери, мать жениха, жених погиб, а мать жениха всех пригласила к себе.

Там была пекарня в селе. Этот период был для меня самым лучшим. И кухня, и стирка, и все эти домашние дела. Народу было много. Всех надо было обслуживать. Но зато был какой-то дух общения такой... В Берлине было очень скучно.

Мне нужно было общение с равными мне.

Пока меня опять не забрали на завод. Была объявлена тотальная война, чтобы они победили, забирали всех подряд, редко кто оставался у хозяев.

Забирали нас в лагеря. Там был голод.

А что за фабрика была?

Я там (работала) на заводе взрывчатых веществ. Завод производил взрывчатое вещество. «Гекса», так называли это вещество. Мы все ходили желтые! У нас все было желтое. У нас руки, ладони, пятки были желтые от этой «Гексы».

Работала сначала в лаборатории. Я, когда пришла от хозяйки, встретила на территории лагеря одну девочку, и она мне говорит: «Иди к нам, в лабораторию!»

Что мы там делали? Конечно, не анализы, а уборка в помещении, подготовка реактивов, мойка посуды лабораторной. Нас было там человек семь. Девчонки как на подбор с Донбасса. Многие остались там, ну, не многие... Одна за голландца вышла замуж. А кое-кто вернулся домой.

А потом меня перевели в склад механической мастерской. Мы там сидели с немцем в кладовой. Я на выдаче инструментов сидела. Немец, кстати, был с юмором. Был он, наверное, не военнообязанный. Лет ему было эдак... лет 45. Юморист. Высунется со своего окошка туда, к этим, к иностранцам и кричит в переводе на русский язык: «Эй, иностранцы, иностранцы, работайте, чтоб мы победили!» А потом, когда американцы были близко, он гово-

рит: «Чего вы тут сидите? Лично я завтра же уезжаю в деревню!»

В общем, немец был хороший. Настроен был доброжелательно, как настоящий человек. Не хамил ни с кем, даже с юмором.

Ну, кто там плохие были? У нас там было два вахтера. Один был хороший, мы называли его «желудочник». Второй вахтер был вредный, противный, страшный, красномордый. Его так и называли «красномордый».

А замахнулся на меня чего? У нас там были верхние нары, я на верхних нарах лежала. Несколько раз падала вниз на девочку. Я ему сказала, что нары надо починить. Так ему не понравилось, что я, значит, с претензией.

Починил?

Починил, куда он денется.

В той деревне, где я работала до отправки на завод, на пекарне работал француз. Когда он приносил хлеб в магазин, он лез в ящик и доставал карточки, непогашенные, и, когда я приходила, он мне их давал. Я могла в любом другом магазине купить хлеб по этим карточкам, они непогашенные были. Он стеснялся брать много карточек.

А немка, которая работала в том магазине, достанет целую пригоршню карточек: «На тебе!»

Но это, наверное, не надо писать... Вдруг ее потом кто-то упрекнет, что она иностранцам помогала!

<...>

Я писала этой немке много раз. Пишу на бургомистра деревни: «Передайте это письмо Анне. Она работала домоправительницей у фрау Питц». Один раз написала. Молчание. Через год я написала опять. Молчание.

Но я делала ошибку, ту, что я просила передать Анне это письмо. Надо было не передавать ничего. Просто, если бы возвращалось письмо, я бы знала, что ее нет там. А так бургомистр передавал, по-видимому. Но она ни разу мне не ответила. Потом я узнала, что она вскоре после войны вышла

замуж и уехала в Мюнхен. Она вышла замуж за брата своей приятельницы, которая жила напротив. Письма, во всяком случае, мне не возвращались.

<...> Когда я попала потом на завод, я ходила в деревню раз в две недели. В субботу я шла с завода не в лагерь, а в деревню, 15 километров. Там я ночевала у русских (там была группа русских, которые работали в замке у баронессы), потом наутро шла к своим хозяевам на пекарню. Там они давали мне хлебину, потом кучу карточек. Я тогда отправлялась в обратный путь. Одну ночь я не являлась ночевать в лагере. И уже меня ждут, ждут вот эти вахтеры. Ага! Вот я пришла, и меня — раз, и в карцер. Но карцер у них был такой: из металла сделано неотапливаемое помещение типа вагон. И там, как купе, отдельная кабинка, там был деревянный лежак одноэтажный, параша тут, непременно условие. Он меня туда помещал. И я там проводила ночь или две ночи — как им вздумается. Теперь я думаю, что я рисковала. Они меня могли отправить в штрафной лагерь. Я шла сознательно на это дело, потому что я получала хлеб, понимаете, а за хлеб я готова была что угодно делать. Ну, слава Богу, обошлось! Я потом слышала, что за такие нарушения в штрафлагерь отправляли.

Они почему-то не отправили в штрафной лагерь. Может быть, у них не принято было в этом лагере.

<...>

В лагере была большая столовая, как концертный зал, рояль стоял, сцена была. Но это столовая была для иностранцев. Мы получали паечек в кастрюльку, в мисочку, и шли к себе, а тут были иностранцы.

И огромные туалеты там были, мужские туалеты. И меня туда — в качестве наказания. А загаженные эти туалеты были! Идут эти иностранцы, смотрят, какая-то девушка убирает туалеты! Кстати, между прочим, они отомстили, не за меня, а вообще.

Когда пришли американцы, они ловили немцев и заставляли мыть туалеты. Они такое устраивали, эти иностранцы. Они знали, что этот «красномордый» издевался над нами. Наших было мало мальчиков. Считанные, они были молоденькие и ничего не знали, кроме того, что грабить.

А грабили потом, между прочим, когда американцы пришли. Все иностранцы как кинулись грабить немцев — не хуже, чем немцы грабили. Так точно, как немцы здесь, когда пришли на оккупированную территорию.

Тащили все в этот лагерь при американцах. А французы как взялись за кормежку — кремы всякие варили, с голоду, знаете. Мясное всякое, вкусные обеды.

Вот... Такой сумбур!

О хозяйке я рассказала. Так у нее было 5 дочерей.

А переписывается вы с самой младшей?

Да. Для меня была самой близкой самая старшая девушка. Это невеста, у которой погиб жених.

А потом вторая была, которая отработывала «Arbeitsdienst» — трудовую повинность — в имении своей тети, иногда приезжала к родителям. Вот она, как мне представлялось, была настоящая фашистка. Я иногда попадалась. Когда все уйдут из дома, я ничего не делаю. Начинаю играть на рояле, потом включаю радиоприемник. Они приходят неизвестно когда, а там музыка. А вот эта вторая девчонка кричала на меня: «Ты не имеешь права! И радио включать ты не имеешь права!»

Я не люблю утром рано вставать. Хозяйка меня будила. Не то, что прислуга, должна встать раньше всех, всех разбудить... Будила меня хозяйка. Приходит, говорит: «Пора, пора вставать!» Ну и уходит, никогда не сердилась и не кричала на меня.

Или там вот этот вахтер, такой был поганый, а вот работали в лаборатории, там работала одна немочка, которая приносила нам покушать. «Маленькая» мы ее называли. Не имени, ни отчества не помню.

А как же освобождали?

О! Это интересно было. Подходят американцы с западной стороны, зарево.

Это немцы, значит, отступали, мимо нас ночью проходили, дошли слухи, что тех, которые в лагерях, будут забирать, а потом расстреливать. Это концлагерники рассказывают. «Марш смерти».

Мы решили, что мы заранее уйдем в лес. Все еще охранялся лагерь, и в этом лесу было много иностранцев. Мы все больше с французами дружили. Сделали палатки из веток. Что мы ели?... Вот я задавала себе вопрос: «А что мы ели там?» Не помню. Но три дня мы были в лесу, потом мы решили, что пора уже выходить.

Уже были американцы. Американцы особенно нами не интересовались.

<...>

В нашем лагере собралось много иностранцев из других лагерей, военнопленных много приехало, русских военнопленных. Сделали сборный пункт. Регистрацию сделали и организовали кормежку. И мы там прожили как у Христа за пазухой еще месяца два. Нас отправили с американской зоны оккупации в репатриационный лагерь советской зоны оккупации в Магдебург.

<...>

Чистоту немцы соблюдали. Что-что, а чистоту умели в лагере содержать... А воды сколько хочешь. А кранов, умывальников, туалетов — очень много! Вот такие нормы на единицу человека!

Мы тут не привыкли. А у них, значит, какие-то нормы были, чистота. Чисто, чисто — у немцев. Как мы переехали только к нашим, в нашу зону — все подьезды закапаны. Все загажено.

Организовывали лагерь, знали, туда шли люди непрерывным потоком. Шли, шли непрерывно Они готовились встретить нас там. Они приготовили школы, помещения. Они навезли кроватей, там таких, знаете, металлических, затрапезных. Но это ладно. Но главное — не побеспокоились о туалетах.

И все подъезды были загажены. Я потом перешла в другой лагерь, для иностранцев. Я там была сестрой-хозяйкой. На повышение пошла в кухню. В общем, так!

Как проходили фильтрацию?

Значит, как!? Меня проверяли, вызвали к следователю. <...> То, что ты говорил, то они и фиксировали. Проверить эти миллионы людей? Да это невозможно! Все мы там оставались до отправки домой. А военнопленных, с нами которые были в американском лагере, — как доехали в Магдебург, в советскую зону военнопленных сюда, а гражданских сюда. И больше мы этих военнопленных в глаза не видели. Как известно, большинство из них отправляли в концлагеря, но уже советские.

Ну а как они проверяли? Интересно, что кое-кому это потом вышло боком, то, что записывали с наших слов. Это когда потребовались справки с подтверждением работы на заводах для получения большего размера компенсации. Я-то говорила правду, не говорила брехню, не выдумывала ничего. А некоторые хотели скрыть... «Я работал у хозяина», а в самом деле работал на заводе. Скрывали то, что работали на заводе. Это же негатив! <...> А некоторые следователи — хорошие парни были — и говорили: «Да не пиши, что ты на заводе была, напиши, что ты работала на строительстве».

<...>

Ну и потом, когда мы приехали домой, нужно было явиться для получения паспорта, я помню, что я сдала повестку, которую я потом в глаза не видела. На моих

делах числится: выехала по мобилизации немецкой.

Ну, я пришла в райисполком, а профессия у меня была инженер-химик. «Ну, куда же вас устроить, на маргариновый или на коксовый?» Я пошла на маргариновый. «Вы инженер?» — «Инженер». — «Инженером принять не можем!» Я успела пару лет до отъезда в Германию проработать в «Гипрококс». Так меня приняли в «Гипрококс»: узнав, что я вернулась из Германии, меня пригласили в «Гипрококс» и предложили продолжить работу, где я и проработала более 30 лет.

Ну вот то, что я хотела вам сказать, — везде тянулась за мной это пятно.

А в чем выразалось?

Замуж было выйти трудно... Все, более или менее, карьеристы. Хотят какой-то карьеры. Такой любви, которая преодолевала бы это все, не было. Поэтому выйти замуж тем, кто был в Германии... (было сложно).

Были у меня такие конкретные случаи, которые вот так кончались, ничем. Я знала почему.

Потом по поводу продвижения на работе. <...> Как мне потом сказали, было негласное указание. Не давать ходу тем... не продвигать их по службе. <...>

Того выдвигают, а меня придерживают; тому зарплату повышают, а мне придерживают.

В колхоз посылают — я первая. Завалы разбирать — я первая. Командировки длительные.

Я потом и любила эти командировки. Я, когда уезжала в командировку длительную, я перекрещусь, слава Богу. <...>

Я видела, что даже и попытки мои рассказать о Германии люди встречали настоженно.

Почему?

Ну, чтобы я не вмешивала их в это дело. Между собой мы, остарбайтеры, никогда не говорили о Германии.

Некоторые люди в анкетах никогда не писали, что были в Германии. Так что многие скрывали всю жизнь, и очень эффективно. Понимаете? Это говорит о том, как была поставлена так называемая «проверка».

Так что я всю жизнь жила под этим самым гнетом... Последний раз, когда я была у брата в Москве, рассказывала про свою хозяйку, ему не понравилось, что я получаю посылки от ее дочери.

Он считает, что я куплена. Я куплена, правильно. Но хорошим отношением. Она-то не при чем. Эта немка ни в чем не виновата, она была во время войны еще ребенком.

Семью устроить я не могла вовремя. Боже сохрани, ни о какой аспирантуре не могло

быть и речи! Сиди и не рыпайся. И я решила: ах, раз так – спорт, концерты, театры! Создавалось впечатление, что я всю жизнь прожила в свое удовольствие.

<...>

Не та в памяти осталась травма, что от немцев, а то, что наши ко мне так относились, – это меня больше травмировало. Вернувшись на родину, я была счастлива, я радовалась всему, что меня окружало дома, радовалась встрече с мамой.

Меня можно было лишить карьеры, закрыть передо мной все пути к созданию семьи, даже лишить меня свободы, но одно нельзя было сделать – это отнять у меня счастье возвращения на родину!..

Тамара Сергіївна СЕНІНА

Задайте мне такой вопрос...

Давайте сначала. Где вы находились, сколько лет вам было, когда началась война? Где вы жили?

Город Каменск, Ростовской области. Мы жили там. ...

Какая у вас семья была?

У нас семья была... Папа, отчим. С родным отцом я не жила. Отчим был, мама, брат Володя, и я жила с ними.

Началась война, мы как раз ехали на бахчу. Мы вернулись домой, и после этого, ну, началась, предвоенные... эти... ну, как, жизнь предвоенная началась. А в 40-м году... отчима с работы сняли, и он работал, тогда ж на бахче, на... директором хлебозавода, и мы ехали на бахчу тогда, и ото мы вернулись.

Ну, у него своя работа была, он ездил по своей работе, мама не работала. Я все время гоняла корову на пастбище. Брат в школу ходил. Мама — не работала.

Потом начались налеты на город Каменск. Отец в 42... отчим в 42-м году умер. Мы остались втроем.

Да. Перед этим нас хотели... это... эвакуировать, и мы доехали до Россоши. Ну, я не знаю, какой это области, Россоши. Недалеко. Нас разбомбили, и мы вернулись. Из заводом «Комбинат 101» нас хотели вывезти. И мы вернулись, вернулись, и мы остались.

Когда, значит, начались налеты на Каменск, нас, уже втроем, переселили в другой домик. Мы жили в другом домике. Эх... И вот в одно прекрасное утро, такое солнечное... Корова наша мычит. Надо же ее что-то, чем-то кормить, а мы в центре города жили. И глядим, немцы, на этих, на... мотоциклах поднимаются. А в нас такой спуск был, через Донец. Положили, это, понтонные мосты и начали переправляться со Старой Станицы. Они шли со Скородумовки, Старой Станицы, потому что мост был разбит центральный. Они положили понтонный и поднимались по горе.

Первым долгом я увидела их у дырку, у за... у забор. Когда гляжу, они к нам зашли, кричат: «Матка!.. Молоко давай...», уже ползали поэтому...

<...> Поехали мы с мамою менять... уже при немцах. Мама то платье взяла, то косынки... Ну, в общем, поехали менять. Поменяли мы, значит, приехали мы домой, и —

хоп тебе — вызывают маму в комендатуру. Дали нам сбор на... на ночь, из-за того, что корова у нас же ж была. Надо корову определить. Мама определила корову. Дала Яцковым, он был когда-то этим, сторожем на... хлебозаводе. И отчим мой их... Ну, сторожем... Он был директором хлебозавода, отец... И мы оставили им корову. И мама... со

*Да. Когда мамы не стало,
я начала нервничать.
Начала пробовать мять,
начала выкидать ее, начала
звудить, начала ханить...
Кнаре меня вызвал
и сказал: «Кочень жинь?...
Зи мус арбайтен».*

стола стянула красную скатерть и ковер. А потом, говорит, вот это на сбор дали, быстро собратся и явиться, втроем.

Когда мама вот это все взяла. Потом вспомнила, надо ж еще пальтишко взять. Вернулась, взяла пальтишко. И мы на сборе побыли, наверно, с полчаса, и очень большая колонна... Перебрались через Донец. И в Скородумовке нас... загнали у товарняки. А еще сижу и говорю: «Надо было и Маньку с собою взять». Это 14 лет мне было...

Корову?

Корову. «Маньку надо было с собою взять...»

Ну, нас закрыли и повезли нас быстро-быстро. С нами, в эшелоне не в этом, была Сталинградская область... тогда она была Сталинградская. Очень много. Как они там очутились, как их сюда привезли?

Ну, когда нас привезли в Краков, от у Кракове нас и открыли. До Кракова нас и не открывали даже. Пёр так быстро этот, этот, машинист, что ужасно. Я помню хорошо две... этих... под землю, как они называются вот эти?..

Тоннели?

Да. Две тоннели эти, вот эти я хорошо помню. Я так плохо их переносила, там воздух не такой. Вот. И вот я сейчас вспоминаю, если ехать поездом и опять эти тоннели, две...

Ну, привезли нас, выгрузили в... я ж не знаю, в каком городе. Выгрузили нас у машины и привезли в лагерь. Привезли... Довезли нас до лагеря. Машин много было. Когда подвезли к лагерю, он весь был в свете, собак много, люди там были. Я как глянула! Ну, весь освещается и весь в проволоке этот лагерь. Я молчу уже. Потом мы... машины двигаются так, у этот, у ворота. И — хоп тебе — перед нами машина останавливается.

Команда там была, нас назад, задние машины... И поехали прямо по другой дороге. Привезли нас в лагерь, более-менее спо-

койный. Тут собак не было. Свет был, все. Привезли нас в лагерь. Выгрузили в лагере. Нас... Дали нам по два одеяла байковые и поселили всех троих. Утром нас погнали в баню. Погнали в баню нас. Значит, что первое — это первое мне сделали укол, под правую руку. Потом сфотографировали прямо и вот так вот, в профиль. Третье — взяли все десять пальчиков, черным, сделали. Я смотрю, ну мне ж 14 лет было и два месяца. И у мамы взяли, у брата взяли. Вот. И распределили на работу.

Маму погнали на доменные печи, на тракторе она работала. Подвозила кокск доменным печам. Брат работал у горячем цеху, где металл плавил. А меня послали на завод по изготовлению канатов, на станок. Первым делом... Первые несколько дней я не могла справиться с этим станком. Ведь проволока рвется... Надо наматывать ее на шпульки. Ее спаивать надо. Газ. Какой-то порошок белый, чтоб спаивать, затесать, и вот так вот вместе соединить и спаять вот это, проволоку. И опять пустить ее, чтоб она работала.

Первым делом, что я, меня предупредили, не порежесь... чтоб в станок не попали руки. Нас было две девочки. Два станка стояло и две девочки. Ляхова... Милка. Я ее все звала: «Мила! Мила, иди, помоги». А эти большие проволоки, чтобы накинуть ее на этот, на качалку, на такую, шоб она крутилась и с этой качалки на маленькие шпулечки, а потом мы подвозили их немцам. Немцы делали от пальчика канаты до больших тросов, которые вот это... на этой... На большие вот эти, троса. Но когда я проработала, немножко я освоилась, дали мне еще станок — больше.

Я была очень быстрая. И Кнаре... У нас был мастер Кнаре. Он когда-то в годы войны, тогда, в 14 году или в каком году, он здесь был и в Батайске потерял ногу. А мы все смеялись: «Ну как, Кнаре?» — «Я, я, я.

Батайск, Батайск. Батайск». Ну и на этом... И вот это я работала.

Работала я, значит, долго на этих двух станках. Потом они... у меня убили маму там.

А как это случилось?

Осталась я сама.

Ну, говорят, что неисправное рулевое... А немцы мне пишут, что мама умерла. Умерла! Вот там. Умерла! И все. А я знаю, что что-то случилось. Потому что... Это позже... Вот. Я за себя расскажу, потом за маму расскажу.

И вот они меня все время убеждают, что мама умерла. Но я ж прекрасно знаю...

Ну, когда, значит, не стало мамы, они меня с этих станков...

Да. Когда мамы не стало, я начала нервничать. Начала проволоку мять, начала выкидать ее, начала грубить, начала хамить. Так это, знаете, с проволокой с этой обращалась.

А меня... А у них стоит сетка и возле сетки стоит ящик для отхода проволоки. Ведь есть бракованная, туда. А я, ото, не хочу распутывать, смяла, смяла и брошу. Кнаре меня вызвал и сказал: «Хочешь жить?.. Зи мус арбайтен».

Вы разобрались, что я сказала?

Конечно.

Он не на «ты» меня назвал. «Зи мус арбайтен. Мутер дайне тот. Зи мус арбайтен». И я прекратила это все. Когда он мне вот это сказал, я уже поняла, в чьих я руках, потом мне вже мужчины рассказали...

Ну, значит, вот это я работала. Потом они меня послали в горячий цех. Там, значит, прокат проволоки. Ее, значит, наматывают на такие катушки. Потом снимают краном, горячую, краном снимают, ложат у вагонетки, и вот эти вагонетки, там кран бегаёт, я должна пойти на...

Там женщина, крановщица, чудесная женщина была. И вот она говорит: «Ты не спеши. Лангзам. Лангзам...» И вот меня посылали, чтобы я, это, зацепляла гаками... Гак,

крючки такие, гак. И вот, это, я цепляю вот эти вагонетки, и далеко, далеко в цех мы их перекидываем, а там подходят...

Там подходят вагоны, и их грузят вместе с этими вагонетками у вагоны. И вот это меня на час, на два в этот цех. Что мне там нравилось... Я когда иду в этот цех, там делали гвозди. Стоит станок, никого нет. Стук. Стук. Стук. И вот определенное количество гвоздей... настукает ящикек – отключается. Кто там приходит, я не знаю. Или один, или несколько человек было, что станок стоит, значит, опять, вот это, в этом цеху, в горячем цеху, где прокат проволоки был, вот, была эта... гвозди вот эти делали.

И я ото... поцепляем, поцепляем, она показывает: «Уходи», и я пошла на свою работу. И когда я пришла на свою однажды работу, он мне говорит: «Иди на эту машину и работай, по изготовлению тросов толстых». А катушки там, вы видели, деревянные такие, большие. Это ж ее нужно подкатить. Это нужно засунуть этот штыречек, прикрепить, прибить этот трос, а потом включить машину и оно наматывает... Машина крутится, скручивает этот трос, и наматывается на эту большую катушку. Но когда вже эту катушку намотали, тогда вже я отрезаю, прибиваю конец, заделываю его, прибиваю и прошу, чтобы кто-то из мужчин или мастер пришли, спустили ее. Шоб она укатилась в цех. Бо я не удержу и могу все надеть... Или на станок на какой-нибудь... А там машин много... очень много машин работало. Немцы в основном. Вот это я так работала.

Перерыв был час у нас. Я работала с 6 утра до 6 вечера, а потом с 6 вечера до 6 утра. У воскресенье выходной был. У воскресенье нас гоняли в баню. Саша банщик у нас был. (Смех.) Ох, и Сашка!

Наш был?

Наш. И комендант был наш, Дмитрий. Но я с ним никакого отношения не имела. Я всегда на месте была, никуда не ходила, не

гуляла, нікуди не виходила. Мамы не стало, и я нікуди не стала ходити.

Но когда мамы не стало, утром, часов в девять или в десять, пришли два парня. Один немножко выше, другой немножко ниже. И говорит: «Тамара. Мамы нету. Ты не волнуйся, не ищи маму. Вот тебе кусочек вот этот, ты куда-нибудь приложи его, к какому-нибудь телу и это самое... Завтра у тебя рука будет красная, и ты немножко не поработаешь. Тебе доктор даст освобождение». Вот оно.

Я взяла, приложила и намотала. Боже, как разнесло мне руку! Утром я прихожу к врачу. Говорю: «Вы знаете, вот так и вот так. Обожгла». — «Что? Кто дал?» Я говорю: «Не знаю». — «Кто дал? Значит, если ты скажешь, кто тебе дал...» А там рядышком был мужской лагерь, по-моему, 132, если я не ошибаюсь, по-моему, 13... под номером был. Я... «Скажешь. Я дам тебе больничный, будешь гулять, не скажешь — пойдешь с больными руками работать...» Я говорю: «Я не знаю. Я это... Не знаю, я обожгла». — «Ты ж работаешь в канатном заводе, там нельзя обжечься». — «Да я в горячем цеху ж работаю». Но он, значит, посмотрел на меня: «Иди работай». И все. И я когда ото пошла, и меня вкрутило обеи ручки в проволоку, она ж больная была, порезала все ручки, и после этого я никогда ничего не делала. Никогда! Ничего... Не брала, не говорила. Замолкла в лагере. Меня не стало там.

Но когда ото нас посылали на кухню, раз у месяц, наш барак посылали, выковыривать с картошечки... Там машины чистят картошку, вот эти, черненькие, глазки. И ото у трусики накидаешь, прилепишь к телу. Прийдешь, это самое, на трубу, на эту на буржучку на эту, напекешь тихонечко, и раз в месяц. А так я только на пайке сидела, никакой помочи, ничего. Вот такие дела.

Потом, значит, я познакомилась с одним парнем. А в нас два цеха, вот этот прокатный и этот... А там два цеха — нельзя было зайти. Он туда... Туда никто не ходил, никто не заходил... Там охрана стояла. Что там за цеха, я не знаю. Вот я познакомилась с этим Виктором. И Виктор мне оттуда мыло носил. Там мыло было. Зелененькое и красненькое. Червячки такие. А что они... Ну, мыло натуральное хорошее мыло... А немецкое мыло такое гадкое было, одна глина. Ну, значит, это самое... И вот он меня мылом снабжал. Потом рису мне иногда приносил. Где они брали, я не знаю, но они приносили. Вот.

Потом, значит, начались сильные бомбежки. Нас два раза вывозили с Дортмунда. Потому что мы пришли, осталось одно... руины. И вы знаете... ну, буквально, за несколько часов опять бараки поставили. Они скручивались. Попривозили. Вот.

И я ото... два раза нас вывозили... а так все время бегала, через свой завод... Бегала под доменные печи, там, ото, где выливалось отходы от металла, там бомбоубежище было, немецкое и наше, и вот я туда спасалась, бегала. Частенько через завод, потому, что меня там на проходной знают...

А в нас лагерь был, значит, за лагерем был тоже завод, прямо прилегал завод. Там стояли тоже охрана. Ото когда... Да. Когда, значит, еще брата...

А когда, значит, мамы не стало, когда мамы не стало, брата толкнул какой-то немец... Вот так вот взял и толкнул его. За что там, я не знаю.

Брата?

Да, брата. В цеху. Они в одном цеху работали, в горячем, в литейке. Вот. И когда он его толкнул, он машинально побежал и зацепил ботинком вот это... металл... и обжег ногу, и с лагерь убежал. И его не было месяца три, его нашли, привели и... и загнали вот в этот завод, который возле лагеря. Там под землей

делали вот эти, чи снаряды, в общем, чи бомбочки, я не знаю, я знаю, что там делали какое-то вооружение. И из-под земли его не выпускали, брата, за то, что он убежал с лагеря.

А когда бомбежка однажды была и бомба попала прямо у проход, где... туда спускаются люди и не разорвалася. Их моментально всех оттуда выгнали, и вот тогда я уже увидела брата. Вот.

Хоронила я маму сама, без брата.

Все вместе в одной комнате жили?

Нет. Мы с мамой жили, а Володя жил рядышком лагерь, мужской.

Но ходили на работу в разные места. Да?

Они ходили на работу в разные... Я ходила через дорогу, завод был, большой завод. Вот. А они ходили на доменные печи. И там они встречались с сыном, мама. А я с мамой виделась только в бараках. Я прихожу, она уходит, я ухожу — она приходит. Вот. И он вот тогда убежал... И вот это тогда я его увидела. Но все равно, все равно, он как этот был, как зверек, обозленный был. Ото што его... И все равно, он там же, в том же цеху работал. Дорабатывал в том цеху. Вот.

Ну, так, очень большие бомбежки были. Очень большие. Я все бегала. Я все что-то бегала.

Потом, когда в одно прекрасное время говорят: «Нас освободили. Нас освободили, вы знаете, вот там есть здание, в нем есть сухари! Побежали за сухарями!», я со скоростью звука — туда. Но подбежала я к этому зданию, слышу там: «У-у-у-у-у-у-у», как улей, народу полно. Что там было, я не знаю. Я, когда подскочила к этому зданию, мужчина дерется на фундамент, за решетки взялся и держится. А я тоже одной рукой взялася, а другой еще не успела. И меня хоп, меня ранило. Пулею. Вот так как я взялася, так вот она и прошла насквозь.

Я значит, это самое, осела, гляжу — кровь, а дорога рядышком, и едут одни за одним американские войска. Я подбежала и показываю: «Болит!» Они меня подхватили в машину и перевязали, посыпали чем-то, перевязали, посадили у машину, и увезли в госпиталь. Привезли ж они меня в госпиталь, уже темно было. Я смотрю... Там, слышу, мужчины разговаривают. А тут палата длинная такая и вся из стекла. Стены из стекла, с толстого, и это из стекла, и по нем вьется виноград дикий. Ну, мне дали кроватьку, я легла, колодяшечки свои прижала к себе, в одном платечке, ничего ж нету, и — хоп тебе — переспала я.

А утром гляжу: идут три солдата. Зашли с той стороны, с госпиталя. Я за эти колодяшки и ходу. Выхожу во двор, со двора вышла на улицу, гляжу, этот, этикетка: «Дортмунд, 40 км». Как глянула: «Дортмунд, 40 км». Ага. «Дортмунд 40...» Я дернула в лагерь. С рукой с больной, с этими с туфельками своими, с колодяшечками, и бегом, бегом. Я не знаю, за скоко я добежала до Дортмунда. Прибежала прямо на завод. Прибежала на завод я. Завод... Моего барахлишка нет. А мне мама с этой скатерти красной пошила пальтишко, чтобы я не замерзла. И подставила одеяло, которое нам дали. Говорю: «Мама. А мы будем ехать домой, как же... одеяло сдавать надо». Она: «Не волнуйся, дочечка». Нету этого пальтишка. Ничего нет. Я в лагерь... Разграблено, разбито все.

Подходит ко мне какой-то мужчина и говорит: «Лагеря здесь нет. Их перевели всех на, это самое... у этот, у военный город у немецкий». Я говорю: «Как?..» Он меня привез туда.

Привез... Он, видно, был оставлен там, шоб если кто будет приходить, собирать всех... Привезли нас в военный городок, там, где немцы стояли. Там я кой-кого уже из своих уже увидела.

Да! Я зашла на проходную и говорю: «Я была в госпитале и убежала оттуда. Спугалась и убежала. Я хочу кушать». Что мне первым долгом дали американцы — это макароны с мясом. Ни хлеба, ничего не дали. Насыпали макарон. «Подождешь, говорят, пока будем всем давать кушать». Они меня накормили. Показали, куда идти. Я пришла, там кровать. Я вже долго отдыхала. А потом вышла во двор, я ж в этот, в грязном во всем, вышла во двор, встретила этого Виктора, нашла брата. Виктор принес мне шарфик, принес платье розовенькое. Ну, в общем, одели меня немножко. И побыли мы там около трех месяцев. Откормили нас, посадили...

Да! А я, значит, говорю... зашла на проходную, начальство ж там все... говорю: «Как мне на кладбище?..»

А кладбище напротив там, где мама похоронена. Говорю: «Как мне пойти на кладбище?»

«Под проволоку не лазьте. Бо одну застрелили».... Американцы не выпускали под проволоку. «Одну застрелили, чтоб и вы не попали туда. Сюда». Обходить далёко. И я взяла дощечку, палочку и написала... и пошла... *(Плачет.)* Пришла я туда. Сама. Нашла ж могилу. Всё нашла. Поставила ж дощечку и ушла.

Через некоторое время нас начали увозить домой. Посадили нас на машины на большие, большие машины, помного посадили нас, и повезли нас, не поездом, а машинами. И приехали мы в Польшу. Нам там обстреляли какие-то... Несколько человек убило.

Привезли нас до границы, там мостик, ну, приблизительно, так вот полкомнаты, такой мостик через Буг. Привезли нас до этого мостика, выгрузили нас всех, посчитали, написали и сдали сколько. И мы пешком перешли через этот мостик. Когда мы перешли Брест, Брест-Литовск. Поселили нас у большие казармы и начали нас шту-

дировать: начали нам комиссию делать, начали спрашивать, начали... В общем, мы там пробыли около двух с половиной месяцев, пока нас... Документы оформили. И потом Ростовскую область расформировали. Посадили в вагон и повезли нас в Ростов. С нами был военный, солдат был. Кто он, я не присматривалась. Факт тот, что у него был мешок такой, зеленый, и мы были с ним. Он привез нас в Ростов. А в Ростове каждому купили билеты, кто где. И разъехались. А документы все остались в Ростове. И все.

Ото приехала я. Корову мне не отдали. Все мое у Анны Ивановны осталось. И я пошла работать рассыльной... к директору станции ТЭЦ-3. Рассыльной. Носили почту. Носила спецпочту. Но признаваться я не признавалась, что я была в Германии. Тогда нельзя было ничего говорить.

<...>

Я хотела выйти замуж за военного... за пантонника. Он написал рапорт, и не разрешили мне... Ему не разрешили жениться на мне из-за того, что я была в Германии. Не разрешили...

И я уехала с Каменска в Харьков. Здесь брат, командированный был сюда. Я приехала до брата и здесь осталась. Нашла себе хорошего человека. Прожила с ним 43 года. Есть у меня сын.

Ну, ему-то разрешили на вас жениться?

А он простой сварщик.

А моя подруга, значит, ее мужа... Мы дружили. Она жена военного... Он женился на ней без росписи, без ничего. Двое детей. Его послали в Москву служить, а она жила за Москвою. 101-й километр, что ли. Она жила. Вот. Ну, сейчас, конечно, это же не отражается. У меня муж был очень хороший человек, сварщик, очень хороший. Сын у меня очень хороший парень. Работает на производстве, государственном пред-

приятии, но, увы, говорить нельзя, где он работает.

...Возвращаясь к вашему лагерю. Вы сказали про этого банщика Сашу. Что там был за банщик Саша?

Там был Саша, маленький, коренастый такой, гонял всех женщин, бил очень сильно. Бил.

Зачем?

Бил. Ну, ему красивые женщины нравились. Ото, как зайдут у баню и пошел... Ага... И мы его дразнили там, ну мы ж детьми были, дразнили. И Дмитрий у нас был. Но с ним, я никакого отношения... с комендантом этим... не видела, не было. А Сашку дразнила, поддразнивала. Вот.

А потом, когда нам выдали, эти самые, подкладушки, менструация. А я спрашиваю: «А что это такое?»

А как оно выглядело?

Оно выглядело... Вот такие, бумага, туалетная бумага, несколько штук, и затянутые, этой, такой сеточкой белой. Там мягкое... такое, хорошее все.

Это всем выдавали?

Всем выдавали женщинам. А я говорю: «А мне не надо. У меня нету». У меня в 17 лет аж пошла менструация.

...Я бы, может быть, не запомнила это, но мне дали, у коробочке. Их вытаскиваешь, такие длинненькие, и подлаживаешь. И они в сеточке, беленькая такая, нежненькая сеточка. А там бумага, несколько слоев, ну, она толстая такая. Давали, давали.

А что еще выдавали?

Ничего.

И спецодежды никакой не давали?

Нет. Нет. Нет. Когда мамы не стало, у меня был большой платок, у мамы был большой платок с кйстями такой, когда-то до войны были. Ну, я ж... Меня... когда я начала вот это немножко там проволоку трогать...

Меня Кнаре взял, он меня очень уважал за мой труд. Я... И он меня взял, выдернул с оттудава и поставил к Генриху. Красивый мужчина... Ой!

Ну, значит, когда он меня поставил, я пришла в этом платке и стала возле станка, и стою. Стою, значит. Начинать надо работать. Генрих подходит и говорит: «Тамара. Кауфен (Продай)». И что... «Кауфен...» А потом мне уже объяснили. Они крутящиеся, станки, тебя вместе с платком затынет.

Вот. Так, он уже не просит, чтоб я ему дала... Уже: «Я у тебя куплю этот платок». И я сняла этот платок, я поняла. И я у него долго, у Генриха, работала. Он принесет бутербродик, даст... Что тот бутербродик, когда голодные были. Принесет, даст. Так ото я там у него долго проработала и справилась, и они меня на эту большую машину, на канаты поставили.

А немцы... Я с ними никакого отношения не имела. Я имела Отто, Генрих и Кнаре. Отто был нахальный, очень нахальный был... Прийдешь в масленку набирать масло, так он тебя... облапает всю. Так я и не стала ходить туда.

У меня мама была... беспредельной красоты... Я не могу передать, какая красавица была. Выточенная. Очень красивая у меня мать была. Вот.

Кнаре приглашал меня однажды к себе домой. Показать, как он живет. Генрих никогда ничего, не приглашал. Никогда ни плохого ничего не говорил, только за платок... чтобы живая осталась.

Ото, Кнаре меня предупредил, шоб я работала, и все, больше ничего.

И когда мамы не стало... Сегодня, завтра, а на третий день меня Кнаре пригласил к себе в кабинет и говорит: «Иди помойся... Помой руки... (А у меня руки всегда в масле были.) Помой руки, переоденься в чистенькое, и, это самое, пойдём хоронить маму». Сели мы на трамвай, приехали мы

на кладбище, заходим в ворота. Вот такого цвета желтого дорожка и насыпанная вся... ракушка такая. Ну, по ней же ездят, она помятая вся. И вот мы по этой ракушке шли. Дошли до здания. Зашли мы за зда-

ние за это. Стоит пустой гроб... У меня... содрогнулось я... А за этим зданием стенка. Мы зашли в ворота, а там вот эти два парня хоронят в землю. И вот это мы маму похоронили там...

СПОМИНИ

Ганна Іванівна ФЕДОРЧЕНКО

Це було так давно, що дуже важко бути послідовним. Не пам'ятаю, як все починалось кожного разу. Лишилися в пам'яті окремі епізоди. І все. Я думала написати все по порядку. Та нічого з того не сталось. Тепер 2003 рік, а було це в 1941, тому написати важко.

Декілька днів була тиша. А потім по Шелівським шляху, що йде з Полтави на Зіньків, їхали багато мотоциклістів і великі, криті брезентом, машини. Це вдень, а надвечір глухими дорогами, зарослями ішли без зброї і зі зброєю наші солдати. Деякі просили цивільний одяг... Це була така безнадія, така туга, що ми плакали. Вони йшли на схід. Говорили по німецьке оточення їхньої частини. Іноді пролітали німецькі літаки, у яких і гуркіт не схожий був на наш, радянський. Всі чогось чекали, хутір був пустий, закликаючи у тривожній чеканні. Розуміли, що війна на цьому не кінчиться. Пізніше на хутір стали приходити німці по 3–5 солдатів за салом і «яйками», шастали по хатах. У нас взяли 2 утят, котрих батьки оставили для нас з братом, бо ми дуже любили всяку живність. Вони були такі ручні і довірливі, що ми кричали, коли німці відривали їм голови. Німець ударив мене своїм ботинком, і я упала в сніг. Це було перше знайомство. До війни сім'я в нас була досить велика, а потім стало всього четверо: батьки, брат і я. Один брат загинув ще в Фінляндії, а ще два брати пішли на фронт. Ходили різні слухи, що німці убивають і насилують. Щоб якось захистити мене, мама нарядила мене

в свою довгу полотняну спідницю в «зборку», закрутила коси і зверху накрила голову темною хусткою. У такому вбранні відправила на х. Бойки, що за річкою. Там жила тітка Ганна – родичка по татові. Хутір цей ще глухіший, чим наша Манилівка. Я не була красивою, але була молода. І красиві дві русьві коси.

Про те, що будуть вивозити на каторжні роботи, ще не говорили, але говорили про те, що все забирають і насилують і б'ють людей і що треба мовчати.

Та незабаром нашому голові колгоспу прислали «рознарядку» скільки чоловік відправити в Зіньків на збірний пункт зі всього району. Звичайно, я відчувала, що мене не лишать в стороні. Багато моїх ровесників поїхали по першому набору. Ми були молоді і «дуже ідейні». Майже всі мої однокласники читали Ю. Фучика і другу подібну літературу. Але в комсомолі не була. Чому? Не знаю. Треба обов'язково було уміти «виступать, призивать» і т. д. А я цього не могла. Щось мені мішало. Я розуміла одне: їхати не можна. Не знаю: якщо сказати, що тільки патріотичні почуття робити те, що я робила, то це була б брехня. Ми були молоді, і була любов. Тільки слово «любов» тепер і тоді звучали по-різному. Знаю, те, що я напишу, не сподобається, але повірте – це так. Тепер говорять так: «Пішли любов'ю зацікавитись». Ми – покоління віджилих людей. Нам треба вже зовсім згинуть з лиця цієї землі, бо робиться дуже страшно. Те, що було святим, змішалось з брудом.

Мені завжди здавалось, якщо щось по-дібне трапиться, мене з презирством кинуть. Так тлумачила мені мама. Щоб не поїхати, уціліти, залишитися дома — тут було задіяне все: і багато з прочитаного, і любов, і розлука з рідними, розлука з усім тим, що мене оточувало. Думка про те, що цього нічого не буде на чужині, була нестерпною. Можливо все це було дещо по-дитячому, але це так.

Не пам'ятаю, у які дні були для мене початком. Знаю, що влітку 1942 р. перший раз по дорозі на Гадяч, коли нас піших гнали по дорозі, як овець, остаточно рішила залишитися дома. Десь починалось місто. Пам'ятаю, праворуч була якась річка чи болото, та ще кущі густого верболозу. А по насипу дороги йшла колона. Внизу кущі і вода. От я там і лишилась, колона пройшла, а я спустилась у воду і сіла. Ніяких планів, сиділа і все. Коли колона пройшла на достатньо велику відстань, я виповзла, брудна і мокра, і, озираючись, пішла в протилежному напрямку. Хто мене зустрічав, розуміли, і ніхто не сміявся.

Це було не так уже й трудно. Поліцаїв було лише 2, і вони ще не знали, що може бути щось подібне.

А на третій день я була уже дома. Та відкрито показатись на люди було неможливо. Часто приходили місцеві поліцаї, та і сусіди — «дай бог їм здоров'я» — були всякі. Так всі люди були гарні «зверху». Отож, треба було шукати місце, де можна було відсидіти.

Таким місцем був наш старий сарай, зроблений із соломи і глини, такий зимою теплий, а влітку — прохолодний. На горищі було сіно для кіз.

От тут я осталась. Багато читала. Все, що було в домі, було прочитане, навіть Маяковського, котрого багато разів починала до цього і не могла осилить.

Треба було десь щось дістати для читання, бо сидіти в напівтемряві було нестерпно. Довелось послати свого молодшого брата

в Шилівку, щоб зустрівся з Ігором Буденним, котрий міг мені дістати щось читати. Відношення у нас з ним були особливі. Мама його, ще в начальних класах, учила нас географії. Але то було в минулому. Брат приніс із Шилівки «Брати Карамазови», а пізніше — «Отец Горіо» і «Втрачені ілюзії».

Мені було дуже добре. Матуся в обід ставила миску з кашею чи картоплею у відро і йшла в сарай. І ніхто нічого не помічав. Та всьому настає кінець. Не буду казати, що зробили люди, але прийшов очередной набір і ніч на горищі в сараї стала останньою. Був дуже злий місцевий поліцай Литвинов, чи Литвиненко, але я його запам'ятала. Звичайно, мене не дуже чемно зняли з горища, а мама так плакала, що зібрались сусіди. Так я попала до баби Гузійки в клуню прямо серед ночі. Там уже було декілька чоловік. Відібрали нас двох Володю Шаблія і мене і повели в хату. Я злякалась. Поліцейський був з нами, а біля клуні остався ще один.

Тоді мене посадили біля вікна від шляху, а Володя сидів на лавці біля столу.

Так ми і сиділи до 3-х ночі, аж раптом на городі щось ляснуло, мов постріл. Наш Литвинов кинувся до дверей, а я до вікна... Праворуч були якісь колоди і дрова, а ліворуч — городи. Вниз росла картопля і росло жито. Я подумала, що в житі обов'язково будуть шукать, а коли піду, де їдуть по шляху машини — можливо, і втечу. Отак я і опинилась в домі Івги Федотівни Буденної — мами Ігора Буденного, що передавав мені книги.

Коли подзвонила мені Тамара Василівна відносно написати спогади, у мене був намір писати все по порядку, по кожному конкретному вчинку, але, коли взялась за ручку, я зрозуміла, що треба багато часу, щоб розкласти все по порядку. Та головне: пройшло так багато часу. Хвороба, інсульт — все це так мішає. Тому я буду писать те, що запам'яталось. Все останнє в пам'яті — окремі обривки. Та ще руки не дуже слухняні... Коли

я прочитала написане, мені подумалось: «Для чого? Можливо, треба було писати щось друге. Те, що стосується моїх почуттів — не треба». Але ж воно все так переплелось. І хочеться сказати про те, що болить зараз. Яка страшна прірва між молодими і старими... Я вже не говорю про те, що ми ходили з портретами вождів, десь схованими. Нехай це був повальний психоз. Так бути не мусить. Але коли тепер слово «патріот» говорять з презирством, коли стидяться говорити, що ти українець, — це страшно. Чому все це трапилось? Відповіді немає. Я не знаю, у чії руки віддам свої записки, мені не все рівно, бо якщо ви людина молода і, значить, наші погляди протилежні. Мені було боляче, що мене не зрозуміє. Можливо, я і не писала б. Для чого? Та хочеться звільнити душу від того, що давно болить, і ніде не находиш відряди. Все, що було зі мною в дні окупації, сказати не просто. Ніби і нічого особливого. Та воно було зовсім другим. Тоді на все життя формірувався характер, відносини з людьми, уміння відрізнити «біле від чорного».

І це були листівки. Всього один раз. Появився на хуторі дуже молодий чоловік по імені Діма. Він приніс листівки і просив, щоб я поклеїла. Хто він, не говорив, не сказав і хто його іменно до мене послав. Мені було і приємно, і трохи страшно, що це мушу зробити я. А ще на чистому аркуші олівцем накреслено, де можна з ним зустрітись. У сараї вже сидіти не могла, бо місце знайоме. Треба було шукати щось нове. Одною північно-східною частиною хутір був розкинутий на луги. Там із самого краю жила дуже убога одна жінка з двома дітьми. Одинок хатина. Вона належала Гусаченко Марфі. Вона і пригласила люб'язно до себе на горище. Я була їй дуже вдячна. Іти до неї можна було не по дорозі селом, а берегами і огородами. Знову ранком мама з відерцем приносила козяче молоко, а Ігор Буденний передавав

книжки. Так було доволі довго, поки не стала очередна облава.

Це було вже страшно, бо були замішані чужі люди.

Стояло надвечір'я. Ще з горища почула німецьку мову і мову наших поліцаїв. Треба було злазити по драбині, доки не стягнули силоміць. Та було все рівно страшно. Так страшно, що не хватило ума знищити крихітний кусочок паперу, де було накреслено всього чотири лінії. Із розмови між собою поліцаїв я зрозуміла, що когось забрала поліція. Про цей випадок писав журналіст, котрий збирав матеріал про життя Григорія Михайловича Тютюнника, він же Ігор Буденний. Так звали його всі в Шилівці по прізвищу його матері. Тітку Марфу почали бити, діти кричали тоді, і треба було появитись мені. Мені не зовсім зручно писати про це, тому я рішила використати лист журналіста.

Шановна Ганна Іванівна!

Красно дякую вам за листа. Збирався потурбувати вас. І от — приємна несподіванка, одержую від вас листа.

Я дійсно літератор або те, що незабаром буде літератором. Але важливо те, що я збираю повні матеріали про життя Григорія Тютюнника та його друзів. Багато його друзів, земляків та знайомих написали про стосунки з Григорієм Тютюнником, про своє життя-буття. Таке саме прохання буде і до вас. опишіть своє життя з самого дитинства, про дитинство Григорія. Докладно опишіть початок війни в Шилівці, про ваших 9 втеч, про переховування в хуторі Манилівці у тітки Марфи Гусаченкової, про полон та діяльність Григорія в Шилівці та його зв'язки.

Тітка Марфа розповіла, як її німці хотіли розстріляти, а ви вискочили із схованки і сказали: — Мене стріляй, у неї діти...

Казала про якогось перекладача — поляка. Хто він? І ще багато чого розповідала

про вас... Що ви були юною красунею з довгою товстою косого. Ви вели з Григорієм щоденник. Який? Яка його доля?

Чекатиму вашої сповіді про молоді роки.

А колись, може, після Нового року, завітаю до вас у Харків, і тоді ми поговоримо докладніше.

Кланяйтеся вашому чоловікові і всім вашим рідним.

З повагою – Борис Дзюба.

Київ. 27.10.1966

Мене два рази вдарили в лице, побіжала кров. Це робили не німці, а наші. Мене відправили в Зіньківський поліцейський участок.

На два дня закрили в якусь темну конуру і виводили два рази в день в туалет, а потім випустили і заставили нарівні зо всіма розбирати завалений дім і більш не били.

З кожним днем людей в поліцейському участку збільшувалось і, коли заговорили про те, що скоро відправлять на Гадяч, засіла в голові думка про те, що обов'язково треба зникнуть. Цього разу допоміг білий медичний халат, який поцупила в коридорі санчасті. За межі участка вийшла благополучно в халаті, а далі йшла де найбільше людей, доки відійшла від участка. Потім повернула не на Шилівський шлях, а на свій хутір, де проста земляна дорога, що проходить між двома лісовими масивами. Праворуч – ліс виходить на Шилівський шлях, а ліворуч, далеко від дороги, – миловарня в степу під лісом. А далі знову ліс. От туди я і подибала. «Подибала», чому я так кажу? Тому що була ніби п'яна: щось в животі тремтіло, ноги підлімувались. Йти більше не було змоги. Відпочити? Але де? Як?

Підійшла до миловарні. Вона кругом була окопана глибоким ровом. У приміщенні нікого не було.

Нарвала трави і сухої, і зеленої, застелила дно ярочка травою на глибині десь 70 см,

напевно, і втиснулась на дно. (Тепер би і не влізла. Тепер, у чистій і гарній постелі, часто буває, прокрутишся ніч і сон не приходить.)

Отож втиснулась і скоро заснула. Відчула крізь сон собачий гавкіт, відкрила очі і на якусь мить заціпеніла. Надімною стояв великий рудий пес, а коли я ворухнулась, він мене злякався, а я його. Потім ми кожний пішли своїми дорогами. (Коло миловарні багато кісток, і туди приходили собаки).

Сонце повернуло на другу половину дня. Я рішила іти по краю лісу. Йти треба було так, щоб на хутір прийти в темряві.

Благополучно дісталась рідної оселі, зайшла з глухого кінця двору і постукала в вікно. Вийшла матуся. У глибині двору, біля клуні, були складені такими пірамідальними купами вимочені коноплі. Мама дала мені свого старого кожуха і пішла зі мною до конопель, щоб там в них зробити мені якось «гніздо» і зверху прикрити. Потім принесла мені глечик молока і накришені в нього сухарі. Перед ранком проснулась від крику. То кричала мама. Вона кричала для мене. Явилася зі свого сховища через картоплю, за клуню, чужими городами, вниз, до річки. Куди? Ще не знаю. На сході вже була рожева синга. Мало зійти сонце. Лугом, городами понад річкою, у напрямку колишньої комуні ім. Тельмана, що далеко в степу. Я рішила провідати мою дорогу тіточку – мамину сестру, що жила від нас на км 12 на Пишненках, або ще звалися Голубові хутори, в степу, далеко від шляху, що йде із Полтави на Гадяч, Зіньків. Було сонце вже височенько, коли я дісталась до оселі. Дома нікого не було, тіточка була з коровою на пасовиську, а я зайшла в сарай, уклалась в ясла і заснула.

Проснулась, коли наді мною причитала тіточка, плакала: «Моя ж ти дитино...» Вона все зрозуміла. Заплакала і я. Це було вперше. Як ніби щось прорвалось. Мені було тут зовсім добре. Це було вже літо 1943 р. Проривались чутки, що скоро пройдуть «наші».

В один із таких днів прийшов мій братик! Я зрозуміла: дома щось трапилось. Він розповів про те, що ще тієї ночі, що я сиділа в коноплях, забрали татуся. Він у нас був такий тихий і хворий. У нього була сердечна астма. Брат сказав, що мама веліла розповісти все. Вона у нього була вчора. Він носить кирпич і що він може померти.

Брат пішов степом. Мною оволоділа безвихідь, якась ніби важка втома. Мені було все рівно, що буде зі мною... Простившись з тіточкою, пішла на шлях. Говорить про те, як мене «привітали», не хочеться. Батечко пішов додому. Коли нас зібралось багато, нас з поліцією і собаками, колоною по три відправили на Гадяч.

На попередній станції німець, що сторожував наш вагон, відстав і на ходу сів у задній вагон. Поїзд підходив до ст. Попельня. Вечоріло... Я була не одна... Та зразу піднятися не могла, і товариші мої зникли. А коли стала на ноги, було тихо, тільки трудно було якось дихати. Перелізла через насип і пішла дорогою через стерню... Це був хутір чи село Почуйки. Двое старих людей везли два мішки картоплі на тачці. Коли зі мною порівнялись, сказали: «Помагай, небого». Я нагнулась над візком і стала пхати його вперед. Це все мовчки. А коли від'їхали далеко, господар сказав: «Он, бачиш, двое? То поліцаї». Вони б мене не минули. Я зрозуміла і готова була розцілувати їх. Коли приїхали до їхньої оселі, хазяїн сказав: «Поживеш у нас, бо тебе все рівно заберуть, час такий зараз неспокійний». Хазяїна звали Стах Іванович Тітаренко. А його жінку — тіточка Надя. Стах Іванович не мав на руці кількох пальців, йому було 60 років.

Стах Іванович розповідав, що знакомий із Максимом Тадеєвичем Рильським, що він доручив йому зберігати його рукописні твори. Через кілька днів я відчула різкий біль у правому боці і рішила, це від падіння з вагону. Тіточка Надя перев'язала мене туго

рушником, і я ходила так 4 дні. Все майже пройшло, але в мені ніби щось зламалось. Ніби постаріла на кілька років, і дитячого вже нічого не було. Вечером приходив їх племінник Миша, і ми грали в карти, потім вечеряли. Тіточка Надя варила картоплю, накладала в велику миску і заливала молоком, і ми їли. Мені це було дивним, незвичним. У нас таке не їли, але я до цього привикла. Так пройшов може місяць. А може, більше, не пам'ятаю, і треба було їхати додому. Ще по вечорам крупили жорна (два великі круглі камені, під яке сипали зерно, а збоку сипалось борошно), це готували мені хліб на дорогу.

Тоді, пізніше, забили бичка, нажарили кусочків м'яса, положили в кошик із рогами і рогозяною кришкою і гудзиками і проводили мене в дорогу...

Коли тепер хто говорить: «Бендери», у мене закипає кров, бо краших людей я не зустрічала. Та після війни було багато героїчних вчинків, описаних і в газетах, і в літературі. Те, що я пишу, — це ніщо в зрівнянні з іншим. Але коли на одну людину звалиться багато таких пригод, хто все це пережив — той зрозуміє мене. Ось тепер, пройшло багато років, здавалося б, усе добре, усе спокійно, а спати не можу. А якщо і сплю, то насторожено, у якійсь тривозі.

Додому мені на цей раз дійти не судилось. Скоро в с. Червоне (не дуже впевнена, що саме тут), я прийшла туди, коли була об'їздна і знову опинилась в товарному вагоні. Вагони не були закриті, а в кожному було по одному німцю. Я зрозуміла, що треба прощатись із рідною землею.

Ще була спроба на станції Козятин, та нічого з того не вийшло. Потім була думка ще в Перемишлі, але тут була чужа земля, і надія зникла.

Відкрили нас в Австрії. Прийшли якісь люди, построїли в колони і повели на санобробку. Потім появились, напевно, заводське

начальство. Так ми опинились на заводі Хейнкеля в Тіролі в маленькому містечку Енбах. Воно, це містечко, розташоване в дуже мальовничій гірській долині, над горами завжди плив якийсь голубий димок. Це були Альпи.

Повели колоною туди, де ми мусили жити. Це були дерев'яні бараки, огорожені високо колючим дротом. Бараків було багато. Вони стояли рядом через все велике подвір'я. Мене поселили в крайнім. Наші вікна через 3–4 метри були паралельно з вікнами штрафлагеря, що нічим не відрізнявся від нашого. Моїми сусідками стали Маринка Жмурко, Надя Дика, Настя Гапон і ще багато з Росії. Багатьох прізвища просто забула.

Кроваті дерев'яні, двоповерхові.

Штрафлагерь охороняли поліцаї. На завод водили і нас, і їх строем по 3 чоловіки з поліцаями і собаками. І нас, і їх водили на завод і з заводу однаковими колонами. Відкривались ворота заводу, і, перелічивши, нас приймала охорона заводу. Потім приходили начальники цехів і забирали нас кому скільки було треба.

У кожного було своє місце. Ми сиділи за столиками із кирпича. Праворуч був автоген. Зразу попереджали нас, що за саботаж — концлагер. Що це значить — ми вже розуміли. Нас учили паяти автогеном. Цехи були дуже великі. У цеху, окремими групами, були російські воєнополонені, французи. У різній воєнній формі з написом на спині великими літерами КС, що означало «воєнополонений». Наближатись і говорити з ними не дозволялось. Нам теж видали спецовку, що складалась із цупких брюк і курток, а на ногах дерев'яні шуги (чуні). Робота була в 3 зміни.

Із лагеря було виходити заборонено. На виході стояв поліцейський.

Пізніше у вихідні дні дозволяли виходить, але не дозволяли іти в усі місця, де ходили німці.

А тим часом все частіше гуділи гудки повітряної тривоги. Нас провідувала досить ча-

сто американська авіація. Тоді роздавалась команда «Alarm», і ми бігли в бомбосховище. Були там всі: і російські воєнополонені, і французи — і всі відгороджені залізними ґратами.

Пізніше у час тривоги хтось відкрутив в автогені подачу газу. Огонь погасив, а газ виходив в повітря із автогенів. Так було у декількох чоловіків. У мене також. Нас дуже били і потім відправили в четвертий літейний цех.

Там і працювали ми біля печей до закінчення війни. По зрівнянні з другим цехом, де ми паяли якісь деталі, цей літейний цех був пеклом. Там працювали радянські військовополонені.

Хочеться дещо сказати про те, як до нас відносились австрійці. Загалом не дуже погано. Звичайно, були всякі. Але було і таке, що, криючись один від одного, щоб ніхто, ні одна душа не підозріла що, таємно десь на станок клали чи кусок хліба чи яблуко. Особливо це було в свята. Нас кормили так, щоб ми тільки якось жили. Утром на весь день давали кипяток без сахару і 300 г хліба. Хліб був невідомо з чого, був гіркий від якоїсь добавки. Але ми його з'їдали за один раз. В обід давали велику миску супу із брукви, а вечером — чай із розрахунка того, що хліб утром не весь з'їдений. Оце і вся їда. Нас, оstarбайтерів, досить легко було пізнати, як би ми не були вдіті, бо під очима у всіх були страшні водяні круги.

Моєю дуже вірною подругою була Маринка Жмурко. Це була маленька некрасива дівчинка. Але ж який прекрасний був у неї голос! Вона дуже гарно співала. Завжди, коли ми були на третій зміні. Вона співала, дразнила майстера і вела себе досить мужньо. Як дзвіночок на весь цех десь під високим дахом цеху звучало: «...И в небе далеко советский гудит самолет».

У лагері вона завжди находила, де можна пролізти, і зникала на 2–3 години.

Поверталась з повною пазухою або недо-спілих яблук, то куском хліба, то якийсь коржі. Всім цим можна було поласувати. Вона ділилась з усіма, а зі мною — особливо. Ніколи я цього не забувала. Вона проживала в м. Зінькові Полтавської області, по вулиці Фрунзе д. 103. У неї я, навіть, здається, в 1999 р. була в гостях.

У 2002 році її не стало, не діждалась компенсації. У неї лишився син. Це тільки одна з тих, хто знав мене і я їх знала. Нічого. Багато померли. Нашу долю, якби розділити, на багатьох би дісталось. Дісталось від німців, та і свої були не ангели до самих останніх днів.

Наш лагерь, приблизно днів за десять до приходу американців, лишився без начальства. У цей час ми були повністю без всякого продовольства... Хотілось нестерпно їсти. Не пам'ятаю, можливо, 10–12 травня приїхали американці.

Вперше ми побачили чорних солдат. Вони привозили в лагерь продукти. Через декілька днів нас стали звозить у великий лагерь, де було дуже багато людей. У якому лагерьі я опинилась, не пам'ятаю. Напевно, в г. Лінц, мене в непритомному стані забрали з лагерьі з брюшним тифом і положили у військовий шпиталь. Пам'ятаю, що дуже хотілось чогось кислого і часто до мене навідувався якийсь військовий. Він говорив весь час про шлюб. Та мені цього зовсім не хотілось. Коли я прийшла в норму, то побачила, що кіс моїх довгих більше немає. Я дуже плакала. Пролежала в шпиталі десь до двох місяців. Додому приїхала на військових машинах до Фастова. Потім добирались самі, як могли.

Дома ще були живими татусь і мама, та були такі змучені, що я не могла приховати свого страху.

Після визволення Полтавщини від німців мого малолітнього останнього брата забрали в ФЗО на Донбас. Після ФЗО працював на шахті крепельщиком, а через декілька місяців повернувся інвалідом з хворими легенями і потроценими ребрами. Крім цього, на двох старших братів одержали «похоронки».

Через два роки лишились ми з братом обох батьків... Так згинула велика наша родина.

Після мого повернення послали працювати на торфорозробки в с. Підозірка. Після двох тижнів праці на торф'яниках сільрада прислала виконавця, і мене забрали і назначили в колгоспі обліковцем. Це була аж надто велика «винагорода». У колгоспі братові було працювати надто важко, і він рішив поїхати в Харків по вербовці, бо паспортів не давали і він якимсь чином устроївся працювати в Політехнічний інститут механіком, а в 1980 році його не стало.

Що стосується мене, то я ще блукаю по світі. У мене хороший супутник в житті. Це велике щастя. Ми з ним поруч 49 років. В 2004 році буде 50 літ. Що стосується моїх друзів, то у всіх теж по-різному.

Буденний був на війні, був у загонах Броз Тіто. Мама його і молодший брат померли, а 1962 р. не стало Буденного. У час операції він помер. У нього були осколки.

У своїх записках, сама розумію, що занадто багато написала не те, що треба. Повірте, я хотіла написати по-другому, але в пам'яті осталися «обривки», окремі епізоди, і я вже не пам'ятаю, де це відбувалось: чи в Зінькові, чи в Шилівці. Час руйнує все. А ще хвороби... Я пережила інсульт. Якщо мої записки не є тим, що потрібно, ви просто мені їх повернете.

*А. Федорченко-Макайло
23 червня 2003 р.
м. Харків*

Олександра Іванівна ПОНЕДІЛОК (ЩЕРБИНА)

Сповідь моя через 60 років, остарбайтер № 1944, лагерь Зандплац, м. Ольденбург, Німеччина.

1942 рік, 23 жовтня, день видався хмарним. Казалось, небо опустилось і хотіло собою прикрити всю землю і все горе, яке принесла в наше село німецька навала. Мало того, що пограбовані вже всі оселі, забрана вся живність (свині, корови, кури), тепер дійшла черга до нас, юних 16–20 літніх дівчат. З нашого села, яке знаходиться на Слобожанщині, Бурбулатова, треба було відправити 10 душ дівчат до районної управи. Яка знаходилась в Близнюках. На той час ми (потайки) вже знали, що в Близнюках — це районний центр — гестапо закатувало Веру Складневу, Ткаченко, Старостина і других. При wspomині про Близнюки, по тілу пробігало таке відчуття, будто по голому тілу б'ють больно маленькі краплинки дождя.

Мені вручили повестку і попередили, що за неявку будуть розстріляні батьки, причому, у той ще тяжкий час батько приховував від влади, що в нас жив не племінник, а просто один із робітників з особого отдела 902 полка, а командир цього полка був Погорельцев Іван Єфимович. Полк держав оборону км 30 від нашого села, і солдати часто відпочивали у нашому селі, після особих заслуг днів 2–3 по декілька душ по хатах, і цей особист Соловьев Саша часто був у нас, у нашому домі була кухня для солдат, коли попав цей полк в оточення під Лозовенькою у маю-місяці 1942 року, то його раненого от

плена спасли дві жінки, переодягли в гражданську одягу і дали йому фактивну справочку на ім'я Павлов А. І. І так, як він знав нашу сім'ю, він прийшов до нас і переховувався і жив як племінник батьків. Треба було підкоритись. Нас 10 дівчат привезли. Коли до двору під'їхала гарба з поліцаями, мама гукнула мене: «Шура, вже приїхали за тобою», кріпко пригорнула мене до себе і сказала: «Господи, благослови, сохрани і помилуй, молись, донько, богу». Потім я попрощалася з батьком, з братом і сестрою. Коли прощалася з Сашою, він мені сказав: «Ти тільки не плач, будь мужественной», і я тоді зрозуміла, що сльози дійсно мені не допоможуть. Нас привезли на вокзал і зразу погрузили в товарні вагони, позакривали вагони, закриміли засуви на дверях, і поїзд рушив на захід.

«Кто про захід сировий не знає, кто у нем никогда не бывал, тот себя пусть счастливым считает, в жизни горя еще не ведал», — це таку пісню співали ми вже в лагері.

Привезли нас у Харків. Нам сказали, що буде медогляд, хто хворий того відпустять додому. А ми з подружкою, Мороз Марія Яківна, ще з домі приготували напій з тютюну (по совету однієї бабки), якими він діє на серце, і напилися цього напою, але нам не допомогло, тільки нас дуже з Марійкою рвало, думали, що кишки повилезять наверх, та нас погрузили в вагони і повезли. Пам'ятаю, це були Броди, нас усіх пропустили через санпропускник (голих заганяли в комнату, давали в руки пасту для обробки поло-

места) чистоплюї, боялись, щоби ми не завезли в Німеччину якоїсь зарази. У Бродах погрузили в вагони і — прощай, Родіна. У мене було таке відчуття, що нас везуть у якусь тьму, впереді тьма, яка заповонила всю душу, страху, якому вже не було межі.

Серце рвалось на кусочки, а душа ридала і стогнала від цього болю, але думки повертались на схід, і щось жевріло в душі. Я вірила, що ми повернемось додому (з історії знаю, що шведів розгромили під Полтавою, а «Москва, спаленная пожаром, французам отдана», але перемогу одержала наша руская армія (а в ній, як нам відомо, були і наші, хохли), і це мені давало надію, що Гітлер ніколи не виграє війну. В м. Кьольні нас загнали в якесь приміщення, а потім чіпляли бірки, але вони були різного зображення (квіточка, ромбіки різної форми) і по цих знаках хозяєва і везли на місто роботи.

Ми попали в м. Ольденбург, цей город розділяв канал, по якому здебільшого плавали баржі. Наш лагерь називався «Зандплац», і дійсно — бараки, бараки та пісок. Працювали на фабриці «Фрома», працювали по 18 годин на добу, але в неділю був вихідний (бо остарбайтерів самих боялись оставлять у цехах). До нас у лагерь приходили дівчата, мої землячки, що працювали у домохазяйок, то вони крадькома від хазяйки за тиждень насобирають кусочки хліба та насушать під подушкою і принесуть нам у неділю. Я пам'ятаю, ми получали утрім чашечку кофе без сахарю, обід — мисочка супу із брюкви штенрюба, кольрабі (це овочі, якими годують в Німеччині скотину) і хліба грам 250, та маргарину 10 грам, а на вечір знову одне кофе. Ми нічого не знали, що робиться у світі, але у вікно із цеху видно було вулицю, що вела до розвідного мосту через канал (бо фабрика стояла на березі цього каналу), то ми помітили, що багато німців ходять у чорному одязі, деякі бігають, просто ганяються за людьми з копілками, щоб ті

кидали гроші. Зі мною рядом працював німець, дуже старий, років 80, ми перегукувались у цеху зі своїми, та сміялися, що німці, мабуть, уже й цивільні подуріли, а цей дедушка відвернувся від мене до ящика, перекладає заклапки, а потім я чую: «Ні, вони не подуріли, Гітлер об'явив траур по всій Німеччині у зв'язку з тим, що армія Паулуса розбита під Сталінградом, і ото вони збирають пожертвування на армію», а потім мені сказав: «Не дивись на мене і нічого не питай, знайте, що Гітлер війну програв», потім частенько розказував, як наша армія визволяє город за городом. Як він мені потім сказав, що він дав розписку у гестапо, що не буде з нами спілкуватись. Він був під надзором у гестапо тому, що був родичем Тельмана.

Я пам'ятаю дівчат, які приходили в лагерь, такі, одягнені вже під німецький стиль, боялись сісти на наші стільці, щоби не пом'яти сукню, це Нона Макодзеба, Ніна Антоненко, дівчата Зіна Курилова, Вера Самойло, Шура Складнева (до речі, це рідна сестра тії Вери Складневої, що німці закатували в застінках гестапо: виводили вночі на двір і пускали своїх овчарок, вони її рвали на куски, все допитували про зв'язки з партизанами), від цих дівчат віяло якесь тепло, так було з ними хорошо відвести душу.

Не знаю, яким путем у нас у лагері появилсь обривок газети «Вісті Близнюківщини», на ньому були знімки цих дівчат — Ніни Антоненко і Нони Макодзеби. Під знімками стаття: вони розказують, як хорошо тут, що вони вперше відчули настоящу культуру, що їм тут дуже добре — і не бійтеся, їдьте до Німеччини. Це було звернення до молоді, це була ніби листівка. У кінці 1943 року нас 80 чоловік було вивезено до села Гольденштейн. Тут за нами такого строго нагляду не було, бо було тільки два бараки. В одному була хазяйственна частина, а в другому жили в одній половині хлопці, а в другій дівчата. Ми стали менше працювати, тому що Німеччину

стало лихоманить, стала задихатись, не вистачало електроенергії, станки, на яких ми працювали, днями простоювали нерухомі. Якось на душі тепло, та й на дворі була весна і юність брала своє, часто можна бачити, як дівчина горнеться до юнака. Яка чудова була пара з Валентини Москвітіної (вона з Харкова, вул. Іскринська, 30) і Андруша Расказов, Вася Нагорний і Ніна Шаповал, Маруся Бондик (полтавчанка) та Ванічка, і, повернувшись на Батьківщину, вони стали подружжям. В лагері і в мене був друг надзвичайний, Сухенко Алексей. Ми з ним часто проводили вільний час. Я знала, що він закінчив у Ленінграді Кіровське військове училище і зразу були брошені всі курсом у діючу армію, а потім плен, потім побег, і його взяла одна жінчина, переодягла в гражданське, і він, як і ми, цивільні оstarбайтери, попав до Німеччини.

Він часто говорив на якомусь язичу, я розуміла, що не на западному. Коли настав час розлуки, він мені дав свій адрес: м. Кизляр, вул. Школьная, 17 Скибо Олександр Олександрович. Почему скривав свою фамілію, мені невідомо до цього часу. Але що він порядна, людина не було сумніву, були такі хвилини, що він мене так дуже пригорне до себе і поцілує ніжно, як мене цілувала в дитинстві мама: «Ти хороша дівочка, так держись, мала», — це моя кличка по лагерю, бо я дійсно була в лагері сама менша. Я була для нього як сестра. Коли повернулася на Батьківщину, я написала письмо, але мені відповіли, що вся їхня сім'я виїхала в Астрахань, і більше я його не бачила. Мені вже 78 років, але ті ніжні поцілунки я пронесла через усе своє життя.

У квітні 1945 року під'їхали підводи до нашого невеликого лагеря, і нам сказали, що нас усіх розвезуть по «бауерах», бараки будуть замініровані і повертати не можна. І нас почали розвозити, мене з Гальєю Саливак (полтавчанка) скинули у одного хазяїна, а він нас виганяє, кричить, в мене немає роботи,

немає чим кормить вас, ну на одну згоден. Галя мені каже: «Шура, ти лучше розумієш їхню мову, я останусь, а тебе, може, хтось другий возьме». Що робити у лісі, куди їхати, що робити? Пішла куди очі бачуть. Іду, а кругом тиша. Коли чую, наростає свист, розрива повітря, а потім вибух. Я зразу зрозуміла, що це фронт, бо так свистіли німецькі снаряди над нашим селом. Від таких снарядів у нашому селі зразу загинуло 19 душ: снаряд попав у погріб, де вони сиділи.

Коли я вийшла на дорогу, то зустріла Андрушу Расказова, то він мене взяв до себе. Сказав: «Не бійся, мала, завтра точно будуть, хоть англічани або американці». Каже: «Нас хазяїн помістив у свинарнику, там у нього кухня для свиней, а я везу кровать з лагеря, щоб було на чому спати. Ми тебе сховаємо за кроватью, ти пересидиш день, а потім ми всі повернемось у лагерь». Так воно і було. На другий день, чуємо, грохочуть танки, ні одного німця, ні одного вистрела проти них не було, це були англічани (з дальнебойного озброєння випустили 2–3 снаряди і все). Ми всі повернулись у лагерь, англічани взяли нас на догляд, заробила кухня, почали до нас навідуватися з переводчиками, розказувати нам: «Що вас жде на Батьківщині, все розбите, все розрушене, а в Канаді не розірвався ні один снаряд, вам будь як лучше, та ви самі знаєте, що ви працювали проти своїх, вас все рівно всіх відправлять в Сибір...» Галя Білецька стала перед ними в позу танцовщиці, вибила дроб ногами і так гордо випалила на увесь голос: «Я Сибири, Сибири не боюся, Сибирь ведь тоже русская земля». Так вони нам морочили мозги три місяці, коли як узнали, що працює в м. Фехта наша місія по репатріації советских граждан на родину, Андруша Расказов туди добрався, все узнав і привіз нам у лагерь новості, що дійсно це так, але англічани нашу точку їм не передали. Незадовго подали машини, і нас повезли через американський сектор. Там нас

пересчитали, перегрузили в американські машини, і поїхали ми на схід.

У городі Наєшкорець отримався шлагбаум, покрашений у чорно-білу полосу, ми зрозуміли, що це наш, радянський кордон. Нас кожного пересчитали, вивезли у бараки. Тут ми проходили особий відділ, отримували документ-дозвіл на право жительства. Були серед нас і москвичі, але їм туди не дозволяли й направляли в другі міста жительства, у другі міста.

У мене такий збіг обставин: у яке я число і місяць в 1942 році вийшла з свого подвір'я, рівно через три роки, у 1945, зайшла і постукала у віконце рідної домівки, яку так знівечили фашисти: була розбита, одностороння, але рідна хатина, на Харківщині, Близнюківський район, с. Бурбулатова. Пройшли роки: німці почали виплачувати компенсацію, і я отримала записочку, що в мене не все гаразд з документами, і підпис «Зіна Курилова» (а я знала, що вона жила в Харкові). Вона написала, які справочки потрібні для одержання компенсації. «Я їду у Гаврилівку до сестри, а назад буду їхати у Харків у понеділок».

Я розгубилась, зразу промелькнуло перед очима: Ольденбург, табір Зандплац і ті кусочки сухариків, які вона так ховала від своєї хазяйки і потайком приносила нам.

Син мені каже: «Мамо, не може бути, вік не той, вона вже давно на пенсії», а я серцем відчувала, що це вона.

Ми поїхали у с. Гаврилівку шукати ту жінку, що вчора приїхала з Харкова, всі три населені пункти об'їхали. Безрезультатно. Тоді Володя (син мій) зайшов до діжурного по станції, то він нам підказав, де ця жінка (бо він місцевий і багато років працює, то знає всіх постійних пасажирів). Я зайшла в двір, спитала Зіну. Вона вийшла, каже: «Я Зіна» — і дивиться на мене. Я бачу, що вона мене не визнає, а я її відразу визнала, хоча і пройшло 50 років. Я простягаю до неї руки кажу: «Не визнає, а Ольденбург, а табір «Зандплац», а кусочки сухариків, що ти приносила нам в табір...» Вона в сльозах кинулась до мене, ми кріпко обнялись, а потім не могли промовити і слова, тільки дивились одна на одну. Спазми перехватили горло, а сльози ручейками лилися з наших очей. Тепер ми хочь один раз у рік зустрічаємось. Я так благодарна їй за ті кусочки сухариків.

*Понеділок Олександра Іванівна,
тепер Щербина*

Пройшло шістьдесят років, мені вже 78, але в пам'яті все частіше і частіше оживають ті роки моєї юності, що прожиті за колючою проволокою в фашистських таборах, ті кусочки сухариків, що приносила Зіна Курилова та Шура Складнева.

Жаль: почуваю себе погано і зір зраджує, переписати чистіше не можу. Вибачте.

Зінаїда Іванівна БАШЛАЙ

Воспоминания о пребывании в Германии в районе города Марбурга (земля Гессен).

1. Отъезд из Берлина

Летом 1943 года, когда бомбардировки Берлина участились и почти каждую ночь взрывался и горел город, оставаться в Берлине стало опасно. Тогда моя хозяйка, фр. Элизабет Райш, решила бросить все и спасти своих детей. Меня она тоже решила взять с собой.

Мы выехали из Берлина, захватив с собой только самое ценное и необходимое. Спустя два месяца от того дома, где мы жили по улице «Am Stadtpark, Steglitz», остались одни развалины.

Мой брат, офицер советской армии, искал меня в Германии. Узнав от родителей мой берлинский адрес, он разыскал место, где некогда стоял дом по улице «Am Stadtpark, Steglitz». Что он мог подумать, увидев вместо дома груды щебня? А я в это время была уже в Магдебурге в фильтрационном лагере. Там мы с ним разминулись: он не смог разглядеть меня среди двигавшейся на восток колонны репатриантов. Но это было уже в 1945 году, после окончания войны.

2. Мы нашли приют в Шенштадте у Марбурга

А пока летом 1943 года фр. Райш с тремя дочерьми обосновалась в Шенштадте, приняв приглашение владелицы местной пекарни фр. Катарины Пишц. Так я оказалась

в окрестностях Марбурга в старинной немецкой земле Гессен, где я заняла свое место среди рабочих пекарни.

Здесь начался новый этап моей жизни в Германии.

В маленькой деревне Шенштадт было больше возможностей для общения с разными людьми, чем в огромном Берлине, где, живя в чужой семье, я с утра и до позднего вечера была занята однообразной домашней работой. За пределы дома я могла выходить только в воскресенье «nachmittag». Принимать у себя друзей прислуге было не положено. Изредка я ходила в кино и то нелегально, прикрыв на лацкане пальто знак «OST». За годы жизни в Берлине я не смогла увидеть достопримечательности города — нам это не разрешалось.

Когда мне понадобилось обновить белье и моя госпожа попыталась официально получить для меня карточки на предметы женского туалета, ей в этом было отказано с мотивировкой: «У себя на родине она понятия не имела о таком белье и даже не слышала названия этих предметов туалета».

Такое пренебрежительное, высокомерное отношение к нам для того времени было характерным.

3. Gnadige Frau

Моя хозяйка фр. Элизабет Райш была в полном смысле этого слова «Gnadige Frau». Она была прекрасно воспитанна, всегда со всеми приветлива и любезна, никогда ни на кого

не повышала голос. Я запомнила ее улыбающейся и жизнерадостной. Она родилась в аристократической семье прибалтийских немцев, до революции была подданной России, в совершенстве владела русским языком. Находясь на разных ступенях социальной лестницы, мы не всегда хорошо понимали друг друга. У нас были разные взгляды на политику и религию, на добро и зло. И тем не менее, это не мешало ей хорошо ко мне относиться. Теперь, в полной мере оценивая ее доброе ко мне отношение, я считаю, что тогда с хозяйкой мне крупно повезло.

После войны я долгие годы не имела от нее никаких вестей. Тогда такие связи в Советском Союзе, мягко говоря, не поощрялись. После победы демократии, когда стала возможной переписка с Германией, мне удалось разыскать самую младшую из ее дочерей — Gunhild, и теперь мы с ней обмениваемся письмами. К сожалению, я не застала ее мать в живых. Свою добрую память с фр. Райш я перенесла на ее дочь, теперь я благодарна Gunhild за ее внимание и трогательную заботу обо мне. О тяжелых послевоенных годах жизни ее матери, о ее пребывании в доме для престарелых и о ее смерти там мне только теперь рассказала ее дочь. Фр. Райш не заслужила такого печального конца своей жизни.

4. Люди Шенштадта

В Шенштадте я не чувствовала себя такой одинокой, как в Берлине. Здесь было с кем перебраться словом. В пекарне был вообще интернациональный коллектив (немец, поляк и француз), в замке жили русские-остарбайтеры (так называли всех приехавших из Советского Союза), работавшие в поле на угодьях баронессы. Они очень тяжело работали с утра до вечера.

Многие тяжелые работы в деревне выполняли военнопленные французы. Они жили в соседней деревне в отдельном ба-

раке без охраны и пользовались относительно свободой. Они не страдали от голода, как русские военнопленные. Их нормально кормили хозяева-немцы. Кроме того, они получали посылки от Красного Креста и, что очень важно, письма с родины. Они спокойно ждали окончания войны, не помышляя о побеге из плена. У меня сложились с ними хорошие, дружеские отношения.

Я работала в кухне и в доме вместе с немкой Катериной, мы мыли и чистили овощи, мыли посуду, убирали в доме, стирали белье.

Пищу готовила домоправительница Анна, она же обслуживала хлебный магазин. Вечером мы с ней занимались наклейкой хлебных карточек для их погашения. Я особенно тепло вспоминаю Анну (фамилию ее я забыла) — очень симпатичную, умную и веселую девушку и хотела бы встретиться с ней, чтобы сказать «спасибо» за ее доброе отношение ко мне. К сожалению, она не отвечает на мои письма. Несколько писем я послала ей через бургомистра, но ответа на них не получила. Теперь я знаю, что Анна вышла замуж за соседа по деревне и живет с ним в Мюнхене.

Жители Шенштадта много и усердно работали, получая за свой труд деньги, которые тогда ничего не стоили. Эти люди казались мне суховатыми, лишенными сантиментов, казалось, их интересует только пунктуальное выполнение местных обычаев и традиций. К иностранцам они относились терпимо, как к равным, не подчеркивая своего превосходства. Сами они работали очень много и требовали того же от иностранных рабочих, хотя последние работали по принуждению и, кроме харчей, ничего за свой труд не получали.

5. Жизнь за колючей проволокой

Летом 1944 года в Германии была объявлена тотальная мобилизация: все иностранцы

должны были работать на победу Германии. Большинство девушек-остарбайтеров, до сих пор работавших в семьях немцев, отправляли на заводы. Меня тоже отправили на работу на военный завод и поселили в лагере «Staimbel» у города Neustadt. Завод размещался в лесу под землей, где-то возле Аллендорфа.

О том, что это был завод WASAG, я только сейчас узнала из справки от 17 октября 2001 г., полученной от Гессенского государственного архива в г. Марбурге с подтверждением моей занятости на этом заводе. А тогда я знала только то, что он производил взрывчатое вещество под названием «гекса» и еще что-то другое, не известное нам.

У наших девочек из-за этой «гексы» ладони и ступни были окрашены в желто-оранжевый цвет. Мы ходили, светя голыми оранжевыми пятками и грохоча деревянными колодками. Эта «гекса» сыграла свою роковую роль: незадолго до моего прибытия в лагерь во время взрыва на заводе погибло около 15 человек, из них большинство были девочки из Украины. Вечная им память! Они не вернулись на родину.

Меня определили на работу в заводскую химическую лабораторию. Здесь уже работало 7 наших девочек. Мы выполняли разные подсобные работы: мойку лабораторной посуды, уборку помещений и др. Поскольку все девочки были грамотными, нам иногда доверяли делать навески на аналитических весах. Смысла анализов мы, естественно, не знали. Кроме того, мы мыли столовую посуду после того, как немецкий персонал лаборатории заканчивал свой обед. Мы это делали охотно, т. к. остатки пищи с тарелок мы собирали и, не брезгуя, делили между собой. Немцы – служащие лаборатории нас не обижали.

Хорошо относилась к нам одна немка, которую мы называли между собой «маленькая» (имени ее я не помню). Она иногда приносила нам еду из дома. Хорошо обращался с нами и инженер лаборатории. Он интересовался нашими взглядами на религию, не соглашался с нашим тогдашним атеизмом. К тому времени я уже немного знала немецкий язык. Позднее, после прихода американских войск мы дали ему охранную записку о том, что он хорошо относился к русским подневольным рабочим. Это спасло его от мести иностранных рабочих.

Одно время в лаборатории проходили практику студенты Марбургского университета. Они с удовольствием общались с нами, даже некоторые пытались учить русский язык.

Все описанные факты общения людей разных национальностей и социального положения свидетельствуют о том, что люди в общем чувствуют себя равными, стремятся к близким контактам и интересуются людьми других национальностей. Никаким национал-социалистам не удавалось вбить между ними клин.

Потом меня перевели в механическую мастерскую завода помощницей кладовщика. Я выдавала инструменты ремонтным рабочим-иностранцам.

В лагере «Штаймбель» было около 20 барачков, где жили иностранные рабочие, работавшие на заводе WASAG: русские, украинцы, французы, голландцы и позднее итальянцы. Весь лагерь был окружен колючей проволокой, но этого считали мало, и бараки русских и украинцев внутри лагеря имели еще дополнительное проволочное ограждение, изолирующее их обитателей от прочих иностранцев. Бараки были двухэтажные: вверху спальные помещения с двухэтажными деревянными нарами, а внизу – умывальники и туалеты. Воды всегда было достаточно, чистота соблюдалась везде. Матрацы были жесткие, покрытые хлопча-

тобумажной тканью в мелкую сине-белую клеточку. Из такой же материи наши девочки носили юбки в складочку.

Нас охраняли два пожилых немца: одного, хорошего, мы называли «желудочником» из-за его бледности и худобы, а другого, плохого, «красномордым». Последний был жестокий и грубый. Мы его боялись. После прихода американцев иностранцы вытащили «красномордого» в лес и там избили, рассчитавшись с ним за жестокое отношение с подневольными рабочими.

В лагере была большая столовая, которой пользовались все иностранцы, за исключением нас — русских и украинцев. Нас допускали туда только чтобы получить в мисочку свою «пайку»: суп и хлеб с кусочком маргарина. Суп был жидкий, с брюквой или какой-то жесткой капустой, а хлеб — самого низкого качества, хотя и казался нам вкусным. Мой вес при росте 160 см был 48 кг.

Такой же суп (мы его называли «баланда») мы получали и на заводе в бидонах. После нас в бидонах оставалась одна вода. Она доставалась русским военнопленным, которые буквально умирали от голода.

Раза два в месяц в субботу я шла не в лагерь, а в противоположном направлении в Шенштадт, там я ночевала в замке у русских, а утром шла в пекарню. Пообщавшись со всеми и получив на дорожку буханку хлеба, я отправлялась в обратный путь. Когда я появлялась в лагере после нелегального суточного отсутствия, охранник немедленно препровождал меня в одиночный карцер на 1–2 суток. Кроме этого, я в виде штрафа по распоряжению коменданта лагеря должна была убирать туалеты при столовой для иностранцев. Это было унижительно, но что поделаешь, нужно было где-то добывать кусок хлеба.

Нам не разрешалось появляться на территории лагеря за пределами нашей ограды. Тем не менее мы иногда тайком пробирались

к иностранцам на танцы и в комнату над столовой, где стояло пианино. Там мы играли и пели. Запомнилось, как однажды в нашем веселье принял участие какой-то молодой немец. Главная охранница-немка, возможно, она была комендантом лагеря, неожиданно нагрянув, застала его за пианино. Она всех разогнала, а немцу сделала выговор: «Как тебе, немцу, не стыдно, потеряв свое достоинство, развлекать каких-то иностранцев?»

К рождеству она надумала совершить доброе деяние — устроить нам праздник. Собрав всех девочек, она долго уговаривала нас петь песни, однако никто так и не открыл рта — мы не понимали, что она от нас хочет!

С любовью вспоминаю наших лагерных девочек, они были, в основном, из Донбасса. Помню, как незадолго до окончания войны с одной из них, Женей (очень молчаливой, необщительной, как потом выяснилось, психически ненормальной), во время очередного авианалета я долго гуляла по затемненному лагерю. Через несколько дней в ее поведении появились странности, и вскоре ее забрали в Марбург, в психиатрическую лечебницу. После окончания войны мы провели ее. С ней можно было говорить обо всем, кроме ее болезни и окружающих ее соседей по палате. Врач просил задать ей пару вопросов, но она, услышав их, сразу замыкалась. Когда мы с ней попрощались, чтобы больше никогда не увидеться, она остановила нас у двери словами: «Девочки, скажите дома моим родным, где я осталась!» Думаю, что кто-нибудь из ее землячек выполнил эту ее просьбу.

6. Характерные особенности принудительного труда в Германии в годы войны

Одним из самых болезненных аспектов принудительного труда была тоска по родине,

усиленная отсутствием связи с родными и неуверенность в будущем. Пока Харьков находился с Германией по одну сторону от линии фронта, мы умудрялись хоть изредка при помощи немцев-отпускников обмениваться письмами с родными.

Но когда в августе 1943 года Харьков был освобожден от немецкой оккупации, связь с родиной полностью прекратилась на целых два года. Тот, кто организовал принудительный труд в Германии, жестоко нарушил права человека и доставил людям много незаслуженных страданий. Голод, неопределенное будущее, отсутствие свободы и связи с родиной – это основные характерные черты принудительного труда в Германии в годы Второй мировой войны.

Принудительный труд в Германии отразился на всей нашей дальнейшей судьбе. Всю оставшуюся жизнь на родине мы носили клеймо, которое было последствием этого принудительного труда. Многие старались скрыть факт пребывания в Германии (некоторые – весьма успешно!). Мы никогда ни с кем не делились воспоминаниями о Германии, но никогда и не забывали причиненную нам двойную обиду.

Признание нынешним поколением немцев вины их дедов и отцов перед нами мы расцениваем как акт, потребовавший незаурядного мужества. Идя навстречу взаимопониманию с немецким народом, мы вместе с ним отвергаем принудительный труд в любых его проявлениях и надеемся, что в будущем это зло никогда не повторится.

7. Освобождение

В конце марта 1945, за три дня до прихода американской армии мы покинули лагерь,

опасаясь, что при отступлении немцы угонят нас с собой.

Эти дни мы провели в лесу в самодельных шалашах. Когда мы вышли из леса, мы были уже свободными людьми. Лагерь Штаймбель стал приемным пунктом для бывших иностранных рабочих и русских военнопленных. Здесь мы провели более двух месяцев, ожидая отправки на родину. Это было время свободы и надежды, мы отдыхали, танцевали, веселились... За это время мы забыли голод и лишения и жили ожиданием скорого свидания с родными. Несколько раз я посещала Шенштадт и навсегда попрощалась с его обитателями. К нам в лагерь приезжал представитель Советской Зоны. Он призывал нас возвращаться на родину, но держался с нами сухо и неприветливо.

Не вернулись на родину те наши девочки, которые нашли себе пару среди иностранцев, в основном голландцев и французов. Я слышала, что им пришлось преодолевать немалые трудности при выезде на родину их избранников.

Но их любовь преодолела все преграды. Подавляющее большинство вернулись на родину, но, к сожалению, мы не смогли долго сохранить между нами переписку.

В начале июня 1945 нас вывели из лагеря. Последний раз я видела лагерь Штаймбель (из вагонного окна), стоящий на высоком холме, и группу иностранцев, махающих нам руками на прощанье.

Так начался новый этап моего пребывания в Германии – возвращение домой. Но это уже другая история, происходящая за пределами земли Гессен.

*Бывшая «ostarbeiterin»
Зинаида Башлай
20.02.2002*

Ніна Андріївна НИКИТИНА (ДЕНИСОВА)

Я, Никитина Нина Андреевна. Это девичья фамилия, сейчас я Денисова Нина Андреевна, 1924 г., 21 января. Когда началась война, вскоре умер папа от голода, и мы остались с мамой, 2 дочери — Нина и Таня. Когда мы остались одни с мамой, у нас во дворе жили наши родычи, у них был сын, которого они спрятали, а нас отдали немцам и отправили нас с сестрой в Германию. Когда мы приехали в г. Целле на фабрику, первым делом нас решили накормить. Нас с Харькова было много, но я уж не помню, сколько человек. Я и сестра и остальные были моложе, а были с нами старше нас и разговаривали на немецком языке. Когда нам налили в миски еду, а она была с лушпаек картошки, наши старшие нам сказали брать ложки и стучать по столу, пока не привезут пищу, которая должна была соответствовать. Нам привезли суп, засыпанный звездочками, мы поели. Потом нас отвели в барак. На следующее утро нас охрана отвела на фабрику. Кто варил коконы, а кто работал за станками, а я подвязывала нить, которая обрывалась. Водили нас под конво-

ем, и, когда мы шли — на нас был значок OST, — все немцы узнавали нас, унижали нас. Нам еды не хватало, тем, чем они кормили, т. е. утром стакан кофе и кусочек хлеба, на обед миску супа, а вечером снова кофе и кусочек хлеба с маргарином. Но были и хорошие охранники, которые водили нас на пустые огороды, на которых оставались картофель, брюква, кольраби. Особенно в воскресенье мы подваривали себе суп и ели, но варили по очереди. А была охрана и плохая, вечно придирались к нам. Вообще жили в таких ужасных условиях, что, когда вспоминаешь, жутко делается. Болеть нельзя было. Ходили пешком на работу и с работы. Нас освободили американцы, но помощи от них особенной не было. Потом, когда начали бомбить, мы все убежали в лес. Я попала в Чехословакию, работала в госпитале на прачечной, т. е. руководила, чтобы вовремя было постирано белье и высушено.

Была угнана в марте 1942 года и вернулась домой в 1945 году в мае месяце.

Вот и все, что я могу написать о себе и всех. Кто там был, он знает, что это.

8/XI-2003 г.
Денисова

БІОГРАФІЧНІ ДОВІДКИ

Василь Степанович Чернобаєв: рік народження — 1918; місце народження — м. Донецьк; місце проживання — м. Харків; освіта — середньо-технічна; запис інтерв'ю — 21.02.2003

Борис Іванович Зіоменко: рік народження — 1923; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — середньо-технічна; запис інтерв'ю — 21.02.2003

Олександра Миколаївна Галкіна: рік народження — 1925; місце народження — Курська обл., Кривцовський р-н, с. Пересеп; місце проживання — м. Харків; освіта — середня; запис інтерв'ю — 01.04.2003

Зінаїда Іванівна Коваленко: рік народження — 1923; місце народження — Харківська обл., Близнюковський р-н, с. Близнюки; місце проживання — м. Харків; освіта — середня; запис інтерв'ю — 01.04.2003

Зінаїда Іванівна Карпенко: рік народження — 1927; місце народження — м. Запоріжжя; місце проживання — м. Харків; освіта — вища; запис інтерв'ю — 03.04.2003

Геннадій Андрійович Марченко: рік народження — 1926; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — вища; запис інтерв'ю — 03.04.2003

Антоніна Семенівна Ляшенко: рік народження — 1925; місце народження — Харківська обл., Золочевський р-н, с. Березівка; місце проживання — м. Харків; освіта — середньо-технічна; запис інтерв'ю — 03.04.2003

Лідія Кирилівна Буцька: рік народження — 1923; місце народження — Харківська обл., Валківський р-н, с. Велика Лиховка; місце проживання — м. Харків; освіта — середньо-технічна; запис інтерв'ю — 08.04.2003

Клавдія Михайлівна Чукович: рік народження — 1926; місце народження — Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — 7 кл.; запис інтерв'ю — 08.04.2003

Віра Омелянівна З: рік народження — 1924; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — середня; запис інтерв'ю — 08.04.2003

Галина Г.: рік народження — 1921; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — 4 кл.; запис інтерв'ю — 08.04.2003

Валентина Іванівна Кузьміна: рік народження — 1937; місце проживання — м. Харків; запис інтерв'ю — 10.04.2003

Алла Іванівна Федотова: рік народження — 1944; місце народження — м. Вупперталь, Німеччина; місце проживання — м. Харків; освіта — вища; запис інтерв'ю — 10.04.2003

Віра Іларіонівна Івченко: рік народження — 1925; місце народження — Белгородська обл., Грайворонський р-н, с. Козача Лисиця; місце проживання — м. Харків; освіта — 7 кл.; запис інтерв'ю — 27.05.2003

Зінаїда Петрівна Неклюдова: рік народження — 1924; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — 5 кл.; запис інтерв'ю — 27.05.2003

Віра Андріївна Перепелиця: рік народження — 1925; місце народження — Харківська обл., Краснокутський р-н, с. Константинівка; місце проживання — м. Харків; освіта — 3 кл.; запис інтерв'ю — 27.05.2003

Поліна Іванівна Єскіна: рік народження — 1926; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — вища; запис інтерв'ю — 29.05.2003

Георгій Володимирович Н.: рік народження — 1927; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — середня; запис інтерв'ю — 29.05.2003

Олексій Федорович Мамон: рік народження — 1924; місце народження — Харківська обл., Шевченківський р-н, с. Новий Лиман; місце проживання — м. Харків; освіта — середня; запис інтерв'ю — 29.05.2003

Олена Володимирівна Калашникова: рік народження — 1938; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — вища; запис інтерв'ю — 29.05.2003

Євдокія Федотівна Тимченко: рік народження — 1926; місце проживання — м. Харків; запис інтерв'ю — 05.06.2003

Анастасія Савеліївна Б.: рік народження — 1925; місце народження — Сумська обл., Штеповський р-н, с. Дмитрівка; місце проживання — м. Харків; освіта — 7 кл.; запис інтерв'ю — 05.06.2003

Зінаїда Володимирівна К.: рік народження — 1924; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — вища; запис інтерв'ю — 17.06.2003

Зінаїда Іванівна Томова: рік народження — 1927; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — 7 кл.; запис інтерв'ю — 19.06.2003

Юлія Андріївна Швайченко: рік народження — 1926; місце народження — м. Харків; місце проживання — м. Харків; освіта — середньо-технічна; запис інтерв'ю — 19.06.2003

Васса Іванівна Галустова: рік народження — 1923; місце народження — Сумська обл., м. Білопол'є; місце проживання — м. Харків; освіта — незакінчена вища; запис інтерв'ю — 24.06.2003

Раїса Дмитрівна Камчатна: рік народження — 1927; місце народження — Орловська обл., Долгоруківський р-н, с. П'ятницьке; місце проживання — м. Харків; освіта — вища; запис інтерв'ю — 24.06.2003

Зінаїда Іванівна Башлай: рік народження — 1914; місце народження — місце Белгород; місце проживання — м. Харків; освіта — вища; запис інтерв'ю — 24.06.2003

Тамара Сергіївна Сеніна: рік народження — 1925; місце проживання — м. Харків; запис інтерв'ю — 12.11.2003

Ганна Іванівна Федорченко: рік народження — 1924; місце проживання — м. Харків.

Олександра Іванівна Щербина (Понеділок): рік народження — 1924; місце проживання — Харківська обл., Близнюківський район, с. Бурбулатово

Ніна Андріївна Денисова (Нікітіна): рік народження — 1924; місце проживання — м. Харків.

ЗМІСТ

Час почути правду (Дімітрова З. І.)	5
Довгий шлях додому... (Борисенко Л. І.)	8
Усна історія — теорія, метод, джерело (Грінченко Г. Г.)	10

УСНІ ІСТОРІЇ

Василь Степанович Чернобаєв	34
Борис Іванович Зіоменко	45
Олександра Миколаївна Галкіна	53
Зінаїда Іванівна Коваленко	58
Зінаїда Іванівна Карпенко	62
Геннадій Андрійович Марченко	71
Антоніна Семенівна Ляшенко	91
Лідія Кирилівна Буцька	94
Клавдія Михайлівна Чукович	99
Віра Омелянівна З.	109
Галина Г.	114
Валентина Іванівна Кузьміна	118
Алла Іванівна Федотова	123
Віра Іларіонівна Івченко	132
Зінаїда Петрівна Неклюдова	136
Віра Андріївна Перепелиця	138
Поліна Іванівна Єскіна	141
Георгій Володимирович Н.	147
Олексій Федорович Мамон	149
Олена Володимирівна Калашникова	152
Євдокія Федотівна Тимченко	154
Анастасія Савеліївна Б.	158
Зінаїда Володимирівна К.	163
Зінаїда Іванівна Томова	168
Юлія Андріївна Швайченко	176
Васса Іванівна Галустова	187
Раїса Дмитрівна Камчатна	192
Зінаїда Іванівна Башлай	198
Тамара Сергіївна Сеніна	207

СПОГАДИ

Ганна Іванівна Федорченко	216
Олександра Іванівна Понеділок (Щербина)	223
Зінаїда Іванівна Башлай	227
Ніна Андріївна Никитина (Денисова)	232
Біографічні довідки	233

Наукове видання

НЕВИГАДАНЕ
Усні історії остарбайтерів

Автор-упорядник
ГРІНЧЕНКО Гелінада Геннадіївна

Художній редактор *С. Е. Кулинич*
Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*
Коректор *Н. С. Дорохіна*

Свідоцтво № 0459243Ю0026703 від 10.07.2002

Підписано до друку 22.09.2004. Формат 70×100/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Гарнітура FreeSet. Умов. друк. арк. 19,0. Наклад 500 прим.

Видавничий Дім «Райдер»
вул. Артема, 4, м. Харків, 61002 Україна
Тел./факс: (057) 706-39-21, факс: 706-39-25, 706-39-62
E-mail: info@rider.com.ua Homepage: <http://rider.com.ua>

Der 350.000.
ukrainische Arbeiter
fährt nach Deutschland

350-ТИТІСЯЧНИЙ

УКРАЇНСЬКИЙ РОБІТНИК
ЇДЕ ДО НІМЦЬКИНИ

